

СВЕТЛАНА

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

УСПЕНСКАЯ

**ЛИНИЯ ЖИЗНИ –
ЛИНИЯ СМЕРТИ**

Boston Public Library
Boston, MA 02116

X

СВЕТЛАНА

■ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН ■ Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

УСПЕНСКАЯ

Роман «Линия жизни — линия смерти» написан на основе реальной истории, которая облетела все агентства мира. <...> Линия судьбы делает такой причудливый изгиб, что скромная библиотечарша превращается в современную амазонку.

«Трибуна»

В мощном хоре отечественного женского детектива книги Светланы Успенской занимают особое место. Их трудно спутать с другими. Прозу Успенской отличает хороший стиль и отсутствие надоевших и переходящих у других авторов из книги в книгу штампов, ее герои не вырезанные из картона двумерные фигуры, а полноценные, с яркими и запоминающимися характерами люди.

«Тверская, 13»

Эти детективы уверенно завоевали книжный рынок, что неудивительно. Женщины вынуждены один на один противостоять действительности, и героини Светланы Успенской, которым это удастся, вызывают всеобщий интерес.

«Досуг»

*В издательстве «Центрполиграф»
выходят романы
Светланы Успенской*

БОЛЬШАЯ СПЛЕТНЯ
ГОЛАЯ ПРАВДА
КАКОГО ЦВЕТА НОЧЬ?
ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

СВЕТЛАНА

■ КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

ЦЕНТРОЛИГРАФ

УСПЕНСКАЯ

ЛИНИЯ ЖИЗНИ —
ЛИНИЯ СМЕРТИ

Роман

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У77

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Электронный адрес автора
uspenskaya@comail.ru

Успенская С.
У77 **Линия жизни — линия смерти: Роман. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2004. — 414 с.**

ISBN 5-9524-1268-8

Линия жизни порой петляет так витиевато... Когда Люся Лапко уехала с мужем в Австралию, она надеялась на лучшую жизнь. Но муж оставил ее без средств к существованию, и тогда Люсю подобрал «преуспевающий писатель» Джон Уиллик, предложив стать его помощницей. Однако помогать ей пришлось совсем в другом деле — в ограблении банков. И скоро Джон с Люсей становятся знаменитыми грабителями, но судьба делает очередной поворот — и теперь она должна вытащить его из тюрьмы...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-9524-1268-8

© С. Успенская, 2004
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф», 2004
© ЗАО «Центрполиграф», 2004

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Роман

Digitized by the Internet Archive
in 2016

Часть первая

ПРОЛОГ

Глава 1

— Вы ничего не знаете о ней, ничего...

Ее глаза выглядят тусклыми. В них, точно луна из-за темного облака, проглядывает застенчивая слеза.

Она тоскливо смотрит в окно, за которым накрапывает унылый июньский дождь, тяжело вздыхает. Ее страдальческий взор старательно избегает моего пытливого взгляда — так дикий, неприрученный зверь боится глядеть в глаза человеку.

Седая с рыжиной прядь падает на лицо, придавая ему неряшливое, опустившееся выражение. Выцветшие губы еле заметно шевелятся.

— Вы ничего не знаете о ней, ничего... — Ее голос предательски дрожит, грозя сорваться в истерический плач, всхлипывание, в безудержные рыдания. — Вы все против нее, все... И он... Он всегда ненавидел ее, я знаю, всегда... Если бы не он, ничего бы не было.

Она вновь вздыхает — шумно, с присвистом, и ее расширенные глаза смотрят куда-то вдаль сквозь меня.

Я незаметно лезу рукой в спортивную сумку, которая лежит на коленях (стоило больших трудов отказаться оставить ее при входе) и нажимаю кнопку «стоп». Диктофон перестает фиксировать мелодраматические вздохи и бессвязные обвинения — пленку нужно экономить, вдруг ее не хватит для самого главного. Кто знает, может, мне все же удастся разговорить эту женщину. Вот тогда начнется настоящая работа.

А она сидит на стуле напротив меня, смотрит отсутствующим взглядом в окно, и ее лицо неприятного землистого цвета смутно белеет в сумраке комнаты. Синеватые старческие губы беспомощно шевелятся, бессвязно повторяя:

— Вы ничего не знаете о ней, ничего...

Преодолевая собственное равнодушие, я беру в свою руку ее холодную ладонь (узловатые вены под дряблой кожей похожи на корни старого умирающего дерева) и как можно мягче произношу:

— Но ведь я пришел сюда именно затем, чтобы больше узнать о ней. — Мои губы растягиваются в сочувственной улыбке.

Она внезапно возвращается на землю из своей потусторонней задумчивости и испуганно глядит на меня. Наверное, я кажусь ей существом из другой жизни, из другого мира. Водянистый ускользающий взгляд с трудом фокусируется на моем лице.

— Мне хотелось бы как можно больше узнать о ней... — Мой голос звучит мягко и вкрадчиво. При желании в нем можно различить даже искреннее желание помочь и непритворное сочувствие. Но это сочувствие профессиональное, и только опытный человек сможет уловить нюансы. — Вы расскажете мне о ней?

Она поправляет за ухо сползшую на лоб серую прядь. И еле заметно кивает:

— Да...

Я осторожно выпускаю ее ладонь из своей — мне нужна свободная рука, чтобы в тот миг, когда воспоминания польются из нее рекой, включить диктофон.

— Что вы хотите знать о ней?

— Все, абсолютно все... Все, что вы сами захотите мне рассказать. — Мой голос еще звучит с кошачьей мягкостью, но в нем уже чувствуется металлическая репортерская твердость.

Моя собеседница колеблется. Я понимаю ее. Ей трудно быстро перенестись из мрачного настоящего в чарующее розовое прошлое. Почти невозможно.

— Но я ничего не знаю о ее жизни там, — растерянно говорит она. — Я знаю только то, что она мне писала. Я ничего не знаю об этом... о человеке, с которым она... — Моя собеседница не договаривает.

Видно, что ей тяжело разговаривать. С одной стороны, мне жалко эту пожилую женщину. Чисто по-человечески я ей сочувствую. Но с другой стороны, во мне начинает поднимать голову еле ощутимое раздражение. Сколько еще придется выслушивать эти вздохи.

Я уже начинаю подумывать о том, как бы поскорее уйти. В принципе у меня и без того достаточно материала. Кое-какие переводные статейки из тамошней прессы, из «Сидней морнинг геральд», из русской эмигрантской газеты «Австралийские ведомости» и, наконец, совершенно убойный материал — эксклюзивное интервью с бывшим мужем Люси, полученное по Интернету.

Вообще-то без разговора с родителями Лапко всего этого недостаточно. Не создается, так сказать, цельный образ героини. Исследовав лишь одну точку зрения, трудно претендовать на объективность. Понять то, что совершила эта женщина, невозможно, если не знать всю ее жизнь за предыдущие тридцать с лишним лет. Как она росла, чем занималась, какое у нее было детство, чем увлекалась, кто были ее друзья? Что она вообще такое, эта Людмила Лапко? Почему, в конце концов, она сделала это? Тихоня, домохозяйка, типичный синий чулок, книжная девочка... В тихом омуте, говорят знающие люди, черти-то и водятся! А может, она обыкновенная русская сумасшедшая, волею судеб вырвавшаяся из судорожной московской толчеи на просторы зеленого континента.

Почему кривая дорожка завела ее в толстые бетонные стены тюрьмы? Может быть, в этом виновата линия ее жизни? Может, запечатленная еще на младенчески пухлой руке, эта линия еще с детских лет предвещала ей подобную судьбу?

— У вас есть ее детские фотографии?

Очнувшись, женщина, сидевшая напротив меня, тяжело поднялась и неуклюже, по-утиному переваливаясь

с ноги на ногу, приблизилась к огромному шкафу, подпиравшему потолок.

Пока она рылась в бумагах, я размышлял. Надо бы приложить к статье черно-белые детские фотографии в стиле ретро — все это придаст материалу утонченный привкус достоверности. Еще можно отыскать друзей Люси, ее школьных подруг, сослуживцев, просто соседей, и это тоже что-нибудь даст... И еще...

— Вот...

Пухлый альбом распался на отдельные снимки. По полированной глади стола разлетелись черно-белые прямоугольники, на которых смеялись, улыбались, обижались и просто тихо смотрели в никуда неизвестные мне люди.

— Вот... — повторила она и дрожащими пальцами, от которых исходил еле различимый запах чего-то лекарственного, протянула мне фото. — Это Люсенька в первом классе...

Мутное улыбчивое лицо, выглядывающее из-за огромного букета гладиолусов. Темное платье и белый фартук. Банальные бантики — привет из ностальгического советского прошлого (я усмехнулся про себя — когда моя дочка пойдет в первый класс, она уже, хвала Господу, будет избавлена от этих умильных атрибутов советской школы).

— А это она в детском саду. Мы тогда жили на Дальнем Востоке, отец служил в вертолетной части под Хабаровском. Она была такая непоседа...

Моя рука незаметно юркнула в спортивную сумку, гревшую колени, и диктофон закрутился, прилежно фиксируя сбивчивые воспоминания.

— Лилия Андреевна. — Мой голос звучит очень проникновенно. — Скажите, а какой ваша дочка была вообще? Ну, я имею в виду характер, темперамент и все такое... Я вот все думаю в последнее время: что толкнуло ее на это? Ведь не с бухты-барухты она решилась, было же что-то в ее прошлой жизни, что, так сказать, подвигло... Но что?

— Что? — Ее лицо вновь омрачилось. Пальцы, сжимавшие фотографию, ощутимо задрожали. — Не знаю. Не могу сказать... Мне трудно... Какой она была...

Очень, очень хорошей девочкой. К нам уже и телевидение приезжало, все спрашивали о ней... Я уж и не знаю, как отвечать. Очень хорошая она была. Но характер у нее был... ну как омут — вверху тишь да гладь, под водой все водовороты да тайные течения. Она была...

«Она была...»

В лицо точно дохнуло еле ощутимым холодком. Мы говорим о ней в прошедшем времени, как будто бы ее уже нет на свете. А ведь она жива! Конечно жива. И находится в отделении для особо опасных преступников сиднейской тюрьмы Сильверуотер.

Она жива, она дышит, она существует. Но для нас ее почему-то нет. Даже для ее родителей, которые поверили в ее виновность последними. Даже для тех, кто в глубине души не верит в ее вину и сейчас, вопреки здравому смыслу и фактам. Они не верят в ее вину и одновременно не верят в то, что она жива, — парадокс!

Я понимаю их. Она умерла для них еще тогда, шесть лет назад, когда объявила, что уезжает с мужем и дочкой в далекую Австралию. Уже шесть лет она для них не существует, хотя все это время писала им письма, разговаривала с ними по телефону, присылала посылки со случайными знакомыми, ехавшими в Москву.

Конечно, по сравнению с накалом предвыборных страстей история Люси Лапко не идет ни в какое сравнение. Она лишена интригующей подоплеки в виде многомиллиардных хищений и закулисных интриг. Самое главное, она лишена перспективы. В ней уже все ясно: итог подведен, конец известен. Эта история заранее обречена на неудачный конец, но от этого не становится менее загадочной.

А все-таки я не могу понять, как она решилась на такое. Этот вопрос не дает мне покоя, и я должен найти на него ответ.

Волка ноги кормят — это же относится и к журналистам. Пришлось изрядно побегать, прежде чем удалось откопать адрес Марины Любимской. Эту да-

мочку рекомендовали мне как лучшую подругу Люси Лапко.

Мне стало известно, что Марина бросила работу и переквалифицировалась в домохозяйки. Вышла удачно замуж за какого-то нового русского и теперь блаженствует, сидя на чемодане с баксами. Интересно только, где она подцепила своего богатенького буратину?

Я сделал предварительный звонок, чтобы прощупать почву.

Ее голос в трубке журчал приветливо и интригующе. Если внешность моей собеседницы соответствует голосу и манере разговаривать с незнакомыми мужчинами по телефону... С фантазией у меня всегда был полный порядок, и поэтому от разыгравшегося воображения даже закружилась голова.

— Пожалуйста, в любое время! — проворковала Марина. — Буду рада!

И по ее интонации я действительно поверил, что она рада меня видеть!

Добираться до коттеджного поселка, где жила моя реципиентка, оказалось ужас как неудобно. Общественный транспорт туда ходил редко, а таксисты ломили цены — считается, что посещать коттеджный поселок, где живут богатеи, могут только люди, у которых карманы ломятся от денег.

Миновав охрану, вскоре я уже топал к дому под черепичной крышей, возле которого мокла под дождем спортивная машина неизвестной мне породы.

— Проходите... О, да вы совсем промокли!

Моя фантазия меня действительно не обманула. Марина Любимская выглядела сногшибательно! Если бы у нас в стране все работницы библиотек были такие, посещаемость этих общественно полезных заведений, думается мне, существенно возросла бы. На ней был пеньюар, напоминавший газовое облако, и туфли на высоких каблуках. Длинные черные волосы и пронзительные глаза. И незабываемый воркующий голос.

— Зачем же вы пожаловали? — спросила она, обворожительно улыбаясь. — Надеюсь, Люся — это только предлог?

— Нет, это повод, — в ответ усмехнулся я. Чашка ароматного кофе обожгла заledenевшие пальцы. От тепла и уюта стало клонить в сон. — Я приехал узнать что-нибудь о вашей подруге.

— Интересно, почему она вас интересует. — Марина пожала плечами. В голосе ее послышалось чуть уловимое раздражение.

— Я объясню. — Диктофон стал прилежно отматывать первые метры пленки. — В общем-то я задумал цикл статей об эмигрантах третьей волны и сейчас подбираю материал. Это будет не столько статья, сколько исследование. Я хотел бы, чтобы вы рассказали мне о своей подруге. Какой она была?

Марина нервно щелкнула зажигалкой. Вопрос повис в воздухе.

— Какой она была? — Она высокомерно пожала плечами. — Даже не представляю, что вас интересует... Она была обыкновенной!

Я ждал продолжения. Но Марина вовсе не собиралась продолжать свой монолог. Сигаретный дым свивался в воздухе сиреневыми кольцами, на большом пальце стройной ноги маятником покачивалась туфля.

— И вообще, смешно думать, что о Люсе можно писать статьи! — В голосе ее звучало раздражение, прикрытое злой усмешкой. — Да господи, она же обычная провинциальная девчонка! Ну конечно, она была моей подругой, и я ее очень любила, но дружба дружбой, а... Не представляю, чего это вы вздумали о ней писать... Напишите лучше обо мне!

Ее красивые миндалевидные глаза игриво прищурились, а узкая рука, струящая иноземный аромат, легла поверх моей ладони. Если это не призыв, то что же, решил я. Но сделал вид, что ничего не заметил.

— А как вы считаете, почему она решилась на это?

— На что? — Мою ладонь чуть заметно царапнули остро заточенные коготки. — Смешно думать, что она

на что-то решилась! За нее всегда решал муж. Муж сказал, поедem в Австралию жить — и она покорно сложила лапки. Для нее слово Алексея — закон.

— Неужели? — усомнился я.

— Не сомневайтесь! — Насмешливая улыбка искривила алые губы моей собеседницы. — Уж кто-кто, а я Люсю отлично знаю! Четыре года в общежитии бок о бок провели, потом работали вместе. Вот Алексей — это да! Он способен наломать дров, если ущемить его самолюбие. А Люся... Господи, да она, образно говоря, это тихая заводь, укрытая высокими берегами семьи от жизненных бурь.

Марина налила в бокал, стоявший на столике, немного коньяка из пузатой бутылки и залпом выпила. Ее губы дрожали, лицо истерически побледнело.

Чего это она так распсиховалась?

— А вообще-то... — Ее темные глаза с расширенными зрачками уставились куда-то вдаль. — На самом деле... Просто я до сих пор не могу ей простить, что она уехала. Я ведь ее так любила...

— Лучшая подруга, что-то в этом роде? — Я понимающе кивнул.

— Ничего вы не понимаете! — раздраженно откликнулась она. — Я ее любила...

Любила... Была... Этот похоронный разговор в прошедшем времени уже был мне в тягость. Я поднялся.

— Что ж, большое спасибо за беседу. Мне пора.

Она вскинула на меня свои бесовские темные глаза.

— И чего вы носитесь с ней как с писаной торбой? Что вы все шепчете «Люся, Люся...». Что, вы ее знали? Были влюблены? — Ее лицо покраснелось, движения стали резкими, порывистыми.

Все ясно, она перепила коньяку. Очевидно, та рюмка была не первой за вечер. Я счел за благо не отвечать на дурацкие вопросы. Влюблен — пожалуй, но в ее поступок. Поступок нехарактерный для серенькой советской мышки, воспитанной на романах Тургенева и сочинениях о Наташе Ростовской. Совершенно нехарактерный. Именно этим меня и привлекает ее история...

Она неожиданно приблизилась ко мне и облила горячим цыганским взглядом. Чуть приоткрытые губы заметно подрагивали, а грудь вздымалась в опасной близости от меня.

— Оставайтесь, мы еще поболтаем с вами о том о сем... Выпьем коньячку по маленькой. А? — Она визгливо расхохоталась мне в лицо. — И поговорим о вашей замечательной Люсе! О том, какой она была!.. Да, была! Ведь будущего-то у нее нет, а?

Ее хохот звучал надрывно и совсем не походил на смех. Я почувствовал, что сейчас она или разрыдается, или бросится мне на шею, и потому поспешил откланяться. За моей спиной слышались бряканье бутылки о край стакана и звук льющейся жидкости.

Мне не удалось узнать у нее ничего нового. Совершенно ничего!

Огромное мрачное здание, похожее на склеп для античного циклопа, выступило навстречу из пелены дождя. Мы договорились встретиться с Татьяной Льяшенко при входе в Ленинку. Нескончаемый автомобильный поток поворачивал на Воздвиженку с Моховой, блестя мокрыми боками. Запах гари мешался с запахом дождя. Мрачная громада Кремля ворочалась в тумане, врезаясь зубчатыми башнями в низкое небо. Челюсти свело зевотой — в такую погоду меня всегда клонит в сон. А в Австралии сейчас весна. Какая там весна, интересно? Цветут ли там яблони или что-то в этом роде?

— Вы Александр Карташов? — Мои размышления прервал негромкий женский голос.

Я обернулся на звук.

Татьяна оказалась скромного вида женщиной лет сорока, с тщательно приглаженными к вискам волосами и спокойным взглядом зеленоватых глаз.

— Может быть, пойдем в метро? — предложила она. — Там хорошо разговаривать. Сухо и тепло.

— Лучше в «Елочку», — предложил я, имея в виду небольшое кафе неподалеку.

Она была так не похожа на Марину — олицетворенная скромность.

— Я хотел поговорить с вами о Люсе Лапко.

— Да, я поняла. — Она кивнула. — Но я ничего не знаю о ней. Что там с ней случилось в Австралии? Она в кого-то влюбилась там, кого-то убила, кажется... Так, да?

— Не совсем. Она просто пыталась его спасти...

Мы уселись на скамеечку в метро. Мимо нас с эскалатора скользил непрерывный людской поток. Он разделялся на ручейки, втекал в переходы, расплывался по платформе.

— Она была очень хорошим человеком. Мы с ней вместе занимались в Школе верховой езды у знаменитого Козлова. Ну, вы, наверное, слышали о нем. Известнейший наездник семидесятых годов.

— Нет, — честно признался я.

— Она была очень сильной личностью. Очень! — Татьяна четко и отдельно выговаривала слова, точно отличница, отвечавшая у доски.

— Я слышал диаметрально противоположное мнение. Кое-кто говорит, что она нос боялась высунуть из-за спины мужа.

Отрицательное покачивание головой было мне ответом.

— Если она чувствовала, что проигрывает, это ее только подхлестывало. Она отрабатывала каждый элемент выездки до тех пор, пока сама не валилась с лошади и лошадь не валилась с ног. Нет, что ни говорите, у нее был характер. Она была сильной... А теперь... Все же прошло восемь лет! Скажите, а этот человек действительно был знаменитым писателем? Наверное, очень богат... Хотя для нее деньги никогда не имели особого значения...

Все говорят о ней «была» — родители, друзья, все. Как будто никто не знает, что она есть! Что она жива, даже если и находится в данный момент на другом кон-

це земного шара, в тюрьме. В тюрьме, из которой у нее нет шансов выйти на свободу. Если кто-нибудь не даст ей этот шанс.

Кто? Только не я. Хорошо, что не я. Я не могу ей дать этот шанс.

В конце концов я почувствовал, что запутался. Одни говорят: пай-девочка, которая за свою жизнь и мухи не обидела. Другие уверяют, что женщина-камень, из тех, что коня на скаку и прочее... Истина обычно находится посередине.

Когда я заглянул в приемную, главный редактор, как всегда, висел на телефоне, а его секретарша заваривала кофе. Способ старый и достаточно верный — просочиться за ее спиной в кабинет к главному, минуя нетерпеливых посетителей, томящихся от скуки.

— Ну что тебе? — Главный на секунду оторвался от трубки, но тут же присосался к ней вновь. — Что-что? Саммит в Окленде? Не знаю, не знаю... Нет, средства не позволяют. Рекламодатели сворачивают объем рекламы, мы горим... Хотя это, конечно, интересно... Но очень уж далеко...

Я наострил уши. Окленд — это Новая Зеландия. Со всем недалеко от Австралии. Тоже где-то на краю света. А что, если...

— Ну чего тебе, Карташов?

Как насосавшийся крови клоп, главный наконец отвалился от трубки, но раскалившийся телефон заорал вновь, как только трубка коснулась рычажка.

— Я насчет Новой Зеландии.

— Что-что?

— Согласен туда поехать.

Такой наглости подивился бы любой. Но не наш главный.

— А кофе тебе в постель не подать? — рявкнул он. — Забудь об этом! Иди работай.

— Нет, я серьезно, Евгений Васильевич. У меня материал не идет об Австралии. Я мог бы заодно...

— С ума сошел! Ты знаешь, сколько это стоит? Разговор окончен.

Он опять потянулся к трубке. Но я даже не пошевелился, чтобы уйти.

— Это будет эксклюзивный материал. У меня есть видео и прочие документы. Можно было бы смонтировать небольшой фильм и толкнуть его ТВ, у меня там связи. Это было бы и рекламой нашего журнала. Тиражи в последнее время сами знаете какие.

Тираж — болезненное место нашего главного, и я давил на него что есть силы.

— А деньги откуда? — наконец он иронически хмыкнул — и это было уже победой. Мог бы просто выгнать меня.

— Может быть, Дубровинский сможет финансировать нас?

Дубровинский — это один богатый дяденька, в нагрудном кармане которого помещался весь наш журнал. А в кармане его пиджака — еще три газеты, два телевизионных канала и десяток нефтяных компаний.

Главный посмотрел на меня в упор.

— Толай отсюда, Карташов. Знаешь, сколько желающих прокатиться на халаву в Новую Зеландию? Я, кстати, сам из их числа.

— Но ведь я...

— Вон!

В этом мире ничто не делается прямыми путями, кавалерийским наскоком. Пришлось немного схитрить. Но все это ради пользы дела — подобная мысль очень утешает во время самого отъявленного мошенничества.

А помогли мне, как всегда, связи. Мой приятель Мишка Банщик работает в Министерстве информации. Не министром, конечно. Чинит компьютеры и телефоны. И факсы тоже. Именно на факсы я особенно и рассчитывал.

Мишка, как всегда, сидел в своей каморке, обложенный проводами, отвертками и платами. Возле него

противно воняло канифолью — какой-то потусторонний запах, не выношу его. Мне кажется, так должно пахнуть в аду.

— Нужно отправить вот эту бумажку. — Я сунул ему отпечатанный на компьютере текст.

— Это что?

Обычно он бывал гораздо менее любознательным.

— Да так, розыгрыш. — Я небрежно махнул рукой. — Ну что, сможешь?

Мишка молча кивнул — это означало согласие.

Утром, как только я переступил порог своего отдела, меня весело окликнула Леночка. Она ведала у нас спортивными новостями и рубрикой «Кто почему». У меня с ней были приятельски-любовные отношения, не заходившие, впрочем, дальше коротеньких поцелуев в щечку.

Округлившиеся глаза Леночки напоминали пятаки.

— Тебя главный обыскался! — затараторила она. — Что-то ужасно срочное и важное! Беги!

Срочность могла означать лишь одно: пришел факс из Министерства информации, в котором редакции журнала «Пламя» предлагалось выслать данные заграничного паспорта Александра Карташова с целью оформления визы для поездки в Окленд в составе журналистской делегации.

Когда я вошел в кабинет, главный, как всегда, орал что-то в трубку. Увидев меня, он сделал страшные глаза и пригвоздил меня взглядом к полу.

— Что, Карташов, нажал на нужные кнопки? — спросил он с хитрым прищуром.

— Нажал, — честно ответил я, глядя нахальноватым взглядом в глаза шефа.

Лицо его заметно перекосилось.

— Не знал, что у тебя связи в министерстве... — хмыкнул он.

Я скромно промолчал. Лишняя информация в данном случае только повредит.

— Ладно, — помолчав, вздохнул главный. — Твоя взяла. Загранпаспорт отдай секретарше. Поездку оплатим из резервного фонда Дубровинского. Но смотри, с тебя от-

менный материал! И насчет той русской... Мне нужна сенсация! Но сенсация, не высосанная из пальца, а...

— Будет сделано! — ответил я, направляясь к обитым дерматином дверям.

Итак, не более чем через месяц у меня будет шанс разобраться во всем самому. Я не сомневался, что мне это удастся. Надо заранее связаться с адвокатом Лапко, чтобы узнать насчет возможности свидания в тюрьме. Интервью у «летающей любовницы», как называла мою героиню австралийская пресса, — для меня то, что доктор прописал! Этот материал, без сомнения, сделает мне имя.

Я погрузился в мечты. Было бы неплохо поговорить с самой Лапко и с ее мужем. Может, и с Уилликом... Да, тогда, пожалуй, материала на целую книгу наберется.

Но это потом. Для начала я опубликую серию репортажей о жизни русских в Австралии, а потом, отсняв фильм, пусть даже и любительской камерой, дам материал на ТВ. Ну а затем настанет очередь книги.

А дальше? Если удастся прорваться на ТВ, то моя карьера будет выглядеть как старт межконтинентальной ракеты — вертикально вверх...

Дело осталось за малым — мне позарез нужен материал! Пусть героиней ее станет Людмила Лапко.

Глава 2

Как мучительно находиться в этой аккуратной, комфортной камере, чьи окна выходят на унылый асфальтовый двор! Ее раздражает все — и жизнерадостное небо, залитое яркой лазурью, и легкомысленные барашки облаков, лениво ползущие к невидимому горизонту. Ее пугает и неторопливое шарканье заключенных, бредущих по тюремному коридору, их неуклюжие деревянные шутки, смешки по вечерам в клетках и вежливые, но требовательные окрики конвоя. Все эти звуки сливаются для нее в одну сплошную пеструю музыку, которая расплавленным свинцом вливается в уши.

Заткнув уши, она валится на постель, аккуратно заправленную суконным одеялом, закрывает глаза и пытается переместиться в иной мир. В мир, полный цветов и запахов, полный грез и волшебных предчувствий, полный лишений, но и счастья обретения тоже.

— А он?.. Где сейчас он? — с тоской прошептала она и до боли закусила губу.

Она больше никогда не увидит его. Их судьбы, сплетясь на короткое время, тут же разъединились, чтобы, вероятно, больше никогда не слиться вновь. А тот, другой... Он весел, доволен. Он на свободе. Давняя обида вспыхнула с новой силой.

— Ненавижу! Если бы не ты, то мы никогда бы не попались! — беззвучно выкрикнула она в звенящую тишину камеры, словно отталкивая от себя что-то болезненное, ужасное, и захлебнулась криком. Он все равно ничего не услышит, а ее телепатические сигналы не проникают сквозь стены и расстояния...

Она закрывает ладонями лицо, точно старается преградить неприятным воспоминаниям доступ в воспаленную голову. А во дворе, под бирюзовым куполом неба, слышны унылые женские голоса, напевающие старую каторжную песню «Waltzing matilda».

Она уже не раз ее слышала... В ней с сильным австралийским акцентом пелось не о вальсирующей девушке Матильде, как могло показаться поначалу, а о том, как когда-то в старые добрые времена один бушрейнджер¹ воровал овец возле биллабонга², а потом, когда его настигла полиция, предпочел смерть заключению в кутузке и гордо утопился в речке.

Эта тоскливая песня считается чуть ли не официальным гимном Австралии. Сначала Людмила недоумевала, при чем тут Матильда? Алексей же, знавший местные реалии куда лучше нее, объяснил со знанием дела: матильдой называется скатка, завернутые в серо-голубое одеяло пожитки бродяги-сезонника, а «ту уок —

¹ Б у ш р е й н д ж е р — разбойник или беглый каторжник.

² Б и л л а б о н г — временные пруды в пересохших во время засухи руслах рек в буше.

волс матильда» означает бродить по глубинке и таскать эту скатку на себе, а вовсе не танцевать вальс.

В ее обострившейся памяти постепенно всплыл вечер, когда она впервые услышала эту песню...

Однажды бродяга веселый и честный за речкою
сделал привал,
Сидел у костра и насвистывал песню, тихонечко
так напевал:
«Под тенью кулибы¹, скалою отвесной, везде
мошкара или зной,
Пойду по дороге, куда — неизвестно, и только
матильда со мной»².

Тогда они только приехали в эту страну и собирались прожить здесь всего полгода. Тогда у них все еще было более-менее нормально, и ничто не предвещало грядущей катастрофы.

Был тихий теплый вечер. Они сидели на низкой тахте в только что задешево снятой тубедрумной квартире³, а в соседней комнате сопела пятилетняя Верочка. Жизнь на новом месте уже более-менее устаканилась — Леша только что вышел на работу, а сама Люся начала посещать занятия на курсах английского языка при Русском этническом сообществе. И все было замечательно: в холодильнике полно еды, в морозилке охлаждалось пиво, на улице вступала в свои права жаркая австралийская весна, в то время как в промозглой, унылой Москве сводки погоды обещали мокрый снег и гололедицу. И впереди была целая жизнь, сулившая радость и счастье.

— Да ведь это перевод нашего «Славное море, священный Байкал»! — воскликнула Люся, услышав по телевизору «Танцующую матильду».

¹ К у л и б а — дерево, характерное для австралийской полупустыни.

² Once a jolly swagman by a billabong,
Under the shade of a coolibah tree,
And he sang as he watched and waited till his billy boiled
You'll come a waltzing matilda with me.

³ Т у б е д р у м н а я к в а р т и р а — квартира с двумя спальнями и общей комнатой.

— Ну да, — подхватил Леша. — Точно! — И пропел, отчаянно фальшивя: — «Эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалечко...»

— Или что-то вроде песни о славном Кудеяре-атамане... Слушай, здесь почти как у нас, в «Раше» — песни про разбойников и все такое...

— Еще бы, — отозвался Алексей. — Ведь Австралия всегда была огромной английской тюрьмой, куда ссылали самых отпетых разбойников, каторжников, пиратов. Понимаешь, в принципе здесь обычные, нормальные люди, в смысле не уголовники, появились в основном только после открытия запасов золота, а до того Австралия была тюрьмой, колонией, каторгой, выгребной ямой Англии, а большинство ее населения — изгоями общества, настоящими или бывшими каторжниками, в лучшем случае — их охранниками.

— Значит, мы живем в тюрьме, — усмехнулась Люся, с внезапной нежностью прижимаясь к мужу.

Тот самодовольно усмехнулся, отхлебнув пива, и обвел руками комнату, которая выглядела совсем шикарно по сравнению с той хрущевкой в Черемушках, где они прожили несколько лет вместе с Лешиными родителями, ютятся втроем в крошечной комнатке...

— В такой «тюрьме» многие мои приятели не отказались бы получить пожизненное заключение...

И он продолжал самодовольно разглагольствовать, щурясь на бокал с пивом «Купер», над которым застыла устойчивая белая шапка пены.

— Так вот что я хочу сказать... По-моему, отсюда следуют и национальные черты характера австралийцев. В последние двести лет высшими достоинствами считались те же, что и во всяких тюрьмах, что и в наших советских лагерях: втереть очки начальству, прихватить, что плохо лежит, протащить в барак запретную выпивку, прекратить работу, как только отвернется конвой... Поэтому главный принцип существования местных жителей: не будь «умником», не лезь поперед батьки, не старайся выделиться, ты не хуже, но и не лучше дру-

гих. Если у тебя проблемы — no worries!¹, нормалек, рассосется, не бери в голову! Здесь с японцами с их культом собственного предприятия или с американской гонкой никакого сравнения, темп раза в два ниже. Меня сразу наши эмигранты предупредили: попробуй выдвинуться среди коллег с разными «рацпредложениями» — не успеешь и понять, за что вылетел. Если возникают проблемы, австралиец улыбается от души, искренне бросает «f...ing worries» и идет в паб, или на рыбалку, или на пляж — авось все и кончится хорошо без всяких усилий... Кстати, часто так оно и выходит. Посему народ здесь довольно дружелюбный. Я это сразу понял по тому, как меня приняли на работе. У всех искренняя улыбка до ушей, точно они всю жизнь ждали, когда им привалит счастье поработать со мной. И поэтому у меня есть надежда на быструю карьеру на фоне всеобщего пофигизма..

— А все-таки мне как-то не по себе, как подумаю, что мы заперты на этом острове до конца жизни, — с внезапной тоской, точно за много лет предчувствуя беду, вздохнула Люся. — Но мы-то с тобой получили пожизненное заключение вполне добровольно и даже целых два года отчаянно сражались за право быть в этой тюрьме...

Уязвленный ее словами, Леша вскочил и взволнованно заходил по комнате. Он был раздражен.

— Ну вот, опять началось нытье... Ну что тебя не устраивает? Ну что, что? — Его небольшое продолговатое лицо с острыми, как у хорька, чертами исказилось злой гримасой. — В Москве ты ныла, что там невозможно жить, в магазинах ничего нет, люди злые, квартиры нет, шмоток нет... А здесь чего тебе не хватает? Хата огромная, жратвы полный холодильник, одежда отличная, причем не «Москвошвея». У меня есть работа. Что тебе еще нужно? Эмиграция — это как-никак другое полушарие! Мы здесь действительно пожизненно.

Пожизненно!..

¹ Не переживай! (англ.)

...Теперь, лежа на узкой койке в белой, чистой камере-одиночке, она вспоминала тот ужас, который охватил ее при этих словах. Это был редкий миг, когда будущее на долю секунды соединилось с настоящим, когда судьба раскрыла свои карты, дав одним глазком взглянуть, что ждет впереди.

А теперь ей действительно предстояло пожизненное заключение. Впрочем, на суде ей дали только шестнадцать лет. Только!.. Адвокат объяснил, что если она будет себя хорошо вести, то ее выпустят раньше.

Шестнадцать лет! При мысли об этом Люся сжала виски руками и громко застонала.

Ей будет пятьдесят пять. Уже старуха. Древняя старуха с раздувшимися от работы в тюремном саду венами на ногах, с пегими паклями, в которые превратится копна ее золотистых волос, с тусклым взглядом, вечно опущенным в землю — чтобы не встретиться глазами с кем-нибудь из заключенных, не нарваться на удивленный возглас:

— О, да я узнала ее!.. Это же Люси, Люси Лапко! Это про нее писали в газетах! Я читала, я видела!..

И потом ощутить на себе любопытные взгляды других узниц, уловить их нескрываемый интерес и мимолетную зависть: ведь им со своими обыкновенными преступлениями не повезло попасть в газеты. Они сидят кто за торговлю наркотиками, кто за уклонение от налогов, кто за пьяный скандал с убийством в семье, а вот она, хрупкая сорокалетняя женщина, с аккуратной косой, змеящейся вдоль спины, прячущая глаза за толстыми линзами очков, она... Она — прима этого уголовного мира! Ее история уже навечно вписана в криминальную хронику континента. Одному этому, казалось бы, можно позавидовать!

Все же хорошо, что человеческая память недолговечна... Через шестнадцать лет все забудут о ней. Все, абсолютно все. К тому времени ее дочь вырастет и забудет ее. К тому времени ее бывший муж найдет себе новую подругу жизни и забудет ее. К тому времени ее родители, скорее всего, уже умрут — и забудут ее. Ее забудут

и те люди, которые два месяца, пока длилась ее эпопея, слушали сообщения комментаторов, прильнув к экранам телевизоров. И те, кто, развернув утреннюю газету, следили за перипетиями драмы, которая разворачивалась на страницах скупых полицейских отчетов, перемежавшихся отчаянными вкраплениями репортеров. И те, кто с трепетом рассматривали плохие, некачественные снимки на первой полосе, отсканированные с ее фотографии на паспорте...

Через шестнадцать лет... А что будет через шестнадцать лет с ним? Длинные ногти впились в ладони — только очень сильная физическая боль может заглушить тот ад, что существует внутри нее... Надо смотреть правде в лицо — скорее всего, к тому времени и его не будет. С самого начала он говорил ей, что нового заключения ему не вынести. Ну что ж... Это лучшее окончание истории, которое может изобрести щедрая на выдумки судьба...

Перед ней точно наяву возникло его лицо, на котором синими озерами выделялись глаза, обрамленные веселыми лучиками, веером разбегавшимися к вискам, высокий выпуклый лоб с мужественными морщинами, резкие складки у носа, которые придавали его лицу вид суровый и решительный и которые на самом деле свидетельствовали лишь о том, что их обладатель любит посмеяться, благородно седые, почти совершенно белые волосы, свободным жестом откидываемые назад. Она вспомнила всю его плотную фигуру, еще стройную и гибкую, с буграми крепких мускулов на сильных руках... Ему ни за что нельзя дать больше сорока, тогда как на самом деле почти шесть десятков.

Итак, через шестнадцать лет она выйдет за ворота тюрьмы в том самом синем приталенном платье, в котором она была, когда наручники защелкнулись у нее за спиной. В том самом платье, в котором ее втолкнули в полицейскую машину с проблесковым маячком на крыше, в том самом, в котором ее возили в суд на заседания, в котором весь мир запомнил ее. Но когда она выйдет за ворота тюрьмы, никто не узнает в этой об-

рюзгшей женщине (но не столько от малоподвижного образа жизни, сколько от желания стать неузнаваемой) героиню газетных заголовков шестнадцатилетней давности: «С приветом от «летающей Лапко», «Беглецы берут в заложники менеджера отеля!», «Полиция предупреждает: они будут сражаться до конца», «Новая Бонни — летающая любовница». И наконец: «Вертолет беглецов найден позади бара», «Суд над «воздушной Лапко», «Приговор похитительнице века»...

Когда ворота тюрьмы закроются за ней, она сядет в автобус, идущий в город, и, никем не узнаваемая, воротится в равнодушный людской муравейник, который отверг ее шестнадцать лет назад. По взглядам, скользким сквозь нее, она поймет, что больше никого не интересуется, она больше никому не нужна.

Она снимет номер в самой дешевой гостинице, и портье не подмигнет ей, намекая, что одинокой женщине... Увы, такой женщине с такой фигурой номер с такой широкой кроватью уже не нужен...

Получив ключ и оставив пятьдесят долларов (потому что у нее нет вещей, багажа, который может служить залогом за номер), она поднимется наверх в дешевую комнату с широкой кроватью, покрытой грязным бельем, хранящим на себе следы пребывания предыдущих постояльцев. Заперев дверь, она бросит ключ на стол, подойдет к окну. За окном будет стоять май, и природа уже почувствует свежее дыхание грядущей зимы.

А потом она встанет под душ, вымоет голову дешевым шампунем. Она не будет торопиться, ведь у нее так много времени впереди... Она достанет из сумочки, некогда подаренной ей возлюбленным, острый ножик с перламутровой рукояткой, такой, какой у нее был еще во время жизни с Алексеем, и неторопливо раскроет его остро заточенное лезвие...

Затем с педантичной аккуратностью отогнет покрывало. И опустится на постель — чистая, благоухающая дешевым шампунем, с ясным взглядом, устремленным не в будущее, а в прошлое...

(Будем надеяться, что нож окажется достаточно острым, — мелькнет мысль, но тут же исчезнет, уничтоженная болью, которая беззвучно корежит скорчившееся на узкой койке тело.)

...Потом два удара по запястьям — и все кончено...

(Жалко горничную, она будет ругаться, перестилая простыни, — мимоходом думает Люся, сжимая ладонью горло, чтобы не разрыдаться от неистребимой жалости к себе.)

...И когда багровая струя окрасит окружающий мир в розовые тона, когда прошлое отдалится наконец и станет ненастоящим, когда фигуры из ее прежней жизни отодвнутся, испуганные перспективой грозящего ей небытия, — вот тогда все по-настоящему будет кончено!

Потому что она мертва сейчас не менее, чем будет мертва в дешевой гостинице на втором этаже со вскрытыми венами...

— Нет! — Корчась от явственно ощущаемой боли, Люся с силой вытолкнула крик из своей груди.

— Не хочу! — ветром пронеслось по камере, вырвалось через прутья одиночной клетки в пустынный коридор, сквозняком прокатилось по узкому ходу.

— Нет! — Подбежав к окну, костяшками плотно сжатой руки она ударила небыющее стекло. Стекло загудело густо, как растревоженный шмель.

— Нет! — Только очень сильная боль может заглушить тот страх, что полыхает сейчас у нее внутри. Ей нужен осколок, хотя бы один осколок стекла, чтобы покончить со всем этим!

— Нет! — Она вновь и вновь колотила кулаками стекло, билась головой об металлический оконный переплет, пока кровь из рассеченной брови горячим потоком не залила ей лицо.

А по пустынному коридору уже гремели шаги охраны, гремел замок открываемой решетки, гремело в воспаленном мозгу одно паническое «Нет!».

Она еще билась в их руках, точно огромная рыба, выброшенная штормом на берег. Трое плечистых женщин-полицейских не могли совладать с извивающимся в их руках гибким телом.

И лишь когда впрыснутая в вену маслянистая желтоватая жидкость волной подкатила к голове, погружая обступившие ее лица в странную сиреневую мглу, ее тело в последний раз выгнулось дугой и сразу же бессильно обмякло на полу камеры: словно выброшенная во время шторма на берег огромная рыбина уснула и лишь изредка продолжает вздрагивать и шевелить плавниками в преддверии глубокого, может быть, вечного сна...

Глава 3

Утро ясного весеннего дня выдалось особенно жарким. Тяжелая зелень деревьев в окне казалась светлой от пыли, точно присыпанная пушистой серой пудрой. Было совсем рано, солнце еще не успело переползти через конек крыши, и оттого в комнате сохранялась ночная свежесть. Но Алексей знал — это только на ближайшие два часа, а потом жаркое октябрьское солнце ворвется в окна подобно золотой расплавленной лаве, нагреет хлипкие картонные стены дома, и от его обжигающих объятий не спасут ни опущенные жалюзи на окнах, ни сомкнувшаяся над домом листва деревьев, жаждущая дождя, ни мощный вентилятор, жужжащий возле кровати, как огромный шмель.

Вставать не хотелось. Тем более, что день сегодня был особенный. День его рождения. Сегодня у него юбилей, стукнуло ровно сорок. Но что-то не слышно восторженных поздравлений, не видно подарков...

Закинув руки за голову, Алексей принялся прикидывать план действий на сегодня. Для начала нужно накормить Верку завтраком и отвезти ее в школу. А дальше он свободен. Свободен, как птица в полете!

Еще недавно он жаждал этой свободы, как манны небесной, а теперь она его угнетала. Не потому ли, что теперь она стала для него синонимом ненужности — без денег, без работы он никому не интересен. В нем нуждается только его дочь, и то лишь пока. Пока не выросла.

Итак, ему сорок, и в сорок лет он вынужден начинать жизнь сначала. Мучительно думать, что, если бы не события последнего года, ситуация у него была бы гораздо лучше. Намного лучше. Он сумел бы достичь многого, если бы не те осенние события...

Точнее, если бы не Люся...

«Ненавижу!» Алексей с силой сжал кулаки. Ноздри его гневно раздувались, глаза сузились.

Если бы не эта сука, он сейчас был бы в полном порядке. Это из-за нее, из-за их бесконечного бракоразводного процесса, из-за безумных трат на адвокатов, из-за шумихи, поднятой газетами, он и лишился работы. Как раз нынешним летом, во время этих чертовых событий, срок его контракта закончился. Еще полгода назад Алексей был на сто процентов уверен, что контракт с ним перезаключат вновь — все-таки он ценный специалист, фирма им дорожит. Точнее, дорожила...

Но может, им просто осточертело отвечать на бесконечные запросы из Семейного суда, из «Centrelink», местного отдела социального обеспечения, из комитета по опеке детей о его финансовом положении и моральном облике. Может, если бы не бесконечные звонки адвоката на работу, не встречи в суде, на которые приходилось являться в ущерб службе, все бы обошлось. Наверняка обошлось бы...

Однако теперь сослагательное наклонение неуместно. В действительности ничего не обошлось. Ему не предложили новый контракт. Все оказалось совершенно не так, как он себе представлял раньше. Директор фирмы пожал ему руку и с сердечной улыбкой поблагодарил за работу. Обещал предоставить превосходные рекомендации по первому требованию. И все!

Во время этого торжественного прощания Алексей лишь беспомощно оглядывался по сторонам, надеясь, что вот сейчас, в эту секунду, появится главный менеджер компании «Уорхаус энтепрайзис» Нэнси Риган и одним движением своей узкой холеной руки развеет все его сомнения, положив на стол перед директором новый контракт для мистера Лапко.

Она должна была поговорить о нем, она должна была замолвить за него словечко, ведь она твердо обещала... Но Нэнси так и не появилась.

Директор тряхнул на прощанье руку, пожелал удачи и даже проводил до дверей приемной, дружески похлопывая Алексея по спине.

— Очень приятно было с вами работать, — любезно улыбался он. Но заключить новый контракт так и не предложил.

Алексей вышел от директора бледный как смерть. Холодный пот струился между лопаток — несмотря на мощный кондиционер, гудящий, как самолет на взлете, ему было жарко. Он оглянулся: может, Нэнси просто опоздала. Сейчас она появится, запыхавшаяся, с извинениями на устах. Однако вся фирма, все ее сотрудники знали: мисс Риган никогда не опаздывает. А также все знали, что если она что-то делает — то это надо сделать обязательно, а если не делает — то этого не надо, делать ни в коем случае.

Нэнси Риган, американка, приехавшая в Австралию в поисках более широкого поля деятельности, — мозг и движущая сила компании. Ее слово было решающим абсолютно во всех областях деятельности фирмы — и в менеджменте, и в технических решениях, и в кадровых вопросах. Одно ее слово значило больше, чем даже многозначительные обещания самого директора. Если Нэнси что-либо сказала, она всегда это делала. Алексею она твердо обещала полгода назад повышение в окладе (оно незамедлительно произошло) и новый контракт. Но нового контракта с ним не заключили. Так не могло, так не должно было быть! Ведь Нэнси обещала ему!

Ее домашний телефон не отвечал. Автоответчик милым голосом сообщал, что мисс Риган в данный момент подойти не может, и предлагал оставить сообщение. Почти то же самое и с теми же самыми интонациями отвечала и секретарша Нэнси по ее рабочему телефону.

Последние сомнения рассеялись. Итак, ошибки никакой не было. Его не хотели слышать, его не хотели

видеть, с ним не хотели работать. Нэнси обманула его. А ведь он так рассчитывал на нее...

Собственно говоря, беды-то особой в том, что он потерял работу, не было. Обычная жизненная ситуация. Подумаешь, на свете полно всяких новых работ, только поищи. С его квалификацией, с его опытом он быстро получит кучу новых предложений, останется только выбрать самое выгодное.

Проблема была в том, что все это произошло в такой неудачный для Алексея период... Эта кошмарная история, в которую ввязалась Люся, их бесконечная тяжба по поводу ребенка... К тому времени, когда срок его контракта неумолимо близился к концу, все деньги с его банковского счета плавно перекочевали на счет адвоката. Клерк районного отделения «Commonwealth bank» даже осведомился, когда Алексей пришел снять последние гроши, желает ли клиент аннулировать счет.

Итак, он остался с нулевым кредитом, без работы, без семьи — у него было такое чувство, что он опустился к нижней точке своей жизни. Что все, что было хорошего, — все позади.

— Па, что у нас сегодня на завтрак? — Золотистая головка просунулась в щель двери и заставила Алексея вздрогнуть. Он очнулся и рывком сел на кровати.

— Вера, мы же договорились дома говорить только на английском! — укоризненно произнес он.

— Ну, па, — заныла дочь. — Я не хочу... А вот мама со мной всегда по-русски говорила...

При упоминании о матери Алексей еще больше помрачнел. Капризы Веры были обычными для невыспавшегося ребенка, а ее слова о Люсе просто небольшим бессознательным протестом против безграничной власти отца. Но почему-то все это больно ранило Алексея.

— Кстати, ты забыла, какой сегодня день, — намекнул он дочери.

— А... Ага, помню. — Вера надула губы — она не любила чужие дни рождения, только свой. — Поздравляю, па!

— Ладно, марш чистить зубы, — буркнул отец, водружая на нос очки с толстыми линзами. — Я скоро...

Золотистая головка в дверях исчезла.

Сделав несколько физических упражнений, Алексей приблизился к зеркалу. Оттуда на него взглянула слегка помятая физиономия, добрую половину которой скрывали огромные очки.

Пристально разглядывая свое отражение, он напряг мускулы тощего торса. Алексей был довольно щуплым, невысоким мужчиной, на фигуре которого сорокалетний возраст и сидячая работа отразились лишь чуть большей, чем обычно, сутулостью. Неприязательность внешних данных, всегда считал он, с лихвой компенсировалась его огромным IQ. Высокий лоб в зеркале, казалось, мог принадлежать Сократу или Цицерону. Небольшие темные глаза за толстыми линзами очков светились острым умом, но, если снять очки, их взгляд тут же становился беспомощным, близоруким, немного заячьим. И все же отражение в зеркале вполне удовлетворяло его обладателя.

— Ни за что не дашь сороковник, — польстил он себе. — Максимум лет тридцать...

Однако круги под глубоко запавшими глазами и поредевшие на затылке волосы упрямо твердили об обратном.

Сегодня ему предстояло зайти в несколько фирм, куда он загодя разослал свои резюме. Некоторые из них ему посоветовал работник из бюро по трудоустройству, кое-какие он сам накопил в популярном телефонном справочнике «Белые страницы». Ну надо же! Он уже опустил до поиска работы по справочнику. Однако у него нет времени ждать, когда работодатели его найдут сами. Деньги давно на исходе, на носу срок выплаты очередного взноса за машину. Работа ему нужна не потом, а сейчас.

Что ж, если сегодняшний день, день его сорокалетия, сложится удачно, он позволит себе небольшую расслабуху с хорошенькой продавщицей Лорой. Если, конечно, та ничего не имеет против русских иммигрантов. В конце концов, он так давно не был с женщиной. И

кроме того, об этом маленьком приключении никто никогда не узнает...

Забросив дочку в школу, Алексей двинулся по направлению к Сити. Движение на дороге становилось все оживленнее. По деловому центру Сиднея неудобно передвигаться на автомобиле, многокилометровые пробки и вечные проблемы с парковкой лишают езду на машине всякого смысла, и поэтому, поставив свое авто на стоянку при подъезде к Сити, Алексей пересел в наземное метро и вскоре уже был в нужном месте.

— Простите, вы к кому? — Красивая секретарша в элегантном костюме и с золотым карандашиком в руке преградила ему путь в приемную.

— Лапко, по поводу работы... По телефону мне сказали, что готовы рассмотреть мою кандидатуру.

Лицо девушки неожиданно осветилось улыбкой.

— О, вы тот самый мистер Лапко, не правда ли? Ой, как интересно! Я видела вас по телевизору!

Алексей промычал нечто невразумительное в ответ и принужденно улыбнулся, хотя ему было неприятно такое внимание. Слишком часто в последнее время его узнавали незнакомые люди.

— Минутку, я спрошу у босса, примет ли он вас... — Она исчезла, оставив за собой в воздухе благоухающий шлейф духов.

Алексей опустился на диван. Галстук врезался в горло удавкой, костюм сдавливал тело точно панцирь, рубашка на спине под пиджаком взмокла от пота.

Потекли томительные минуты ожидания. Секретарша не появлялась.

Неожиданно в коридоре послышался чей-то приглушенный шепот, кто-то прыснул от смеха, и рядом зашикали приглушенные голоса.

— Это он! — послышался сдавленный шепот. — Точно он!

— Ну да, я его сразу узнала! — восхищенно вторил ему другой шепоток. — Интересно, а его жена, с этим, как его...

В этот момент из-за стеклянных дверей появилась секретарша.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Вышколенное лицо девушки при виде Алексея приобрело сложное, удрученно-соболезнующее выражение. Уже по одному этому Алексей понял, что здесь ему ничто не светит.

— Место уже занято... — произнесла девушка извиняющимся тоном. — Сожалею.

Алексей поднялся. Густо подведенные глаза, отбросив профессиональную корректность, с любопытством оглядывали его фигуру.

— Но у меня рекомендации, я имею опыт работы... — запальчиво начал он, но где-то внутри набатом звучали обреченные слова: «Бесполезно, совершенно бесполезно, они тоже меня узнали».

— Сожалею, но мы уже нашли человека на это место, — оборвала его секретарша металлическим тоном. Стало ясно: еще несколько слов с его стороны — и у него начнутся проблемы с охраной.

Алексей отчетливо понимал, что на самом деле место свободно и ему отказывают только потому, что совсем недавно он оказался замешан в грязную, скандальную, отвратительную историю, в историю, которую транслировали по телевизору на всю страну, историю, о которой знают все на свете, и грязное белье его семьи с удовольствием изучали обыватели чуть ли не всего мира.

Он вышел из здания на душную улицу, полную шума, выхлопных газов, и слился с толпой, плавно текущей вдоль тротуара.

Он не торопился, он знал, что и на следующем месте работы его ждет то же самое: любопытные взгляды, шушуканье и — отказ.

Потому что он меченый. Меченный незримой печатью, грязный от невидимой грязи скандала. Отныне ему жизни нет, отныне он изгой среди людей.

И это все она, мерзавка, отвратительная стерва, потаскушка, авантюристка, гадина, змея... Это все она, Люся...

Если бы он мог, он бы убил ее.

Но вместо этого она продолжает тихо, по капле убивать его... День за днем, день за днем...

Часть вторая

ЛЮСЯ И АЛЕКСЕЙ

Глава 1

Когда точно началась эта история, не скажет никто. То ли в 1993 году, когда серая стайка советских эмигрантов впервые вступила на землю зеленого континента, то ли еще в 1981 году, когда аспирант Московского государственного университета Алексей Лапко познакомился со скромной девушкой, затылок которой оттягивала роскошная пшеничная коса. Или в 1960 году, когда у лейтенанта Советской Армии вертолетчика Александра Жукова и его жены Лилии родилась дочь Людмила.

О первых годах жизни Люси нельзя поведать ничего определенного: худой (несмотря на усиленное питание), болезненный (несмотря на уход и ежегодные поездки на юг) ребенок. Она всегда выглядела младше своих лет и казалась игрушечной куколкой, в которую по недосмотру вдохнули человеческую душу: круглые, точно кнопки, глаза неопределенно-желтоватого цвета, полупрозрачное тонкое лицо со светящейся изнутри кожей, воздушная хрупкость рук и ног, длинные, тщательно уложенные в тонкую косицу волосы.

Все жизненные силы этого ребенка, казалось, уходили не на познание внешнего мира, а на борьбу за существование — детские болезни точно вихри налетали на нее одна за другой и надолго укладывали в постель. Люся росла среди врачей, медсестер, банок, ле-

карственных облаток, градусников и сочувственных вздохов родни:

— Господи! В чем только душа держится!

Острый лекарственный запах пронизывал квартиру насквозь.

На первой школьной фотографии Люся, курносая кукла в коричневом платье и белом фартуке, с огромными, больше головы, бантами в жидких косицах, букетом гладиолусов в руках, выглядела хрупким, эфемерным существом, казалось не приспособленным к постижению книжной мудрости. Между тем она училась хорошо, хотя и оказывала несомненное предпочтение гуманитарным наукам. Все десять лет учебы в школах различных военных городков она неизменно сидела на первой парте, отчасти из-за внимательной, буквоедской прилежности к учебе, отчасти от слабого зрения — во втором классе врач прописал ей очки.

Толстые линзы в темно-коричневой оправе — о, как она ненавидела их! Они закрывали почти половину лица, уменьшали глаза, превращая их в крошечные булабочные головки, отчего они совершенно терялись на лице. Она ненавидела их и вместе с тем любила острой любовью. Они служили ей ширмой, отгораживая от внешнего мира. Эта спасительная ширма защищала ее от чужого настырного внимания, и эта ненавистная ширма мешала ей общаться.

Люся росла типичным «гарнизонным» ребенком — несамостоятельным, бесстрашным, избалованным. С рождения она привыкла к специфической атмосфере воинских частей, к тому, что можно в трудную минуту обратиться к любому человеку в форме или без оной и он обязательно тебе поможет: приютит, накормит, отведет к родителям, защитит от неприятностей. Как и все гарнизонные дети, она совершенно не ориентировалась в большом городе, не разбиралась в хитросплетении улиц, не умела переходить улицу, ведь там, где жила ее семья, не было ни дорог, забитых машинами, ни светофоров, ни бешено сигналящих автомобилей. Пешеходы пересекали улицу во всевозможных направ-

лениях, зигзагами и спиралью. И родители были уверены, что с их дитятей ничего не случится.

В гарнизонных школах, где приходилось учиться Люсе, также царила тишь да гладь. Учителями работали преимущественно офицерские жены с маломальским образованием или офицеры-отставники, в классе подбирались достаточно воспитанные дети из однородной среды, и в школах царила атмосфера абсолютной открытости.

О полученной утром двойке становилось известно родителям еще до обеда, а попытка прогулять уроки заканчивалась полным фиаско: весь городок с готовностью спешил сообщить предкам, что их чадо видели в неурочное время в неположенном месте. Список доступных детям прегрешений ограничивался незаконным выходом в лес за пределы воинской части, тайным курением сигарет за углом школы или, в более старших классах, распитием бутылки пива дома у одного из соучеников.

Мама Люси всю себя посвятила домашнему хозяйству, воспитанию дочери и лечению внезапно открывшихся, большей частью придуманных болезней. Люся не ведала, что такое уборка или стирка, не умела заправлять кровать и с трудом представляла, куда следует выносить мусор. Ее отец, воспитанный в спартанских условиях детского дома, изредка протестовал против такого расклада в семье, но проблема заключалась в том, что дома он бывал мало и редко и потому погоды не делал — всем заправляла мать. Таким образом, главной обязанностью девочки была учеба, а главной страстью — книги.

Люся читала запоем все, что попадалось под руку. Она читала во время занятий в школе, пряча книги под партой на коленках во время скучного урока алгебры, читала дома, скрывая пухлый томик под кипой тетрадок и делая вид, что готовит уроки. Она читала во время насильственных занятий музыкой (Люсю отдали в музыкальную школу, которую она часто и успешно прогуливала. Вместо занятий девочка уходила в парк),

ставила книжку на пюпитр для нот и, бегая глазами по строчкам, одновременно руками хаотично нажимала клавиши. Пианино издавало резкие кошачьи звуки, которые через плотно прикрытую дверь комнаты доносились до кухни, где мать возилась с обедом. Кроша лук для рагу, Лилия Андреевна слышала, что что-то звучит, и пребывала в блаженной уверенности в музыкальных успехах дочери, в то время как Люся поглощала одну книжку за другой, а учительница музыки традиционно удивлялась, отчего у ученицы нет прогресса.

Девочка читала по ночам, прячась под одеялом с фонариком, отчего зрение портилось еще больше. Когда отец отбирал у нее фонарик, она находила свечку, но запах горелого стеарина выдавал ее. Свечка следовала в мусорное ведро. После свечи наступала очередь охотничьих спичек, длинных, толстых, долго горящих. Они предательски воняли серой в ночном мраке. Потом, когда и спички были отобраны, ночь стала казаться самым бесполезным временем суток — пока не наступила зима. Зимой стало легче. Свет фонаря, усиленный яркой луной, висевшей в небе, точно огромная таблетка от кашля, отражался от сверкающих сугробов и бледным потоком лился в окна. Люся устраивалась на подоконнике возле дышащего морозом стекла и читала, читала... Читала, пока глаза не начинали слезиться от напряжения и смутные строки не расплывались черными полосами.

Она читала все, что попадалось под руку: романы великих французов, русскую классику, детективы, повести о социалистическом соревновании на селе и о производственных терзаниях заводских комсомольцев и их чистой партийной любви. Она читала отцовские журналы о самолетах и вертолетах, журнал «Советский воин» и даже завалившийся на антресолях учебник по сопрату, казавшийся ей достаточно увлекательным, если опустить занудные формулы. После приезда в новый город Люся в короткое время осваивала гарнизонную библиотеку, затем переключалась на домашние библио-

теки знакомых, а потом повторно перечитывала домашние книги, которые знала наизусть.

— Ах, как бы я хотела работать в библиотеке! Тогда все книжки были бы в моем распоряжении, все-все-все! — говорила она родителям.

Мать, досадливо махнув рукой, замечала:

— Ты как запойный пьяница со своими книжками, Людмила. Пьянице все равно, что пить, спирт или политуру, а тебе все равно, что читать, лишь бы буквы были.

И она была права. Отец лишь снисходительно усмехался, слушая дочь. Она была его любимицей, у них давным-давно установились нежные, приятельские отношения и взаимопонимание. Частенько они вступали в тайную коалицию против матери, неизменно защищая друг друга перед нею.

Александр Вениаминович уже не мечтал о сыне, ведь заботы о болезненной дочери, постоянные переезды с места на место, работа, которая отнимала львиную долю времени, — все это не позволяло ему заводить детей. Время от времени он брал Люсю с собой в учебные полеты. Они говорили матери, что идут в гости к знакомым или гулять по лесу, а сами спешили на вертолетную площадку, где, точно гигантские стрекозы, севшие отдохнуть на огромном асфальтовом листе взлетного поля, стояли темно-зеленые хвостатые вертушки с печально провисшими лопастями винтов, с яркими алыми звездами на фюзеляжах.

— Пап, а ты научишь меня летать? — спрашивала Люся.

— Конечно, — неизменно отвечал отец. — Вот подрастешь немного, запишешься в спортивный клуб ДОСААФ, там женщин тоже берут.

Он прекрасно понимал, что эти мечты никогда не сбудутся — из-за близорукости и слабого здоровья дочери, но как часто мечты заменяют действительность...

В кабине вертолета Люся садилась в удобное кресло рядом с отцом, и он надевал на ее голову наушники переговорного устройства. Приборная доска светилась

бледно-зеленым светом, таинственно мигали лампочки индикации, ползли по шкалам стрелки приборов, а мотор двигателя натужно урчал, быстро набирая обороты.

Лопасты пропеллера начинали вращаться, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, поднимали вихри пыли, а потом огромная стрекоза нехотя вздрагивала и плавно взмывала вверх. Люся глядела через стекло вниз: земля резко уходила в глубину, предметы на ней постепенно уменьшались, ангары, бочки с горючим, радиолокационная станция, разметка поля теряли резкие очертания, а потом плавно уходили вниз и назад, и вертолет, деловито стрекоча, поднимался все выше и выше. Темно-зеленая полоса леса далеко внизу казалась мохнатым ковром с редкими проплешинами полян, лента реки, блестящая, точно нитка люрекса, наперерез пересекала непроходимые дебри. Далее лес заканчивался, начинались аккуратные квадраты полей, вдалеке виднелись прямая, как стрела, лента дороги, ведущая к военному городку, и кирпичные домики гарнизона, утопавшие в буйной зелени.

— Папа! Смотри! Наш дом! — кричала Люся, скашивая глаза вниз и расплющивая о стекло нос и губы.

Она восторженно махала рукой, испытывая от полета ощущение неземной легкости, бесшабашного веселья и опьяняющей свободы.

Потом, через тридцать лет, во время полета над Сиднеем, она вспомнит свои детские ощущения, но испытает совсем другие чувства — страх перед будущим, боязнь неудачи, тревогу... И чувство того, что тоненькая нитка жизни может вот-вот оборваться от слишком сильного нажима...

В детстве Люся сама себе казалась невероятной красавицей. В дошкольном возрасте она часами вертелась около зеркала и с удовольствием рассматривала черты лица и угловатое тело. Ее восхищали огромные желтоватые глаза, тощие косички, бледные, чуть розоватые губки и тонкий носик, плохо дышащий из-за вечного

насморка. Она искренне изумлялась, как мир может выдержать подобное совершенство. Украшала себя мамиными бусами, набрасывала на плечи наподобие королевского шлейфа длинное покрывало, напяливала на голову пляжную шляпу с широкими полями и важно прохаживалась по комнате, кокетливо упершись руками в бока, воображая себя принцессой. Обожающие ее родители искренне подогревали в дочери уверенность в собственном совершенстве.

Но лет в двенадцать незыблемая вера в собственную красоту изрядно потускнела. Зеркала, доныне услужливо говорившие ей комплименты, отчего-то перестали показывать томную красавицу, а стали демонстрировать гадкого утенка с жидкой косицей и прозрачным невыразительным лицом. К тому же эти очки... Люся снимала их, распускала волосы, и весь мир расплывался вокруг нее прозрачной пеленой. Изображение в зеркале тоже расползлось, значительно теряя в своей безобразности, однако невозможно было скрыть неопределенно-пегий цвет волос и бледное пятно губ на том месте, где у нормальных людей находится рот. Казалось, она точно сошла с картины Модильяни — хрупкая изломанная линия, воздушная, неземная, нематериальная.

В пятнадцать лет Люся с юношеской категоричностью окончательно решила, что она безобразна и реабилитации не подлежит. И даже косметика не может ей помочь, поскольку делает ее вульгарной. Мысль о собственной безобразности доставляла ей несколько мазохистское удовольствие, а вынесенный вердикт не нуждался в подкреплении со стороны.

— Зато у меня богатый внутренний мир, — решила Люся, вспомнив какой-то художественный фильм из числа советских шедевров псевдоинтеллектуального кино. В нем героиня, внешне безобразная, но с богатым душевным миром, могла дать сто очков вперед всем записным красавицам, сошедшим с обложек модных журналов, и в финале завоевала лучшего из особей противоположного пола — умного, красивого, обеспеченного.

В пятнадцать лет Люся с отчаянностью замкнутого в себе человека неожиданно влюбилась. Ее предметом был не прыщавый подросток с соседней парты, не киноактер с карамельно-сладкой внешностью первого любовника и не молодой учитель физики, с вдохновенным видом вещавший о законах Джоуля. Она влюбилась в сослуживца отца из его экипажа.

Лейтенант Игорь Симоненко был на девять лет старше ее. Ему исполнилось уже двадцать пять. Родом он был откуда-то из средней полосы России, из небольшого городка. Сначала девочка обратила на него внимание, потому что он был похож на Есенина и обладал сладкой внешностью кудрявого Леля из русских сказок. Но Леля не в косоворотке, подпоясанной витым шнурком, а в военной форме с голубым рантом, с лейтенантскими звездочками на погонах и фигуркой-пропеллером в петличке. По возрасту Игорь давно должен был стать старшим лейтенантом, но, поскольку успехами в воинской службе не блистал, очередное звание ему задерживали.

Он вообще был странным человеком, не похожим на других. Непохожесть эта не бросалась в глаза, тщательно скрывалась от чужих. Но Люсе казалось, что она ее разглядела.

Игорь не был женат, и, как Люся ни старалась выяснить по местному сарафанному радио, она так и не узнала, есть ли у него девушка, не переписывается ли он с кем из своего родного города. Даже самые заядлые сплетницы глухо молчали по этому поводу — злобные пересуды не касались высокого лейтенантского чела.

Он часто бывал в уютной малометражке своего начальника, подполковника Жукова. То заходил поговорить о работе и по-свойски оставался на ужин, то забегал взять что-нибудь почитать. Он слыл таким же книгоманом, как и Люся, и на этой почве молодые люди постепенно сблизились.

Люсе в ту пору было шестнадцать лет. Вечером, когда светлый круг от настольной лампы отгораживал ма-

ленький пяточок возле стола, превращая комнату в уютную светлую нору посреди торжествующего мрака, она с замиранием ждала: вот-вот раздастся пронзительный дверной звонок, потом хлопнет дверь, потом в прихожей послышится высокий голос матери и в ответ — солидный бас отца:

— Лилечка, мы тут с Игорем... целый день на сухпайке. Сваргань нам что-нибудь горяченькое...

В мгновение ока Люся откидывала стул и опрометью кидалась в переднюю, одновременно изображая из себя неторопливость и безразличие к гостю. А тот смущался, краснел, сконфуженно бормотал, что не голоден, — и засиживался в гостеприимной семье до полуночи.

На крошечной кухне, подперев кулачком щеку, Люся подолгу смотрела на него, млея от того, что он находится в каких-то считанных сантиметрах от нее. Тайком она вдыхала запах, исходивший от его одежды, — запах кожи, смешанный со специфическим вертолетным духом, дешевого одеколona «Саша» из местного военторга, а главное — запах мужчины, его силы и молодости.

Порой Игорь заходил к ней в комнату и, застыв возле полки с книгами, выбирал из собраний сочинений какой-нибудь потрепанный томик для ночного чтения. А ей казалось, что комната от его присутствия становится как бы выше и просторней.

Постепенно, несмотря на почти десятилетнюю катастрофическую разницу в возрасте, между ними установилась своеобразная молчаливая близость — разговор без слов, при помощи только глаз, односложных замечаний и бесчисленных недомолвок. Игорь часто подолгу задерживался, болтая с Люсей о ее школьных делах, о прочитанных книгах, о своих планах на будущее. Он казался ей странным, не похожим ни на кого из одноклассников, из избалованных отпрысков маминых друзей или сослуживцев отца. Было непонятно, когда он шутил, а когда говорил серьезно. Он произносил самые невероятные вещи с таким видом, что Люся принимала их за чистую монету и только позже осознавала, что он шутит.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Девочка смотрела на него сквозь толстые стекла очков, смущенно поправляла сползавшую по переносице оправу и в этот момент, предательски краснея, мечтала о каких-то невероятных встречах, любовных признаниях, поцелуях...

Однажды отец с озабоченной миной поведал ей, что Симоненко собирается уволиться из армии по состоянию здоровья, и Люся с ужасом осознала, что, если Игорь уволится, она никогда, никогда его больше не увидит. Никогда!

О, это ужасное слово «никогда»!

...Его лицо выглядело сумрачным. Она подошла к нему, встала близко-близко — так близко, как никогда еще не стояла ни к одному мужчине, кроме отца, нежно тронула ладонью его затылок. Волосы у него оказались не шелковисто-мягкие, как всегда думала она, а, наоборот, непокорные, упрямые, жесткие, точно проволока. И он тоже был жестким, непокорным, упрямым. И необыкновенным, не похожим на всех. И она любила его именно за это...

Итак, она подошла к нему и взъерошила волосы. И почувствовала его запах, такой чужой, грубый и вместе с тем такой родной...

Он поднял на нее лицо — оно выглядело по-детски обиженным и растерянным. Его мягкие губы были так близко от ее рта... Мать гремела на кухне посудой, закашлялся отец, сидя с сигаретой возле открытого окна... Стояли последние теплые дни бабьего лета.

И она не выдержала. Знала, что он никогда не отважится на решительный шаг, ведь она младше его, и она дочь его командира, — и потому сама прижалась полуоткрытым ртом к его губам, ощутила их влажное, сводящее ее с ума касание.

Он порывисто прижал ее к себе, а она запрокинула голову, подставляя губы (он оказался на добрую голову выше ее).

Потом он через силу отстранил ее и с мучительной болью произнес:

— Я уезжаю...

Она чуть заметно улыбнулась — эта преграда представлялась ей искусственной. И шепнула одними губами:

— Я уеду с тобой.

— Но ты не сможешь, как же твои родители, школа...

Она закрыла ему рот поцелуем.

— Я уезжаю с тобой, — произнесла она твердо и прильнула к нему, обвивая его шею руками, точно тонкий плющ обвился возле могучего дуба. — Ведь я люблю тебя.

Тогда он порывисто сжал ее, приподнял, точно пушинку, и понес на диван. Предательски скрипнули пружины. Она вытянулась рядом с ним, ощущая жар его могучего, пышущего желанием тела, и безумие любовной горячки поглотило слитые воедино тела...

Потом они вышли из комнаты серьезные, как никогда. Мать уже закончила мыть посуду и теперь резала лук для праздничного холодца. Отец сосредоточенно изучал газету «Красная звезда».

Они встали в дверях красные, запыхавшиеся.

— Папа! Мама! Я уезжаю! — срывающимся от волнения голосом произнесла Люся.

Родители онемели от удивления.

— Александр Вениаминович! Лилия Андреевна! — Игорь был серьезен и прям. — Мы с Люсей решили пожениться.

Мать вытерла тыльной стороной руки наворачнувшиеся на глаза слезы, отец крикнул, переваривая случившееся.

— А как же школа? — внезапно закричал он. — Что вы себе думаете? Ты помнишь, Людмила, какие оценки у тебя по геометрии? Вообразила себя взрослой! Какой ты собираешься получать аттестат? С двойками? Мне, твоему отцу, стыдно приходить в школу на родительские собрания!

«Ну при чем тут геометрия?» — подумала Люся и открыла глаза.

— И не делай вид, что спишь наяву! — бушевал отец, широкими шагами меряя комнату. — У тебя две двойки и куча троек в этой четверти! Девятый класс! Что, ты думаешь, тебе светит за полугодие?

Люся тяжело вздохнула, решила, что тройку по геометрии ей как-нибудь натянут, и опять уплыла от отца в мир грез...

...Нет, все случится не так. То, о чем она мечтала только что, слишком банально. Все должно произойти по-другому.

...Она придет и встанет на пороге его комнаты в офицерском общежитии. Он в это время будет складывать в чемодан вещи и поднимет голову, едва только скрипнет входная дверь.

— Людмила, ты? — удивится он и застынет, догадываясь, почему она здесь.

Она будет стоять на пороге, взволнованная и решительная; в ее волосах запутаются первые снежинки, а плащ окажется слишком легким для такой погоды.

— Я пришла к тебе. Я еду с тобой, — скажет она. Или лучше не так...

Он шагнет ей навстречу без слов и молча протянет руки.

— Я не могу тебя взять с собой, — скажет он. — Но я тебя люблю. Я долго молчал, не решался сказать об этом, думал, что ты еще ребенок, но теперь...

Нет, все не то, не то...

— Ты поедешь со мной? — спросит он.

В ответ она чуть кивнет и еле слышно шевельнет губами: «Да...»

Он обнимет ее, она запрокинет голову, и их губы сольются в сладостном поцелуе...

...Надо только не забыть снять очки перед этим. Говорят, при поцелуях очки очень мешают. Ведь это совсем не то что тренироваться на помидорах в пионерском лагере...

А может быть, все будет не так. После той сумасшедшей ночи, что они проведут вместе (непонятно, как это произойдет, ведь возвращение Люси домой контролируется по часам, после девяти вечера — время табу. Но он наверняка что-нибудь придумает!), он скажет ей утром, проснувшись:

— Я не могу уехать без тебя, но ведь тебя не отпустят со мной. Ведь у тебя тройка за четверть по геометрии...

— Ну при чем тут эта проклятая тройка по геометрии!..

— ...А ни при чем! — ответил отец, постепенно раздражаясь. — При том, что мне, твоему отцу, стыдно выслушивать жалобы учителей насчет того, что ты читаешь Золя под партой. И это во время контрольной!

— Но ведь я не Софья Ковалевская, и ты это знаешь, — парировала Люся.

...Тогда, закрыв глаза, разрываемая внутренней болью от грозящей им разлуки, она скажет:

— Давай сделаем так... Ты отправишься вперед, чтобы они ни о чем не заподозрили, а я через несколько дней выеду вслед за тобой.

И он встретит ее ранним утром на железнодорожной станции небольшого городка... Как он там называется... И отвезет ее домой. Они начнут целоваться еще в машине, на заднем сиденье, и таксисту будет неудобно обернуться, чтобы сказать им, что уже приехали (главное, не забыть снять очки). Потом он на руках внесет ее в дом, и они сольются в объятии, наконец-то соединившись для волшебной жизни вдвоем...

Однако на самом деле все произошло совершенно по-другому. Симоненко тихо уволили, и он уехал в родной город.

А Люся еще долго мечтала о том, что было да не сбылось, что будет да не сбудется, пока под наплывом новых впечатлений время не погребло в ее памяти воспоминания о первой несостоявшейся любви.

Глава 2

Школу Люся заканчивала в Куйбышеве, как тогда называлась Самара. Это был первый крупный город, в котором жила семья Жуковых. Самара оглушила девочку, поразила ее, удивила. Шумные улицы, бесконечные многоэтажки, несущиеся машины, потоки людей, равномерно текущие в разных направлениях, — и величавая, привольно раскинувшаяся Волга. Здесь все были чужие друг другу, равнодушные, не то что в гарнизоне. Здесь легко было затеряться. Ей даже нравилось это, потому что тебя не просматривают всякий раз под увеличительным стеклом соседи и знакомые. Здесь никому ни до кого не было дела, и это нравилось Люсе!

Можно было прогуливать уроки — это не становилось известным в тот же вечер родителям. Можно было тайком отправиться на пляж с девочками — и это оставалось тайной за семью печатями, если только преступницу не выдавали обгоревшие на солнце плечи или мокрый купальник, украдкой высушиваемый на балконе. В Самаре отец Люси преподавал в военном училище, мама, как всегда, властной рукой вела дом и воспитывала дочь, а дочь делала вид, что поддается воспитанию.

На выпускном вечере в школе Люсе вручили аттестат с единственной тройкой по нелюбимой геометрии и памятную грамоту за успехи в написании сочинений. Всю ночь выпускники танцевали в школе, бродили над Волгой и делились друг с другом планами на будущее.

Большинство мальчиков в классе собирались стать военными, а девочки, как одна, мечтали о карьере киноактрисы. Лишь отдельные индивидуумы-прагматики,

не желавшие отрываться от грешной земли, намеревались пойти по стопам родителей — продавцами в магазин или рабочими на тольяттинский автозавод. Говорили, что там неплохо платят и за три года работы можно получить вожденную машину.

Планы же Люси были туманны и неясны. Она не знала, куда себя деть. Безусловно, ей тоже хотелось в киноактрисы, но без очков она не видела дальше собственного носа, и, кроме того, с ее внешними данными... Порой она вполне искренне считала себя ужасной уродкой. Посмотрите только на это тощее длинное тело, на блеклое, точно тертое ластиком лицо!

Она не знала, чем ей заниматься дальше. Ей нравились и история, и литература, но стать учителем не входило в ее планы. Ей хотелось всю жизнь провести читая то, что попадется под руку, всю жизнь витать в вымышленном мире, воплощенном на белых страницах с четким типографским текстом.

Итак, под нажимом родителей выбор был сделан — библиотечное дело.

— Я поеду поступать в Москву, — неожиданно огорошила их Люся.

Ей хотелось увидеть огромный город чуть ли не в десять раз больше Куйбышева, ей хотелось вырваться из-под опеки родителей. Хотя она плохо представляла, что ждет ее в самостоятельной жизни.

В институт Люся поступила легко, блестяще сдав вступительные экзамены.

Так осторожно и осмотрительно Люся вступила в самостоятельную жизнь.

Учиться в институте Люсе понравилось. Там были отличные преподаватели, самые последние методики, передовые учебники, лучшие книги в библиотеке. И девочки в группе оказались, как на подбор, самые сильные — слабые не могли продраться сквозь мелкое сито вступительных экзаменов. Было, правда, несколько блатных, но они погоды не делали.

Группа состояла из двадцати четырех девушек и одного юноши. Это был долговязый сутулый тип из подмосковного городка по имени Ваня Бугарев. Непонятно, как он попал на факультет, считавшийся абсолютно женским, в опасную компанию веселых языкатых девчонок, то и дело норовивших больней поддеть единственного представителя сильного пола.

Единственный имевшийся в непосредственной близости от Люси мужчина совершенно не годился на роль возлюбленного. А другого в девичьем коллективе не было!

За неимением объектов для сердечных увлечений девушки влюблялись в киноартистов, певцов или преподавателей — существ столь же прекрасных, сколь и недостижимых для проявления чувств. Из этой триады самыми доступными были педагоги. Любимцем курса считался профессор Днепров, вальяжный плотный мужчина с зачесанными назад волосами и приятным баритоном, вызывавшим болезненные приступы девичьей страсти. Когда Днепров читал лекции всему потоку, сотни влюбленных глаз ловили каждое его движение, сотни ушей, замирая, упивались громкозвучными раскатами его голоса. Эти глаза не видели то, что писалось на доске, а уши не воспринимали тонкости литературоведческих проблем — в это время души девушек были далеко. Они признавались в любви своему профессору, обнимали его, сливались с ним в страстном поцелуе и в конце концов, как обычно бывает в литературе, шли с ним под венец. А в итоге во время сессии весь поток поражал деканат своими отвратительными оценками по литературоведению.

Другим любимцем курса был преподаватель марксистско-ленинской философии Акопов. Этот сорокалетний мужчина, имевший восточные корни и недописанную диссертацию, был жгучим брюнетом с большими миндалевидными глазами и густыми усами. Точно чувствительный инструмент, настроенный исключительно на женщин, он улавливал обожание, витающее в воздухе, и отвечал взаимностью своим студенткам — как всей

массе в целом, так и (при обоюдостром желании) некоторым из них в отдельности. Ходили слухи, что кто-то уже делал аборт от страстного армянина, вспоминались случаи громких скандалов с его женой, которые с трудом заминались деканом.

Когда маслено-черный взгляд преподавателя, вещавшего о марксистско-ленинской философии и неминуемой победе пролетариата так, как будто он пел любовную серенаду, останавливался на ней, Люся испытывала странное ощущение. Она немного боялась его и в то же время чувствовала, что нерушимая грань между ними мгновенно исчезнет, стоит только ей сделать единственный знак — глазами ли, губами или просто своим влюбленным молчанием.

Порой ей снилось ночью, как жгучий брюнет с горящими глазами обнимал ее, шепча на ухо любовные песни о Карле Марксе, а она дрожала от его прикосновений, не в силах пошевелиться. Шелковистые усики щекотали ее нежную кожу, спускаясь по сладострастно выгнутой шее все ниже и ниже... Ее охватывала дрожь, от которой она просыпалась посреди ночи, задыхаясь, с бешено колотящимся сердцем. Она вслушивалась в размеренное дыхание подруг по комнате и была рада, что все приснившееся ей только сон... И жалко ей было, что это всего только сон...

Потом она засыпала и вновь ощущала на своей коже парализующее прикосновение его шелковистых усов...

На самом деле усы у него оказались жесткими, а борода колючая. Они пахли табаком и каким-то приторно-сладким одеколоном. Ей наконец удалось ощутить то, о чем мечталось ночами, когда на институтском вечере (это было на третьем курсе перед Новым годом) он неожиданно пригласил ее танцевать и, повинувшись запаху желания, исходившему от нее с сумасшедшей силой, повинувшись ее умоляющему взгляду, впился в ее губы пылким жалящим поцелуем.

— Сергей Вазгенович, — прошептала Люся, вырываясь из его цепких рук. — Не надо, я... Сергей Вазгенович!

Но его жесткие губы упорно прижимались к ее губам, а пахнувшие табачным дымом пышные усы лезли в нос, щекоча ноздри, так что Люсе мучительно хотелось чихать. Гибкий подвижный язык упорно раздвигал ее зубы, проникая внутрь с наглой бесцеремонностью существа, знающего наизусть дорогу к наслаждению.

— Я провожу вас... тебя... — Акопов задыхался от желания, прижимая к себе выдиравшуюся из его объятий девичью фигурку. (Люся чувствовала что-то твердое в брюках философа, это твердое упиралось ей в бедро, пугая ее.) — Поедем ко мне... Ладно?

— Да-да, конечно, — лепетала Люся, вырываясь из его объятий. Ей удалось все же выскользнуть и убежать к подругам. Вскоре она уже давилась от смеха, описывая свои ощущения от поцелуев философа.

В конце вечера Люся с подругами благополучно улизнула через черный ход, а Акопов безрезультатно прождал ее на морозе в течение часа, пока окна института не потемнели. Он уже успел позвонить приятелю и предупредить его, чтобы тот оставил ему квартиру, предварительно купив вино и букетик мимозы.

А Люся в это время уже спала в общежитии, уткнув нос в подушку. И снился ей жгучий брюнет с незнакомым лицом, от которого она убегала по темным улицам и никак не могла убежать, а он догонял ее, в немой мольбе протягивая руки, — и не мог догнать...

Результатом несостоявшегося свидания стала тройка по философии, полученная Люсей на экзамене у Акопова в летнюю сессию. Обиженный философ не смог философски отнестись к любовной неудаче. Он не простил ей своего часового стояния на морозе и бездарно пропавшего вечера, который мог бы провести с другой, более сговорчивой девушкой, и вкатил Люсе абсолютно незаслуженную оценку. «Неуд» миновал ее лишь потому, что Акопов побоялся злых насмешек и обвинений в мести из-за отвергнутой любви.

— Что я теперь скажу родителям! — безутешно рыдала Люся в комнате общежития.

Соседки Люси по комнате, Марина из Петрозаводска и Оля из Армавира, горячо обсуждали неудачу подруги. Женский совет сошелся на том, что поражение на экзамене — это на самом деле моральная победа над сластолюбивым Акоповым. Оля, красивая девушка с рыжеватыми, коротко стриженными волосами и белоснежной кожей в веснушках, гладила рыдающую Люсю по спине и утешала ее:

— Ну, ничего... Мы ему покажем где раки зимуют... Напиши заявление в парторганизацию института и все расскажи. Тогда ему ой как несладко придется! Он же преподаватель марксизма-ленинизма, работник идеологического фронта. Ему нужно иметь незапятнанный моральный облик.

Но Люся благородно отказалась от идеи мщения, несмотря на то что тройка на экзамене лишила ее права на повышенную стипендию.

А Марина, высокая молчаливая девушка с загадочным лицом и глубокими с поволокой глазами, вытирая подруге слезы и рассматривая ее лицо, произнесла, точно впервые разглядела ее:

— Смотри-ка, Оль, а Люда-то наша... какая красавица!

Но Люся разрыдалась еще пуще. Она сняла запотевшие от влаги очки и отшвырнула их, так что они чуть не разбились.

— Нет, правда, смотри! — Марина любовно расправила спутанные волосы подруги, откинула назад короткую челку. Ее цыганские глаза впились в ее зареванное лицо долгим изучающим взглядом, от которого Люсе стало не по себе.

— Ага! — равнодушно сказала Оля и надкусила огромное яблоко.

— Чуть-чуть серебристых теней на веки и розовой помады... — шептала Марина, колдуя вокруг Люси. — И все мужчины с ума от тебя сойдут!

Успокаивая ее ласковыми прикосновениями, она расчесала ей волосы, любовно укладывая пряди над лбом, прошла пуховкой по щекам, чуть тронула кисточкой подбородок.

— Картинка! — наконец прошептала она — и неожиданно прижалась своим полным горячим ртом к Люсиным губам.

Та испуганно вздрогнула и отстранилась...

Они познакомилась случайно, в метро. Возвращаясь с каникул домой, Люся с вокзала направилась в общежитие. Обе ее руки оттягивали сумки с вещами и с наготовленной мамой снедью.

— Давай помогу! — предложил ей парень в пушистой ушанке и теплой куртке на меху. Половину его лица скрывала огромная шапка, а другую половину — лохматый шарф, защищавший подбородок от стужи.

— Я сама! — дернулась было Люся, твердо усвоившая правила, которые вдалбливались ей в голову с детства: с незнакомыми не разговаривать, на улице не знакомиться, чуть что — звать милиционера. Но сумка была действительно такой тяжелой...

— Ты живешь в общежитии? — скорее утвердительно, чем вопросительно заявил парень и добавил: — А у меня там сеструха учится на физфаке, так что нам все равно по пути.

Мимоходом юноша поведал ей, что живет в Чертанове, учится в автодорожном институте, а сеструха его, повздорив с родителями, по дури своей ушла из дома и поселилась в общежитии, и что его зовут Юра Любимский, и что он в их общежитии бывает сто раз в месяц. Он дотащил сумку до дверей Люсиной комнаты, попрощался с ней и был таков.

Они столкнулись через пару дней в холле.

— А, привет! — улыбнулся Юра.

Только теперь Люся его хорошо рассмотрела. Это был не очень высокий парень лет двадцати, с небольшими ясными глазами и курносый носом. Банальная внешность, не красавец и не урод, так, ничего особенного.

— Сеструха куда-то запропастилась, — объяснил он свое присутствие в холле. — Ничего, если я у тебя в комнате посижу?

— Ну, посиди, — согласилась Люся.

Они проболтали часа два — о том о сем. О преподавателях в институте, о вузовских мероприятиях, о танцах, о театрах и о книгах. Юра был занимательным типом. Он много чего знал, много где бывал и живо и ярко рассказывал обо всем. На исходе второго часа их беседы вернулась с лекций Марина и уставилась на посетителя пристальным, изучающим взглядом.

— Это что еще за... — В ее голосе звучало сдержанное презрение.

— Это Юрик! — перебила ее Люся, зная тяжелый, ревнивый нрав подруги. — У него сестра у нас учится.

Марина смерила гостя тяжелым, понизывающим взглядом, но не сказала ни слова. А Юра и Люся решили отправиться в кино.

Это был легкий, необременительный роман, без страданий, без мучений и без непреодолимых преград. Они встречались после лекций где-нибудь в центре и шли в кафе-мороженое или в кино или просто гуляли по городу, наслаждаясь мягким морозцем, близостью весны и общением друг с другом.

Они целовались, гуляя на Страстном бульваре в ожидании сеанса в «России» или стоя на эскалаторе, на танцах танцевали, осторожно прижимаясь друг к другу, никогда не ссорились. Вскоре, когда наступил май и после затяжных заморозков с морозящим дождем, переходящим в снег, наконец расцвели яблони, Юра пригласил Люсю к себе домой. Это приглашение означало одно: знакомство с его родителями.

Они не говорили о будущем, но скорая женитьба подразумевалась сама собой. Марина, смеявшаяся сначала над неказистой внешностью жениха и подшучивавшая над выбором Люси, вроде бы смирилась со скорой потерей подруги. А Люся сохраняла спокойную радость в душе. Ей нравился Юра, только любовь ли это, она не могла сказать. Она испытывала совсем не то, когда мечтала о встречах с лейтенантом Игорем, не то, что испытывала, когда ее целовал философ Акопов, не то, о чем читала в романах. Это было ровное, светлое чув-

ство, радовавшее Люсю и не причинявшее ей ни боли, ни страданий. Она не думала о будущем и не представляла себя замужней женщиной с ребенком на руках. Ей нравилось целоваться, она испытывала при этом приятные ощущения, и ей льстил тот факт, что у нее тоже, как и у других, есть парень.

А вскоре после того, как мама Юрика одобрила подругу сына и дала официальную санкцию на их встречу, в один прекрасный летний день Люся застала свою лучшую подругу Марину в постели со своим женихом.

Она вернулась слишком рано с занятий — не пошла на последнюю лекцию, чтобы подготовиться к назначенному на вечер походу в театр.

Открыв своим ключом комнату, Люся шелкнула выключателем (от плотных занавесей в комнате было темно) и остолбенела: на кровати Марины под тонкой простыней, стыдливо обрисовывающей контуры двух тел, лежали Марина и Юра. Лицо Юры выглядело глуповато-растерянным, а Марины — торжествующе-спокойным.

— Привет! — сказала Люся, с трудом сглотнув комок слюны, застрявший в горле.

Ей отчего-то стало неудобно и немного стыдно, точно ее застукали за чем-то неприличным. Она оцепенела, не понимая, что происходит и как вообще такое могло произойти.

— Ты бы хоть отвернулась! — наконец спокойно произнесла Марина. — Нам нужно одеться.

Люся опомнилась и выбежала в коридор. Она стояла возле окна, и ее сердце стучало как бешеное. Она была оглушена случившимся и почти ничего не сообщала.

— Ты сама виновата, — холодно заметила Марина, когда Люся вернулась в комнату. Юры там уже не было. — Могла бы постучаться. И вообще. Я ведь тебе рассказывала, какие мужчины. Они не могут ждать...

Люся тупо молчала. Она смотрела мимо Марины, боясь встретить ее высокомерно-торжествующий взгляд.

Короткая мысль о том, что все это было специально подстроено подругой, пришла ей в голову и тут же была отмечена как имеющая мало смысла.

Юра появился лишь через несколько дней. Он ждал Люсю возле входа в институт, понутив голову. Вид у него был виноватый.

— Ты пойми, я не хотел, — забубнил он что-то невразумительное. — Она сама... Я не успел даже опомниться... Это глупо, конечно, я понимаю...

— Глупо? — До Люси дошло только последнее слово. — Ах, глупо... — И тут же она подтвердила: — Действительно, глупо и пошло!

Не попрощавшись с ним, она ушла, думая лишь о том, что, наверное, все это случилось не потому, что кто-то виноват в происшедшем, а потому, что она такая некрасивая, а вот Марина — та настоящая красавица. А ей, бесцветной уродке в очках с толстыми стеклами, не удержать возле себя даже такого обыкновенного, в общем, парня, как Юра... И некого в этом винить, кроме самой себя.

Сидя в парке в яркий солнечный день, Люся глотала соленые слезы и громко шмыгала носом. Жизнь ей казалась коротким сном, который сулит тяжелое пробуждение. Он быстро кончился, едва начавшись, и не стоит рассчитывать на благополучный конец. Тогда она впервые поняла, что благополучные концы бывают лишь в романах. И ей стало горько.

К окончанию института родители Люси неожиданно перебрались в Подмосковье. Быстро, через какие-нибудь полгода ожидания, они получили двухкомнатную квартиру в небольшом авиационном городке в тридцати километрах от столицы. Комиссованному по состоянию здоровья из армии полковнику Жукову дали инвалидность.

Получение областной прописки оказалось как нельзя более кстати — несмотря на диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру, Люсе грозило распределе-

ние в тмутаракань, в какую-то сельскую библиотеку в Архангельской области, и справка о том, что ее родители проживают в Подмосковье, имела решающее значение. Вместо северной глубинки или сибирской глуши, Люся совершенно неожиданно для себя получила распределение номер один — ее направили на работу в главную библиотеку страны, библиотеку имени Ленина, пресловутую Ленинку.

Выйдя из комнаты, где заседала комиссия по распределению, Люся прыгала до потолка. Она была счастлива! Она даже обняла и расцеловала Марину, свою заклятую подругу, с которой с тех пор, как она переехала к родителям, они не общались.

Оказалось, что Марину направили работать в Прибалтику, в Литву. Это распределение считалось очень даже неплохим. С точки зрения московских обывателей, Литва казалась почти западноевропейской страной, культурной и комфортной.

— Ты скоро уезжаешь? — Люся мгновенно забыла о своей бывшей ненависти, она постепенно сгладилась за прошедшие с той поры два года, оставив в душе только осадок неловкости.

— Я не собираюсь никуда ехать. — Марина усмехнулась.

— Но как же распределение? Ведь это обязательно! — удивилась Люся.

— Не для меня! — Марина сделала выразительную паузу и небрежно заметила: — Я выхожу замуж. Муж — москвич, и я конечно же не собираюсь покидать его, чтобы трудиться на благо государства.

— Поздравляю! Кто он, если не секрет? — У Люси внезапно перехватило дыхание от острой догадки.

Продолговатые с цыганской поволокой глаза Марины уставились прямо ей в лицо, отыскивая в нем признаки волнения.

— Ты его знаешь... За Юру Любимского.

— Поздравляю! — еще раз тупо повторила Люся и отвернулась, почувствовав укол досады где-то в левой половине груди.

Значит, у них все на самом деле было серьезно, решила она. А со мной — так, глупые поцелуйчики и ничего такого...

Она не знала, каких интриг и какого актерства стоило Марине ее замужество! К тому же ей совершенно не хотелось выходить замуж за скромного инженера, получившего распределение в конвейерный цех автозавода «АЗЛК».

Но Марина не могла уехать, зная, что Люся остается в Москве. Марине хотелось быть рядом с ней. Зачем? Этого она и сама не знала...

Глава 3

Ей запомнился тот день, когда, вынырнув из душной горловины метро, она впервые поднялась по высоким ступеням к главному входу в Ленинку. Огромные мрачноватые колонны, за которые цеплялся утренний вязкий туман, взмывали ввысь; поддерживая высокий портик. Сердце Люси стучало как бешеное. Раньше она и мечтать не смела войти сюда не студенткой в общий зал, самый доступный и самый непрестижный из всех, а равноправным сотрудником! И вот теперь...

Люся поправила очки на переносице и решительно толкнула большую дубовую дверь.

Больше сорока миллионов томов на двухстах сорока семи языках — с ума сойти! Крупнейшее собрание книг в Европе и второе в мире после Библиотеки конгресса США. Раритетные издания, летописные списки десятого века, палимпсесты — и все это вскоре станет доступным для нее! Если это не счастье, то что же это такое?

Ее направили сотрудницей в информационно-библиографический отдел. В полной упругого пульсирующего ритма действительности «электричка—работа—электричка—сон—электричка» у нее совсем не оставалось времени для личной жизни. Да и с кем было организовывать эту личную жизнь? Коллеги по работе были в основном женщинами, если не считать нескольких

замшелых старичков предпенсионного возраста, которые на роль воздыхателей не годились. В метро или электричке Люся знакомиться не умела — мужчин отпугивали ее массивные очки, скрывающие лицо непроницаемой маской, и холодно-неприступный вид.

Зато у Люси, при всей ее застенчивости, со временем появились подруги из числа сослуживиц. Особенно ей стала близка Татьяна Льяшенко, молодая незамужняя женщина лет тридцати, с резкими стрелками возле глаз, делавшими ее похожей на египтянку, и короткой мальчишеской стрижкой. Именно Татьяна привела Люсю на Московский ипподром в Школу верховой езды, соблазнив своими неумеренными восторгами.

— Ну хоть один раз попробуй! — умоляла она. — Один разок!

Люся попробовала, и ей понравилось — она заболела лошадьми.

Московский ипподром произвел на нее неизгладимое впечатление. Он представлял собой целый остров в центре Москвы, государство в государстве, занимая площадь около сорока гектаров. Он поражал размерами и масштабами: его пропускная способность была более тысячи двухсот лошадей в год, там существовали четыре нивелированные, с виражами дорожки (три беговые и одна скаковая), тридцать рысистых тренерских отделений.

Денники, где содержались лошади, конюшни, шорно-седельные мастерские, кузни и, наконец, сами беговые дорожки и трибуны — все это бурлило с утра до вечера, точно растревоженный улей. К служебным воротам подъезжали фургоны, привозившие лошадей со всей страны для участия в соревнованиях — и ахалке-тинцев, и знаменитых орловских рысаков, и иноземных скакунов, привезенных для разведения из-за океана, и лошадей самых известных конезаводов страны, колхозов и ферм.

Подруга Люси, Татьяна, уже целый год занималась в Школе верховой езды, где учились люди, желающие стать наездниками.

Тренером в школе был известный наездник международного класса Михаил Козлов. Он когда-то считался лучшим наездником страны, побеждал в международных соревнованиях, пока однажды не получил сильную травму на скачках и больше не смог подняться в седло. Отказаться от общения с лошадьми он не мог и потому стал преподавать в школе, разъясняя рабочим, пенсионерам, пионерам, артистам, художникам, ворам в законе, партийным функционерам и, наконец, двум симпатичным библиотекаршам правила поведения с лошадьми.

Первое занятие было полностью посвящено чистке лошади, то есть грумингу.

— Груминг, — объяснял Козлов, — это важный элемент ухода за лошадью, он необходим для поддержания ее здоровья. При чистке удаляются с кожи грязь, пыль, перхоть, отмершие волосы, открываются поры, через которые происходит потоотделение, производится очень полезный для тела массаж. Для груминга нужны щетка, скребница, суконка, крючок для расчистки копыт и ведро для их замывки. Все предметы ухода индивидуально закрепляются за каждой лошадью или парой, работающей в одной упряжке. Можно для чистки использовать пылесос со специальной насадкой на шланге. Для груминга лошадь выводится на коновязь или в проход конюшни. Во время кормления чистку лошади не делают. Если я увижу, что у кого-то из вас лошадь плохо вычищена, на занятиях можете больше не появляться — вы автоматически исключаетесь из школы.

Первые несколько месяцев новичков не допускали к седлу. Они лишь чистили лошадей, помогали ветеринарам в лечении, конюхам в уходе за животными, учили разные элементы упряжи, виды седел и осваивали прочие премудрости. И только весной, когда первая молодая травка пробилась на свет божий из земляного оттаявшего подземелья, Козлов объявил, что в воскресенье состоится первое занятие с лошадьми.

За Люсей закрепили смирную гнедую кобылу по кличке Лужайка. Отцом Лужайки был жеребец редкой

американской стандартbredной породы по имени Парк Авеню Сэм, сын Мистик Парка, чьим отцом был знаменитый Мак Лобелла. Мать Лужайки была русских кровей, гнедая кобыла Алтайского конезавода по кличке Поспешная, дочь Промаха и Голубки. Результат этого американо-русского мезальянса получился не слишком удачным. Лужайка особых успехов не демонстрировала, была хитра и ленива, и потому, когда ей перевалило за пять лет, была отправлена для обучения новичков в Школу верховой езды.

Умная Лужайка быстро усвоила, что из Люси можно запросто выбить пару кусочков сахара, если немножко поупрямиться. Она до тех пор не давала чистить себя, вертелась, становилась боком, делала вид, что прикусывает руку Люси, пока та, сдавшись, не доставала из кармана целую пригоршню рафинада. Только после этого, деловито хрумкая сахаром, Лужайка снисходительно подставляла бок для груминга.

Первое занятие началось, как всегда, с теории. Козлов поучал новичков:

— Прежде всего вам необходимо ознакомиться с экстерьерными особенностями животного, изучить его нрав, поведение, определить качество движений на шагу, в рыси и галопе. Вам нужно узнать типологические особенности высшей нервной деятельности вашей лошади — это облегчит и работу тренера, и вашу работу, работу всадника. Ведь каждое животное имеет сформированные двигательные навыки и соответствующий выработанный динамический стереотип.

План дальнейших занятий был таков:

— Сначала вы будете учиться делать проводку лошади на манеже, потом прогонку на корде, чтобы приучить животное к интонации вашего голоса, а затем начнется работа в руках, чтобы научиться работать поводом и шенкелями. И только потом — работа под всадником. Я буду учить вас посадке, средствам управления, движению различными аллюрами по прямому направлению, на заездах и вольтах. Поощрять лошадь вы должны интонацией голоса и оглаживанием и толь-

ко при особо удачном выполнении упражнения — подкормкой.

Люся не могла дождаться, когда наступит тот день, когда ей позволено будет сесть на свою Лужайку.

И вот, наконец, этот день наступил.

Лужайка вела себя подчеркнуто смирно и только изредка косила в сторону наездницы взглядом, в котором сквозила искорка особой лошадиной хитрецы.

— Руки, согнутые в локтях, свободно опусти вниз, они должны лишь слегка касаться тела, а кистями рук мягко и ровно держи разобранные поводья, — наставлял Козлов, подсаживая девушку в седло.

Люся, легкая и шуплая от природы, взлетела в седло как птица. Она была на седьмом небе. Это было так легко, так прекрасно! В ее душе всколыхнулся восторг, который испытываешь лишь во время полета.

Она шевельнула поводьями, и Лужайка размеренным шагом пошла по манежу.

— Ноги должны плотно прилегать к седлу, а бедра направлены вниз и слегка вперед, — поучал ее тренер. — Колени плотно и неподвижно прилегают к седлу. Голени опущены вниз и слегка назад, плотно прижаты к бокам лошади. Стремена держи на широкой части ступней, слегка упирайся в них ногами. Давай посылай ее вперед!

Люся прижала шенкеля к бокам лошади. Лужайка оживилась и неспешно двинулась вперед. Сердце наездницы прыгало от счастья.

— Колено не отводи от крыла седла! — повысил голос Козлов, наблюдая за ученицей. — Шенкель должен всегда находиться у бока лошади, за подпругой. Держи его спокойно и ровно, когда лошадь идет правильно. Действуй им энергично, если она не выполняет требуемое движение.

Лужайка летела по манежу, постепенно набирая ход. Люся тряслась у нее на хребте, как будто ее трепали за плечи. Ее даже замутило от этой непрерывной вибрации. Тренер кричал что-то вдалеке, но она не разбирала его слов, сжавшись в комок. В какой-то момент всад-

ница дернулась, завалилась назад, поводья натянулись, и лошадь одним изящным движением крупа сбросила свою легкую ношу на землю.

Оглушенная и пристыженная, Люся поднялась с грязного манежа. Она была вся в опилках — одежда, волосы, лицо. К щеке пристал кусочек конского навоза. К ней неторопливо приблизился тренер.

— Поздравляю, первое крещение, — великодушно заметил он. — Кто с лошади не падал, тот не наездник! — И он принялся объяснять ее ошибку: — Ты слишком сильно прижала шенкеля, лошадь вполне справедливо восприняла это как приказ ускорить движение, а потом ты резко дернула повод. Вот так все и произошло...

Люся согласно кивала, но про себя недоумевала, как это случилось. Хоть убей ее, она шенкеля не прижимала и повод не натягивала — все получилось само собой. Ей было невыносимо стыдно.

Ей нравился тренер, невысокий худощавый мужчина с резким обветренным лицом и грубым голосом. От него исходило какое-то своеобразное обаяние, многие девушки в их группе были влюблены в него, а кое-кто даже пользовался у него взаимностью. Частенько после занятий ученицы обсуждали стати тренера, точно параметры жеребца, победившего в забеге.

Козлов помог ей подняться. Когда он заботливо отряхивал ее одежду от опилок, его рука нечаянно скользнула по ее груди и на долю секунды задержалась на ней... Или ей это только показалось? Люся мучительно покраснела.

После первого неудачного занятия Люся стала относиться к Лужайке с подозрительной настороженностью, пытаясь угадать в любом движении лошади подвох. Ей было стыдно признаться себе, что она боится животного. Она с опаской забиралась в седло, каждую секунду ожидая резкого движения лошади и падения, слишком слабо и осторожно прижимала шенкеля, боясь, что Лужайка понесет, и совсем уж робко натягивала повод. Лужайка чувствовала боязнь всадницы и вела себя совсем уже безобразно. Вместо того чтобы выполнять уп-

ражнения, она то и дело норовила свернуть к конюшне, где, как она отлично знала, ее ждало великолепное сено и желанный покой. Не слушая уговоров наездницы, которая умоляюще шептала: «Лужаечка, миленькая солнышко, ну сделай, ну пожалуйста!» — лошадь, ничего не желая слышать, брела к деревьям и тянулась мордой к свежей салатовой листве.

В конце концов тренер заметил их странные отношения.

— Ты боишься лошади, и она это чувствует, — произнес он однажды. — Тебе не стоит заниматься конным спортом. Жалко, что я потратил на тебя столько времени.

Он развернулся и равнодушно направился к другому ученику.

Люся сначала покраснела, переваривая его слова, потом побледнела точно смерть и в то же мгновение, забыв о страхе и о коварстве Лужайки, взлетела без всякой поддержки в седло. Шенкеля впились в нежные бока лошади, и Лужайка испуганно рванула вперед.

В тот день ученики отрабатывали элементы выездки. Лошадь и всадник должны были сначала научиться перешагивать через небольшое бревно в углу манежа, потом перепрыгнуть через пятидесятисантиметровое препятствие, а затем, в конце занятия, уже через метровое. Лошадь, конечно, была обучена преодолевать препятствия, а вот наездник должен был научиться владеть своим телом так, чтобы помочь животному выполнить элементы программы. Основной трудностью считалось правильно распределить при прыжке вес тела, чтобы не нарушить центр тяжести лошади.

Как бешеная фурия, Лужайка пронеслась по манежу. Люся, гневно раздувая ноздри, сидела в седле, точно прикипев к нему. Держа в поле зрения фигуру тренера в конце поля, она направила лошадь сначала на одно препятствие, затем на другое, затем на третье... Оторопев от смелости своей наездницы, Лужайка послушно выполняла все ее приказания. Угловым зрением Люся видела повернутое к ней лицо Козлова, объяснявшего в это время что-то ученику.

Девушка была в бешенстве. Она все направляла и направляла животное в прыжок, разворачивала его и вновь скакала к препятствию — перед глазами ее от обиды сгущались черные пятна.

Прозвучал свисток, означавший окончание занятий. Совершенно замотанная Лужайка остановилась, судорожно поводя боками.

Стараясь задушить наворачивающиеся на глаза слезы, Люся принялась слезать с лошади. «Ну и что... — говорила она себе. — Ну и ладно... Подумаешь... Не очень-то и нужно...»

В это время кобыла, вспомнив все издевательства своей наездницы, ловко дернулась, и девушка, кувыркнувшись, зарылась носом в опилки.

Люся вскочила, ослепнув от ярости и от опилок, забивших нос и глаза. Отплевываясь, она принялась хлестать лошадь поводом, плохо соображая, что делает. Силенок в ее руках было маловато, и потому для Лужайки ее удары были сродни щекотке.

Девушка опомнилась только тогда, когда кто-то отобрал у нее повод и мягко обнял за плечи.

— Ну-ну, — слышался неожиданно нежный голос Козлова. — Ишь ты, разозлилась... Обиделась, что ли? Ну ладно, с кем не бывает. А животное бить нехорошо...

Он помог девушке отвести Лужайку на конюшню и расседлать ее. Сцепив зубы, Люся молча выполняла привычные манипуляции, чувствуя на себе пристальный взгляд тренера.

Когда она уже собралась домой, он подошел к ней и вновь мягко, по-дружески, обнял за плечи.

— А ты у меня молодец... А вообще, ты сейчас куда? Я на машине, тебя подбросить?

— Нет! — коротко бросила ему Люся. И, развернувшись, ушла.

В этот момент она неожиданно чувствовала себя очень сильной. Яркий взрыв эмоций излечил ее от всего — от страха перед лошадью, от неуверенности в себе и от детской влюбленности в тренера.

— Что он тебе говорил? — заговорщически спросила Татьяна, когда они вместе направлялись к метро после занятий.

— Предлагал подвезти, — ответила Люся с независимым видом.

— Да ты что! — изумилась подруга и тут же недоверчиво спросила: — И ты не согласилась?

— Нет!

— А я бы согласилась, — тяжело вздохнула Татьяна. — Только мне он не предлагал...

Как и все девушки в группе, она была по уши влюблена в тренера.

— А я не такая, как ты! — гордо сказала Люся. И поверила своим словам.

Однажды, через полтора года после окончания института, в середине зимы, явившись утром на работу, Люся заметила в комнате, где работала, странно знакомую фигуру. Девушка стояла спиной, и Люся нахмурила лоб, припоминая, кто это мог быть. Сотрудников в библиотеке было много, и даже за год работы сложно было выучить их имена наизусть.

Внезапно незнакомка обернулась, и Люся узнала миндалевидные, с бесовской поволокой глаза.

— Марина! — ахнула она. — Ты как здесь оказалась?

— Да вот, работать пришла, — с коротким смешком призналась Марина. — Устроиться знакомые помогли. Хотелось быть поближе к тебе.

Ее иронический вид был призван говорить об обратном.

Люся смешалась, не зная, что сказать. Кажется, та кошка, что четыре года назад пробежала между ними, давно должна была сдохнуть, но... Да и для неприязни, кажется, нет больше причины.

«Мне совсем не обязательно с ней дружить, — решила она. — Буду просто поддерживать с ней нормальные отношения. Ведь у меня так мало подруг. Только одна Татьяна... и Лужайка!»

Они поболтали о том о сем, а когда разговор иссяк и наступила пауза, Люся принужденно улыбнулась, показывая, что давно забыла о прошлом:

— Как семейная жизнь?

— Можешь поздравить меня! — Марина гордо улыбнулась ярко накрашенным ртом. — Я уже мама!

— Правда? И давно?

— Уже почти год. У меня мальчик.

Люся автоматически прикинула в уме. Значит, когда они заканчивали институт, Марина была беременна.

— Ах, ты знаешь, дети — это такая морока, — щебетала Марина, беря Люсю под руку, тем самым предлагая ей прогуляться по коридору. — Я совсем не сплю ночью. Вот, сбежала на работу, чтобы не свариться окончательно в семейном котле.

— А где же твой сын?

— С ним сидит свекровь, — махнула рукой Марина и продолжала доверительно изливаться в признания: — Ты знаешь, она такая стерва, совсем не дает мне жизни! Управляет Юрой, точно он ее слуга, пытается даже мной руководить. Мы уже подумываем над тем, чтобы снять отдельную квартиру... Пусть это дорого, но все же лучше, чем целый день выслушивать ее ядовитое жужжание...

С этого дня девушки стали видеться каждый день. Постепенно они вновь сблизились и стали неразлейвода. Но произошло это не благодаря желанию самой Люси, а скорее вопреки. Казалось, какой-то спортивный интерес заставлял Марину преодолеть сопротивление бывшей подруги и стать ей как можно ближе. Она посвящала ее в тайны семейной жизни, приглашала к себе домой, сама приезжала в гости к Люсиным родителям и вечно щебетала всем знакомым и малознакомым, что они лучшие подруги.

Она даже изъявила желание записаться в Школу верховой езды, но, побывав на нескольких занятиях, быстро разочаровалась.

— Фу, какой запах! — пожаловалась она Люсе. — У меня даже кружится голова от лошадиной вони. Не

представляю, почему тебе так нравится заниматься? К тому же, я слышала, верховая езда вредна для девушек...

Но, несмотря на активное противодействие Марины, Люся продолжала посещать школу. Постепенно она освоила элементы выездки и часами самозабвенно гарцевала на Лужайке, с которой у нее после давнишней ссоры установилось полное взаимопонимание. А однажды ее вместе с Лужайкой даже выставляли на городские соревнования по выездке. Правда, призового места она не заняла, но испытала гордость от собственных возросших способностей.

Постепенно девушка начала чувствовать животное, точно оно было частью ее тела, и больше не задумывалась над тем, нужно ли натянуть поводья или привстать в седле — у нее все это получалось автоматически. Она словно сливалась с животным в единое целое и, когда Лужайка послушно взвивалась над барьером, испытывала восторг, многократно усиленный ощущением полета.

Во время соревнований по выездке родители Люси и Марина болели за нее на трибунах. Потом, когда настала пора поздравлений, Марина вместе со всеми обнимала и целовала раскрасневшуюся, взволнованную подругу, остро пахнущую конским потом.

— Ты была великолепна! — щебетала она. — Когда ты начала упражнения, это было изумительно! Твои волосы развевались за спиной, а фигурка на лошади была такой стройной... Я чуть не умерла от восторга! Ты была... как амазонка в седле. Ну разве можно не влюбиться в такую? — Марина развела руками, точно приглашая полюбоваться наездницей, и вновь заключила ее в объятия.

А потом они все вместе отправились к родителям Люси и остались там ночевать. После торжественного ужина Лилия Андреевна с доброй улыбкой заметила:

— Я постелила вам вместе на диване. Знаю я вас, девчонок, всю ночь будете шушукаться...

Действительно, добрую половину ночи в комнате слышался горячий шепот и приглушенный смех. Люся, все еще возбужденная своим успехом, вслух мечтала о

том, как через год ее, может быть, выставят на всесоюзные соревнования, потом на международные, а потом... А Марина слушала ее, лежа на боку и подперев голову рукой. Ее грудь выглядывала в вырезе сорочки, сосок в полумраке казался почти черным. Потом они поболтали об одном, потом о другом, потом перескочили на третье. Марина неожиданно сказала:

— Знаешь, мы с Юркой разводимся.

— Почему? — оторопела Люся. — Как же так, у вас же сын?

Марина ласково провела кончиками пальцев по ее щеке.

— Не люблю я его, — вздохнула она и, закинув руки за голову, уставилась в потолок. — Как только он прикасается ко мне — меня всю дрожь отвращения пробивает...

— Но ведь раньше...

— Что раньше! Раньше я душой была... И вообще, все мужики — это такая мразь! Им только одного и надо... Не люблю я их.

Люся покраснела в темноте, но сказала, только чтобы что-то сказать:

— А кого же ты любишь?

— Кого? — Продолговатые, казавшиеся в темноте огромными глаза Марины уставились на нее. Внезапно, уткнувшись в плечо подруги, она прыснула и залилась смехом, похожим на рыдания: — Тебя, наверное...

Своими разговорами они разбудили Лилию Андреевну.

— Девочки, пора спать! — слышался сонный голос матери.

— Все, уже спим! — ответила Люся и натянула до подбородка одеяло. — Правда, Марин, завтра рано вставать...

А ночью в горячечных тревожных снах ей снилось, как кто-то ласково целует ее, осторожно гладит кожу нежнейшими прикосновениями. У Люси не было сил проснуться. Разбитое усталостью тело оставалось глухим к самым нежным призывам.

Утром они как ни в чем не бывало встали и, позевывая во весь рот, отправились на работу.

А днем Люся познакомилась со своим будущим мужем.

Ее поставили на выдачу в зал технической литературы. Был понедельник, и народу утром пришло совсем немного. От недосыпания у Люси периодически сводило челюсти зевотой, но она крепилась, не чая дожидаться окончания рабочего дня.

К стойке приблизился белокурый парень с уверенной улыбкой, одетый в свободный свитер, из-под которого выглядывал воротничок белой рубашки и узел галстука, повиду — типичный донжуан. Он протянул Люсе карточку с кодом книги.

— Это у вас есть? А когда будет? — засыпал он ее вопросами и тут же вновь спросил: — А вечером вы что делаете?

Невыспавшаяся, потерявшая бдительность, Люся неожиданно даже для себя самой пожала плечами, вместо того чтобы отшить пристававшую:

— Не знаю.

Впрочем, не так уж часто молодые люди интересовались ее свободным временем. Люся сняла очки и потрянула распущенными волосами.

— Ты зачем пристаешь к красивой девушке, Андрей? — К белокурому кавалеру приблизился невысокий темноволосый юноша в крупных очках и безупречном костюме. Он по-свойски хлопнул приятеля по плечу. — Мешаешь работать.

— Вот собираюсь пригласить девушку в кино, а она отказывается, — обернулся тот, кого называли Андреем.

— Я совсем не отказываюсь, — неожиданно заявила Люся.

Парень в очках не отводил от нее пристального взгляда. После недавнего успеха на соревнованиях Люся чувствовала себя во всеоружии женской прелести. К

тому же белокурый юноша показался ей таким симпатичным...

— Ну, тогда в семь на «Таганке»; идет? — Улыбка блондина выглядела обезоруживающе искренней. — А у вас есть подруга? Мой друг Алексей мечтает с ней познакомиться, вижу по его глазам.

Тот, кого называли Алексеем, неожиданно порозовел от смущения, но, желая скрыть это, произнес с напускной уверенностью:

— Желательно, чтобы она была такая же красивая, как вы.

— Подруга есть, но она замужем, — улыбнулась Люся.

— Жалко, но все равно приходите. Итак, на «Таганской» в центре зала, в семь! — На прощанье блондин одарил ее голливудской улыбкой.

Люся была так возбуждена предстоящим свиданием, что напрочь забыла о сне. Она не удержалась, чтобы не поведать обо всем Марине.

— Первый, который пригласил меня, такой симпатичный! Блондин... Я посмотрела по карточке — Андрей Баринов. Второй, ниже ростом, в очках, но тоже ничего, — Алексей Лапко. Оба аспиранты Института прикладной математики, так написано в карточке.

Марина фыркнула:

— Заумные математики! Не думала, что тебе такие нравятся!

— Ничего они мне не нравятся, — обиделась Люся. — Просто пригласили в кино. Может, пойдешь со мной? Их ведь двое.

— Иди одна. Я пойду домой. Меня Юра и Вовик ждут. Я ведь мужа уже два дня не видела, соскучилась. — Заявление Марины столь явно противоречило тому, что Люся услышала от нее сегодня ночью, что она на это даже ничего не ответила.

А Марина обиженно уткнулась в бумаги.

В семь часов Люся вышла на «Таганской» кольцевой. Очки она сняла еще на подходе к метро и теперь близоруко шурилась, стремясь разглядеть в толпе белоку-

рую голову Андрея Баринова. Но его не было. Вместо блондинистого красавца к ней приблизился его неприметный друг в очках и, как говорится, поставил перед фактом:

— Я уже взял два билета в кино. Сеанс через час. Может быть, сначала немного посидим в кафе?

Люся пожала плечами и от нечего делать согласилась.

Сидя в кафе над креманкой с мороженым, они болтали о том, кто где родился, кто где учился, кто кем работает и кто чем собирается заниматься дальше.

— Я только что поступила в аспирантуру, — со сдержанной гордостью поведала Люся своему новому знакомому.

— А я ее заканчиваю, — не менее гордо ответил Алексей. — Тема моей работы «Поиск коциклов для трансверсальных матроидов на основании теоремы Бонди-Уэлша».

Итак, знакомство состоялось.

Потом молодые люди направились в кино, съели перед сеансом эскимо и просидели полтора часа в темном, битком набитом зале. А затем Алексей проводил Люсю домой. Сначала они ехали до платформы пригородной электрички на метро, а потом, перед расставанием, Алексей написал Люсе номер своего телефона и сказал неуверенно, точно не зная, правильно ли он делает:

— Попробую достать два билета в «Современник». Позвони мне завтра после обеда.

И Люся позвонила.

В среду они сходили в театр.

В субботу встретились в парке, и Алексей подарил девушке три революционных гвоздики в шуршащем целлофане.

Еще через неделю он ее поцеловал.

А еще через две познакомил со своими родителями, отцом и мачехой. А потом Люся пригласила Алексея к себе домой.

После этого они подали заявление в ЗАГС. Через месяц состоялось торжественное бракосочетание. Свидетелем со стороны жениха выступал Андрей Баринов, а свидетельницей — Марина.

Свадьба была не очень многолюдная, но шумная и веселая, с похищением невесты, ее выкупом и танцами до упаду в кафе на окраине столицы. Собралась в основном молодежь — коллеги жениха, мэнээсы из Института прикладной математики, однокурсницы невесты, ее коллеги. На свадьбе присутствовали и научный руководитель Алексея, пузатый дядька, лихо пивший водку и с молодецким кряканьем танцевавший лезгинку с невестой, и тренер Люси, наездник Козлов, который более умело обходился с лошадью, чем с дамской ручкой, и лучше держался в седле, чем двигался под музыку.

Марина напропалую кокетничала со всеми мужчинами подряд и даже тайком целовалась в уголке с Андреем Бариновым, точно была не замужней дамой, а легкомысленной подружкой невесты. Потом, выпив шампанского, она почему-то плакала и обнимала Люсю за талию, портя ей белоснежный наряд черными от дрянной ленинградской туши слезами.

— Людок! — кричала она. — Ты не понимаешь, что все мужики сволочи! И не надо... Они только одного хотят... — И она толкнула в бок изрядно выпившего Андрея и спросила его: — Хочешь, Андрюха?

Тот икнул и покорно кивнул:

— Хочу. — На самом деле ему хотелось лишь на свежий воздух.

Ошеломленная быстрым свершением своей судьбы, Люся казалась себе безумно счастливой. Но вместе с тем ей отчего-то хотелось плакать. Хотелось разрыдаться в голос, сорвать с себя фату и измученно рухнуть на стул, и чтобы все окружающие утешали ее. Но вместо этого она надсадно хохотала над шутками тамады, с преувеличенным вниманием прислушивалась к рассказываемым анекдотам, краснела от двусмысленных шуток, неизбежных на свадьбах, и старалась не думать о

том моменте, когда эта безумная фиеста закончится и они с мужем останутся вдвоем.

Потом она вообще утратила всякую чувствительность и словно онемела...

Очнулась она в незнакомой чужой комнате, где чужой, незнакомый человек, жадно блестя стеклами очков, стягивал с нее платье, дыша прямо в лицо водочным перегаром.

«А-а, — подумала она, чуть пробуждаясь от своего тотального онемения. — Это же Алексей, мы недавно познакомились с ним... Он же теперь мой муж...»

А муж целовал ее жадным ртом, и Люся чувствовала то же самое, что и в тот момент, когда ее прижал в уголке марксистский философ Акопов, — слабость и одновременно острое желание убежать.

Она закрыла глаза и решила ни о чем больше не думать. Ей страшно хотелось спать.

В отличие от своей невесты Алексей Лапко на такой шаг, как женитьба, решился вполне осознанно. Он не любил спонтанные поступки, рассчитывая последствия на несколько ходов вперед, и поэтому считал себя дальновидным и умным. И он действительно был таким — дальновидным, умным, расчетливым. И еще ему казалось, что Люся будет именно такой женой, какая ему необходима.

У него были повышенные требования к женщине, с которой он намеревался связать свою жизнь. Во-первых, она сначала должна быть умной и только потом красивой — Алексей уже и в этом был нетривиален. Ведь сколько угодно вокруг хорошеньких дурочек, которые о писателе Кафке думают, что это не то сорт кофе, не то маленькое кафе на Арбате, но ему такие не нужны. Неумная жена не сможет оценить его блестящие способности и, следовательно, не будет его уважать. Только умная жена поймет, что в их семье главное — это его карьера и его интересы, и будет вместе с ним работать над их будущей светлой жизнью. В конце светлой жиз-

ни, по мысли Алексея, его ждал почетный пост академика. Он свято верил в это!

Люся показалась ему достаточно умной. Она училась в аспирантуре, работала в лучшей библиотеке страны.

Кроме того, Люся показалась ему очень симпатичной девушкой. Не абсолютная красавица, конечно, но что-то в ней есть такое... Рост у нее был тоже подходящим, чуть ниже его, что тоже было немаловажно. Сам Алексей был невысок, едва дотягивал до ста семидесяти, и поэтому считал, что смешно выглядит рядом с длинноногими девушками. А выглядеть смешным он не любил.

Он узнал о ней все, что казалось ему важным. Она была из приличной семьи: папа военный, единственный ребенок. Конечно, ее отец не был генералом, но ведь не это главное. Важно, что, судя по всему, девушка была свежей и неопытной в интимных отношениях, несмотря на свои двадцать пять лет. Она так мило уворачивалась от его жадных поцелуев, так бурно протестовала, когда после подачи заявления в ЗАГС он, мотивируя свое желание тем, что они все равно вскоре поженятся, лез руками ей под юбку... А ведь среди московских прожженных девиц трудно ныне встретить такое целомудрие, такую провинциальную непосредственность!

Алексей имел достаточный опыт отношений с женщинами и считал себя большим знатоком женского пола и даже гурманом. Ему нравилось, когда девушки, сопротивлявшиеся его настойчивым ухаживаниям при первом знакомстве, в конце концов сдавались на милость победителя и, млея от пылких ласк, шептали ему восхищенные слова. Он казался себе опытным любовником, но его будущая жена обязана была быть чистым листом, на котором можно написать все, что угодно, по своему желанию. Она непременно должна быть девственницей. Он научит ее тому, что ему особенно нравится в постели, и она никогда не будет его сравнивать с другим мужчиной. Она никогда не узнает другого мужчины, кроме него, от этого их брак станет только крепче!

Окончательно решение о женитьбе Алексей принял в один из воскресных дней, когда Люся пригласила его на занятие в Школу верховой езды.

Сначала они немного побродили по ипподрому, а потом Люся провела его на конюшню и познакомила со своей любимой Лужайкой. Лужайка заученным движением потянулась было к карману Алексея в надежде получить лишний кусок рафинада, но, поняв беспочвенность своих притязаний, обиженно отвернула морду.

— Лужаечка, миленькая. — Люся нежно поцеловала белое пятнышко на лбу лошади, и Алексей тут же ощутил укол ревности.

С ним она целоваться не очень-то желает, лишь смущенно прячет губы, а вот с лошадей... Сравнение с кобылой, да еще и не в свою пользу, расстроило его. А потом он наблюдал, как лошади бегают на разминке и их гривы и хвосты полощутся на ветру. Фигурка девушки казалась крошечной и хрупкой рядом с животным.

Потом она взлетела в седло и стала с наслаждением демонстрировать различные аллюры, рысь, галоп, осаживание, вольты, потом перешла к элементам выездки. Люся то направляла Лужайку через препятствие, то сдерживала ее танцующий шаг, демонстрируя свою власть над животным. Лошадь была послушна каждому ее движению, а девушка...

Она была изумительна в седле! Алексей любовался ее ровной спиной, ее развевающимися во время скачки светлыми волосами, ее разгоряченным лицом, когда Лужайка, вздымая копытами песок, проносилась мимо. Эта стройная красавица на коне, точно сошедшая со средневековой картины, несомненно, достойна стать его супругой. Она укрощает лошадей, а он укротит ее. Ее согласие выйти за него замуж означало двойную, тройную, четверную победу — и над жизнью, и над самой Люсей, и даже над Лужайкой, не пожелавшей выказать ему свое благоговение.

— Ну как? — спросила взбудораженная Люся, слезая с лошади. Она ловила на себе его восхищенный взгляд и с замиранием сердца ждала похвалы.

— Ты... ты необыкновенна, — произнес он вполне искренне.

В этот миг он твердо решил: она будет его женой! Алексей привык добиваться своего.

Чтобы оценить кандидатку в супруги сторонним взглядом, он привел невесту к родителям. Его не волновало, понравится невеста его отцу и мачехе или нет. Однако после свадьбы они собирались жить в доме его предков, и с этим приходилось считаться. Мачеха, увидев свою будущую невестку, жену пасынка, лишь поджала губы и недовольно покачала головой, когда после торжественного чаепития Люся, горя искренним желанием помочь, принялась убирать со стола и конечно же в волнении раскокала лучшую чашку.

Алексей обитал с отцом и мачехой в крошечной трехкомнатной квартире. В этой квартире жили еще его сводные брат и сестра. При появлении невесты ситуация с квадратными метрами складывалась катастрофическая, число жильцов увеличивалось до шести, а ведь у молодоженов еще и могли родиться дети... Такая ситуация сломала бы кого угодно, только не Алексея — он был прекрасно осведомлен, что его отец стоит в очереди на квартиру в НИИ, где работал начальником отдела, и эта очередь стремительно приближается. Следовательно, их должны расселить. Надо только потерпеть пару лет, живя бок о бок с предками, но ничего, Люся девушка вроде бы тихая, не языкатая, уживется как-нибудь. Ему, Алексею, сложнее, ведь он так и не смог найти общий язык с мачехой.

Мать Алексея умерла, когда ее сыну едва исполнилось тринадцать. У нее был рак, и несколько лет семья жила в мучительном ожидании неизбежного. Мать долго болела, часто лежала в больницах. Потом возвращалась оттуда на короткое время домой, передвигалась по дому в полусогнутом состоянии, что-то пыталась делать по хозяйству, но вскоре вновь возвращалась в клинику. Врачи бодрыми голосами твердили, что дело идет на

поправку, но ни она, ни отец Алексея, ни он сам не верили им. Несколько лет Алексей и его отец жили практически вдвоем. Долгими вечерами мальчик сидел один, ожидая, когда вернется отец. Отец приходил поздно, говорил, что задержался на работе. От него пахло женскими духами, и следы помады на воротничке рубашки слишком явственно говорили о том, что это была за работа.

А потом эта женщина, Елена Викторовна, стала появляться в их доме. Мать еще была жива, она лежала в больнице, существуя только на уколах, — высохшая, маленькая, почти чужая. Она медленно, слишком медленно умирала, — а в доме уже хлопотала новая хозяйка, которая терпеливо ждала, когда все, наконец, кончится, чтобы с полным правом поселиться здесь.

Алексей ненавидел ее. Он ненавидел ее обесцвеченные перекистью волосы с темной проплешиной на макушке, ее розовую помаду. Он ненавидел ее искусственный сдавленный смех, когда они с отцом закрывались в спальне...

Врач сказал, что мать протянет разве что неделю. И нужно надеяться только на чудо. Они стали ждать худшего.

Когда она пришла к отцу, Леша открыл дверь и застыл на пороге, с ненавистью глядя на нее. Он готовил ужин и поэтому держал в руке чайник с кипятком.

— Уходите, папы нет дома, — соврал он.

Отец тем временем появился за его спиной.

— Уходите, — сказал мальчик. — Его нет!

Она смело сделала шаг вперед, улыбаясь своей мерзкой розовой улыбкой.

— Уходите! — закричал он.

И плеснул на нее кипятком. Он хотел попасть ей в лицо, но облил лишь шубу. И немного ноги под чулками.

Она завизжала как резаная, а отец с силой ударил его кулаком.

Когда мать умерла, они похоронили ее торопливо, точно стыдясь. На поминках были только самые близ-

кие родственники и никого из знакомых — мать слишком долго болела, чтобы кто-нибудь еще помнил о ней.

К сорокадневным поминкам отец со своей возлюбленной уже были расписаны, и новая хозяйка с полным правом воцарилась в квартире.

Алексей ее ненавидел больше всего на свете — и Елена Викторовна отвечала ему взаимностью. Внешне она делала вид, что относится к мальчику с нежностью, которую может дать только родная мать. Она целовала его — он кривился от ее поцелуев, пахнувших приторно-сладкими духами, но терпел. Она прижимала его к себе, он чувствовал сквозь одежду ее упругую грудь, и смешанное чувство омерзения и желания одновременно переполняло его — совсем не так было, когда его обнимала мать.

На самом деле Елена Викторовна вела очень тонкую игру. С мнимой благожелательностью она исподтишка была в самые больные места. Она открывала дневник мальчика, в котором жирными лебедями плавали двойки, и с милой улыбкой объясняла отцу, что у ребенка совершенно нет способностей к обучению и надо бы перевести его в школу для отстающих детей, чтобы не травмировать психику пасынка и не развивать в нем комплекс неполноценности.

Она своего добилась — развила в нем комплекс, который он усиленно изживал всю оставшуюся жизнь. Она твердила, что он туп, — и мальчик назло ей взялся за учебу. Она говорила, что он ленив, — он сидел целыми днями, не отрываясь от письменного стола. Она упрекала, что он ничего не делает по дому, — Алексей трудился как пчелка, успевая после уроков обежать магазины, вымыть пол, помыть посуду.

Именно благодаря ей он стал тем, кем стал, — блестящим математиком, подающим большие надежды, человеком, о котором сам академик Александров сказал однажды, что он «далеко пойдет». Но все равно в глазах мачехи он выглядел тупым мальчиком со злобным взглядом исподлобья.

Когда он стал получать первые отличные оценки по математике, она удивленно осведомлялась у него: «У

кого списал?» Когда он завоевал первое место на городской олимпиаде, она только фыркнула: «Представляю, на каких идиотов рассчитаны эти задания, если даже такой, как ты, занял первое место...» Потом она говорила ему, что он добивается всего зубрежкой, что у него нет таланта, что он туп, и она удивляется, как все остальные могут не замечать очевидного. Когда он, блестяще сдав экзамены, поступил в университет и сразу же сделался одним из лучших студентов, она сменила тактику. Теперь она говорила, что он урод, что ни одна женщина в здравом уме и твердой памяти не захочет связать с ним жизнь, — как всегда, ему пришлось делом отвечать на эти выпады.

Несмотря на незаметную внешность — невысокий рост, хлипкое, как щепка, тело, очки и плохие зубы, он стал чуть ли не первым плейбоем на курсе. Женщины стали его первой страстью, если не считать математику. Он тащил в свою постель заумных математичек с сальными, коротко стриженными волосами, развязных журналисток, чувствительных биологичек, патологически скромных филологичек. В списке его побед значились и дочери высокопоставленных отцов, и первые красавицы на курсе, и профессорские любовницы, и даже одна артистка из провинциального цирка, танцующая с обручами на помосте. Кто-то из них ложился к нему в постель из похоти, кто из равнодушия, кто из любопытства, чтобы узнать, хорош ли в постели «молодой академик». А из любви — никто.

Алексей разработал даже особую тактику осады женщин, которые поначалу отвергали его. Сначала он ходил вокруг да около, твердя лишь о том, что его главная любовница — наука, потом внезапно обращал внимание на собеседницу, говорил что-нибудь о ее прекрасных душевных качествах, потом планомерно бил на жалость, выдавал пару комплиментов, предлагал вместе съездить на озеро Селигер, пел о свободе любви на Западе и о том, что нынче целомудрие не в моде. И это обычно срабатывало. Ему даже нравились трудные задачи, которые ставились перед ним. Чем

труднее было решение, тем больший азарт вызывала в нем задача.

Его не волновали причины, по которым женщины шли с ним в постель, это было не важно. Овладевая очередной из них, он неизменно видел перед собой насмешливое лицо мачехи и в своем воображении с удовольствием плевал в нее. Со временем острота побед несколько сгладилась их количеством, и тогда Алексей стал подумывать о браке...

Но мачеха с презрительным смехом сказала, что на нищую аспирантскую стипендию он не сможет содержать семью. Это было горькой правдой. Она, как всегда, была в самое больное место, точно зная, куда нужно ударить. Она издевалась над его скупостью и жадностью, которую сама же воспитала в нем, день за днем отказывая пасынку даже в необходимом. «Пусть сначала узнает, что такое зарабатывать деньги, — говорила она. — Достаточно того, что мы с отцом его кормим, поим, одеваем».

Они действительно кормили его, поили, одевали — кормили самым худшим, одевали в самое дешевое... Ему не давали денег ни на мороженое, ни на тетрадки, ни на походы в кино — ни на что. Надо ли после этого удивляться, что он с жадностью Гарпагона трясся над каждой копейкой, которая попадала в его руки. С болезненной страстью навсегда уязвленного человека Алексей мечтал о том, что настанет день, когда он заработает много денег, и тогда она наконец удивленно заткнется, открыв в недоумении свои измазанные розовым губы и округлив и без того круглые свиные глаза.

В такую семью предстояло попасть Люсе, вступив в клубок запутанных отношений. И она смело вступила в него.

Семейная жизнь огорошила, изумила Люсю. Она совершенно не предполагала, что все это будет именно так.

Утро новой, брачной, жизни началось буднично. Будильник прозвенел в половине восьмого, когда Алексей

уже натягивал майку, стоя возле кровати. После бурного вечера и не очень бурной ночи его лицо выглядело смятым и заспанным. А Люсе так не хотелось выплывать из теплого пододеяльного сумрака...

Сквозь сомкнутые ресницы она с любопытством, точно впервые видя, рассматривала его фигуру: сутулые плечи, тонкие, какие-то немужские руки, кривоватые ноги, покрытые редким волосом — отныне все это ей предстояло холить, любить и лелеять. Любить это, может, и можно было, но вот влюбиться...

— Вставай, соня. — Муж мимоходом чмокнул ее в щеку. — Мне через полчаса выходить, а я еще не завтракал. Надеюсь, ты покормишь меня? Ведь теперь ты моя жена и обязана заботиться обо мне.

Люся откинула одеяло и села на постели, ежась со сна.

— Отвернись! — попросила она, собираясь снять рубашку.

В свою очередь Алексей с хозяйственным любопытством оглядывал тело, которое со вчерашнего вечера по праву принадлежало ему.

Ничего, удовлетворенно решил он. Правда, видел он фигуры и получше, по сравнению с которыми Люся совсем худышка-подросток. И грудь у нее не очень высокая, и бедра узкие, но все же... Алексей вспомнил свой ночной подвиг, и ему внезапно вновь захотелось его повторить.

В вырезе рубашки мелькнуло упругое яблоко груди — и он мгновенно приник к нему губами, стараясь опрокинуть жену на постель.

— Ой, щекотно! — поежилась Люся и слабо оттолкнула его. — А как же завтрак?

— Завтрак потом... Ничего, опоздаю немного, — хрипло забормотал он, отыскивая ее губы. Жесткие руки мяти ее волосы, ощупывали тело...

А через пять минут Алексей, напевая, уже брился в ванной, а Люся хлопотала на кухне, колдуя над плитой. Яичница с помидорами — это было ее фирменное блюдо. Им она надеялась поразить супруга.

Квартира вскоре наполнилась клубами черного вонючего дыма. Дым шел с кухни.

Из спальни немедленно появилась Елена Викторовна. Ее розовые губы презрительно кривились.

— Ну что это еще такое?

В это время Люся с испуганным видом выбрасывала в мусорное ведро сгоревшую яичницу. Задумавшись над тем, как не похоже то, что она испытала этой ночью, на описания, встречаемые в книгах, она очнулась, лишь когда со сковородки повалил дым.

— Привел неумеху в дом! — резюмировала мачеха. — Только продукты переводить...

И сама принялась готовить завтрак.

Люся же стояла возле плиты, глотая слезы обиды и испуга. Первый день семейной жизни начинался не очень-то удачно...

Последующие дни оказались ненамного лучше первого. Испытав шок и огорчение после первого столкновения на кухне, Люся стала как можно реже появляться там. Она боялась выходить из своей комнаты и отсиживалась, точно мышка в норке, пока домочадцы не разбредались по своим делам.

Приходя с работы, она бесшумно снимала одежду в коридоре, тихо проскальзывала в комнату и ждала там прихода Алексея, уткнувшись в очередную книжку. Когда Елена Викторовна гремела кастрюлями на кухне, Люся вздрагивала от резких звуков — они казались ей выстрелами. Даже в туалет ей было страшно выйти. Она выжидала момент, когда мачеха удалялась в свою спальню, и босиком пробиралась в ванную, стараясь производить как можно меньше звуков.

А потом приходил с работы Алексей. Первым делом он шел на кухню и поспешно запихивал в рот то, что находилось в холодильнике, стараясь заглушить голод. Потом он выводил жену из комнаты, и она ужинала под его прикрытием, ловя на себе недовольные взгляды мачехи.

— Посуду за собой помойте! — шипела им Елена Викторовна, хлопая крышками кастрюль.

Люся мыла посуду, пока Алексей читал газету подле нее. Но даже его присутствие не спасало ее от новой тирады свекрови:

— Опять все голубцы съели, Оле с Мишкой ничего не осталось! Что я вам, домработница, готовить на всех!

Но когда Люся, мучительно преодолевая собственную застенчивость, пыталась чем-нибудь помочь хозяйке, ответом ей опять было ворчание:

— Привел в дом неумеху! Кто ж это лук такими ломтями режет!

Люся уходила в комнату и обиженно глотала слезы. Хуже всего было то, что мачеха Алексея оказалась права: юная супруга действительно не умела вести хозяйство. Когда она мыла посуду, чашки бились, еда подгорала, на вымытом полу обнаруживались пыльные участки, которые не достала тряпка. Конечно, она не умела делать работу по дому (обычно дома этим занималась ее мать), но так старалась!

Ворчание свекрови постепенно становилось нормальным фоном их жизни. Алексей тоже добавлял свою долю в общую копилку Люсиных обид:

— Не умеешь — не берись! И кто тебя только этому учил! — В свою очередь, его раздражало, что жена не лучшая домашняя хозяйка в мире. Это в какой-то мере бросало тень и на него самого, да и перед мачехой не хотелось выглядеть неудачником.

Вскоре Елена Викторовна поставила вопрос ребром.

— Вот что! — заявила она. — Я вам не домработница, чтобы за всеми ухаживать да подтирать. Вас много, я одна. Я работаю целый день, потом выстаиваю очереди в магазинах, а потом готовлю. У вас своя семья, у нас своя. Готовьте себе сами. Я тебя и твою безрукую жену кормить не обязана!

Люся с облегчением приняла ее решение. Отныне молодоженам была выделена своя полка в холодильнике, они готовили отдельно и отдельно садились к столу. Так было даже легче. Люся покупала продукты, ко-

торые не требовали готовки, — колбасу, яйца, сыр, — и можно было, быстро перекусив, мгновенно скрыться в своей комнате.

Однако, подсчитав расходы на питание молодой семьи, Алексей недовольно нахмурил брови:

— Что-то слишком много мы на еду тратим! Мы должны откладывать. Если у отца подойдет очередь на квартиру, нужно будет покупать мебель, а где денег взять?

— Можно в кредит, — робко пискнула Люся.

Алексей посмотрел на нее тяжелым взглядом:

— А кредит с чего выплачивать? С твоих девяноста рублей, что ли?

Он сам получал ненамного больше, но Люсе отчего-то стало внезапно стыдно, что она так мало зарабатывает.

Отныне Алексей установил жесткий финансовый порядок. Каждое утро он выдавал жене два рубля с половиной на продукты и строго контролировал расходы, ежедневно требуя отчета.

Люся безмолвно покорилась. Он прав, решила она. Это ненадолго, только пока Алексей учится в аспирантуре. Нужно потерпеть, потом будет легче.

Но легче не стало уже никогда.

Потекла обыкновенная, ничем не примечательная, довольно скучная жизнь молодой семьи. Они работали, изредка ходили в кино, еще реже — в театр или на вечеринки к друзьям Алексея, почти никогда не праздновали в своем доме дни рождения, чтобы не потревожить родителей Алексея, в отпуск ездили по недорогим путевкам на турбазы. Их жизнь катилась так медленно и так скучно, что казалось, она будет такой всегда, проживи еще хоть пять лет, хоть пятьдесят...

Но Люсе нравилась их семейная жизнь. Ей казалось, что она даже полюбила мужа, — он всегда был с ней рядом, всегда выручал ее, в противостоянии со свекровью неизменно вставал на ее сторону. Она гордилась

им — он такой умный! Его научный руководитель много говорил о нем хорошего, когда они встречались с ним на мероприятиях, организуемых кафедрой. Алексей намеревался после защиты кандидатской диссертации сесть за докторскую, что для его двадцати шести лет было очень и очень неплохо.

Свои же научные амбиции Люся потихоньку забросила в дальний угол. По привычке она еще подбирала материал для собственной диссертации и даже напечатала под нажимом научного руководителя статью в журнале, сдала кандидатский минимум, необходимый для защиты, но продолжала все это делать как будто по инерции.

А потом, через три года сосуществования, они наконец-то разъехались с родителями Алексея, и можно было забыть о коммунальном дурдоме, который сопровождал первые годы их семейной жизни. Однокомнатная квартирка в Бирюлеве с видом на железную дорогу показалась Люсе райскими хоромами.

На скопленные деньги они купили кое-какую мебель, да и родители Люси помогли на первых порах, дав тысячу рублей на обзаведение хозяйством. При мысли о том, что она больше никогда не услышит шипения Елены Викторовны, не увидит ее совиных глаз, в которых плескалось явное презрение, не будет выслушивать претензии по поводу плохо вымытой посуды или следов в прихожей, Люся преисполнялась восторгом. Она была сама себе хозяйка — необходимое, но не достаточное условие женского счастья было, наконец, достигнуто.

Постепенно она почувствовала себя более самостоятельной. Она осмелела и даже стала изредка спорить с Алексеем по хозяйственным вопросам, однако неизменно нарывалась на снисходительно-презрительное отношение к себе. Выговоры по поводу пыли на шкафу или песка в прихожей были постоянными.

Правда, немного легче стало жить в финансовом плане. Защитив диссертацию, Алексей стал младшим научным сотрудником НИИ, что повлекло за собой повы-

шение в окладе. Кроме того, как кандидату наук, ему платили дополнительно пятьдесят рублей. Люсе теперь выдавалось на продукты не два пятьдесят, а четыре рубля — сумма, казавшаяся ей астрономической.

Из подружек жены Алексей терпел только Марину, остальных считал недостойными дружбы со своей супругой. С ней он познакомился на свадьбе, а потом встретился на вечере, устроенном по поводу блестящей защиты диссертации Алексея. Марина была приглашена только потому, что в компании ощущалась катастрофическая нехватка женщин.

После недавнего развода дьявольская поволока в ее глазах стала еще более заметной и притягательной. Верная себе, Марина пришла на вечеринку в длинном обтягивающем платье и пользовалась бешеным успехом среди мужской компании. Ее наперебой приглашали танцевать, приглашали покурить на кухню и вообще всячески ухаживали. Не отставал от гостей и сам хозяин, его подстегивало спиртное и жажда соперничества — обычное стремление завоевать то, чего добиваются многие. Он то и дело норовил уединиться с подругой жены на балконе, где, обняв ее за плечи, рассказывал о проблеме трансверсальных матроидов.

Люся же была занята гостями и столом. Ей было некогда развлекаться с гостями, она то и дело кидалась к холодильнику, сновала между комнатой и кухней, принося новые блюда, убирая пустые бутылки и водружая на стол новые.

Она была счастлива успехом мужа. Как она гордилась им! Ведь у нее больше ничего не было в жизни: только Алексей и работа. Но работа — это так, хобби. А другое хобби, занятия в Школе верховой езды, было недавно оставлено под его нажимом. Значит, оставался только муж.

— Больше бы о доме думала, чем на конях скакать, — однажды заметил Алексей. — Посуда с утра не мыта.

Он был прав. Он, как всегда, был прав!

Тренер Козлов встретил ее решение с грустью и пониманием.

— Ты моя лучшая ученица! — неожиданно сказал он. — Ну что ж... Если ты так решила...

Со слезами на глазах Люся в последний раз потрепала по шее любимую Лужайку, угостила ее сахаром и передала конюху. Лужайка словно чувствовала расставание — грустный лошадиный взгляд и понурая морда растрогали бы даже Алексея, если бы он их видел.

Больше на ипподроме Люся не появлялась, чтобы не бередить старые раны.

А вскоре они вообще уехали из страны — в Чехословакию, по полуторогодовому контракту Алексея.

И еще — она была беременна.

В последнем факте обнаруживалась некоторая доля участия Марины.

— Ну, как тебе семейная жизнь? — однажды с хитрым прищуром спросила она подругу, когда они остались вдвоем.

Люся заговорила о том, что денег мало, что свекровь придирается, что Алексей так нервничает из-за диссертации...

— Я не о том тебя спрашиваю... — Марина многозначительно замолчала, выпуская сложенными как для поцелуя яркими губами колечки дыма, — после развода она начала курить, много и подолгу смолила дорогие сигареты, получая от этого непонятное удовольствие.

— О чем ты? — неожиданно покраснела Люся. Она не привыкла обсуждать такие вещи даже с подругами.

— Ты понимаешь о чем... Может, тебе посоветовать чего, а?

Люся смешалась. На самом деле ей давно хотелось поговорить с кем-нибудь о том, что ее волновало, но как-то все было некогда и не с кем... Кроме того, в ее памяти до сих пор хранились слова подруги о том, что в этом ничего особенно замечательного нет и что это только нужно мужчинам в женщине.

— Да! — махнула она рукой. — Какие могут быть советы... Я не успеваю даже понять, что происходит, как он уже спит.

— Все понятно. — С улыбкой опытного врача Марина тут же поставила диагноз. — Пятиминутный мужчина. Тяжелый случай!

— Что-о? — оторопело произнесла Люся.

Действительно, несмотря на то что Алексей считал себя асом в любовных баталиях, количество связей у него явно не переросло в качество — яркое опровержение третьего закона философии! Он заканчивал еще, прежде, чем Люся успевала сообразить, что муж желает заняться с ней любовью. В удел ей доставалось только брезгливое чувство от пятен на простыне и досадливое разочарование. Тогда они жили с его родителями.

— Нам рано думать о ребенке, — говорил Алексей, оставляя на простыне мокрые пятна, — сначала я должен защитить диссертацию. Потом, как ты себе представляешь жизнь втроем в этой комнате? Здесь даже негде сушить пеленки! И потом, дети по ночам кричат, я не смогу заниматься научной работой в таких условиях.

И Люся неизменно соглашалась с ним. Он был, как всегда, прав.

А перед отъездом в Чехословакию произошел случай важный, но оставшийся не осознанным Люсей. Алексей не пришел ночевать.

Накануне у них в гостях была Марина. Они засиделись допоздна, болтая о предстоящей поездке, о муторной подготовке документов, о комиссии, о сборе характеристик от комсомольской организации для того, чтобы выехать на работу. Резюме было следующее: это типичный дурдом! Это ненормально, что человек не может спокойно поехать в другую страну поработать! В нашем государстве, где, чтобы чихнуть, необходима санкция парткома, просто невозможно жить!

Шел восемьдесят восьмой год, и подобные разговоры, еще недавно, лет пять назад, казавшиеся немыслимыми, произносились со смелостью обнаглевших мышей — в воздухе носился пресловутый ветер перемен. Все с восторгом встречали ослабление «железного занавеса». Для людей, воспитанных при социализме в при-

нудительной любви к родине, даже Чехословакия казалась немыслимой далью! О, это волшебное слово «за-граница» — нежное, ласкающее душу, невообразимо привлекательное!

Они бесконечно обсуждали прочитанное, спорили о Сталине, о Ленине, о том, каким путем могла двинуться страна и как хорошо бы они сейчас жили, если бы история развивалась по-другому. После подобных разговоров и споров, затянувшихся далеко за полночь, все чувствовали себя немного возбужденными. Марина взглянула на часы и ойкнула — ей пора.

Алексей вызвался проводить ее домой. Через полчаса он позвонил жене и сказал, что, пока провожал Марину, последний поезд метро уже ушел. На такси ехать дорого, он заночует у родителей, благо они живут совсем недалеко от Марининого дома.

Люся зевнула и сказала «Угу»... Глаза ее слипались.

Утром следующего дня на работе Марина тщательно избегала ее взгляда и вообще выглядела утомленной. «Что-то у меня голова болит», — поведала она подруге и, отвернувшись, закурила...

Алексей вечером пришел домой как ни в чем не бывало и даже не высказал своего обычного «фе» по поводу подгорелого ужина.

Потом еще не раз под благовидным предлогом он исчезал из дома. Больше он не приглашал Люсю на вечеринки к своим друзьям, а сам приходил поздно, уставший, равнодушный к ней. А потом она заметила, как он, конспиративно понижая голос, разговаривает с кем-то по телефону. В последнее время он нервничал, уходил куда-то вечером, возвращался поздно, когда Люся уже лежала в постели, вслушиваясь в приглушенные звуки ночи.

И еще... Он совершенно перестал наваливаться на нее по ночам — ей казалось, что это происходит потому, что все его мысли, все его существо были заняты их предстоящим отъездом. Так ей даже было легче, не было еженощного привычного разочарования и чувства вины.

А однажды он вернулся после вечеринки у друзей, от него пахло табаком, хотя он не курил, и алкоголем. Глаза нехорошо блестели, а нетвердые руки не могли развязать галстук.

— Все вы б-бляди, б-бабы, — неожиданно произнес он и повалился на постель не раздеваясь.

А ночью Люся проснулась от какой-то странной истомы, внезапно охватившей ее тело. С плотно закрытыми глазами, плавая между явью и сном, она наслаждалась опьяняющей сладостью, неожиданно разрасставшейся в теле, наполнявшей его до самой последней клеточки, до самого последнего волоска. Что-то горячее и влажное заполонило ее до отказа, это что-то колыхалось в ней, обезоруживая ее, заставляя стонать и метаться в странном жутком сне, полном животного, незнакомого доселе сладострастия. А потом ее пронзила резкая сладкая боль, она длилась так долго, что Люся уже устала ее терпеть и почти потеряла сознание.

Потом она лежала рядом с ним, оглушенная, потерянная, счастливая.

— Я даже не знала, что так могло быть, — прошептала она, с небывалой нежностью прижимаясь к его груди.

А он только удовлетворенно хмыкнул и тут же заснул, точно провалился в бездонную яму.

После той ночи у них начался настоящий медовый месяц. Счастливая Люся порхала с потусторонней улыбкой на устах, ощущая себя раскованной и желанной, а своего мужа — самым прекрасным мужчиной в мире. Свою радость она объясняла окружающим ожиданием скорого отъезда в Прагу. И только всезнающая мудрая Марина, казалось, вычитала причину ее счастья в глазах, в походке, в затаенном, горячечном мечтании. Точно столбняк охватывал ее в разгаре дня. Вычитала — и поняла. И довольно улыбнулась, чувствуя свою заслугу в этом. Она радовалась за Люсю. Все же она ее так любила...

Сообщение о беременности Люси женский коллектив принял на ура. Все поздравляли ее, и от счастья будущая мать выглядела настоящей красавицей.

Они уехали в Чехословакию совершенно довольные друг другом. Они стояли в аэропорту взявшись за руки, и провожатые почти физически ощущали их лучшее счастье.

Люся уехала из Москвы влюбленная в своего мужа, а вернулась ненавидящая его. Рождение дочери вместо того, чтобы еще больше сблизить супругов, воздвигло между ними непреодолимую преграду. И эту преграду им не удалось разрушить никогда. Никогда!

Глава 4

К тому времени, как Верочке исполнился год и супруги вернулись в Союз, их брак превратился в сосуществование активно ненавидящих друг друга людей. И он не распадался только потому, что оба еще не истощили запасы отпущенного им Богом терпения.

Они вернулись не в ту страну, из которой уехали. Ветер перемен, чей запах нес с собой и вонь родного навоза, и аромат запретных прелестей капитализма, и запах распада и гниения, всюду гулял по стране. Первые кооперативы уже выпестовали в своих лонах первых богачей. Первых богачей обдирали до нитки чиновники, первыми смекнувшие, что на этом деле можно хорошо поживиться. Первые отморозки сколотили банды, открывая своим появлением бесконечную эпоху криминальных войн. Шел девяностый год. Продукты исчезли в магазинах давно и надолго, вещи в них появлялись лишь в сопровождении длинных очередей с озлобленными вождедеющими лицами.

Мир, казалось, перевернулся с ног на голову. Люди изменились разительным образом. Изменились их взгляды и предпочтения. Профессия математика да вообще научная работа стали непрестижными. Престижно было получать много денег, а не защищать докторские диссертации. Все больше людей стали мечтать о

том, чтобы уехать из страны, причем навсегда. Люся и Алексей с изумлением узнали, что многие их друзья уже уехали на работу в Америку, Канаду, Англию и Германию, причем платили им валютой, а не рублевыми чеками. Там, за границей, русских ученых ценили, как неведомых богов, способных в считанные мгновения разрешить самые заумные проблемы.

В родном НИИ Алексея наукой теперь занимались лишь постольку поскольку. Профессора и доктора торчали в загранкомандировках, а младшие научные сотрудники убивали рабочее время в политических спорах и злобном обсуждении того, кто что привез из-за границы. Заниматься наукой теперь казалось попросту глупым. Те двести рублей, что получал Алексей, выглядели насмешкой. Его приятель, организовавший кооператив по производству заколок для волос, зарабатывал тысячу. В день.

Денег стало катастрофически не хватать — ведь покупалось не то, что необходимо, а то, что «давали» в магазине. Алексей все еще по привычке ворчал на жену, монотонно твердя, что деньги необходимо копить, и не раз доводил ее до слез своими изощренными придирками. А между тем чем больше денег они копили, тем меньше на них можно было купить.

Докторская диссертация Алексея лежала недописанной — глупо было заниматься ею на фоне таких политических и экономических потрясений. Впервые он почувствовал разочарование в своей работе. Ведь если бы он торговал на рынке, это было бы более престижно и выгодно, чем заниматься анализом геометрии инцидентности, хотя мозгов для такого труда не требовалось совершенно. Не требовалось для этого ни знания математики, ни докторской диссертации. Алексей чувствовал, что его обманули. Ему казалось, что корабль жизни неожиданно тронулся и ушел необъявленным курсом, оставив его за бортом. А он не любил, когда его обманывали.

Свое раздражение он выливал на жену. Та в свою очередь нервничала, не понимая, почему их налажен-

ная, распланированная на несколько лет вперед жизнь неожиданно дала трещину. Она сидела дома с дочерью (Верочке к тому времени исполнилось уже три года) и боялась даже думать о будущем.

— Шла бы лучше на работу, — шипел Алексей, — хоть какую-нибудь копейку в дом принесла. Все равно дома беспорядок, что есть ты, что нет тебя — вечно куча нестираного белья в ванной, игрушки валяются, воняет подгорелой кашей!

Он был прав, он был, как всегда, прав! Люся вечно ничего не успевала. Застывая с книжкой у плиты, она не замечала, как подгорает еда; гуляя с дочерью в парке, задерживалась там до вечера и не успевала убратся.

Наконец к девяносто второму году Алексей решил, что с наукой пора завязывать и что, когда нечего есть, незачем думать о высоких материях. То же самое говорила ему и Люся. Говорила осторожно, намеками. Но то, что она была права, приводило Алексея в бешенство. Он искал, чем бы ему заняться дальше, но тщетно.

Вскоре он познакомился с женщиной, англичанкой, которая приехала в Москву на симпозиум. Это была красивая тридцатипятилетняя женщина, красивая уже стопроцентной уверенностью в себе, что она недвусмысленно давала понять. После заседания с докладами был фуршет, а после фуршета слегка опьяневший от выпивки и еды Алексей неожиданно оказался в постели Нэнси Риган. После секса — короткого, яростного, грубого — Нэнси томно пропела:

— О, Алексей, вы настоящий русский медведь!

Они принялись по-приятельски болтать, лежа в кровати.

Нэнси поведала своему новому другу, что у нее бизнес в Англии и в Австралии, что ей нужны системные аналитики для работы в компании, а настоящих специалистов раз-два и обчелся, и что она была бы рада помочь талантливому человеку начать жизнь на новом месте...

Алексей оторопел — его мечта сама рвалась ему в руки!

— Но у меня жена, дочь, — испуганно пробормотал он.

— Меня это не пугает, — пожала плечами Нэнси. — Личная жизнь — одно, а бизнес — совсем другое. Считайте, Алексей, это официальным предложением.

Он появился дома бледный, с трясущимися руками.

— Я уезжаю, — произнес он и стал зачем-то собирать свои вещи.

— Куда? — удивилась Люся.

— Работать. В Австралию, — заикаясь от волнения, произнес он. Он все еще не верил своему счастью.

— А как же мы? — спросила Люся растерянно. Верочка удивленно смотрела на отца, широко раскрыв круглые, прозрачные, как у матери, глаза.

Алексей замялся. В его ушах еще звучали отливающие металлом слова Нэнси Риган: бизнес — отдельно, личная жизнь — отдельно. Ему в голову внезапно пришла мысль, что она затащила его в постель только для того, чтобы завербовать на работу, и он мгновенно залился краской гордости: какой же он специалист, если женщина, чтобы завербовать его, укладывается к нему в постель! Или все дело в его выдающихся мужских качествах? Он тогда ни черта не понимал в иностранных женщинах. (Впрочем, и теперь тоже.)

— Вы поедете со мной, — сказал он. — Только для этого нужно эмигрировать. Сменить гражданство.

— Как эмигрировать? — удивилась Люся. — Я думала, это работа по контракту. Зачем?

— Потому что в Австралию почти невозможно завербоваться на работу иностранному гражданину по контракту. Проще эмигрировать.

— Но я не хочу... Здесь же мама, и все... Кроме того, что я буду там делать, я ведь специалист по древнерусской литературе!

— Ты едешь со мной? — прямо спросил он.

Что он хотел услышать, чего ждал? Хотел ли услышать отказ или боялся его?

— Да, — ответила Люся, не зная, что этим подписывает себе приговор.

Да!.. Ей казалось, что там можно будет начать все сначала. Что все беды, неудачи, разногласия останутся в старой, московской жизни, а впереди их ждет сияющий праздник. Ведь за границей очень хорошо жить — эта истина казалась непреложной и не нуждалась в доказательстве.

Как грешников ждет чистилище, прежде чем они вступят в райские куши, так и семейству Лапко предстоял целый год оформления бумаг, целый год ожидания, бесконечной тревоги и неуверенности в себе. Они были еще не там, но уже не тут. Они были уже не жители России, но еще не граждане Австралии. И это половинчатое положение казалось им мучительным и порождало вопросы, раздоры и неуверенность в себе.

А вдруг, пока будут оформляться документы, место Алексея в фирме Нэнси Риган займет кто-то другой? А ведь обратного пути тогда уже не будет. Каково им оставаться в Москве после того, как они все уши прожужжали знакомым и незнакомым о своем отъезде! И как посмотрят на них всемогущие компетентные органы, если у них не выйдет с эмиграцией? В этом случае, несомненно, карьера Алексея пойдет насмарку — издыхающий монстр идеологического отдела КГБ еще сохранил способность язвить и кусаться...

А вдруг не придет аттестация Алексея из комиссии по оценке специальности? А вдруг он не сдаст экзамен по английскому языку? А вдруг они не пройдут медкомиссию, анализы окажутся плохими или обнаружится какое-нибудь лишнее пятно в легких на флюорографии? А вдруг его суммарное количество набранных баллов окажется меньше проходного в этом году, ведь им обоим уже больше тридцати лет!

Алексей нервничал. Вдруг ему откажут? Вдруг он неправильно ответил на один из сотни вопросов многостраничной анкеты и это роковым образом отразится на его будущем? Эти мысли раздражали его. Он орал на

жену, цыкал на дочь, был раздражителен и груб с коллегами по работе. И тайком надеялся на то, что, если ему не удастся решить проблему эмиграции официальным путем, Нэнси ему поможет. Нэнси его вытащит отсюда. Он ей нравится, это очевидно, она не сможет забыть те сумасшедшие ночи в гостинице «Россия», когда она извивалась под ним, как бешеная кошка!

И лишь весной пришло долгожданное пухлое письмо в обклеенном марками конверте с многочисленными официальными штампами. В этом письме мистеру Лапко предлагалось выслать на адрес организации, занимающейся в Австралии признанием квалификации для компьютерных работников¹, документы, подтверждающие квалификацию главного аппликанта. И внести плату за рассмотрение (сто долларов) через банк.

Алексей был на седьмом небе. Он чувствовал себя так, точно вытащил счастливый билет. Но жена не разделяла его радости, по крайней мере внешне. Конечно, ей хотелось увидеть новую страну, пожить в мягком климате, в комфортных условиях. Но все же необходимость уехать из России навсегда пугала ее. Навсегда — как страшило ее это слово!

Отныне Алексей чувствовал себя совсем чужим в этой стране. Ему не терпелось уехать, его раздражало все, что он видел и слышал здесь, — снег, небо, люди в метро, новости в газетах, жена. События в октябре девяносто третьего года словно не коснулись его. Он был уже гражданином другой страны, и судьба России, в которой он родился, его не волновала. Почти.

Что она дала ему, эта страна, думал он. Он вкалывал как вол с шестнадцати лет, мечтая принести ей славу своими научными исследованиями, а они ей оказались не нужны... Гораздо нужнее стали торговцы дешевыми китайскими тряпками на рынке, или чиновники, берущие астрономические взятки, или бандиты, устраивающие кровавые разборки посреди бела дня на московских улицах.

¹ «Occupational assessment» в «Australian Computer Society».

Они продали и квартиру, и мебель, и почти все зимние вещи. Унылым осенним днем они улетали в Австралию, одетые в легкие куртки — ведь там, в Южном полушарии, в это время была весна и светило ласковое солнце. Четырехлетняя Верочка, не понимая всей важности происходящего, легкомысленно щебетала в ожидании первого в ее жизни полета на самолете. Родители Люси плакали, им казалось, что они теряют свою дочь навсегда. Так это, собственно, и оказалось.

Они попрощались, стоя уже по другую сторону стойки регистрации, точно по другую сторону реки, — счастливые лица, сияющие надеждой. В предвкушении новой жизни Люся и Алексей даже как будто примирились друг с другом, стали относиться более терпимо, соединенные верой в свое будущее счастье, которое в иной стране, в иных условиях казалось более возможным, чем здесь, где все прожито, пережито, изжито.

Они шли по проходу, оборачиваясь и махая руками — и даже легкая грусть не затуманила их лица. Люсе казалось, что ее сердце вот-вот разорвется от счастья. Потом они свернули куда-то вбок и пропали из виду.

И вот однажды три новых гражданина Австралии вступили на землю пятого континента. В лицо им ударил жаркий воздух, напоенный запахом океанских водорослей и неведомых цветов — это был аромат новой жизни, сулящей безусловное счастье. Счастье, которого ни у него, ни у нее здесь не будет.

Подлетая к международному аэропорту Кингсфорд-Смит, самолет начал снижение над Тасмановым морем.

Внизу показались залив Ботани, на берегу которого громоздились высокие сияющие здания из стекла и бетона, устье реки Параматта, залив Порт-Джэксон, множество снующих по водной глади прогулочных суденышек. Океанские лайнеры отдыхали на рейде, точно айсберги — белые, ледяные, огромные. И все это было так не похоже на все то, что они видели до сих пор!

Даже олимпийски выдержанный Алексей ощутил волнение. По сравнению с другими эмигрантами, которые приезжали в Австралию на пустое место, у него было важное преимущество — работа, которая его ждала. И этот факт давал ему право более или менее уверенно чувствовать себя на земле, по которой только что, спустившись по трапу, они сделали первый шаг.

Это был шаг к их гибели.

Первые дни в Сиднее, хлопотные и бестолковые, прошли незаметно. Русскоговорящий гид привез новопоселенцев на снятую для них квартиру и быстро исчез, оставив им кучу советов и свою визитную карточку с телефоном.

Их новое обиталище оказалось квартирой с двумя спальнями — она выглядела королевскими апартаментами по сравнению с тем, что они видели до сих пор. Им еще никогда не доводилось бывать в таких просторных и светлых комнатах, пользоваться такой удобной функциональной мебелью. А какая там была кухня!

В это время Люся сидела с Верочкой дома и не выходила никуда, даже в магазин. Деньги, как всегда, находились у Алексея, а он экономил их изо всех сил и каждый вечер изумлялся местной дороговизне, автоматически переводя австралийские доллары в американские, а затем, по привычке, в рубли.

— Килограмм апельсинов полтора доллара! — возмущался он. — А кило помидоров — два! О господи! А за квартиру мы выкладываем семь сотен в месяц! Ужас! Чтобы доехать до офиса, я потратил три австралийских доллара на автобус. Это... это... Умножаем три на ноль целых восемь десятых для перевода в американские доллары, затем в рубли по курсу один к четырем тысячам. О господи! Да на эту сумму я себе в Москве покупал проездной на целый месяц!

Люся мужественно молчала, предпочитая не ввязываться в мелочные пересчеты. Ей не терпелось узнать

город, в котором им предстоит жить, узнать и полюбить страну, их новую родину. Ей здесь очень нравилось — чисто, аккуратно, ярко, празднично. Люди очень приветливые, просто, но вместе с тем хорошо одетые, всегда улыбающиеся — не то что хмурые лица черно-серой массы москвичей в метро в час пик. Серая одежда, серые лица, серые осенние дни без малейшего промелька солнца — все это в прошлом, к этому нет возврата...

Вскоре Алексей побывал на своем новом месте работы.

Его принял сам директор. Это был вальяжный господин лет шестидесяти, с сухим морщинистым лицом, чуть тронутым загаром.

— А, перестройка, Горбачев, Гагарин, поехали! — разом выпалил он набор известных ему русских слов, трясая в приветствии руку Алексея. Справа от него возвышалась затянутая в деловой костюм фигура мисс Нэнси Риган. Она улыбалась заученной официальной улыбкой.

«Ничего, — подумал Алексей, пожимая ей руку чуть крепче и интимнее, чем полагалось по этикету. — Сегодня вечером она будет выть и извиваться от страсти!» Сегодня же он должен хорошенько отблагодарить Нэнси за приглашение на работу! Конечно, она влюблена в него как кошка, а иначе разве стала бы целых полтора года ждать его, срывать с насиженного места и заманивать на далекий континент!

— Ваш годовой оклад, — тем временем разливался директор фирмы, — сорок тысяч долларов. Уже сегодня, после подписания всех бумаг, на ваш счет в банке будет переведена сумма в размере месячного оклада. Затем банк сделает налоговые вычеты из нее, и вы сможете получить деньги. Кроме того, мы вам выплатим небольшое пособие по переезду, две тысячи — это обычная практика для наших сотрудников...

Алексей мгновенно подсчитал в уме, что уже сегодня на его счет окажется около пяти тысяч австралийских долларов, и ему показалось, что на него пролился золотой дождь. Он был так счастлив!

Мисс Риган сухо улыбнулась, глядя на него. Ее глаза, казалось, излучали голубой лед.

— Мы счастливы, что нам предстоит работать с вами. — Директор расплылся в сердечной улыбке и в заключение совсем по-русски тряхнул руку Алексея. — Мисс Риган введет вас в курс дела...

Новому системному аналитику компании выделили отдельную комнату. Это был не закуток в огромном общем зале с хлипкими стенками, а настоящая комната, на двери которой уже красовалась черная строгая табличка с белыми буквами — его имя. На просторном столе стоял компьютер последней модели и телефон. Полка с книгами оказалась заполненной новейшими справочниками по специальности. Из окна с высоты пятнадцатого этажа открывался прекрасный вид на город. Где-то вдалеке в туманном сиреновом мареве плескалось море.

— Наша фирма ждет от вас большой отдачи, — проговорила мисс Риган, входя в его кабинет.

Они оказались совершенно одни в комнате.

Он снял очки и уверенно привлек ее к себе одной рукой.

— Я знаю, какой отдачи ты ждешь от меня, — промолвил он, обнимая ее.

Но мисс Риган холодно отстранилась.

— Мистер Лапко, — произнесла она. — Вы же знаете мой принцип: работа отдельно, личная жизнь — отдельно. Я предпочитаю не смешивать эти две вещи. Сейчас ваша задача как можно скорее войти в курс дела.

— Когда же мы встретимся? — прохрипел он, шалея от желания и от внезапной нахлынувшей уверенности в себе. Ему даже показалось, что он приехал сюда, на другой конец мира, именно за этим ощущением: в нем нуждаются, он богат, самые красивые женщины мечтают принадлежать ему.

— Вечером, в баре на углу улицы, — принужденно улыбнулась мисс Риган. Но в глазах ее не было улыбки.

Они встретились в баре в шесть вечера. Потом поднялись наверх, сняв комнату на три часа.

Он начал раздевать ее еще в дверях. А потом снял костюм и аккуратно повесил его на спинку стула...

После того как они насытились друг другом и лежали рядом, все еще загнанно дыша, Нэнси неожиданно произнесла:

— Это в последний раз, Алекс! — и деловито поправила прическу.

— Почему? — удивился он, приподнимаясь на локте, чтобы увидеть ее глаза.

— Ты же знаешь мой принцип, — напомнила Нэнси. Ее узкое лицо выглядело арктически спокойным. Нет, скорее, учитывая местный колорит, антарктически холодным. Она встала с постели и начала одеваться. — Теперь я твой босс, и мы не имеем права...

— Зачем же ты притащила меня сюда, на другой конец света? — искренне удивился Алексей. — Зачем?

— Зачем? — Она обернула к нему свое узкое холеное лицо. И, помедлив, сказала, точно ударила наотмашь: — Чтобы ты работал!

Пока мисс Риган подходила к паркингу, где стояла ее машина, лицо ее все еще сохраняло высокомерно-холодное выражение. Но как только она села за руль, маска надменности спала, и глаза затопило довольное выражение.

...Да, она правильно сделала, что дала понять этому русскому, что любых иных отношений, кроме деловых, между ними не существует...

Может быть, они еще встретятся как-нибудь в интимной обстановке. Все возможно! Ведь женщине, которой уже за тридцать, во время длительных командировок в чужую страну все же изредка требуется мужчина... Но эту честь еще нужно заслужить!

Мисс Риган довольно улыбнулась: нет, не зря она затеяла всю эту тягомотину. Она знает русских. Они работают как волки, если их прижать. Да и мозги у них

в порядке. И платить им можно мало. Очень мало. Сущие гроши по сравнению с аналогичными специалистами из Америки или Японии. Сорок тысяч в год за подобного работника — сущий мизер. Американец запросил бы сто двадцать тысяч и был бы прав. А русскому и сорока хватит за глаза!

Мисс Риган умела и любила считать деньги. Она будет держать его на коротком поводке, пусть он работает как проклятый все три года контракта. Он один сделает работу, на которую пришлось бы нанять троих специалистов.

Три года, а там посмотрим...

Оба участника любовной сцены были довольны друг другом. Им обоим казалось, что они вытащили золотую рыбку. И у обоих золотая рыбка оказалась фальшивой.

Два года пролетели как дивный сон, длительный и зыбкий. Два года тянулись мучительно долго, как тяжелое испытание на прочность всех душевных и физических сил. За два года трещина между ними углубилась и начала расширяться так быстро, что казалось, еще несколько дней — и между ними окажется пропасть, по разные стороны которой будут находиться абсолютно чужие, ненавидящие друг друга люди. Люди, пожизненно связанные брачными узами, разорвать которые они не в силах. А через шесть лет пропасть между ними превратилась в непреодолимую преграду.

Поначалу жизнь казалась довольно безоблачной — новая страна, новый город, новые впечатления, новый уклад жизни — все казалось неизведанным материком, ждущим своего первооткрывателя.

Красота австралийской природы, суматоха большого города, не затихающего ни днем ни ночью, не оставили их равнодушными. Каждый уик-энд семья новообращенных австралийцев с отвагой первопроходцев бросалась исследовать свою новую среду обитания. Первые месяцы они не нуждались ни в друзьях, ни в

знакомых — все было таким захватывающим, таким интересным, таким красивым...

По воскресеньям они отправлялись всей семьей исследовать город. Люся лишь щелкала фотоаппаратом и думала о том, что пошлет снимки с экзотическими видами родителям и подругам в Москву. Вот они обзавидуются, наверное! Конечно, ведь не всем выпадает такое счастье — очутиться на другом конце света, жить в стране чудес, в Австралии...

Но уже через три месяца это счастье казалось вовсе не таким уж бесспорным. А через пять оно просто потухло, незаметно и беззвучно, как свеча на ветру. Люся еще продолжала по привычке восхищаться красивыми видами, экзотической фауной и приветливым характером австралийцев, но поневоле ловила себя на том, что временами к ней подступает тщательно скрываемое раздражение.

Вскоре все здесь стало казаться ей назойливым. Яркие краски окружающей природы она считала раздражающими, погоду — слишком жаркой, размеренность здешней жизни — невыразимо скучной, а собственную жизнь, протекавшую в основном в четырех стенах с краткими пробежками до супермаркета, — ужасающе однообразной.

Приступив к работе в корпорации «Уорхаус энтерпрайзис», Алексей довольно быстро вник в свои служебные обязанности и выполнял их с рвением неопита, допущенного в святая святых. Он действительно был неплохим специалистом и стоил тех денег, которые ему платили. Он знал себе цену, но не в долларовом эквиваленте, а в том смысле, что считал себя достойным успеха, блестящей карьеры и стремительного взлета наверх, к вершинам корпоративной власти.

Со временем ошеломление от новой жизни, нового уклада несколько улеглось, а упоение просторным домом, деньгами, магазинным изобилием сменилось ощущением стабильности и даже сытой скуки. Настало время подумать о карьере. Алексей потихоньку стал

присматриваться к коллегам по работе, стремясь разобраться в структуре компании и наметить себе прямую дорожку наверх.

Сначала он думал, что этот путь лежит через постель прекрасной Нэнси Риган, и решил не оставлять попыток вновь завоевать расположение прекрасной англичанки. Но Нэнси вела с ним странную игру. Она то приветливо отзывалась на его заигрывания и почти соглашалась повторить удавшийся вечер в отеле, то держала себя холодно-надменно, убивая его энтузиазм одним только высокомерным взглядом.

Оставался еще один путь — действовать через коллег, ведь карьера не делается в вакууме. Коллеги Алексея по работе были коренными австралийцами, но имели самые различные этнические корни — и немецкие, и датские, и турецкие, и азиатские. Они относились к работе без рвущего душу напряжения, трудились от сих до сих, хотя вполне добросовестно. Их грела не перспектива сделать карьеру, а возможность вечером вернуться к себе домой, в семью и расслабиться с банкой пива под приглушенный речитатив телевизора. Они все были добросердечны и приветливы, настроены дружески, но вовсе не горели желанием сблизиться более, чем это нужно было для дела.

И тогда Алексей решил сам сделать первый шаг.

«Надо устроить вечеринку, — решил он. — Чтобы познакомиться с народом поближе. За бутылочкой водки знакомство непременно перерастет в искреннюю дружбу».

Он поделился своими планами с женой. Люсю охватил восторг. Она была так одинока здесь, в Австралии, без знакомых, без друзей! Ей некому было поплакаться в жилетку, не к кому наведаться в гости, не с кем поболтать по душам и пожаловаться на мужа... Ведь ее круг общения — это муж, кассирши в супермаркете и старенькая соседка миссис Симпсон, которая меняла парики строго через день и всегда приветствовала ее одной и той же фразой, казавшейся старушке как нельзя более уместной:

— Не правда ли, сегодня жаркий день? Ведь вы в России жить не можете без снега!

Узнав о предстоящей вечеринке, Люся вострепелась, точно ей предстояло невероятное приключение.

— Учти, это деловая встреча! — пояснил муж. — У нас стратегические задачи. Это начальный шаг моей карьеры.

По случаю вечеринки Алексей расщедрился и выделил на закупку провизии и экипировку семьи триста долларов — Люся сроду не держала в руках такой огромной суммы!

Целую неделю она носилась по магазинам, начищала дом до блеска перед «парти». Она чуть не сбилась с ног, пытаясь достать настоящую русскую еду — ведь ее стратегической задачей было ослепить гостей русской кухней. В другом полушарии сделать это было нелегко. Что говорить, если обыкновенных соленых огурцов достать было невозможно, не говоря уже о родной селедке и васаи.

Три дня она в одиночку лепила пельмени, изнывая от жары, — каждый день столбик термометра переваливал за тридцать, и огромный вентилятор, гонявший по квартире клубы липкого воздуха, не приносил облегчения.

Далее встала проблема, что надеть на вечер. С Алексеем все было понятно — мужская консервативная мода не признавала иной одежды, кроме костюма. Люся же мечтала об изумительном сверкающем платье с открытой спиной, точно в каком-то американском фильме из жизни богатых.

Она провела в магазине почти полдня, примеряя роскошные вечерние туалеты. Увы, они стоили почти целое состояние, а те, что были дешевы, смотрелись неприязнительно. И тогда Люся решила смастерить наряд собственными руками. Алексей, скрипнув зубами, выделил ей требуемую сумму на закупку дорогой ткани. Целую ночь накануне вечеринки Люся провела, сшивая куски материи в умопомрачительный наряд с открытой спиной и летящими рукавами. Она уже видела себя в

новом туалете — тонкая фигура, обтянутая изысканной материей, кажется еще стройнее, распущенные волосы каскадом падают на плечи...

В назначенный день и в назначенный час невыспавшаяся Люся в вечернем, несколько скособоченном платье, Верочка с огромным бантом на голове и Алексей, изнывавший от жары в костюме, ждали приезда гостей. Они все были нервные, потные, злые — днем столбик термометра подтянулся к сорока градусам, кондиционера в доме не было, а хлипкие стены здания раскалялись чуть ли не докрасна от ядовитых лучей январского солнца. Верочка капризничала, требовала мороженого и внимания родителей. Люся нервничала, как бы салат «оливье», не вместившийся в переполненный холодильник, не прокис от жары, а Алексей волновался от важности момента.

И вся эта предпраздничная суматоха закончилась пшиком! Вечер откровенно не удался.

На вечеринку пришла едва половина приглашенных. Кроме того, все гости, и мужчины, и женщины, вместо вечерних туалетов, были одеты в шорты и открытые маечки, обнажавшие тело до пределов, позволенных природой, — что поделаешь, жара! На фоне загорелых полуобнаженных тел и голых ног Люся в своем вечернем платье смотрелась слишком претенциозно, бант Верочки быстро съехал набок и оказался перемазанным чем-то липким и сладким.

Несмотря на старания хозяйки вечера, гости почти ничего не ели и только без конца пили прохладительные напитки. Закупленную в бешеных количествах водку употреблял лишь сам хозяин дома, но, как он ни старался, ему не удалось подбить еще кого-нибудь из мужчин на этот подвиг. В конце концов прохладительных напитков не хватило, а еды оказалось слишком много — пища была жирная и тяжелая для такой жары. Салат «оливье» кис в тазике, пельмени дымились на тарелке нетронутыми, а измученная Люся постоянно курсировала из холла на кухню, одним ухом слушая беседу своего супруга с гостями.

Гости чинно провели возле стола часа три и быстро разъехались по домам. После их ухода, разнервничавшись, Люся в голос рыдала наверху, а Алексей шипел на нее, чтобы она рыдала тише, иначе соседи вызовут полицию. Они легли спать совершенно измученные и окончательно рассорившиеся. Алексей лежал без сна в темноте и думал, что навсегда останется изгоем в этой стране, чуждым всему эмигрантом. Ему казалось, что, если бы он приехал сюда один, все было бы совершенно по-другому...

Так считал сам хозяин праздника. А его жена безмолвно плакала, отвернувшись к стене. Ей было тошно и оттого, что она очень устала, и оттого, что, в сущности, она здесь совершенно одна, и оттого, что муж сердит на нее, и даже оттого, что вместо привычной Большой Медведицы в окно заглядывает дурацкий Южный Крест, который и на крест не похож.

Вскоре и эта неудача забылась, как и все остальные. Верочка пошла в школу, и у нее появились школьные приятели, а у Люси — свободное время. Постепенно им удалось расширить свой круг знакомств. Но их новые знакомые так и не стали друзьями, оставшись лишь приятелями. Ничего особенного, никакой душевной близости, только чтобы провести вместе часа два и поболтать о пустяках.

А потом они купили компьютер — он нужен был Алексею по работе. В то время, когда они уезжали из России, об Интернете в стране никто и слыхом не слыхивал, а в Австралии уже народ всюду гулял по Всемирной паутине. Сначала Алексей использовал Интернет лишь как средство связи, для получения и отправки почтовых сообщений, но вскоре полностью погрузился в дивный мир виртуальной реальности. Особенно его привлекала одна из сторон этой реальности, а именно эротическая...

Не только бесплатной эротикой оказался ценен Интернет. Для оторванных от привычной языковой среды людей он стал насущным средством общения — по нему легко можно было связаться с Москвой, поболтать с

друзьями по «ICQ», в обиходе называемой «аськой», найти новых друзей в одном из многочисленных чатов.

И если Люся довольно прохладно относилась к электронному общению, то Алексей буквально не мог оторваться от экрана. Зачастую он ночь напролет просиживал возле монитора, а его жена в это время без сна лежала на постели в полутора метрах от него и предавалась тоскливым размышлениям о собственной неудачной жизни. Рядом с ней, буквально на расстоянии вытянутой руки, находился самый близкий ей человек, но казалось, что между ними пролегала пропасть. У него свои проблемы, свои интересы, свои знакомые. У нее же не было никого. У нее остался только дом, клетка, в которой она заперта двадцать четыре часа в сутки, ребенок и он, ее муж.

Алексей занимал такое огромное, такое значительное место в ее жизни, что порой становилось даже страшно. От его нахмуренных бровей зависело ее настроение на целый день, от фразы, сказанной за завтраком, — расположение духа на целую неделю. Ей иногда казалось, что она так сильно любит его, что даже ненавидит. А потом казалось, что так ненавидит, что это больше похоже на любовь...

Ее дни протекали однообразно и скучно. Утром Алексей отвозил Верочку в школу, а затем сразу ехал на работу. Люся включала телевизор и до черных пятен в глазах смотрела телепередачи, явно рассчитанные на людей без извилин. Иногда она на компьютере занималась составлением своего гороскопа на текущий день, на неделю и на месяц вперед — не потому что верила, а потому что ей было так скучно, что хотелось узнать, когда эта скука, наконец, закончится.

Порой с самого утра она забиралась на диван с книжкой и не отрывалась от своего любимого занятия до вечера. Она открыла недавно один магазин, торгующий книгами на русском, и частенько заходила туда — там можно было за несколько долларов взять почитать какую-нибудь новинку, всего только полгода как из Москвы.

Иногда, если Алексей оставлял ей свою кредитку, она садилась на велосипед с корзинкой спереди руля и направлялась в магазин.

Там она проводила добрых два часа, хотя могла сделать все свои дела максимум за пятнадцать минут. Она выбирала продукты, примеряла одежду в отделе готового платья, потом подолгу сидела в кафетерии за чашечкой кофе, рассматривая посетителей и изредка перебрасываясь с барменом незначащими словами.

Вращая педали велосипеда, она катила по тихой зеленой улице, крутила головой по сторонам, разглядывая дома и гадая, кто в них живет. Завистливым взглядом провожала дорогие автомобили, с ревом проносившиеся по соседней улице. Как часто с пренебрежительной усмешкой Алексей заявлял ей, что ни за что не доверит ей свою «новую» «хонду» девяносто первого года — ведь у нее, неумехи и растеряши, все в руках горит, она такая неаккуратная, она такая безалаберная, она такая... Еще разобьет где-нибудь машину или ломает ее, чини потом.

Изредка Люся ездила в центр города в Национальную библиотеку штата Новый Южный Уэльс. Ей нравились тишина библиотечных залов, полки до потолка, уставленные книгами, стеллажи, где под стеклом хранились древние манускрипты и карты первооткрывателей, в том числе дневник капитана Кука и бортовой журнал знаменитого капитана Блая Блайта с «Баунти». Там можно было посетить выставки, посмотреть фильмы и видео, послушать музыку, научиться пользоваться библиотечной системой на компьютере — и, что немаловажно, все это совершенно бесплатно.

Добираться туда нужно было по жаре на автобусе с пересадкой, потом на метро — в двухэтажном поезде, по виду напоминающем консервную банку из белой жести... Поэтому чаще всего Люся оставалась дома и занималась пожиранием еды из холодильника и перечитыванием сто раз читанных книг.

Ближе к вечеру она на скорую руку готовила ужин, перед самым приходом Алексея символически прибира-

лась в квартире и принималась ждать, когда из-за поворота покажется серебристая машина мужа.

Верочка врывалась в дом подобно молнии. В один угол летела сумка с книжками, в другой — кроссовки. Она торопилась на кухню, чтобы засунуть в рот что-нибудь вкусненькое и скорее занять лучшее место возле телевизора.

Алексей входил в дом неторопливо. Его рубашка, темная под мышками от пота, была смята на спине — следствие автомобильного образа жизни, лицо хранило брюзгливое выражение. Он устал, и его раздражало все — беспорядок в комнате, плохо приготовленная еда, постное лицо Люси, лишенное восторга.

Он проводил пальцем по крышке секретера и, хищно прищулив глаза, говорил:

— Ты когда-нибудь вообще собираешься убираться?

Обычно Люся мужественно хранила молчание, чтобы не ввязываться в бесполезный спор, но порой не выдерживала и парировала с ехидством:

— Я убиралась. Раз тебя не устраивает качество, то найди себе другую домработницу!

Алексей бледнел. Его узкое лицо с холодно блестящими стеклами очков принимало взбешенно-мстительное выражение.

— Ну и найду!

— И найди!

— И найду!

Спор уже почти иссякал сам по себе, но Люся никак не могла оставить без внимания последнее замечание мужа. Оно больно било по ее самолюбию. И начинался новый виток ссоры.

— Найди! Ничего и никого ты не найдешь, даже и не пробуй искать! — В эту минуту Люся чувствовала собственное превосходство, она знала, как больнее его ударить. — Потому что ты никому, кроме меня, не нужен. Ты эмигрант! Ты не нужен ни одной нормальной австралийской женщине! Ты зануда! Гарпагон и Шейлок в одном флаконе. Ты удавишься, прежде чем потратишь лишний доллар!

— Я мужчина и всегда заработаю себе на жизнь. С любой женщиной! — Алексей тоже знал самые больные места жены и бил по ним точно и расчетливо. — А вот ты без меня останешься без средств к существованию.

— С тобой — это не существование, а смерть при жизни! — Люся почти орала, забыв про любопытную миссис Симпсон. — И вообще, мне мужчину найти здесь — раз плюнуть. Если бы ты знал, сколько раз мне предлагали познакомиться здесь! И какие мужчины! И на каких машинах! — Она сама почти верила в то, что говорила.

— Ну и что же ты растерялась? — В голосе Алексея звучала насмешка. — Где же эти твои мужчины?

— Не волнуйся, если понадобится — будут! А вот ты можешь рассчитывать только на филиппинку, которая моет посуду в кафе! Не больше!

— Ну уж нет! — Алексей насмешливо качал головой. — Любая, самая сексапильная красотка из бывшего Союза будет счастлива разделить со мной свою жизнь здесь. В России пока котируются головастые мужики со стабильным окладом в валюте.

— Ну и дура будет, если согласится. — Люся демонстрировала пренебрежительную усмешку. — Может, какая-нибудь идиотка и станет спать с тобой, но уже через месяц сбежит, когда узнает тебя получше.

— Что-то не видно, что ты собираешься сбежать от меня!

— Потому что у нас с тобой ребенок: Если бы не Вера!..

— Ну?

— На что я ее буду содержать?

— Вот оно что, значит, ты со мной только из-за денег! — торжествующе кричал Алексей, точно наконец-то он выяснил причину их разногласий. — Значит, все упирается в деньги! Так я и знал!

Опять деньги! Опять эти проклятые деньги! Они были первопричиной и конечным результатом всех зол, к ним всякий раз возвращался их разговор, точно прикованный к скале каторжник возвращается к тому месту, где прикреплен его цепь!

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

— Дело вовсе не в деньгах! — Люся обессиленно падала в кресло. После взрыва эмоций на нее накатывал вал равнодушия и какой-то странной усталости, от которой хотелось тоненько завывать.

— А в чем же? — Алексей иронически поднимал бровь. — В чем?

Действительно, в чем?

В том, что давным-давно кончилась любовь, и после нее, как после пожара, осталось лишь выжженное поле. Или дело в том, что любви-то никогда и не было? Что же тогда их связывало все эти годы? Надежда на будущее? Привычка?

Люся в отчаянии закрывала лицо руками и уходила в другую комнату. Ей не хотелось жить. Тогда она садилась за стол и начинала писать письма родителям...

«Здравствуйте, дорогие мама и папа! Я решила, что отныне буду чаще писать вам письма, потому что по телефону всего не скажешь, да звонки очень дорогие, говорит Алексей.

Здесь просто чудесно! Город очень красивый, много зелени, она такая яркая, тропическая, кажется, даже режет глаз. Много парков, исторических зданий в викторианском стиле. Недавно я была в Сити, где располагается контора Алексея. Огромные небоскребы с зеркальными стеклами, офисы, дорогие магазины, кафе — просто сказка!

Мы скоро пришлем вам фотографии нашего дома. Мы живем в недорогом пригороде, здесь дешево, чистый воздух, тишина. Конечно, мне немного скучно, потому что я нигде не бываю и ни с кем не общаюсь. Но ничего, вот немного подтяну английский, найду работу, но сначала нужно закончить курсы повышения квалификации и освоить компьютер.

Алексей целыми днями на работе, на фирме его очень ценят. Ему продлили контракт на работу с «Уорхаус энтерпрайзис» еще на два года, очевидно, они без него не могут обойтись.

И все здесь так замечательно, люди очень приветливые, всегда объяснят, как пайти дорогу, помогут. С

эмигрантами мы не общаемся — Алексей против. Он говорит, что тот, кто цепляется за эмигрантскую среду, тот в жизни ничего не добьется. Он говорит, что эмигранты, как правило, все неудачники. У него был один приятель из Союза, но выяснилось, что он за спиной Алексея говорит пакости о нем, и с ним было покончено. У нас есть приятели, но их очень мало — два-три человека, которые с Алексеем пьют пиво в пабе после работы.

Но вообще у нас все замечательно. Мы счастливы. Австралия — прекрасная страна, и жить в ней удивительно легко. Мы нисколько не жалеем, что уехали. Целую. Ваша *Люся*».

«...Я недавно разбила очки — случайно наступила на них, когда убиралась в квартире, а контактные линзы у меня испортились, потому что я забыла сменить раствор, и они помутнели. Поскольку очки и контактные линзы не входят в стоимость страховки, то за них нужно платить из собственного кармана. Леша разозлился на меня, стал, как всегда, обзывать меня безалаберной транжирой и сказал, что не собирается мне заказывать новые очки, мол, я на них не заработала и опять разобью их через три дня. Мы поссорились. Я сказала, что уйду от него, и он мне ответил: скатертью дорожка. Я собрала вещи и решила уйти, но у меня не было денег, даже чтобы переночевать в отеле.

Неделю мы не разговаривали. Верочка слушает отца и тоже упрекает меня во всех смертных грехах вслед за ним. Такое впечатление, что он решил меня затравить. Я не знаю, чем все это кончится. Леша стал совсем неуправляемым, чувствуя, что я совершенно беззащитна перед ним — без денег, без работы, без друзей. Как будто я у него в заложницах...»

«Простите, мама и папа, что не пишу вам ничего приятного. Внешне все хорошо, но на самом деле... Как-то Алексей пришел домой пьяным и сказал, что у него были любовницы — и в Москве, и здесь.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Для меня это было шоком. Я думала, что убью его после таких слов. А ему доставило удовольствие мое огорчение, оно, кажется, стимулирует. Если мне вдруг хорошо, то ему плохо. Если ему плохо, то ему кажется, что я от этого счастлива.

Как будто меня загнали в угол и заставили огрызаться. И ни единой души вокруг, не с кем поделиться! Только вот эти письма...»

«Дорогие мама и папа! Я чувствую, что наконец-то мои проблемы решены, — я встретила человека, который значит для меня больше, чем просто знакомый. Он австралиец, знаменитый писатель! Он такой умный и начитанный! У него вилла на берегу океана, спортивная машина и счет в банке. Я познакомилась с ним случайно, он много старше меня. Он готов взять и меня и Веру к себе. Я, наверное, решусь. У меня больше нет сил терпеть тот ад, в который превратилась моя жизнь.

Алексей еще не знает о том, что я собралась уйти. Скажу ему только в последний момент, когда будет уже поздно что-либо предпринимать. Представляю его лицо, когда он услышит от меня эту сногсшибательную новость!

Джон прекрасный человек. Он много страдал в жизни и поэтому знает цену преданности и любви. Он готов сделать для меня абсолютно все! И для Веры — он очень любит детей. Я буду с ним обязательно счастлива, а иначе и быть не может. Мне кажется, что дверца моей клетки распахнута и стоит только сделать шаг, чтобы выскользнуть из нее.

И этот шаг я обязательно сделаю!»

Часть третья

ДЖОН УИЛЛИК

Глава 1

В 1942 году мировая война, точно вал цунами, постепенно докатилась и до Тихого океана.

Австралия объявила войну Германии через несколько часов после Великобритании. С 1940 года австралийские войска воевали в Италии и Греции, на Крите, в Северной Африке против генерала Роммеля, но тогда на зеленом континенте, отделенном океаном от земель, охваченных войной, кровавое дыхание ее ощущалось не слишком сильно. Внешне здесь все оставалось по-прежнему: тихая размеренность провинциальной жизни, налаженный быт. Можно было купить утром свежую газету, пестрящую грозными заголовками, и погрузиться в тот страшный мир, чей пульс бился тревожными толчками, однако большинство австралийцев предпочитало заниматься своими делами или вообще ничем не заниматься, а сидеть в пабе за кружкой старого доброго пива и болтать с приятелями о том о сем.

Однако в 1942 году над этой спокойной жизнью нависла реальная опасность. Японская угроза стала реальностью, бомбардировкам подверглись северные города страны, промышленность стала работать на военный лад, на улице появилось много молодых людей в форме с эмблемами австралийских вооруженных сил в виде восходящего солнца.

В это время холодным дождливым утром в июле 1942 года в небольшом городке Фаерфилде на северо-

востоке Австралийского континента у молодой четы Патрика Брайена и Джины Редли родился сын.

Пока мать новорожденного отдыхала от мук, отирая пот и убирая прилипшие ко лбу пряди спутанных волос, акушерка обмыла ребенка и положила на постель рядом с матерью. Младенец деловито сопел во сне.

— Смотрите, он смеется! — неожиданно прошептала мать, вглядываясь в сморщенное личико своего первенца.

— Быть того не может, миссис Брайен, — сказала акушерка. Подойдя к кровати, она остановилась и удивленно замерла у изголовья. — Ишь ты! — пробормотала она. — И впрямь улыбается! В первый раз вижу, чтобы младенец смеялся. Видно, жизнь у него будет беззаботная, и сам он станет человеком веселым. Ну дай Бог...

Акушерка оказалась права. Действительно, новорожденный Джон Реджинальд вырос веселым человеком, да и жизнь у него оказалась куда какая веселая, хотя и не весьма почтенная.

А в это время в кофейне «Старый бушрейнджер», принадлежащей дедушке новорожденного, возле постели умирающего Джона Редли, отца его матери, уже хлопотали соседи в ожидании врача. Сердце пожилого хозяина не выдержало нечаянной радости.

Старикашка Джон не желал брака своей дочери с Патриком Брайеном. Джина с малолетства была его любимой дочкой. Старшие дети давным-давно разъехались кто куда, и старик вынужден был один работать, поддерживая все более хиревшую кофейню. Джина, как могла, помогала ему. Она мыла посуду, убирала столы, разносила заказы посетителям, выводила пьяных на улицу и бегала в полицейский участок, когда кто-либо из заехавших гастролеров начинал буяннить.

Джине было восемнадцать лет, и она была красива — ясные огромные глаза, шелковистые волосы и тихий голос. Немало мужчин просиживали в кофейне старого Джона, заказывая кружки пива одну за другой, чтобы только подольше полюбоваться на хорошенькую дочку

хозяина. Немало мужчин спертым от волнения голосом назначали юной Джине свидания, но она им всем отказывала.

Ей не нравились эти мужчины, пахнувшие вином и дешевыми сигаретами, — погонщики овец, рубщики сахарного тростника, сезонные сельскохозяйственные рабочие, те, кого раньше называли «закатниками». Они приходили на закате, чтобы, переночевав, утром попытаться найти работу. В отцовской кофейне клиенты непрерывно сменяли один другого за сальными столами, но лица у них всех были одинаковые: грубые, обветренные, обожженные солнцем, шершавые от редкого бритья. Такие же были у них и руки — грубые, жесткие, жадные. Они тискали и мяти ее грудь с такой ненавистью, точно это был кусок враждебной им плоти, они задирали ей платье так грубо, как будто заваливали на бок телушку. Они хвастали деньгами, заработанными в сезон на дальних фермах, и обещали все потратить на нее, обещали духи, шелковые чулки и красивое платье взамен ее невинности. Но Джина не нуждалась в этом. Ей хотелось нежности, лишь немного нежности, и все. Мужчины приходили к ней по пыльной рыжевато-розовой дороге и по ней же уходили восвояси.

Патрик появился однажды вечером, когда рыжее весеннее солнце уже спряталось за далекие холмы с лиловыми очертаниями. Он ничем не отличался от других мужчин — такое же загорелое лицо, такие же заскорузлые руки. Парень заказал кружку пива и принялся неспешно цедить его, искоса поглядывая на девушку. Когда она случайно встретила с ним взглядом, он тут же расплылся в улыбке. Что и говорить, улыбка у него была замечательная — широкая, открытая. О таких говорят: рубаха-парень, душа нараспашку, видна до днышка. И глаза у него были, точно небо прохладным зимним утром, ясно-голубые.

Джина заметила его жадный взгляд и покраснела — впервые за те два года, что провела между грязными столами и стойкой бара, отполированной до блеска чужими локтями.

Когда она вышла по какой-то хозяйственной надобности во двор, голубоглазый парень направился вслед за ней и без слов попробовал прижать ее в углу за сараем. Она боролась молча, не размыкая губ, отталкивала его, а он пытался задрать на ней платье, как и те другие... Спаслась девушка только оплеухой, которую от души закатила своему новому ухажеру, — впрочем, он уже и так не слишком уверенно держался на ногах.

Тогда с красной от пощечины щекой ухажер вернулся в кофейню и начал пить виски, один стакан за другим.

Он пил целых три дня подряд, не отходя от барной стойки. Напившись, Патрик падал возле нее. Это случилось, когда уровень алкоголя в крови начинал превышать уровень любовного помешательства, которое действовало почище виски. Когда он валился на пол, Джина с отцом выволакивали клиента на свежий воздух освежиться, в тайной надежде, что тот, наконец, оклемается и уберется восвояси, как и другие... Но Патрик оказался упорным мужчиной.

Через несколько часов он вновь возникал в дверях кофейни и заплетающимися шагами направлялся к стойке бара за новой порцией спиртного.

— Не наливай ему больше, — просила Джина отца, но тот только пожимал плечами:

— Он хорошо платит за выпивку, почему я должен ему отказывать?

Старикашка Джон не ведал, что в эти мгновения прямо на его глазах зарождается великое таинство любви.

Получив свою порцию виски, парень вновь садился за стойку и продолжал преследовать Джину упорным, настойчивым взглядом.

На третий день девушка поняла, что таким странным «запойным» образом проявляется его восхищение ею. И ей стало жалко парня.

Тогда она положила ему на тарелку немного картошки фри и огромный кусок жареного мяса, посыпав все это зеленым горошком.

— На, поешь, — улыбнулась она. — И поспи немного. — Это были ее первые слова после того, как он появился в их забегаловке.

Патрик кивнул, съел ужин, допил виски и исчез в дверях.

Он не появлялся до вечера. Джина уже подумала, что он уехал, как и те, другие... Ей слегка взгрустнулось. Он смотрел на нее таким влюбленным взглядом, он так отчаянно пил виски и даже не пытался прикоснуться к ней, за исключением, конечно, того первого раза.

Когда скрипела входная дверь, пропуская посетителей, Джина с замиранием сердца оборачивалась, надеясь увидеть знакомую фигуру в клетчатой рубашке и мешковатых джутовых штанах. Но фигура не появлялась.

К исходу четвертых суток Джина поняла, что влюбилась окончательно. И одновременно безвозвратно утратила предмет своей любви. Она заплакала в укромном уголке, уткнувшись носом в пропахший жареной картошкой передник. И, всхлипнув, решила, что больше никто никогда не будет следить за ней с немым обожанием. И что она больше не взглянет ни на одного...

— Джина! Что ты там возишься? — слышался раздраженный голос отца. — У нас полно посетителей!

— Сейчас! — Девушка вытерла глаза, обмахнула лицо, чтобы просохли нечаянные слезы, и вышла в зал.

Первое, что она увидела, — это огромный букет кустовых роз (они напоминали те, что росли в саду перед домом мэра Фаерфилда, черенки которых мэр самолично вывез с юга Франции и кои были неизменным предметом его гордости).

Букет цветов держал Патрик. Он стоял в дымном зале возле стойки, чистый, аккуратный и абсолютно трезвый. Если бы Джина знала, что его чистота объясняется тем, что он проспал всю прошлую ночь в постели одной нескромной вдовы, которая в благодарность за доставленное развлечение выстирала его одежду, то тогда она бы совсем по-другому восприняла этот факт.

Но в тот момент... парень показался ей чуть ли не ангелом, спустившимся на землю, чтобы осчастливить ее...

— Ты откуда приехал в Фаерфилд? — спросила девушка, вытирая стойку.

— Издалека, — неохотно ответил Патрик. — С юга.

— А где остановился?

— Я снял комнатку за десять шиллингов у одной порядочной вдовы на площади. Хочу найти работу в вашем городе.

— У какой вдовы? — насторожилась Джина. — Лоусон?

— Не знаю, как ее зовут, — дипломатично ответил Патрик. — Знаю только, что это скромная богобоязненная женщина, всегда готовая помочь страждущему.

И он с теплотой подумал о мадам Лоусон, которая перед тем, как он покинул ее дом, отправляясь на свидание, сунула ему в карман пару долларов. Про эту особу в городке ходили самые невероятные слухи. Злые языки обвиняли вдовицу во всех смертных грехах и даже, более того, в изнасиловании троих рабочих сахарного завода, снимавших у нее угол года два назад. Кумушки сдавленным шепотом пересказывали подробности страшных издевательств вдовицы над связанными сезонниками, дюжими парнями, поднаторевшими в драках.

— Ты надолго собираешься остаться здесь? — с замиранием сердца спросила Джина. В голове ее пульсировала соблазнительно-приятная мысль: вдруг он хочет остаться из-за нее?

— Посмотрим, — уклончиво ответил парень. — Это будет зависеть от одного человека...

Джина поняла намек и покраснела. И произнесла торопливо:

— Я могу попросить отца, чтобы он сдал тебе наш домик на выгоне, если ты останешься здесь. Домик все равно пустует.

Вернувшись под утро в душные покои любвеобильной вдовы, парень почувствовал, что предельно измотан пешеходной прогулкой.

Мадам Лоусон радостно встретила своего стройного квартиранта. Полночи она промучилась, поджидая, не стукнет ли входная дверь, не вернется ли к ней кудрявый ангелочек с лазурными глазами, глубокими, как небо, с телом сладостным, как глоток холодной воды в горячий полдень. И ангелочек с пылающим жезлом вернулся к ней, чтобы горечь и разочарование сменились в комнате вдовы пылким бормотанием слов любви...

С той поры потянулись для Патрика жаркие весенние дни. Ночи он проводил у страстной вдовы, которая измучила его своим неутолимым желанием, днем отсыпался, набираясь сил, а вечером шел в кофейню папаши Редли, чтобы неторопливо, со вкусом ухаживать за его смазливой дочкой. Измаянный ночными бдениями, парень обуздывал свои желания и обхаживал Джину с аккуратной галантностью, достойной самого престарелого лорда Англии. Они ходили на танцульки в дансинг, где топчущиеся на одном месте парочки с удовольствием обжимались в полутьме.

Патрик не собирался расставаться с вдовой. У нее он имел чистую постель, сытный стол и уход, способный удовлетворить самого взыскательного мужчину. Хотя вдовица Лоусон была отнюдь не молода и не очень красива, но тело у нее было роскошное, напоминавшее сдобную мягкую булочку, благоухающую ванилином. В ее доме спиртного не водилось, и потому Патрик шел в кофейню старика Джона, чтобы выпить виски и вдоволь полюбоваться на хорошенькое, сияющее любовью личико Джины — увы, только полюбоваться...

В таком маленьком городишке, как Фаерфилд, шила в мешке не утаишь. Тайное здесь рано или поздно становится явным, и двойная жизнь Патрика вскоре стала достоянием гласности.

Однажды душной жаркой ночью вдовица как раз трудилась над телом своего милого дружка, которое не желало восставать для новых подвигов, утомленное обилием предыдущих. И тут между ними произошел знаменательный разговор. Раздосадованная неудачей (то, что раньше в ее руках напоминало восторженно взмыв-

ший в небо салют, теперь походило лишь на индюшачью шею, намертво свернутую на сторону и безвольно повисшую между ног любовника), вдова обессиленно откинулась на постели и произнесла онемевшим от долгих стараний ртом:

— Слушай, Патрик! Если бы ты меньше шлялся по кабакам, ты был бы куда горячее по ночам. И какого черта тебе надо у старого Джона?

— У него отличное виски, — сквозь дрему пробормотал Патрик.

— И отличная дочка! — поддела его вдова. — Думаешь, я не знаю, с кем каждый вечер ты шляешься под ручку по улицам?

— Ну и что? — зевнул Патрик в ответ. — А что такого? Я ведь все равно женюсь на ней.

Вдова ужаленно подскочила на постели.

— Ты, значит, решил жениться! — закричала она, забыв об открытых по случаю жаркой погоды окнах и бдительных любопытных соседях. — А как же я? Значит, решил охомутать девчонку! Так убирайся сейчас же к своей невесте! Вон из моего дома!

Вдова была в ярости. Она так долго лелеяла в своем сердце мечты о новом замужестве, как вдруг уплывал кандидат, оказавшийся у нее на примете... Такой удар! Да еще сказанный таким спокойным, даже равнодушным тоном! Если бы он хоть повинился перед ней, если бы хоть разок обнял, поцеловал и потом еще, еще раз...

— Убирайся вон из моего дома! — завизжала вдова еще громче при воспоминании о поведении своего любовника нынешней ночью. Наконец-то его холодности найдены разумные объяснения. — Вон! Выметайся к своей потаскушке! Пусть теперь она даст тебе кров и пищу!

И на постель полетели стоптанные ботинки, мятые штаны, кувшин, полный воды, — все, что попало под руку.

Патрик лениво принял вертикальное положение и принялся неторопливо натягивать брюки. Он еще надеялся, что не знаящая меры как в любви, так и в пена-

висти женщина наконец одумается. Ему была по душе неторопливая комфортная жизнь в прохладном каменном доме вдовы.

— Я его... любила... как сына... А он! — причитала вдова, запахивая пеньюар в приступе последней стыдливости. — Убирайся! Пусть папаша Джон теперь тебя кормит, а я уж постараюсь, чтобы он узнал все!

Последние слова озадачили Патрика. Папаша Редли — это была олицетворенная выпивка, а Джина — серебряный ключик к дверям в беззаботную жизнь, полную дармового виски, легких денег от кофейни. Девушка, он знал, была уже совсем не против стать к нему гораздо ближе.

— Ну, папаше Джону знать необязательно, что у нас с тобой было, — дипломатично заметил Патрик.

— А я расскажу ему все! — неистовствовала вдова. — Завтра же утром выложу ему всю подноготную. Посмотрим, захочет ли он взять себе в зятя человека, который денег пропивает больше, чем зарабатывает.

Нахмурившись, Патрик в нерешительности застыл посреди комнаты. Он находился на распутье. Ему не хотелось посреди ночи уходить неведомо куда. Кроме того, мадам Лоусон имела некоторые положительные качества: неплохой стол, твердый доход от скобяной лавки, доставшейся ей в наследство от мужа, и большой каменный дом, где было прохладно в самые жаркие летние дни и чьи бесчисленные комнаты можно было бы выгодно сдавать внаем. И хотя пара ненавязчивых поцелуев могла бы легко разрешить возникшее недоразумение, но Патрик понимал, что так просто дело не кончится. Теперь вдова непременно потребует покрыть церковным венцом свой затянувшийся грех.

В то же время у него перед глазами вставала прелестная Джина с волоокими глазами, твердой, как кокосовый орех, грудью и процветающей кофейней в придачу. А кофейня — это выпивка в любое время дня и ночи, причем даром!

Не надо объяснять, как трудно было Патрику решиться на что-либо определенное. Однако мысль о ко-

фейне светлой молнией осветила мрак ночи, куда парню предлагалось убираться вместе с вещичками. Поколебавшись между скобяной лавкой и зрелостью или кофейней и молодостью, Патрик выбрал последнее.

— Ну и черт с тобой! — махнул он рукой и сгреб свои вещи в мешок. Ему следовало поторопиться, он должен был провернуть до рассвета одно дельце, чтобы вдова не успела ему навредить.

За его спиной слышались тягучие рыдания вдовы.

...Когда взошло яркое розовое солнце, папаша Джон, зевая, отправился будить свою дочь Джину, чтобы она снарядила его для поездки в город. В комнате дочери он застал двух влюбленных голубков, мирно, голова к голове почивавших на одной подушке.

И тогда папаша Джон побежал снимать со стены свой любимый карабин....

Напрасно Патрик считал, что одним ударом он убил множество зайцев: завоевал Джину и предприятие ее отца, порвал с вдовой Лоусон, обрел уважение знакомых и дармовую выпивку. Борьба его за кофейню со старикашкой Джоном закончилась ничьей. Патрик не стяжал кофейню, утратив навсегда расположение своего тестя. Однако он приобрел прекрасную Джину и небольшой кредит в лавках, где ее отец закупал продукты для своего предприятия.

Джина же потеряла невинность, но приобрела мужа, смысл жизни которого был аккурат на донышке бутылки виски.

Папаша Джон не лишился кофейни, но лишился веры в спокойную старость, равно как и надежды выдать Джину за удачливого коммивояжера из Чарлевилла. Приобрел же он только головную боль и необходимость из своего кармана оплачивать шалости зятя.

И только вдова Лоусон ничего не приобрела. Услышав о скорой женитьбе своего бывшего квартиранта на вертихвостке из придорожной кофейни, которая крутит своим задом между столиками так, что у посетите-

лей искры из глаз сыплются, она лишь сжала зубы, задушив носовым платком случайную слезинку, ненароком выступившую в уголке глаза, и отправилась в церковь, дабы укрепить свой дух в молитве. Ибо вдова Лоусон хоть и была неводержанна в любовных наслаждениях и плотских утехах, но зато каждый из своих ночных стонов она замаливала долгими часами церковной службы.

Протестантский молельный дом был средоточием духовной жизни Фаерфилда. Городок, затерянный среди выжженных солнцем просторов континента, не часто баловали вниманием столичные артисты или гастролеры, но зато охотно посещали заезжие миссионеры-проповедники. Они собирали щедрую мзду с прихожан, которые были рады возможности послушать проповедь на духовную тему и поглазеть на человека, приехавшего издалека. Странствующие проповедники, ловцы душ человеческих, ездили из города в город, с одной фермы на другую. И каждый из них обещал спасение на небесах, каждый точно ломовой дубиной угрожал карой небесной нераскаявшимся грешникам. Сила угроз была прямо пропорциональна собираемым пожертвованиям, и потому проповедники не скупились на щедрые посулы и страшные пророчества.

Одним из таких заезжих гастролеров оказался пастор Реджинальд Уиллик. Преподобный был сухощавым мужчиной с морщинистым лицом, выпуклым обезьяньим черепом и холеными руками. Его безымянный палец украшал огромный перстень с фальшивым сапфиром, который призван был своим цветом напоминать прихожанам о Небесах, прозрачностью — свидетельствовать о чистоте помыслов, а поддельностью — намекать на фальшивые ценности религии. Преподобный одевался в узкий сюртучок с белым воротничком, сжимавшим его шею в железных тисках. В пылу проповеди его шея розовела, а лицо, наоборот, бледнело, точно у мертвеца, глаза угрожающе сверкали, рассыпая молнии, разившие грешников наповал, и от этого неискушенным прихожанам казалось, что пастор —

мертвец, вставший из гроба. Возможно, именно этому преподобный Реджинальд Уиллик и был обязан своим сценическим успехом.

В Фаерфилде, о котором в среде странствующих священников ходили слухи как о городе скаредном, не склонном к денежным воздаяниям, Уиллик собирался пробыть не более двух дней. Его ждала следующая программа: проповедь об искуплении смертного греха в молельном доме, посещение детского приюта с последующим крещением новорожденных, пара венчаний, одно отпевание — и дальше, в следующий город, такой же провинциальный и такой же заброшенный, отличавшийся от Фаерфилда только тем, что в нем было на тридцать жителей больше и меньше на один сахарный завод.

На проповеди об искуплении смертного греха, считавшейся фирменным блюдом преподобного Уиллика, народу собралось не много. В молельном доме, наспех сколоченном из досок лет тридцать назад и крытом гофрированным железом, стояла адская жара, громко жужжали одуревшие от зноя мухи, беззастенчиво кружась над предметами религиозного культа. Пытливый взгляд преподобного, скользя по залу, наткнулся на полноватую женщину бальзаковского возраста в черном. Она сидела на скамье в первом ряду и остервенело комкала кружевной платок.

Женщина была из тех, что нравятся солидным мужчинам далеко не юношеского возраста, — в самом соку, полненькая и, судя по черному платью, вдовая. Глаза ее сверкали огнем, а губы шептали молитвы. От нее можно было ждать больших подаяний; три столетние старухи, глухой старик с заткнутыми ватой ушами и девочки-первопричастницы из местной школы не в счет. Именно на эту особу преподобный Уиллик и направил разящие стрелы своих пламенных слов.

Проповедь продолжалась почти час. Лицо преподобного страшно белело в сумраке молитвенного дома, слова громовым раскатом неслись с кафедры. Старички мирно дремали, изредка вздрагивая при повышении

обертонов пастора, и только вдова Лоусон рыдала, оплакивая свою молодость, свою поруганную любовь и своего неверного возлюбленного.

Ее щедрое подаяние поразило даже выдавшего виды проповедника.

— Я хотела бы пригласить вас, пастор, для духовной беседы, — произнесла вдова, вкладывая купюру в ладонь преподобного и буравя его лицо огненным взглядом.

— Но мне пора уезжать, автобус отходит в четыре часа, — мягко произнес проповедник.

— У меня машина, я могу отвезти вас, куда пожелаете.

Женщина, очевидно, очень нуждалась в духовном водительстве, и преподобный Уиллик не сумел отказать ей. Он отправился к вдове, надеясь отделаться парой фраз о смертном грехе и компенсировать стоимость автобусного билета до Чарлевилла.

— Я нуждаюсь в духовном наставнике, — напрямик заявила вдова преподобному Уиллику. — Не согласитесь ли вы им стать?

Преподобный разразился длинной цитатой из Евангелия от Матфея, что-то насчет Отца Небесного и его агнцев, но вдова прервала его, поведав, что у нее небольшая скобяная лавка, приносящая устойчивый доход, счет в банке и каменный дом с резервуаром для воды.

Результатом этого посещения стал тот факт, что преподобный Уиллик остался в Фаерфилде. Сначала он решил задержаться лишь на один день, чтобы беседой усладить исстрадавшееся сердце вдовы, затем еще на два дня, дабы закрепить достигнутые успехи бедной женщины на пути к праведности, а потом еще на неделю.

Все это время он под ручку сопровождал вдову к модельному дому и обратно, за что получал щедрое воздаяние и вкусный ужин.

Затем прошло еще две недели. Потом еще две.

За это время до вдовы дошли слухи о том, что, во-первых, недавно женившихся Джину и Патрика стари-

кашка Джон выгнал из дома (поводом стало то, что его зятек, празднуя свою женитьбу, упился до пороссячьего визга и чуть не спалил кофейню дотла), а во-вторых, что молодая уже беременна и разрешения от бремени следует ждать уже нынешней зимой.

Услышав это, вдова, снедаемая жаждой мести и горечью одиночества, еще неистовее ударилась в религию. Теперь с ее уст не сходили церковные обороты и цитаты из Библии, которыми ее щедро снабжал пастор Уиллик. Она ни на минуту не расставалась с преподобным, денно и попно сопровождая его в многотрудных заботах. Она посещала с ним больницы и приюты, ездила на освящение только что купленных тракторов на отдаленные хутора.

А вскоре по городу разнеслась новая весть: пастор Уиллик намерен задержаться здесь до конца дней своих, так ему пришились по душе щедрые фаерфилдцы. А еще через месяц с кафедры молельного дома было торжественно объявлено о бракосочетании преподобного Р.Х. Уиллика с вдовой мистера Лоусона Латентой Лоусон. Таков был ответный ход вдовы на семейное счастье своего неверного возлюбленного.

А уже следующей зимой преподобный Уиллик крестил новорожденного Джона Брайена и в тот же день отпевал почившего в бозе мистера Редли, которого многочисленные друзья, соседи и клиенты по-свойски называли папашей Джоном.

Глава 2

Маленький Джон Брайен, названный так в честь своего деда, рос, как говорится, точно трава при дороге. Это был толстый кудрявый мальчуган с ангельским личиком и вредным характером, который мог бы свести с ума не одного воспитателя, буде таковые у него были. Но у малютки Джона Брайена воспитателей не было. Круг близких ему людей ограничивался матерью, вечно занятой в кофейне, в которой она после смерти

отца работала не покладая рук, и отцом, больше обитавшим в кабаках, чем дома.

Став отцом и хозяином кофейни, Патрик Брайен не изменился. Он не стал примерным семьянином, каждый лишний доллар вкладывавшим в свое семейное предприятие. Совсем напротив! После смерти папаши Джона Патрик полностью отдался жизненным наслаждениям, за кои почитал вино, женщин и карты. Ни любящая его жена, лившая потоки слез возле кровати сына в ожидании своего беспутного мужа, ни сам сын, требовавший отцовской заботы, ни захиревшая кофейня, без хозяина вскоре превратившаяся в обыкновенную грязную забегаловку, не могли его остановить.

Патрик продолжал воровать виски у жены, гулять и шататься по окрестностям с приятелями, горькими пьяницами и забулдыгами, и пробовать женщин, которых еще никогда не пробовал. Напрасно Джина умоляла его остепениться и вернуться в лоно семьи, напрасно она проливала горькие слезы, заклиная его сыном, напрасно она обращалась к пастору Уиллику, чтобы тот помог остановить многолетний загул ее мужа. Преподобный с философской горечью поведал бедной женщине, что все в руке Божьей, и посоветовал немедленно избавиться от кофейни, пока за нее можно выручить хоть какие-то деньги.

Продавать кофейню Джина с негодованием отказалась. Она продолжала трудиться в ней от зари до ночи, лишь изредка отвлекаясь на сына, который уже ползал по заплеванному полу между столов с круглыми пятнами от стаканов на шершавых столешницах. Она целыми днями жарила яичницы с беконом, картофель фри и бифштексы, подавала пиво и двойное виски, вытирала столы, мыла посуду, умоляла поставщиков подождать с выплатой денег до конца сезона, подсчитывала выручку в надежде выгадать лишний цент. А потом, покачиваясь на нетвердых ногах, приходил Патрик, отбирал все деньги и иногда бил ее.

При этом Джина продолжала исправно беременеть и рожать детей. Правда, все они умирали еще при появ-

лении на свет, верно приходя в ужас оттого, что им придется проводить свою жизнь на грязном полу кофейни, выслушивая пьяную ругань шоферов и неудачливых коммивояжеров, затаивших обиду на все человечество. В конце концов кроме Джона в живых остался только один мальчик. Он родился с заячьей губой и недоразвитым мозгом. Его называли Рони. Рони лежал в колыбели в задних комнатах дома, смотрел в потолок и пускал пузыри, не требуя ничьего внимания. И в два года, и в три он все так же продолжал лежать на спине и пускать пузыри.

Между тем загульные развеселые шесть лет не прошли для Патрика бесследно. Его золотистые кудри поредели, васильковые глаза полиняли, а лицо стало одутловатым, приняв красновато-бурый оттенок. Он по-прежнему пользовался успехом у легкомысленных дамочек в дешевых дансингах и почти никогда не платил за их любовь, если не считать платой бутылку виски, украденную у собственной жены.

Бывшая же вдова Лоусон, а теперь почтенная и всеми уважаемая миссис Уиллик, за это время еще больше раздобрела, стала еще более набожной. При встрече с Патриком она сыпала цитатами из Библии, призывала его одуматься и грозила страшными муками, живописуя, как его тело черти будут разрывать крючьями и как его мясо, шипя, станет жариться на огне, если он не прекратит пьяную жизнь.

— Что ж, на соседних кострах будем жариться. — Патрик свойски подмигивал ей, намекая на свои частые посещения дома пастора во время длительных отлучек преподобного по миссионерским делам.

Ибо в сердце вдовы даже удачное замужество не смогло вытеснить любовь к пьянице Патрику. Как ветер лишь сильнее вздымает пламя в очаге, так и чувство бывшей вдовы лишь крепло с течением времени, правда благоразумно не выходя за рамки семейного очага. По-видимому, добрый пастор и не подозревал о существовании своего заместителя, который исправно месил постель его супруги, в то время как ее законный владе-

лец месил грязь за сотню километров от дома, чтобы спасти еще несколько заблудших душ.

Маленький Джон постепенно подрастал, а его мать все таяла и бледнела. Надрываясь в кофейне, она мало-помалу последовала примеру своего мужа и тоже пристрастилась к спиртному. Правда, пила она тихо и стыдливо, в задних комнатах дома, чтобы не видели дети и не осудили соседи. Джина начинала с небольшой рюмочки утром, чтобы не было так противно открывать глаза, и продолжала в течение дня, время от времени исчезая в своей комнате, чтобы приложиться к горлышку.

Кофейня давала все меньше дохода, долги кредиторах возрастали. Патрик пил, а Джон рос, превратившись к семи годам в крепкого хорошенького мальчика с яркими глазами и копной непокорных волос на голове. Джина же все худела и бледнела. От непрерывного жжения в животе ее спасало только виски.

Дела в кофейне мешали ей съездить в Чарлевилл, чтобы проконсультироваться у врача, а местный доктор все болезни лечил в основном безвредными таблетками, которые сам же и смешивал из сахарного сиропа и крахмала с примесью йода.

Кончилось все тем, что Джина умерла. Она ушла тихо и незаметно: просто однажды вечером охнула, прижав руку к животу, и вышла на минуточку, чтобы принять свое любимое лекарство. Ее нашел маленький Джон. Она упала на полпути между обеденным залом и комнатой, и ее скрюченное, ссохшееся от болезни тело напоминало остов мучного червя, найденного в хлебе.

Патрик узнал о смерти своей супруги в постели одной бабенки. Та мимоходом обмолвилась ему о том, что давеча она видела, как отпевали хозяйку «Старого бушрейнджера», с которой она некогда ходила к первому причастию. Патрик так сильно горевал о смерти своей безропотной жены, что даже не запомнил, где ее похоронили. Упиваясь своим горем, слезливым горем алкоголика, он погрузился в многодневный запой и не вышел из него, пока не пропил остатки приданого жены.

Вскоре кофейню пустили с молотка, и она перешла в руки недавно поселившегося в городе итальянца. Остаток денег вручили Патрику вместе с Джоном и Рони, найденным в задней комнате дома.

Патрик недоуменно уставился на деньги и на сыновей, быстро определив применение первым и не нуждаясь во вторых. Четырехлетний Рони бессмысленно пялился на него и счастливо пускал пузыри, а семилетний Джон на всякий случай запомнил, в какой карман отец спрятал деньги.

Патрик взял Джона за руку, подхватил под мышку сверток с Рони и отнес все это добро в дом пастора Уиллика, попросив свою приятельницу, добрую миссис Уиллик, присмотреть за его детьми, пока он сходит на кладбище попрощаться со своей женой. Больше в доме пастора его не видели.

Незадачливого отца нашли лишь через неделю в придорожной канаве. Местный доктор предположил, что он утонул в ней во время сильного дождя. Патрик был мертвецки пьян и потому, когда пошел ливень и канава стала постепенно наполняться водой, не смог выбраться на сухое место и захлебнулся в сточных водах, лежа в обнимку со скелетом полуразложившегося кенгуру и ржавым ободом от велосипеда.

Оставшись круглыми сиротами, Джон и Рони стали жить там, куда привел их отец, в доме миссис Уиллик, несмотря на недовольство преподобного.

Вскоре после похорон Патрика, который покоился рядом со своей женой, лишь после смерти укрывшись с ней одним земляным покрывалом, встал вопрос о том, куда девать детей. От слабоумного Рони избавились быстро. Пастор в один прекрасный день погрузил сверток с ребенком на заднее сиденье автомобиля и уехал в Чарлевилл. Обрато он вернулся один.

— Там ему будет лучше, — туманно пояснил он Джону отсутствие младшего брата. И нравоучительно добавил: — Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное...

Потом преподобный Уиллик отыскал среди своих прихожан обеспеченную семью, которая согласилась усыновить Джона. Однако его чувствительная супруга не могла найти в себе силы расстаться с сыном своей единственной любви. Едва преподобный заводил разговор об усыновлении Джона, она начинала громко рыдать. Ее мягкая рука гладила золотистые волосы мальчика, а заплаканные глаза пристально вглядывались в осунувшееся личико, находя в нем черты рано погибшего отца. Как бы ни молилась пасторша об упокоении духа покойного, перед ней неотступно стояли васильковые глаза Патрика. И такие же глаза она видела на лице его малолетнего сына. Нет, расстаться с ребенком было выше ее сил!

Пастору пришлось уступить настойчивым мольбам своей жены. Он усыновил Джона. Отныне мальчик утратил отцовскую фамилию и получил новое имя: Джон Реджинальд Уиллик.

Обретя новую семью, Джон получил и новую мать, и нового отца. И если мать в нем души не чаяла, то о приемном отце нельзя было этого сказать. Пастора раздражали несдержанность мальчика, его шумные игры, его неумная фантазия и шалости. Если миссис Уиллик прощала своему любимчику все, то преподобный — ничего. Целыми днями простаивал Джон в своей комнате, молитвенно сложив руки на груди и скороговоркой твердя выученные псалмы. Как только он сбивался с темпа, забыв слова, голос из соседней комнаты с кошачьей мягкостью, в которой проявлялись металлические нотки, тотчас произносил:

— Пожалуйста, сначала, Джон Реджинальд.

Каждое прегрешение имело свою таксу. Неправильное поведение за обедом — сорок молитв «Прости мя, Господи, вознеси», шумные игры в доме — дополнительное занятие катехизисом. Мальчика, проведенного первые годы жизни в кофейне и выросшего среди виртуозной ругани низов общества, наказывали, когда с его уст срывалось соленое словцо. Дерзость каралась заучиванием Священного Писания, которое нужно было чи-

тать стоя на коленях. Пастор дремал в кресле, переваривая сытный обед, его нос уже начинал выводить мелодичные рулады, напоминавшие торжественное пение церковного органа, но едва только Джон понижал голос, как из соседней комнаты слышалось мягкое:

— Пожалуйста, сначала, Джон!

Но и Джон не оставался в долгу перед отчимом. Не раз преподобный находил в своей постели ядовитых змей, которые явно горели желанием опробовать на священническом теле силу своего яда. Частенько его ботинки облюбовывала чета смертельно ядовитых австралийских пауков¹. Порою одежда преподобного оказывалась испачканной чем-то коричневым, пастообразным, издававшим неприятный запах, а в его мягкой шляпе, придававшей постной физиономии мистера Уиллика благопристойный вид, всегда можно было обнаружить парочку отборных навозных жуков. Когда пастор собирался по своим церковным делам в Чарлевилл, шины его старого «фордика», как правило, оказывались спущенными, и бедному проповеднику приходилось, обливаясь потом, накачивать их на жаре под аккомпанемент злого мальчишеского хихиканья.

Кроме того, Джон обладал неумемной фантазией и любил приврать. Своим приятелям по играм и их родителям он с удовольствием описывал сокровенную жизнь отчима, не скупясь на подробности.

— На самом деле он не молится никогда, — придавая своему невинному личику ангельское выражение, вещал Джон благодарным слушателям. — А я, говорит, в Бога не верю, плевать я на него хотел. А я ему говорю: как же так, мистер Уиллик, ведь все на земле создано Им, Творцом нашим. Так он отвечает мне: брехня это все. Насрать на все это нужно. Если бы люди за это денежки не платили, никто бы этим не занимался.

— Ну надо же, пастор — и такое говорит! — удивлялись слушатели.

¹ Sydney funnel spider (вид насекомого).

— Это еще что, — вдохновлялся их вниманием малолетний Джон, — он ведь еще брата моего загубил.

— Как загубил? — ахали слушатели.

— Очень просто! — На глаза мальчика наворачивалась почти искренняя слеза, он сам начинал верить в то, что говорил. — У моего братца Рони была родинка вот здесь, на предплечье, такая же, как и у меня. — В этом месте рассказа Джон демонстрировал свое тело. — И вот иду я однажды через старую рошу домой — матушка послала меня отнести записку на ферму мистеру Гуцаку, там было написано время, на которое назначено отпевание их дедушки. Иду я по дороге, вдруг вижу, динго дерутся в кустах из-за куска мяса. Я палку схватил и ну их разнимать. Смотрю, на земле что-то такое странное лежит. Наклонился, глядь, а это кусок руки и родинка вот точно такая же на ней. Понял я тогда, что ни в какой Чарлевилл пастор не отвозил Рони. Задушил он его по дороге и закопал в лесу.

Слушатели и верили мальчику, и не верили, однако распространяемые о преподобном слухи не способствовали повышению его рейтинга среди паствы. Часть его верного стада уже подумывала, не переметнуться ли в лоно католической церкви, чей молодой настоятель горел ревностью к религии и пока никем не был обвинен в удушении младенцев.

А Джон всеми порами впитывал в себя волны вызываемого им сочувствия. Для своих закадычных друзей он приберегал другую байку. Им он рассказывал, что мать его была бенгальской принцессой, а отец автомобильным гонщиком, который влюбился в нее и решил навсегда остаться в их городке. И что дед его был американским миллионером, который утонул, когда плыл на своем корабле, чтобы забрать своего внука в Америку. Среди его сверстников эти рассказы имели большой успех.

В первый раз Джон сбежал из дома, когда ему было одиннадцать. Он решил податься в Сидней и наняться юнгой на корабль, но доехал только до соседнего городка, где и попался на краже старого радио из дома мес-

тного шерифа. Его быстро вернули в отчий дом, и в тот день пастор впервые поднял руку на своего пасынка — в профилактических целях отлупил его сложенным вчетверо ремнем, шепча при этом молитву о даровании смирения.

Свободное время Джон проводил за книгами. Удрав из дома в степь и устроившись в развилке среди густых ветвей кулибы, он глотал одну книжку за другой с той же жадностью, с какой его отец поглощал виски. Однако в школе он не поражал успехами. Все уроки, кроме литературы, оставляли его равнодушным. Он подхлестывал свою буйную фантазию и жажду приключений выдуманными историями и был неистощим на рассказы. Как ни странно, многие ему верили, и постепенно он сам начинал себе верить.

В тринадцать, почувствовав разгорающийся зов плоти, Джон стал совершенно неуправляемым. Его юное незрелое тело, покрытое золотистым пухом, поразил гормональный шторм. Бурлившая в жилах кровь заставляла его совершать такие поступки, от которых пастора бросало в дрожь. Мальчик с неиссякаемым пылом естествоиспытателя наблюдал за совокуплением животных, а затем, быстро постигнув механику этого несложного процесса, перешел к детальным анатомическим исследованиям. Он подсматривал за своей приемной матерью, когда она мылась в ванной. Впрочем, ее постаревшее тело с обвисшей по бокам кожей вызывало в нем не вожделение, а брезгливость. Вечером, после того как семейство отправлялось спать, он чутко выслеживал час, когда в коридорчике, соединяющем покои его приемных родителей, раздавались неуверенные шаги пастора, бредущего выполнять свой супружеский долг.

Джон бесшумно выскальзывал из своей спальни, карабкался по стволу росшего возле дома высокого перечного дерева и, непрерывно рискуя сломать себе шею, наблюдал при призрачном свете ночника через отворенные окна спальни за целомудренным совокуплением пасторской четы. Преподобный с простыней, стыдливо

натянутой на плечи, напоминал ему огромного кузне-
чика с перебитым хребтом, который тщетно пытается
вспорхнуть со стебля и смешно дергается, одержимый
предсмертными судорогами. Итоговый стон означал
финал любовного священнодействия. После этого пас-
тор вежливо благодарил свою супругу за оказанную ему
честь, одергивал свою ночную рубашку и шлепал по де-
ревянному полу обратно к себе в спальню, отвергнув
предложение супруги подольше задержаться в ее по-
стели, которое он приписывал более ее добросердечию,
чем приверженности плотским удовольствиям.

Когда мальчику прискучило наблюдать за всплеска-
ми сексуальной активности пастора, он переместил
свой наблюдательный пункт к соседнему дому. Там
жила Салли, милая девочка с простоватым лицом и
крепкой фигурой крестьянки. Ей недавно исполнилось
шестнадцать, и зов плоти тоже был ей знаком. С неиз-
менным удовольствием Джон наблюдал за приготовле-
ниями своей юной соседки ко сну. Изможденная жа-
рой, истомленная неосознанным желанием, она подолгу
вертелась перед зеркалом, раздеваясь и принимая самые
соблазнительные позы. Джон в это время работал рука-
ми, рискуя в разгар процесса свалиться с ветки. Ему
удавалось несколько раз достигнуть высшего пика, пока
родители Салли, недовольные тем, что в комнате доче-
ри допоздна горит свет, не обрывали его наслаждение
грозным окриком.

Однажды в бурную грозовую ночь, когда молнии яр-
кими вспышками бродили по окрестностям, Салли, за-
крывая окно, чтобы порывом ветра не выбило стекла,
увидела скорчившуюся на ветке фигуру своего тайного
поклонника. Она не рассердилась на него. Он показал-
ся ей забавным, и она впустила мальчика в свою ком-
нату, не чувствуя, что играет с огнем.

Утром Джон вышел от нее уже мужчиной, и с тех пор
их встречи на сеновале, в кустах на берегу реки и в ком-
нате девочки стали регулярными. Это продолжалось до
тех пор, пока пастор однажды не увидел своего прием-
ного сына, вылезающего утром из окна соседнего дома.

Скандал удалось замять. Салли отправили к тетке в соседний город под видом учебы в монастырской школе для девушек, а Джону вообще запретили выходить из дома.

К исходу первой недели заключения (пастор добросовестно контролировал его, сидя с газетой у комнаты пасынка) у мальчика появилась новая подруга — кудрявая шестнадцатилетняя Элизабет. Ее Джон соблазнил, посулив отдавать несколько монеток всякий раз, когда его новая приятельница позволит снять с себя трусики. Путь через окно спальни стал его излюбленной дорогой к наслаждению.

С тех пор монеты из пасторских брюк стали регулярно пропадать, и, повинаясь закону сохранения в природе, они с той же регулярностью появлялись у кудрявой Элизабет, которая теперь вечно ходила с набитым конфетами ртом.

Пропажи из пасторских брюк постепенно возрастали в своем денежном исчислении, и их обладатель мало-помалу стал догадываться, что тому причиной не его вечная забывчивость, а излишне пристальное внимание к ним Джона. Ему не хотелось расстраивать свою жену, которая к тому времени тяжело заболела. Стоя одной ногой в могиле, она просила супруга позаботиться о сыне своего умершего любовника.

Пасторша умирала долго и мучительно. Весь городок со дня на день ждал, когда же наступит время выразить овдовевшему супругу свои соболезнования, а она все еще была жива. Дом пропах запахом новых патентованных лекарств, лавка давно уже перешла в руки нового хозяина, который вместо не слишком прибыльной торговли скобяными изделиями решил открыть продажу новейших грампластинок (прямые поставки из Европы и Америки). Несколько лет миссис Уиллик жила между жизнью и смертью, то, казалось, окончательно делая выбор в пользу небытия, то на короткое время возвращаясь к живым.

К тому времени, как она совсем собралась умирать, Джону исполнилось уже семнадцать лет, и немало жен-

щин в Фаерфилде испытали на себе действие его неотразимой внешности и природного обаяния. Совсем юные девушки и замужние особы с немалым опытом — все они одинаково были подвластны его чарам. И что интересно, при этом Джон умудрялся сохранять отличные отношения с их парнями, мужьями и отцами. Веселая физиономия, открытый взгляд, добродушная улыбка помогали ему сгладить острые углы, неизбежные при подобной активности на любовном фронте. У него было множество подружек, которые ждали, когда он обратит на них свое высочайшее внимание. И множество приятелей, у которых он всегда мог занять пару долларов, с которыми мог пошалить и перекинуться в картишки. И один-единственный недруг, умело отравлявший его жизнь, — приемный отец.

Пока миссис Уиллик лежала на смертном одре и мужественно боролась со смертью, железной хваткой сжимавшей ее астматическое горло, пастор не решался в открытую действовать против пасынка. Но ему до чертиков осточертели вечные жалобы прихожан на Джона: то он с приятелями украл у матушки Пинерс овцу для барбекю, то избил заезжего комми, который клеился к его знакомой девице, то выпотрошил карманы мистера Порта, горького пьяницы, вечно валявшегося в бесчувственном состоянии в канаве, то испортил очередную девчонку. И только неумная любовь умирающей жены к юному исчадию ада сдерживала пастора.

Борясь с предсмертной болью, миссис Уиллик подолгу держала в руках ладонь своего приемного сына, глаза ее светились любовью, которая угасала вместе с ее потухающей жизнью. Она уже давно забыла и отца мальчика, и свою бурную любовь к нему. Долгие годы болезни стерли его потускневший образ из ее памяти. Теперь ей оставалось лишь ловить взгляд васильковых глаз и слабо улыбаться в ответ на улыбку мальчика, ставшего ей родным сыном.

Пока мать Джона плавно и достойно, но очень неторопливо уходила в мир иной, у ее сына завязался роман с Виржинией Пинетти, дочерью местного милли-

онера, сколотившего себе состояние продажей шерсти и акций месторождений меди. Виржиния была смешливой девушкой всего на полтора года старше Джона, в меру красивой, в меру образованной, но не в меру своенвольной. Джону не потребовалось много времени, чтобы затащить свою новую подружку в постель. Роман развивался по традиционному сценарию и остановился тогда, когда девушка внезапно ощутила в себе несомненные признаки беременности.

Ее отец как раз баллотировался в парламент штата, когда рыдающая дочь оглушила папашу известием, что ему предстоит вскоре стать дедом. Депутат Пинетти схватил из ящичка стола свой пистолет и побежал убивать подонка, совратившего его дочь.

Однако в доме пастора будущий парламентар нос к носу столкнулся с благочестивым священником. Светлая печаль мистера Уиллика (его мысли были заняты умирающей женой) слегка охладила воинственный пыл миллионера.

— Все в руце Божьей, — с привычкой к философии пробормотал пастор. — Господь дает человеку тот крест, какой человек может вынести. Значит, мистер Пинетти, таков ваш крест. Несите его с гордо поднятой головой, и да пребудет с вами Господь...

Но мистер Пинетти не желал отдуваться в одиночку и нести крест. К тому же он был прихожанином конкурирующей католической церкви, и проповедь протестантского пастора на него не действовала.

— Я его убью! — потрясая ружьем, вскричал взбешенный отец, но тут же придумал еще более страшную казнь: — Нет, я кастрирую его!

Из-под внешней респектабельности в мистере Пинетти упорно проглядывал дикий каторжник, которому спровадить на тот свет парочку честных граждан было проще, чем выпить стаканчик виски.

— Реджинальд! Что там за шум? — донесся из комнаты слабый голос умирающей.

— Что за шум! Это я, обесчещенный отец! — не заботясь о покое больной, вскричал взбешенный мистер

Пинетти. — Ваш сынок, госпожа пасторша, обрюхатил мою дочь! Я пришел сюда, чтобы убить его, и не уйду, пока не сделаю это!

Той же ночью миссис Уиллик, сердце которой доконала печаль о сыне, тихо скончалась. Огорчительные известия о Джоне ускорили ее уход в иной, лучший мир.

Джон благоразумно вернулся домой через два дня, как раз к похоронам своей матушки. Все это время он провел в соседнем городке, играя в бильярдной на деньги, и продулся в прах.

Убитый горем пастор встретил юношу неласково. Его вид не предвещал ничего радостного. К тому же он подозрительно долго шептался с полицейским комиссаром на похоронах, изредка бросая недобрые взгляды в сторону пасынка.

Над головой Джона сгущались тучи. И тогда он решил опередить события. Облачившись в траурную одежду, он предстал перед отчимом с просьбой серьезно поговорить.

— О чем же ты желаешь говорить, сын мой? — сжав зубы от ненависти, мягким вкрадчивым голосом произнес пастор.

— О моем будущем, отец. — Мальчик выглядел очень серьезным.

— Твое будущее представляется мне однозначно, — с еле сдерживаемым бешенством изрек пастор. — Тебя ждет тюрьма!

— Нет, отец мой. — Джон посмотрел в глаза пастору лучезарным взглядом воплощенной невинности. — Этот путь меня не привлекает. Я хочу учиться!

Брови преподобного медленно поползли вверх. Не на этот ли путь он напрасно пытался наставить своего приемного сына все последние десять лет их совместной жизни? Нет, пастор был слишком искушен в знании человеческих душ, чтобы поддаться на уловку.

— Я хочу поехать в Чарлевилл, — между тем с серьезным видом продолжал Джон. — Я слышал, там можно неплохо заработать, нанявшись в одну из мастерс-

ких по ремонту автомобилей. Вы знаете, отец, меня всегда тянуло к технике...

Пастор знал это, как никто другой, — Джон не раз портил ему автомобиль, катаясь с друзьями по крутой дороге в Чарлевилл.

— Я собираюсь поступить учеником в одну из мастерских, — доверительно продолжал юноша. — Мне требуется лишь небольшой взнос на вступление в профсоюз и деньги на первое время. Потом я начну работать и стану сам зарабатывать себе на жизнь. Конечно, мне придется провести год-другой в учениках, зато я хорошо освою механику и подкоплю денег на учебу. Потом я открою свою мастерскую по ремонту автомобилей — мне говорили, на этом деле можно сколотить неплохой капитал. А потом я открою филиалы своей конторы по всей стране и даже на островах — это верняк, прибыльное дело! Я уже все продумал.

Если бы пастор не знал своего сына, он ни на йоту не усомнился бы в его искренности. Но ему казалось, это только уловка, предлог, чтобы выманить у него деньги. А потом парень прокутит их в городе и вновь вернется к нему, чтобы продолжать разгульную жизнь.

— Что ж, мой сын, прими отцовское благословение. — Пастор сдержанным жестом протянул мальчику руку, при этом фальшивый сапфир радужно сверкнул в свете электрической лампочки. — Пусть тернии на твоём пути не остановят идущего, пусть холодные дожди неудач не остудят твой пыл. Благословляю тебя. Поезжай!

Джон продолжал стоять перед ним. Он ждал. Ждал, когда пастор откроет свою шкатулку, где хранились пожертвования и деньги на текущие расходы, и выдаст ему энную сумму, на которую можно будет неплохо развлечься в большом городе.

Но пастор приподнялся, давая понять, что разговор окончен, и мягко произнес, вкладывая в ладонь сына потрепанную купюру достоинством десять долларов:

— Иди собирай вещи, сынок. Автобус до Чарлевилла уходит в шесть часов от центральной площади. И не

забуди взять с собой Библию, она всегда поможет тебе в трудную минуту...

Джон выбежал из комнаты. Его трясло от бешенства.

В конце концов, после смерти матери ему положен изрядный кус ее наследства! Это большие деньги. А старикашка решил заграбастать все себе. Он выкинет его, как паршивого щенка, а сам будет жить на капиталы, оставшиеся от вдовы Лоусон. Мальчик знал доподлинно: незадолго до смерти она совершила неплохую сделку, продав скобяную лавку и положив деньги в Национальный банк. К сожалению, вытащить деньги оттуда невозможно без согласия отчима...

В половине шестого с котомкой на плече Джон вышел из родного дома. Пастор проводил его до ворот.

— Прощай, Джон. Желаю тебе удачи, мой мальчик. Пусть Господь позаботится о тебе, — произнес преподобный, дружески похлопав пасынка по спине. Ему не терпелось расстаться с ним навсегда.

Обернувшись в воротах, Джон бросился ему на шею.

— О отец! — На глазах его показались непритворные слезы. — Только теперь я начинаю понимать, как много огорчений я доставил вам и покойной матушке! Простите меня, простите! — Он рыдал в голос.

Кумушки у соседних ворот то и дело прикладывали к глазам фартуки, не в силах сдержать слезы. Сердце пастора дрогнуло.

— Сын мой, — дрожащим голосом произнес он, — когда Господь хочет научить нас, Он нас наказует. Принимай все жизненные неудачи с открытым сердцем. Помни, Бог любит тебя, как своего сына. Пусть Он пошлет тебе стойкости в твоих стремлениях.

Джон опустился на колени перед отчимом и, рыдая, приник к его брюкам, пропахшим свечками и ладаном.

Кумушки у соседних ворот рыдали от такой чувствительной сцены. Каким бы разгильдеем ни был Джон, все же он был неплохой парень, беззлобный, и пастор поступал нехорошо, выгоняя своего сына, пусть и неродного, из дома.

Размазывая по щекам соленые слезы, юноша поднялся с колен и направился к автобусной остановке на площади.

Пастор наблюдал за заплаканным лицом сына, скрывшимся за пыльным стеклом автобуса, и сердце его сжалось от горечи и собственной жестокосердности. Он чуть было не позвал Джона обратно.

Но автобус тронулся, подняв клубы пыли, и вскоре исчез вдаль на дороге, ведущей к Чарлевиллу.

Глава 3

Когда сгорбленная фигура приемного отца скрылась в пыли, Джон деловито отер слезы со своего лица и распрямился на сиденье.

Итак, перед ним простиралась новая жизнь, и начать ее нужно было достойно. Вступать в большое плавание с десятью долларами в кармане было просто глупо.

Едва автобус выехал из города, Джон поднялся со своего сиденья и приблизился к водителю.

— Простите, сэр, — вежливо произнес он, — не могли бы вы остановиться? Я забыл взять с собой медальон с прядкой моей матушки, мне необходимо вернуться.

Водитель пожал плечами и остановил машину.

Джон спрыгнул на землю. Взревев мотором, автобус отправился дальше. Перед юношей до самого горизонта простиралась необъятная степь, кое-где покрытая редкими кустами солянок и одиночными эвкалиптами. Звенели насекомые, танцуя над головками распустившихся цветов, пели птицы, свивая гнезда в густой траве. Юноша сошел с дороги, выбрал место в тени раскидистой кулибы, подложил котомку под голову и уснул невинным сном младенца. Он не хотел, чтобы его кто-то видел в городе в тот вечер.

Когда солнце опустилось за лиловую линию горизонта и темное небо навалилось душным брюхом на Фаерфилд, Джон окольными путями вернулся в город.

Едва первый сон сморил морщинистые веки пастора, все еще встревоженного за судьбу своего раскаявшегося сына, черная гибкая тень привычно шмыгнула по ветке дерева в распахнутое окно второго этажа.

Скрипнула половица в доме, на что пастор ответил таким мощным храпом, что задрожала посуда в горке.

Через несколько минут та же ловкая тень спустилась с дерева на землю и, не таясь, отправилась восвояси.

В ту же ночь из шкатулки пастора исчезли все его наличные деньги и пропал сапфир с туалетного столика...

Остаток ночи юноша провел у Виржинии Пинетти. Они лежали рядышком в кровати, и девушка тихо плакала, услышав, что ее возлюбленный уезжает.

— Не плачь, крошка, — утешал ее Джон. — Когда-нибудь я вернусь и увезу тебя в город, где даже ночью светло как днем, где люди всегда одеты красиво, точно в церковный праздник.

— В Чарлевилл? — робко спросила Виржиния.

— Нет, дорогая, в Сидней! Или в Аделаиду, или в Мельбурн. А может, мы уедем в Америку. Там мы купим красивый дом на берегу океана. Ты будешь возиться с детьми в нашем саду, а я буду читать газету в кресле-качалке и любоваться тобой. Когда нам наскучит все это, мы поедем в Париж, в Европу, накупим тебе самых красивых платьев, какие только могут придумать люди. Я стану знаменитым, и ты будешь гордиться мной. Газеты будут писать обо мне, а репортеры брать у тебя интервью и восхищаться твоей красотой. Хочешь?

— Да, — прошептала убаюканная мечтами Виржиния, но тут же спросила: — А как ты станешь знаменитым, Джон? Чем прославишься?

— Еще не знаю, — отвечал юноша. — Может, придумаю что-нибудь такое, отчего все ахнут. Или напишу какую-нибудь книжку. Или стану актером. В общем, это не важно.

Они немного помолчали. Виржиния вздохнула:

— Знаешь, Джон, отец все-таки заставил меня пойти к врачу... У нас не будет ребенка.

— Не страшно, любимая... У нас потом появится множество детей.

— О, Джон! — Девушка доверчиво прильнула к нему. Горячая слезинка быстро скатилась по ее щеке. — Я так люблю тебя! И я так долго тебя не увижу... Оставь мне хоть что-нибудь на память.

Джон молча нырнул рукой в карман брюк и надел что-то на безымянный палец девушки.

— Ой, какой хорошенький перстенок! — воскликнула она. — Откуда ты взял его?

Джон только улыбался, любуясь ее радостью.

— Да это же перстень пастора! — изумилась Виржиния, разглядев подарок.

— Отец подарил мне его, чтобы он напоминал о доме, — промолвил Джон с элегической печалью в голосе. — Но о доме я и так буду помнить, так что пусть лучше этот сапфир останется у тебя.

— Он так похож на твои глаза, любимый!

Когда первый луч солнца коснулся верхушек самых высоких деревьев в Фаерфилде, Виржиния тихонько откинула одеяло.

— Иди, тебе пора. Тебе лучше выйти через гостиную, на моем окне отец поставил решетки... Прощай, любимый!

— Прощай, Виржиния!

Черная тень прокралась из комнаты в гостиную и замерла, чутко вслушиваясь в звуки спящего крепким предутренним сном дома.

Она лишь на секунду задержалась, чтобы вытащить из ящика секретера пистолет мистера Пинетти и отправить его в свой карман.

Вскоре тень вышла из города и быстрым шагом зашагала светлеющей дорогой по направлению к Чарлевиллу.

Джон даже не оглянулся на освещенные рассветными лучами стены родного города. Ему не терпелось вступить в Большую Жизнь.

В небольшой бар возле автостанции Брисбена вошел курчавый парень с веселым взглядом бирюзовых глаз. Он заказал себе виски и присел за столик в углу, оглядывая помещение. Ему здесь определенно нравилось. Никто не интересовался, сколько ему лет, никто не приставал с лишними вопросами, никто не обращал на него внимания.

Его слух привлекли громкие возгласы и шлепанье карт за соседним столиком. Там шла большая игра. Двое парней в рабочих комбинезонах, по всей видимости, обували невысокого мужчину с длинным носом. Новенькие карты звучно хлопали по столешнице, кучки денег беспорядочно валялись на столе. Длинноносый обескураженно чесал в затылке и вообще выглядел расстроенным.

Джон приблизился. Ему нравилось наблюдать за игрой. Ставки увеличивались, кучка денег перед парнями в комбинезонах росла — видно, у длинноносого карманы были доверху набиты банкнотами.

Джон видел, что длинноносый совершает одну ошибку за другой и безропотно расплачивается с выигравшими. Ему вздумалось тоже поучаствовать в этом грабеже.

— Эй, парни, вчетвером веселее, не так ли? — подмигнул он рабочим в комбинезонах.

— Отвали, у нас своя игра, — неприветливо отозвался один из них.

Длинноносый уцепился за этот шанс.

— Пусть попробует, — возразил он. — Хуже не будет.

Наверное, подумал Джон, по его юному виду он определил, что парнишка играет еще хуже, чем он.

Сдали карты на новый круг. Сначала фортуна вроде бы благоволила к Джону, и он даже выиграл долларов двадцать. Но потом неверное карточное счастье внезапно покинуло его. Отчего-то длинноносый перестал совершать одну ошибку за другой и принялся играть очень осмотрительно. Двадцать долларов, полученные Джоном за три минуты, ушли от него в две секунды, да еще и пришлось залезть в собственный карман.

Длинноносый предложил повысить ставки. Раззадоренные игроки согласились.

В двадцать минут с небольшим все деньги, добытые из шкатулки пастора Уиллика, переключевали в карман длинноносого. То же самое случилось и с недельной получкой рабочих.

Спрятав деньги, длинноносый быстро раскланялся и ушел. Рабочие досадливо сплюнули и побрели прочь, слишком поздно осознав, что имели дело с профессиональным шулером. Джон остался без копейки.

Когда бар закрылся, юноша вышел на улицу, отыскал газон с травой и улегся на нем спать. Такова была первая ночь его самостоятельной жизни.

Наутро он самым добросовестным образом обошел несколько автомастерских и предложил им свои услуги, но никто на них не польстился. Потом он шатался по городу и глазел на богатые дома и рестораны.

Так продолжалось несколько дней. Его никто не хотел брать на работу. Джон имел оборванный вид, поскольку ночевал в парке на скамейке, благо было тепло, питался поганой пищей в кафе для китайских рабочих, и от него воняло потом.

После одного безрезультатного дня (Джону удалось лишь поднести до машины сумки пожилой даме, за что он получил несколько долларов, которые немедленно истратил на жратву) парень брел по ярко освещенной улице мимо шикарных витрин, полных самых вкусных, самых заманчивых вещей на свете. Он смотрел на хорошо одетых, веселых людей, которые набирали полные сумки съестного и выпивки, покупали самые лучшие сигареты и садились в шикарные машины, из которых доносился мелодичный смех прекрасных девушек в облегающих платьях.

А он был голоден, от него воняло, и ни одна девушка не согласилась бы провести с ним ночь.

Джон сунул руку в карман и нащупал позаимствованный в доме Виржинии пистолет. Вот бы достать его, направить в этих сытенных толстячков с туго набитыми бумажниками и полюбоваться, как они обмочат свои

штаны... Он усмехнулся, представив их вытянувшиеся рожи. Вот смеху-то будет!

Затем его мысли закрутились в другом направлении. Он озабоченно сдвинул брови, задумался. Потом достал из кармана пистолет, сунул его под рубашку. И с решительным видом направился в магазин.

Он набрал в пакет очень много еды. Там были и хрустящие свежие булочки, и консервы из кенгурятины, и пирожные, и несколько мятных пастилок. Он попросил менеджера подать ему с полки бутылку коньяка и взял две пачки самых лучших сигарет из тех, что были в магазине.

— Поскорее, мистер, мы скоро закрываемся, — предупредил его менеджер.

Из-за позднего времени народу в магазине было совсем немного.

Джон приблизился к кассе. Напротив него стоял потный толстяк с двойным подбородком и глазками, заплывшими жиром.

Такой точно описается со страху, решил Джон и дружелюбно улыбнулся толстяку, доставая из-за пазухи теплый пистолет.

— Добрый вечер, сэр, — вежливо произнес он. — У меня тут куча продуктов, а вы закрываетесь. Поэтому не трудитесь считать, я все равно вам не заплачу, потому что у меня нет денег!

Руки толстяка медленно поползли вверх. Под дулом пистолета менеджер торгового зала плавно отступил за полки с продуктами.

— Спасибо, — улыбнулся Джон на прощанье. — Рад был с вами познакомиться.

И пятясь вышел из магазина.

Теперь все решали секунды. Джон взял с места в карьер и развил спринтерскую скорость. Ему немного мешал пакет с продуктами. Бутылка виски противно звякала об консервы, грозя разбиться.

Тогда Джон нырнул в придорожные кусты, спрятал в зарослях пакет и оружие, слегка отдышался и неторопливым прогулочным шагом двинулся в обратном направлении.

Ему навстречу попались двое полицейских. Невдалеке редела машина полиции.

— Эй, парень, не видел тут типа с пистолетом? — на бегу обратился к Джону офицер.

— Конечно видел, шериф, — с честным видом кивнул Джон. — Он сел в машину, серебристый «додж», и укатил вон туда. — И махнул рукой в противоположную сторону. — За рулем сидела классная девчонка.

В эту ночь Джон устроил себе пир на весь мир. Он был доволен собой, и своим гладко прошедшим ограблением, и тем, как ловко отправил полицейских по ложному следу.

Ночевал он опять на жесткой скамейке в парке.

Следующая неделя складывалась для Джона удачной. Он нашел работу — его взяли заправлять машины на автостанции.

— Только сначала помойся, парень, — брезгливо заметил ему хозяин. — Не то распугаешь клиентов.

Юноше удалось выпросить у хозяина деньги за неделю работы вперед, и он решил снять себе жилье.

— У меня есть для тебя отличная комната, не пожалеешь, — подмигнула ему владелица разделенных фанерными перегородками грязных ячеек, пожилая тетка с отвисшей грудью и сигаретой в зубах. — Всего десятка в неделю, общий душ и туалет, кухни нет.

Джон взглянул на комнатенку размером чуть больше ящика для новорожденных щенят и с негодованием воскликнул:

— Как, мэм! Как вы можете предлагать мне эту конуру! Если бы видел мой отец! Тогда он точно лишил бы меня наследства!

Хозяйка задумалась.

— А кто ваш отец? — спросила она с любопытством.

— Не в моих правилах посвящать посторонних в семейные дела, — скромно ответил ей Джон, — но мой отец владелец угольных шахт на Западном побережье. Нет смысла называть его фамилию, боюсь, как бы она не попала в газеты. Дело в том, мэм, — он интимно понизил голос, — я ушел из дома, чтобы изведать боль-

шую жизнь. Что мы, миллионеры, стоим, если не проживем немного с народом, я так считаю. Конечно, мой отец возражал против этого, но надо немного пожить самостоятельно, без папочкиного кошелька, вот мое мнение.

— Вы знаете, — хозяйка задумалась, — у меня есть неплохие апартаменты на втором этаже. И совсем недорого. Отдельный душ, горячая вода, туалет... Раньше этот номер снимал один торговец недвижимостью, но он решил сменить район и...

— Вот вам десять долларов задатка, я беру эту квартиру, — гордо сказал Джон.

Отказать сыну миллионера, владельца угольных шахт, было невозможно. К тому же он был такой милый...

Итак, у Джона теперь было жилье и была работа, но у него по-прежнему не было еды, одежды и денег, а ближайшая получка ожидалась только через неделю.

Следующей его жертвой стал супермаркет в соседнем районе. Схема налета была так же проста, как и в прошлый раз.

Скоро вся полиция города стояла на ушах. В окраинном районе, где жили в основном рабочие, эмигранты из Юго-Восточной Азии, и всякий сброд, шатавшийся без дела, участились вооруженные ограбления супермаркетов. У преступника был один и тот же почерк. Он входил в магазин перед закрытием, вежливо изымал всю наличность из кассы и отчаливал в неизвестном направлении. Полиции были известны приметы преступника — лет двадцати, с кудрявыми, коротко стриженными волосами, светлыми глазами. Хорошо одет, пистолет системы «Браунинг». Брал немного, долларов сто, редко больше (перед закрытием в кассе мало денег), нападения совершал примерно раз в неделю, уходил один, просто растворялся бесследно в ночи...

А Джону нравилась его новая жизнь. За несколько недель он приоделся, вернул долг миссис Катовски, купил себе красивую шляпу, модные ботинки, проиг-

риватель и несколько пластинок. У него появились подружки, в основном официантки из забегаловок по соседству. Он кормил их сладким, водил в кино и ублаgotворял на своей широкой постели. Если им не хотелось выходить вечером из дому, Джон заводил свой проигрыватель и танцевал с девушкой, галантно, ребром руки прижимая ее к себе — у него было врожденное чувство ритма и умение двигаться. Иногда, когда становилось совсем скучно, когда зимний дождь не давал и носу высунуть на улицу, а танцы надоедали, Джон пел девушкам песни. Его любовницы льстили ему, говоря, что у него громкий голос и хороший слух.

Он попался в тот момент, когда ощущение, что удача, точно верная собачонка, следует за ним по пятам, приглушило в нем чувство опасности. Джон забыл об осторожности, он слишком поверил в себя.

Он попался в том самом супермаркете, в котором в первый раз пробовал свои силы. Он думал, что там забыли про него, и решил вновь освежить память служащих своим посещением. Но там его помнили.

Едва только он вошел в стеклянные двери, насвистывая мелодию из недавно виденного фильма, как потный толстяк возле кассы сразу же нажал кнопку сигнализации. Едва Джон опустил в карман несколько смятых купюр и повернулся к выходу, как обнаружил, что перед ним стоят трое мрачного вида горилл под два метра росту с пушками на изготовку.

— Бросай оружие! — свирепо пробормотал один из них, с нашивками сержанта и выдающейся вперед челюстью профессионального убийцы.

Пистолет послушно шлепнулся на ступени магазина.

В бок ему ткнулся холодный ствол.

Миссис Катовски была очень удивлена, что ее лучший квартирант, сын владельца угольных шахт, оказался грабителем. Просто мальчик увлекся, слишком глубоко познавая жизнь, решила она и вздохнула — нелегко ей будет сдать такую хорошую квартиру в таком плохом районе...

На суде Джон Уиллик держался весело и с достоинством. Бесплатный адвокат напирал на молодость своего подзащитного и на то, что юноша хотя и угрожал оружием своим жертвам, но обходился с ними предельно вежливо.

Судья, отвратительный старикашка с волосами, растущими из ноздрей, ушей и глаз, казалось, не испытывал к подсудимому даже формального сочувствия.

— Зачем вы приехали в Брисбен? — задал он вопрос Джону.

Тот понурил голову.

— Я хотел учиться в университете, мистер, — произнес он, и глаза его тут же увлажнились.

— Очевидно, вы считали, что ваши университеты располагаются в супермаркетах? — съехидничал судья. — Почему вы не стали искать работу, а принялись за грабеж?

— Мне хотелось заработать денег на учебу. — Широко распахнутые глаза Джона смотрели на судью невинно, точно очи годовалого младенца, виновного лишь в том, что он обмочил штанишки. — Вы же знаете, ваша честь, как дорого теперь стоит образование.

— Знаю, знаю... И что, вы подали заявление о приеме в университет?

— Да, ваша честь. Собирался на следующей неделе. Поймите, ведь я не виноват, что экономическая система нашей страны построена таким образом, что не позволяет детям из бедных семейств...

— Мистер Уиллик, вы, очевидно, достаточно наслушались левых пропагандистов. Очевидно, поэтому вашим лозунгом стал девиз «Грабь награбленное»! — Судья был раздражен до предела. — Если вы будете продолжать свое образование таким образом, то вскоре станете настоящим бандитом. У вас получится!

Ему дали четыре года — учитывая молодость подсудимого и сильные левые настроения, будоражившие общество в шестидесятых годах.

Двери исправительного заведения закрылись за ним, но это не огорчало Джона. Он знал, что и в тюрьме тоже есть хорошие люди, и мечтал скорее с ними познакомиться.

Глава 4

Весь срок Джон с пользой для себя провел в компании убийц, грабителей, контрабандистов и медвежатников. Все они оказались прекрасными, сердечными людьми, относившимися к нему с искренним сочувствием и любовью. Джон отвечал им тем же. Он всегда был готов скрасить досуг приятелям игрой в карты или участием в тюремном тотализаторе. Там он повстречал и того самого длинноносого, который выдал ему путевку в большую жизнь, обобрав до нитки за карточным столом. Джон не таил обиду на своего учителя. Они вместе посмеялись, вспоминая тот случай, и длинноносый даже обучил юношу некоторым шулерским приемам в игре.

Так Джон вошел в круг избранных. Весть о подвигах этих людей молва передавала из уст в уста, их портреты в тюремных робах перепечатывали газеты, их именами матери пугали детей, их подвиги воспринимались как этапы криминальной карьеры.

Во время заключения Джон оброс связями в криминальной среде. Он узнал адреса подпольных букмекерских контор, в которых ставки были выше, чем в официальных тотализаторах, ему подкинули адресок человека, торгующего поддельными паспортами, и посоветовали, где лучше сдавать добытые грабежом шмотки. Он считал, что вместе с ним сидят отличные парни, которым не повезло в жизни, но которые не огорчаются по этому поводу, а добывают свое счастье с ножом или пистолетом в руке, как подобает настоящему мужчине.

Из тюрьмы Джон Уиллик послал своей возлюбленной Виржинии Пинетти весточку о себе, где в хвастли-

во-самоуверенном тоне рассказывал о своих подвигах. Девушка не ответила ему. Джон обиделся и, хотя ему оставалась до отбытия наказания еще несколько месяцев, решил сбежать, дабы найти неверную возлюбленную и поквитаться с ней.

Во время вечерней проверки он пожаловался дежурному офицеру на нестерпимую боль в животе.

Заключенный был бледен и громко стонал — начальнику охраны пришлось вызвать тюремного доктора.

Врач, которого поздний звонок оторвал от его любимой телепередачи, недовольно попыхивая трубкой, явился в тюрьму. Он долго мял живот юноши — заключенный только смотрел на него умоляющим взглядом и кусал обескровленные губы. Доктор, собаку съевший на симулянтах, желающих отдохнуть на больничной койке, был строг и проницателен. Но этот узник не походил на симулянта. Он шептал, почти теряя сознание от боли:

— Доктор, если я умру, сообщите моей бедной мамочке...

Доктор плавно нажал на правую подвздошную область живота и резко отпустил руку, проверяя симптом Щепкина — Блумберга. Заключенный громко вскрикнул, глаза его обморочно закатились.

— Брось паниковать, парень, — добродушно произнес доктор, выпрямляясь. — У тебя обыкновенный аппендицит. В больнице тебя распотрошат на славу, через неделю будешь как новенький.

И заключенного Уиллика отправили в городскую больницу, откуда он бежал через окно уборной, в то время как медсестра собиралась ему делать клизму перед операцией.

Полиция объявила его в розыск. Но поскольку Уиллик не считался социально опасным, то все быстро успокоились — в Австралии всегда с сочувствием относились к сбежавшим из тюрьмы узникам.

А Джон направился в родной Фаерфилд, чтобы отыскать свою неверную возлюбленную.

Он торопился, внутри него кипели обида и гнев. Он даже не зашел к своему приемному отцу, чтобы напом-

нить ему о себе, а сразу же направился в дом Пинетти, дабы восстановить статус-кво. Там словоохотливые соседи, с трудом признав в высоком плечистом парне хрупкого мальчишку, покинувшего три года назад родные края, сообщили Джону, что Виржиния уже давно вышла замуж за владельца звукозаписывающей студии в Сиднее и уехала с ним. Ее муж был не последним человеком в шоу-бизнесе и имел баснословный по фаерфилдским меркам доход.

Сделав вид, что ему совершенно безразлично замужество его подружки, Джон вздумал напомнить старому пастору о своем существовании. Он направился к родному дому, небрежно держа на полусогнутом локте изящный серый плащ, украденный в дороге, и небольшой чемоданчик с вещами, позаимствованный у одного растяпы на промежуточной станции.

Однако дома его ждало жестокое разочарование. Пастор еще год назад почил в бозе. Каменный дом вдовы был наглухо заколочен, сад возле дома выглядел заброшенным, цветник зарос сорняками, а разросшиеся плети бугенвиллеи привольно оплели цистерну возле дома и кованую решетку веранды.

Возле ворот юношу уже ждал местный адвокат. Он поздравил Джона со вступлением в права наследства, в качестве приятной неожиданности поведал ему о небольшом счете в Национальном банке и тут же принял поручение о продаже дома — юноша не желал оставаться в своем фамильном логове (он справедливо опасался, что полиция первым делом будет искать его именно здесь). Забрав деньги и продав за бесценок дом, он уже вечером этого же дня стоял возле автобусной остановки. Его манили розовые дали. Он считал себя баснословно богатым.

Шел 1962 год. Это было время промышленного бума, совершившего большое «австралийское чудо». После войны в страну хлынул поток иммигрантов, а на пустынных территориях исследователи делали одно открытие за другим: эта земля оказалась богата всеми минералами, даже самыми редкими. Началось бурное раз-

витие промышленности, а уровень жизни стал одним из самых высоких в мире.

В это время Джону было двадцать лет и у него уже имелся кое-какой жизненный опыт и большие планы на будущее, он точно знал, чем ему хочется заниматься — скачки, бега, карты, подпольный тотализатор. То, что будоражит кровь и заставляет самой последней клеточкой тела чувствовать, что ты живешь. То, что выбрасывает в кровь адреналин и вынуждает вибрировать туго натянутые нервы. То, что достойно настоящего мужчины, не привыкшего кланяться у судьбы жалкие центы.

Джон считал себя настоящим мужчиной. И он знал, что когда-нибудь заставит весь мир содрогнуться и заговорить о себе.

Сидней встретил юношу многоголосым городским шумом. Разогнув затекшие ноги (он провел ночь в полусогнутом состоянии в тесном купе экономического класса с сидячими местами — единственный люкс в вагоне был занят молодоженами), Джон вышел на перрон. Никто не обращал внимания на скромно одетого парня. Люди смотрели сквозь него, точно сквозь стеклянную стену, человеческий поток огибал его со всех сторон, как река, вышедшая из берегов, обтекает одиноко стоящее дерево.

Получивший наследство Джон чувствовал себя миллионером. Он планировал потрянуть мощной в большом городе. На ходу он раздумывал, куда ему направиться в первую очередь. Сразу на ипподром? Или в ту забегаловку, где, как ему говорили, каждый вечер бывает крупная игра в карты? Или все же сначала снять какую-нибудь конуру?

Движением руки он остановил такси и, развалившись на заднем сиденье, приказал отвезти себя в самый шикарный отель в городе. Шофер только презрительно скосил глаза на пассажира.

— «Шератон» подойдет? — неприветливо буркнул он и, не спрашивая разрешения, закурил. Неплохой физи-

ономист, он с одного взгляда определил, что этот гонористый парень всего лишь одна сотая доля от того, за кого себя выдает.

После узкой тюремной камеры, которую приходилось делить еще с тремя арестантами, шикарный номер за сто долларов в сутки показался Джону именно тем, что доктор прописал. Юноша дал лифтеру непомерно высокие чаевые и бросился в ботинках на кровать, прихватив с туалетного столика телефонный справочник. Оказалось, Уильямов Брауншвейгов в городе хоть пруд пруди. И какому из них повезло стать мужем его неверной возлюбленной, было совершенно непонятно.

Джон отшвырнул справочник и спросил сам себя:

— Какого черта я мучаюсь? В этом городе полным-полно малышей, которые будут счастливы раздвинуть передо мной ножки!

Он решил навсегда забыть вероломную Виржинию Пинетти.

Вечером того же дня Джон сидел в роскошном ресторане и в одиночку накачивался дорогим и невкусным шампанским. На нем были шикарный смокинг и умопомрачительные ботинки за сто долларов. Дамочка, которой Джон предложил присоединиться к своему столу, негодуя взвизгнула и испуганно повисла на руке своего респектабельного спутника. Она была разгневана, ее приняли за дешевую шлюху.

— Отвези меня куда-нибудь, где собираются душевные ребята, — с вселенской тоской в голосе попросил Джон шофера такси, покинув ресторан. Теперь для него слово «дорогой» стало синонимом слова «скучный».

Таксист привез его в самую вонючую и самую дешевую забегаловку в порту. С первого взгляда парень понял, что он попал в привычную компанию. Здесь накачивались пивом портовые рабочие и валялись в лужах собственной блевотины иностранные матросы. Двое греков, в бешенстве брызгая слюной, уже доставали ножи под одобрительные возгласы зрителей. Томный волосатый дохляк на разошедшихся досках сцены что-то тихо гундел под гитару.

Через минуту Джон обрел нескольких новых друзей. Он угощал своих друзей спиртным и с одним из них даже поменялся, отдав свой шикарный смокинг за промасленную куртку. А гугнивый дохляк на эстраде все еще что-то бубнил о любви и предательстве...

Пьяная слеза пробрала Джона. Он внезапно вспомнил вероломную Виржинию и то, что ее супруг — воротила шоу-бизнеса или что-то в этом роде. Внезапно гениальная мысль осенила его: он добьется успеха! Он завоюет весь мир! У него прекрасный голос, все девчонки в Брисбене в один голос твердили ему об этом. Он будет петь и станет звездой национального масштаба. И тогда обманщица упадет у его ног, моля простить ее предательство. Она будет кусать локти оттого, что пренебрегла самим Джоном Уилликом!

Итак, пора было начинать сольную карьеру.

Джон медленно поднялся с табуретки на одеревеневших ногах и направился к эстраде. Через секунду гугнивый дохляк с микрофоном ласточкой нырнул со сцены в зрительный зал. Гитара жалобно звякнула струнами и полетела вслед за ним. Микрофон застонал от бурного дыхания Джона.

— Эй, парень, что ты здесь забыл? — сзади внезапно послышался остужающе трезвый голос. — Что ты делаешь на сцене?

— Черт побери! Я собираюсь петь! — Осоловелые глаза Джона уставились на гориллообразного здоровяка с рыжей бородой, хозяина бара.

— А мне плевать! — отвечивал тот. — Это мое заведение, и только я могу приглашать сюда артистов!

Джон согласно кивнул и понимающе поднял ладонь — одну минуту! Он полез рукой в нагрудный карман и достал оттуда пачку купюр. Смятые бумажки веером посыпались прямо на пол. После этого жеста здоровяк исчез, пожав плечами, точно растаял в табачном дыму.

— Народная песня... в исполнении Джона Уиллика, — чуть заплетаясь языком, пробормотал начинающий вокалист. — Ребята, давай!

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Ребята из ансамбля, притихшие на сцене во время недавнего инцидента, уже оправились от испуга.

Джон запел:

Как хороши твои поля, земля моя родная,
Иду по долгому пути, усталости не зная.
Я по дороге отдохну в тени родного скрэба¹,
А подо мной твоя земля, а надо мною — небо-о...

— Не-бо-о, — дружно отозвались слушатели.

Как древесину точит жук, меня усталость точит,
Но, если выйду на межу я теплой луной ночью,
Усталость снимет как рукой, и вот уже с подружкой
Я дни и ночи провожу — с наполненной кружкой.

— Кру-ужкой!

И если упаду в траву, от пули умирая, —
Тебя к груди своей прижму, земля моя родная.
Не надо хлеба и вина, своей любви не скрою,
Пусть до отказа рот забит твоей, земля, землею.

— Земле-ею!

Под конец он немного запутался, слегка переврал слова и чуть-чуть напортачил в припеве, но, несмотря на это, аудитория наградила его бурными аплодисментами.

После того как отгремел последний хлопок, парень спустился с помоста в зал, чувствуя себя звездой эстрады. Восхищенные собутельники поощрительно хлопали его по спине и, дурачась, просили автографы. Только один рыжеватый здоровяк не аплодировал и не хлопал.

— Все это не стоило тех денег, что ты заплатил, — презрительно процедил он сквозь зубы.

Джон побледнел. Хмель моментально выветрился у него из головы. Одним движением он перемахнул через стойку бара и вцепился рыжему в глотку. Завязалась драка. Зрители подзадоривали драчунов, довольные бесплатным развлечением. Ободряющие выкрики сливались в сплошной гул.

¹ С к р э б — заросли сухолюбивого кустарника в австралийской полупустыне.

Хозяин бара был здоров физически, но неповоротлив. Через минуту он с вывернутой рукой был прижат к стене. Его глаза бешено вращались. В них виднелись искорки страха.

— Пусти, парень, — хрипя, взмолился он. — Шутки не понимаешь?

Тогда Джон развернул его к себе спиной и, согнув колено, двумя руками с размаху переломил через него руку здоровяка — по фаерфилдским понятиям, в этом не было ничего особенного.

Хрустнула кость. Рыжий взвыл сиреной и обмяк на полу. Джон гоголем прохаживался по залу, как должное принимая восхищение зрителей.

Только когда в баре показались полицейские, он вспомнил про свои недавние неприятности с законом и предпочел ретироваться. Остаток ночи Джон провел с некрасивой девицей, которую купил тут же, в порту, в ее ужасной каморке с видом на мусорные баки у кирпичной стены...

Утром ему было препаршиво.

Карьера певца сразу же не задалась. И хотя Джон еще несколько раз пытался в окрестных кабаках воплотить в жизнь свои горячечные мечты, ему в конце концов пришлось отказаться от этой идеи.

Несколько дней он как неприкаянный шатался по городу, пытаясь открыть свою душу первому встречному. Но то, что казалось естественным в Фаерфилде, в Сиднее считалось невозможным. Никто не хотел его слушать. Поэтому Джон решил выплакать свою душу на бумаге.

На книжном развале ему попался в руки журнал «Мэн мэгэзин». Там на первой полосе была помещена фотография какого-то прыщавого заморыша с сальным взглядом, а далее помещалась статья о женской психологии, в которой давались советы о том, как завоевывать женщин. Джон пролистал статью и презрительно хмыкнул.

«Этот тип, — решил он, — разбирается в бабах примерно так же, как я в мериносовых овцах. Если кто и

знает о коварной женской натуре, то только тот, кто пострадал от женщин так же сильно, как я».

И он решил переплавить свой опыт общения с женским полом в разящие строки обличительной статьи, которая раскрыла бы доверчивому мужскому племени глаза на коварство женщин.

Джон купил пачку бумаги, несколько ручек и заперся в своем шикарном номере на целые сутки.

Собственная статья ему показалась гениальной. После целой ночи творческого азарта он переписал начисто листки и сложил их в папку с золотым тиснением.

Слегка осоловелый от бессонницы, утром Джон направился в редакцию «Мэн мэгэзин».

Редактором мужского журнала был добряк Меер-Захер, долго и трудно начинавший свою литературную карьеру с прокламаций для профсоюзного движения и рекламных объявлений. Поэтому он искренне сочувствовал всем новичкам, решившим вступить в трясину литературного творчества. Его не могли обмануть ни шикарные ботинки Уиллика, ни его чрезмерно новый и слишком яркий галстук — по первым звукам страйна¹ он понял, что имеет дело с безобидным провинциалом, каким еще каких-то лет двадцать назад был сам.

Пробежав беглым взглядом первые строчки статьи, начинавшейся словами: «Женщина — это такой человек, который и знать ничего не хочет, кроме...», он взял начинающего литератора под руку и вывел его на улицу.

— Несомненно, в стиле вашего письма чувствуется первобытная сила, мистер Уиллик. Экспрессия вашей стилистической направленности, сливаясь с конвергенцией традиционалистских представлений о строении фразы в современном английском языке, производит ошеломляющее впечатление. Вы талантливы, безусловно! Но талант — ничто без трудолюбия и работы. Вы должны работать, много работать... Очень много... Короче... Вы откуда родом?

¹ С т р а й н — диалект Средней Австралии.

— Из Фаерфилда, — ответил Джон, млея от ученых фраз.

— Прекрасный город, прекрасный, — кивнул редактор, имея весьма смутное представление о том, где находится этот прекрасный город. — Возвращайтесь домой, работайте — и вас ждет великое будущее. В этом я не сомневаюсь! — Он не сомневался, что второй раз родители этого юноши просто не дадут ему денег для поездки в город.

— Вы напечатаете статью? — просиял Джон.

— Непременно. Потом... К сожалению, у нас плотный график, но позже мы обязательно найдем место для вашего материала.

Статья «Кто такие женщины на самом деле» никогда не увидела свет ни в журнале «Мэн мэгэзин», ни в каком-либо другом. Затерявшись на редакционных полках, она безвозвратно погибла для истории.

А Джон через две недели вновь оказался в тюрьме, потому что у него кончились деньги, а единственным способом добычи, который ему был доступен, оставалось вооруженное ограбление. Но едва он зашел в большой магазин на Секулар-Куэй и наставил макет полицейского пистолета на кассиршу, как был тут же скручен охраной и отправлен в полицейский участок.

Там он оправдывался, говоря, что игрушечный пистолет ему нужен был лишь как повод для знакомства с хорошенькой продавщицей. Но шериф быстро вычислил, что за птица попала ему в руки, и отправил его досиживать срок, еще и премировав несколькими годами сверх того.

Глава 5

Следующие несколько лет Уиллик провел разрываясь между скачками, разовой работой и соблазном вновь вступить на путь легкого, прибыльного, но очень уж временного заработка, который было так легко получить, стоило только достать пушку из кармана и с

милой улыбкой попросить денег у хорошенькой продавщицы в магазине. Но прошлый опыт Джона был не слишком удачен, а в тюрьму ему не очень-то хотелось (там не было лошадей и женщин), и потому он из последних сил боролся со своими криминальными наклонностями, опасно балансируя на узкой кромке между желанием огрести порядочный куш и нежеланием за это расплачиваться.

Постепенно он погрузился в специфический мир ипподрома и стал завсегдатаем бегов. Он знал всех букмекеров, подпольных и работающих официально, он знал наперечет все подпольные тотализаторы, где при удачном раскладе можно было сорвать неплохой куш. Но не только деньги привлекали парня, не мечта когда-нибудь поставить на лошадь своей мечты и крупно заработать на ней — его влекла на ипподром любовь к риску. Когда, дрожа от возбуждения, он сидел на трибунах, лихорадочно прикидывая в уме шансы каждой лошади на победу, учитывая гандикапы и форы каждой лошади, он чувствовал, что именно это и есть настоящая жизнь. В голове крутились обрывки сведений, полученных от верного человека на конюшне. В душе — бесшабашное желание махнуть всю сумму, поставив на темную лошадку, насчет которой его знакомый «бук» клялся, что «она — верняк», боролось с осторожностью и желанием ставить понемногу, но наверняка, чтобы как можно дольше продлить игру, чтобы уйти с ипподрома пусть и в небольших плюсах.

Лишь в эти минуты он действительно жил. Когда темная лошадка всего на четверть морды отставала от признанного фаворита скачек, кровь его прилиwała к голове, бурными толчками отдавалась в висках, в груди туго билось сердце. Адреналин действовал хлеще наркотика, заставляя Джона забыть о реальности, о расчетах, об обещаниях подруге, об упреках совести.

Если ему везло и он уходил с ипподрома в выигрыше, то потом безумствовал всюду — засыпал очередную девушку подарками, мог подать попрошайке целую двадцатку, закатить друзьям бесплатную выпивку.

Но гораздо чаще его «стопроцентный верняк» оказывался дутым, удача отворачивалась, и его лошадь тащилась к финишу последней, как будто она не бежала к нему, а ползла по земле, лениво перебирая копытами. Тогда Джон уходил с ипподрома с пустыми карманами. В эти печальные дни он был раздражительным и грустным. Обещал своей девушке, что устроится, наконец, на работу.

Пару раз он действительно держал слово, устраивался и работал по несколько месяцев — помогал в баре своему приятелю. Но едва только у него заводилась лишняя сотня долларов, как Джона вновь начинало неудержимо тянуть на ипподром.

Он имел десятки знакомых в окололошадном мире, которые за небольшое вознаграждение поставляли ему сведения из конюшен. Это были данные из первых рук, они могли кардинально сказаться на результатах забега и ставках во время игры.

Как-то из десяти независимых источников Джону стало известно, что одна из фавориток, Рыжая Стерва, внезапно охромела на правую ногу, а у другой признанной любимицы публики, Бешеной Акулы, внезапно развился на копытах грибок, делающий копыто рыхлым и причиняющий лошади беспокойство, отчего она становится нервной и пугливой, — об этом никто не знал, кроме конюхов, день-деньской отиравшихся возле денников. Итак, фавориты были не в форме, а другие источники уверяли, что никому не известная пегая кобыла Барракуда на предварительном забеге обставила фаворитов на два корпуса, хотя и бежала вполсилы. Все это сулило невероятный, баснословный выигрыш тому смельчаку, который рискнет поставить на Барракуду, шансы которой расценивались чрезвычайно низко, один к шести.

— Это мой шанс! — твердил себе Джон. Возможность выигрыша дурманила ему голову. Как на грех, денег у него не было, недавно он спустил последнее на одну красотку из Эрли-Бич, которая уверяла, что она стопроцентная француженка, и даже знала несколько слов на чудном птичьем языке.

А деньги нужны были позарез. Как на грех, все приятели, не раз выручавшие Джона во время безденежья, хором отказались ссудить ему несколько сотен, придумав дурацкие оправдания, что он еще с прошлыми долгами не расплатился. Француженка, не будь душой, сказала, что истратила все деньги на пластинки «Битлз» и на косметику, а больше у нее ничего нет. Джон метался, как загнанная лошадь. Маячившее в обозримой близи богатство опьяняло его.

Тогда он вновь повторил свой любимый трюк с пистолетом в магазине... Но на этот раз Джону не повезло. Дружок той продавщицы, на которую он наставил свой игрушечный пистолет, тоже частенько пропадал на скачках и знал в лицо этого синеглазого смазливового парня.

Полиция не долго искала грабителя.

Его взяли на ипподроме. Джон уже поставил все свои деньги.

Барракуда была молодой кусливой лошадыо с прекрасной статью, но излишне горячей и капризной. Верные источники утверждали, что она является незаконной дочерью знаменитого Геркулеса, чемпиона многих национальных скачек. Барракуда выросла на ферме в Аутбеке¹, в тиши и довольстве. Уже с юных лет она обещала дивную карьеру скаковой лошади и, конечно, заслуживала большего, чем до самой смерти возить своего хозяина по выжженной солнцем полупустыне, собирая отары овец, или таскать тяжести на ферме, — для этого у нее были слишком тонкие ноги и нервный характер.

Лошади уже вышли на последний круг, когда трое вооруженных офицеров появились возле трибуны. Рядом с ними вышагивал невысокий веснушчатый парень.

По итогам первых трех кругов забега победитель не определился. Фавориты шли морда к морде, и, кто

¹ А у т б е к (O u t b a c k) — сельская местность Австралии, или буш (bush), засушливые просторы, покрытые редколесьем и посещаемые лишь ковбоями.

из них станет номером первым, было неясно. Бинокль Джона то выхватывал в туче рыжеватой пыли оскаленную морду Барракуды, то вновь терял ее из виду.

Веснушчатый оглядел трибуны и ткнул пальцем в Джона, который, дрожа от неминуемой победы своей любимицы, не замечал ничего вокруг, уставившись на пыльную тучу в конце скаковой дорожки.

Лошади вышли на предпоследний круг. Трибуны неистовствовали. Черный круп Барракуды мелькал где-то в голове огромной тучи пыли, которая с неудержимостью урагана стремилась к финишу. Она будет первая! Джон дрожал от азарта, чувствуя, что его победа, победа Барракуды, близка и неминуема. Еще только минутой, пятьдесят секунд... Он будет богат как Крез... Она будет первая...

Полицейские начали подниматься по трибуне, расстегивая кобуры.

Рыжая туча пыли сместилась правее. Барракуда опережала фаворитку Бешеную Акулу буквально на сантиметры...

Джон дрожал мелкой дрожью. Его губы шевелились — он молился, прося у Бога лишь одного: чтобы его лошадь победила.

Полицейские появились позади него.

— Пройдемте с нами, сэр.

Джон ничего не слышал. Черная морда в конце скаковой дорожки еще больше выдвинулась вперед.

— Сэр!

Грубый толчок заставил его оторваться от бинокля.

— В чем дело?

Джон сразу понял, что от него хочет эта троица с металлическими физиономиями штампованных роботов. Он догадался, почему они так настойчивы — ему ли не знать полицейских...

В другой ситуации он попробовал бы ускользнуть от них в толпе, но сейчас... Барракуда должна вот-вот победить!

— Одну минутку, парни! Я только...

— Пошли!

Цепкие пальцы ухватили Джона под руки и поволокли его прочь от зеленого поля, на котором неудержимо, стремительно побеждала его Барракуда...

Уходя, Джон, выворачивая шею, все оглядывался на поле — Барракуда неудержимо летела к финишу, обещая поставившим на нее баснословный выигрыш. Джон вздохнул. Такая удача бывает один раз в жизни!

Но в этот момент произошло что-то непонятное. Черная стремительная молния вдруг отделилась от тучи возле финиша и свернула с дорожки прямо на зеленое поле, засеянное травой. Барракуда скакала, как-то подурному задирая ноги, пытаясь сбросить с себя наездника.

— Эх! — слышался в толпе чей-то сожалеющий возглас. — Молодая еще кобылка, пугливая... Да и характер у нее...

Садясь в полицейскую машину, Джон услышал металлический голос громкоговорителя:

— Результаты четвертого забега... Первая тройка: Бешеная Акула, Стиллет, Командор. Барракуда сошла с дистанции. Обладатели выигравших билетов, получите деньги в кассе...

Джону было плохо, как никогда. Его Барракуда проиграла. Лошадь, на которую он возлагал столько надежд, проиграла, как последняя скваттерская дохлятина, свернув с дистанции у самого финиша! Что может быть ужаснее этого!

Еще одна маленькая неприятность добавляла изрядную толику яда в и без того горькую ситуацию — Джон вновь отправился в тюрьму.

В очередной раз Уиллик вышел на волю только в конце шестидесят девятого, по полной программе отсидев и срок за вооруженное ограбление, и за побег.

Джону незачем было стремиться на волю. У него не было женщины, которая бы ждала его из заключения. У него не было семьи, которая бы считала дни до его освобождения.

В тюрьме все более-менее определено. Нетяжелая работа днем, скучные душные вечера, которые заключенные коротали совершенствуясь в «two up», сугубо австралийской игре, — ее придумали еще в прошлом веке во время золотой лихорадки в городе Калгурли, на западе страны, и в свое время эта игра помогла спустить не одну унцию честно намытого старателями золота.

Срок заключения неудержимо летел к концу. Сокамерникам Джона жены присылали передачи и приезжали в тюрьму на свидания в уик-энд. Дети, белоголовые сопливые отпрыски, слюнявили щетинистые щеки своих отцов, а те лишь стыдливо отирали наворачнувшуюся на глаза влагу. К Джону никто не приезжал, никто не звонил, никто не присылал ему писем. И все это при том, что он как мужчина мог дать сто очков вперед любому из своих приятелей!

— Чем собираешься заняться, парень? — мимоходом спросил его офицер, выдавая документы при освобождении.

— Попробую начать честную жизнь, — ответил Уиллик.

— Да? — удивленно ухмыльнулся офицер и тут же добавил: — Ну-ну, посмотрим, сдается мне, мы скоро опять тебя здесь увидим.

Джон сам не знал, действительно ли он собирается начать честную жизнь. В конце концов, это совсем не так плохо, как кажется на первый взгляд: завести себе симпатичную женушку, нескольких детишек, снять небольшой домик в хорошем районе и знать, что, что бы ни случилось, вечером тебя будет ждать ласковая жена и бутылка охлажденного пива в холодильнике.

Офицер выдал ему талон для регистрации в Бюро помощи бывшим заключенным по месту жительства и пожелал счастливого пути.

Джон направился в Сидней. Только здесь, в этом огромном городе, он чувствовал себя как дома. Там можно было всегда найти работу, недорогую любовь или развлечение по душе. Там полно отелей, ресторанов, баров, казино. Там есть ипподром и тотализатор. Прав-

да, об ипподроме Джон старался не думать — из сердца его еще не до конца изгладилась боль, причиненная ему прекрасной и вероломной Барракудой, которой он принес в жертву и деньги, и любовь, и свободу, наконец...

— Никаких скачек, никаких бегов, — твердо решил для себя Джон. — Пора начинать новую жизнь. Устроюсь-ка я на работу.

Как и положено честному гражданину, некогда бывшему не в ладах с законом, Джон должен был после досрочного освобождения из тюрьмы зарегистрироваться в полиции, чтобы государство могло, наконец, убедиться, что его, государства, трения с гражданином Уилликом закончились и мистер Уиллик твердо встал на путь исправления, желая приносить пользу обществу. Джон должен был состоять на учете около года, и при любом нарушении закона его могли вновь упрятать за решетку, в противном случае он автоматически попадал в розыск.

Первым делом Джон снял комнату в мотеле и познакомился с девчонкой в баре. Она была хорошенькая и молоденькая, но слишком корыстная. Джон пришел к выводу, что за то время, что он пребывал в местах не столь отдаленных, мир значительно изменился к худшему. Еще каких-то десять лет назад, до его первой отсидки, женский пол был куда менее златолюбив и бескорыстно дарил юного Уиллика своей любовью. Правда, он с тех пор несколько утратил свою сияющую красоту юного бога-олимпийца. От пристрастия к пиву лицо стало несколько одутловатым, а фигура слегка обрюзгла. Но глаза все еще выделялись на лице сияющими синими озерами, а задумчивая улыбка открывала великолепные зубы. Он все так же был остер на язык и готов к приключениям — правда, теперь только в постели.

Поднявшись рано утром, он отправился в Бюро помощи заключенным, которое располагалось неподалеку от полицейского участка.

Было жарко. Огромные лопасти вентилятора лениво разгоняли воздух где-то под потолком.

— Кабинет прямо по коридору, — сказали ему при входе. — Ваш патрон — Коллинз.

Джон оглядел в зеркале свою фигуру в клетчатой рубашке и новых джинсах — парень что надо! — и с удовольствием подумал о грядущем свидании вечером. Только бы этот Коллинз, которого назначили присматривать за ним, не стал ставить палки в колеса.

— Привет, мистер Коллинз, — произнес Джон, протискиваясь в кабинет. — Меня зовут Джон Уиллик.

Худошавая темноволосая женщина подняла голову от бумаг, которыми был завален весь стол.

— Здравствуйте, мистер Уиллик, — промолвила она ровным голосом и раздвинула узкие губы в некоем подобии улыбки. — Меня зовут Глория Коллинз. Я буду вашим патроном.

Джон немного онемел от неожиданности, но быстро нашелся.

— А я до гроба буду вашим подопечным, — галантно произнес он, восхищенно глядя на девушку. — С огромным удовольствием! Навсегда!

Тогда они еще оба не знали, что это было правдой — «до гроба»...

Глория Коллинз — невысокая женщина с твердым взглядом небольших карих глаз и строгой линией рта. Даже очень щедрый на комплименты человек (такой, как Уиллик) не смог бы ее назвать писаной красавицей. У нее было приятное, без малейших признаков косметики, только чуть тронутое пудрой у крыльев носа, лицо, маленькие аккуратные руки. Пышные волосы на затылке образовывали тяжелый узел, оттягивающий голову назад, что придавало всей ее фигуре горделиво-независимый вид.

Трудно было с первого взгляда определить ее возраст — с равным успехом Глории можно было бы дать как тридцать, так и двадцать лет. Только чуть заметные морщинки у висков говорили, что она ближе к первой цифре, чем ко второй. Приставка «мисс», а не «миссис» к фамилии Коллинз на табличке, стоявшей на ее столе, убеждала посетителя в том, что она не замужем.

«Я смогу с ней договориться, — решил про себя Джон. — Нужно только побыстрее ее очаровать. Это будет просто, как всегда».

— Вы уже нашли жилье, мистер Уиллик? — деловито осведомилась мисс Коллинз, изучив бумаги Уиллика. — Вам нужно помочь?

— Нет! — беззаботно отозвался Джон. — Я уже приглядел себе комнатку в мотеле с водяной кроватью. Собираюсь ее сегодня опробовать.

И он задорно подмигнул собеседнице. Та пропустила мимо ушей его недвусмысленный намек.

— У вас есть деньги на первое время? — невозмутимо продолжала расспрашивать она. — Средства нашего бюро ограничены, но я смогу вам немного помочь, если...

— Не беспокойтесь! — Джон широким жестом отмахнулся от предложения. — Этого добра у меня навалом. Я даже собираюсь пригласить одну симпатичную мордашку отпраздновать сегодня вечером мое освобождение. Как насчет бара неподалеку отсюда? — спросил он напрямик.

Узкое лицо Глории Коллинз не выражало ровным счетом ничего. И голос у нее остался такой же вежливый.

— Мистер Уиллик, — медленно произнесла она, — в мои профессиональные обязанности входит надзор за вами, оговоренный законодательством, и помощь вам в случаях, описанных в должностной инструкции за номером 462-бис. Я должна вам помочь снять жилье, устроиться на работу, содействовать в разрешении конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть у бывшего заключенного, например с банком. Но я не обязана проводить с вами свое личное время. Более того, такого рода отношения прямо запрещены инструкцией номер 12/8 под угрозой увольнения. Я дорожу своей работой, мистер Уиллик, и не намерена ее лишаться даже ради вас. Вы меня поняли?

Темные глаза без единой искры света смотрели на него в упор. Джон шумно вздохнул, так, чтобы было заметно его разочарование.

— Это что-то вроде того, что вы даете мне полную отставку? — спросил он с деланой грустью.

— Да, что-то вроде того, — произнесла Глория.

И впервые за время их разговора улыбнулась искренне и просто.

Первые несколько дней свободы пришлись Джону не слишком по душе. Он изнывал от безделья, валяясь в одиночестве в своем номере и без конца переключая каналы телевизора. Когда это ему надоедало, он спускался в бар с намерением найти себе компанию. Но то ли он потерял необходимое для этого обаяние, то ли компании попадались ему не те — его вечера проходили в томительном одиночестве.

Лишь через неделю раздался долгожданный звонок. Женский мелодичный голос предлагал Уиллику встретиться...

Глория Коллинз действительно очень хотела помочь Уиллику. Она выложила на стол перед подчиненным листок бумаги с адресом.

— Это строительная компания «Маркони и К^о». Руководит ею один итальянец. Он согласен брать на работу бывших заключенных. Он тоже считает, что вы уже полностью искупили свою вину перед обществом и вам пора начать новую, чистую страницу биографии. Вас возьмут рабочим. Это примерно двести долларов в неделю. Конечно, не так уж много, но у вас есть шанс быстро выдвинуться в помощники мастера. Поезжайте, я уже договорила.

— Спасибо, мисс Коллинз! — Джон галантно поклонился. — Я немедленно отправляюсь завоевывать себе место на социальной лестнице и делать карьеру. Надеюсь, что, когда я займу место господина Маркони, вы не откажетесь со мной поужинать? — дерзко добавил он.

— Сначала займите его, — парировала Глория.

Компания «Маркони и К^о» специализировалась на строительстве и отделке офисов и небольших промышленных объектов. Тот участок, куда направили Уиллика,

занимался строительством рыбного склада. Каждую минуту на территорию стройки въезжали огромные грузовики, где-то под крышей огромного ангара сверкал огонек сварки, в огромном котловане копошились рабочие.

Джон с интересом оглядывался по сторонам, раздумывая, к кому обратиться. Неподалеку он заметил невысокого мужчину в каске, к которому то и дело подбегали с вопросами рабочие в комбинезонах. Мужчина что-то время от времени записывал в небольшой блокнотик. «Вот эта работа как раз по мне», — ухмыльнулся Уиллик.

— Какого черта ты здесь торчишь? — слышался сзади грубый голос. — А ну катись отсюда, пока на голову ничего не свалилось!

Джон оглянулся. К нему обращался чернявый парень с огромным носом в синем комбинезоне и в каске.

— Привет! Прошел слух, что у вас тут есть для меня работенка, — усмехнулся Джон и протянул листок с адресом, написанным рукой мисс Коллинз.

— А... — разочарованно протянул рабочий. — Понятно. Тебе к мистеру Тоддини. Значит, ты тоже из этих... — Оценивающий взгляд смерил Джона с ног до головы. — И вряд ли удержишься здесь надолго...

Он подвел Джона к тому самому человеку с блокнотом. Тоддини внимательно изучил записку, морщась, как будто у него разболелся зуб.

— Квалификация есть? На стройке когда-нибудь работал? Нет? — Он тяжело вздохнул. — Опять кого попало присылают. Компания-то получает из-за таких налоговые послабления, а мне возись с вами, — заворчал он.

— Я готов на любую работу, — с показным смирением произнес Джон. — Что я должен делать?

— Вот что, переоденься, возьми лопату... Видишь гору мусора вон там? Она твоя до последнего камешка. Ее нужно убрать. Приступай!

Гора строительного мусора в углу площадки напоминала египетскую пирамиду. Точно деловитые муравьи, около нее копошились два китайца, которые даже в сумме оказались ненамного выше Джона.

— Ну что, ребята, — бодро произнес Уиллик, берясь за лопату. — Чувствую, без меня ваша организация совсем загнется...

И он с воодушевлением стал вгрызаться в гору мусора.

В следующий раз Джон встретился с мисс Коллинз дней через десять. Он сидел в баре своего мотеля и планомерно накачивался виски. Краснота его лица была пропорциональна числу принятых на грудь стаканов.

Хлопнула входная дверь, и в полутемную накуренную комнату вошла стройная женщина с сумочкой в руках и тяжелым узлом волос, оттягивающим голову назад.

— Какая красotka! — хихикнул прыщавый парень, развалившийся за столиком, широко раздвинув ноги. — Крошка, ты не меня ищешь?

Холодный немигающий взгляд был ему ответом.

Джон повернул голову в сторону вошедшей.

— А, Глория! — ухмыльнулся он. — Никак решили принять мое предложение насчет бара?

— Мистер Уиллик! — Цокот каблуков по каменному полу прозвучал точно автоматная очередь. — Я ищу вас уже четыре дня.

— Ба! Неужели вы соскучились?

— Почему вы бросили работу, мистер Уиллик? — Девушка выглядела точно строгая учительница, отчитывающая нерадивого ученика.

Джон обескураженно развел руками.

— Эта работа не по мне, мисс! Я не китаеза, чтобы целый день пахать не разгибаясь. Я так не могу. Мне нужно что-нибудь такое... чтобы все менялось каждую минуту, крутилось... Чтобы новые люди были, чтобы все во мне нуждались. А тут только две узкоглазые рожи около меня и гора какой-то дряни, от которой я чихаю...

— Мистер Тоддини сказал, что вы отказались выйти на работу.

— Конечно! Черт побери, я не обязан восемь часов перекидывать гору мусора, а потом еще оставаться сверхурочно! Где это написано, что я обязан? Где, покажите? — Джон разгорячился и принялся размахивать руками. — Я не китаец, чтобы вкалывать по двенадцать часов в сутки! Я белый человек, австралиец! Мои предки осваивали эту землю не для того, чтобы какие-то вонючие макаронники меня заставляли работать вместе с китайцами!

— Тише, тише, мистер Уиллик! — Глория успокаивающе опустила свою прохладную руку на его горячую кисть. — В этом нет ничего особенного, многие рабочие остаются на сверхурочные, ведь за них хорошо платят. Ведь вам нужны деньги?

— Не нужны мне их деньги! — закричал Джон. — Я не собираюсь вкалывать, как китаец, за какие-то паршивые деньги! Мне мое время дороже, чем эти поганые деньги. Я свободный человек и вправе распоряжаться своим временем, как хочу!

— Конечно, конечно. — Прохладная ладонь мисс Коллинз подействовала остужающе. У нее даже голос звучал как-то прохладно, несмотря на жару. — Давайте поговорим завтра. Приходите в офис, мы что-нибудь придумаем... Хорошо? А сейчас отправляйтесь-ка спать, мистер Уиллик...

Джон с трудом поднялся из-за столика и послушно произнес:

— Да, Глория.

— Мисс Коллинз, — мягко поправила его собеседница.

— Конечно, Глория, — согласился Джон и, покачиваясь, направился к выходу из бара. — До завтра.

Глава 6

На следующей работе (его взяли в небольшой семейный отель помощником управляющего) Уиллик продержался гораздо дольше, целых четыре месяца. И все это время мисс Коллинз помогала ему приспособиться к добропорядочному образу жизни.

Она приходила к нему на работу, где дружески болтала с управляющим отелем, огромным турком с висячими смоляными усами, который говорил по-английски со странным восточным акцентом. В обязанности Джона входило доставлять в отель продукты, контролировать вывоз мусора, работу дворника и поваров на кухне. Мисс Коллинз помогла Джону наладить отношения с банком, оформить медицинскую страховку и снять недорогую квартиру в семейном пансионе.

Она делала для него все, что только может сделать самый преданный друг, хотя неизменно отказывалась от небольшого ужина в уютном ресторане для двоих или от небольшого пикника и совместной поездки в Голубые горы.

Джон ухаживал за ней терпеливо и долго, как никогда. Он понимал, что эта девушка не из тех женщин, которых можно завоевать кавалерийским наскоком. Ее нужно было добиваться потихоньку, сантиметр за сантиметром осторожно продвигаясь по вражеской территории. И этот метод принес заслуженные плоды. Вскоре настал день, когда она стала чаще улыбаться ему. Настал другой день — и она позволила ненадолго задержать свою прохладную ладонь в его горячих руках. Настал третий день — и она согласилась выпить с ним в баре прохладительного лимонада. И он знал — настанет день, когда она, наконец, согласится лечь с ним в постель.

Он терпеливо ждал этого дня. Помимо Глории, у него были известного рода отношения с недорогими нетребовательными женщинами — с горничными в отеле, где он работал, официантками из соседнего бара. Но все это так, несерьезно, на время... Мисс Коллинз — это совсем другое. Она была точно сияющая вершина, которую необходимо достичь пусть даже ценой собственной жизни!

После турецкого отеля Уиллик устроился на работу в Австралийский музей. В обязанности Джона входило смахивать пыль с чучела тасманийского тигра, ныне

полностью исчезнувшего как вид, охранять скелет всадника, восседающий на скелете лошади, шкурки сумчатых животных, а также цветные картинки, нарисованные на древесной коре аборигенами племени аранда из Центральной пустыни.

— Это пока все, что я могу сделать для вас, Джон, — с печальной улыбкой развела руками мисс Коллинз.

Мисс Глория все еще неизменно отказывалась пообедать с ним. «Она держит меня на коротком поводке, — с печальной обреченностью думал Джон. — Ей выгодно, чтобы я постоянно хотел с ней переспать. Постоянное желание делает мужчин послушными и позволяет ей лучше выполнить свою работу по моему перевоспитанию». Подобные мысли вновь наполняли его горечью и возбуждали в нем сильное желание уехать.

Потом он работал официантом в недавно открытом ресторане, разносил обеды и фирменное блюдо ресторана, балмейнских жуков (моллюсков), пока не вылил на какого-то придирчивого посетителя полную миску горячего черепахового супа. Потом его взяли чинить плавательное снаряжение на пляже Наррабин, но туда приходилось слишком далеко ездить, и к тому же Джон с детства не был расположен к работе с техникой. Вскоре он вновь с виноватой усмешкой на лице явился к мисс Коллинз.

— Ума не приложу, куда бы вас устроить, Джон. — Глория озабоченно нахмурилась. — На стройке вы не сможете работать, трудиться официантом вам не позволяет гордость, с техникой вы не желаете иметь дело, служить в офисе вам скучно...

— Все это не по мне, мисс Глория! — с тяжелым вздохом произнес Джон. — Не могу я работать на кого-то. Такой уж характер у меня. Терпеть не могу, когда мной командуют. Вот если бы у меня было свое дело, тогда все стало бы совсем по-другому. Я бы дневал и ночевал на работе...

Наконец она устроила его помощником бармена, где Джон, преодолевая скуку и ненависть к этому занятию,

провел еще три месяца, натирая до блеска стаканы и готовя фирменный коктейль «Ойстер шотс»¹.

«Наймусь-ка я на какое-нибудь судно матросом и уеду подальше отсюда», — мечтал он, но не уезжал — Глория держала его здесь сильнее якоря.

Однажды в неурочное время девушка появилась в баре, где работал Джон. Ее поведение казалось немножго странным — она выглядела необычайно взволнованной. Человек, мало знакомый с Глорией, по ее внешнему виду ничего бы не заметил, но Джон сразу почувствовал: что-то произошло.

— Джон, вы не могли бы зайти завтра в офис? — волнуясь, произнесла девушка. — У меня есть важные известия для вас.

— Вы можете сказать все, что хотите, сейчас, — удивился Джон, смешивая коктейль для двух работяг из Малайзии с глянцевыми коричневыми лицами.

— Нет, лучше завтра. — Глория заметно волновалась.

Глория нервно покусывала губы и от этого выглядела менее строгой, чем обычно. Джон с удивлением смотрел на нее. За время их знакомства он еще не видел ее такой взволнованной. Сколько прошло с тех пор? Кажется, год или что-то около того... Он впервые увидел ее прохладной зимой, в июле, и вот на пороге опять зима...

— Я пригласила вас потому, что сегодня исполнился ровно год после вашего освобождения, — произнесла мисс Коллинз, читая его мысли. — За двенадцать месяцев нам с вами удалось адаптировать вас, вернуть к честной жизни. Конечно, на нашем пути были трудности, но мы их преодолели... Не правда ли, это прекрасно?

Джон с недоумением слушал ее гладкую речь. Никаких особых успехов он не видел, за исключением того, что ему удалось устроиться на место, где у него всегда выпивка под рукой.

¹ К о к т е й л ь « О й с т е р ш о т с » — сырая устрица в стакане текилы.

— Теперь, когда прошел год, я считаю, что вы уже вполне самостоятельны. Не правда ли, сегодня очень радостный день?

«К чему она клонит? — удивился Джон. — Неужели...»

— С этого дня я больше не являюсь вашим патроном. Отныне вы должны действовать самостоятельно...

«Все ясно, — подумал Джон. — Вот для чего она меня пригласила. Я ей больше не нужен... Что ж, наконец-то я могу уехать отсюда...»

Он встал, собираясь уходить. Больше ничто, ничто не держит его в этих местах... Он уедет сегодня же, чтобы поскорее затянулась ноющая рана где-то в груди.

— И это значит, Джон, — продолжала девушка, — что сегодня я наконец могу принять ваше давнее приглашение поужинать...

Он застыл в дверях, точно его стукнули сзади по голове. Оглянулся.

— Если, конечно, ваше предложение еще остается в силе. — Глория ждала ответа, и улыбка ее выглядела несколько нервной.

— Конечно, Глория, — точно издалека услышал он свой собственный голос. — Я счастлив повторить вновь свое предложение...

Эта ночь была бесконечно долгой, она длилась до самого рассвета, им хотелось, чтобы она никогда не кончалась. В открытые окна врывается прохладный ветер с океана. Он нес с собой аромат йода и водорослей, аптечный запах магнолий и эвкалиптов, он шевелил распущенные волосы Глории, разметавшиеся по подушке, старался охладить их разгоряченные тела. Он приносил в комнату ледяное дыхание Южного полюса, и Джону хотелось, вместо покрывала, накрыть собой Глорию, чтобы защитить от холода ее хрупкое тело с торчащими острыми ключицами и небольшой грудью, так удобно помещавшейся в ладони. Он видел в полутьме ее глаза, в которых белесым зрачком отражалась полная

луна, грел дыханием ее прохладные губы и никак не мог согреть их...

Потом они лежали рядом. Их тела еще хранили теплоту недавнего соединения, они еще были одним целым, точнее, двумя его половинками, неожиданно распавшимися порознь, чтобы после короткого промежутка соединиться вновь.

— Ты знаешь, Глория, как я давно мечтал об этом.

— И я, любимый...

— Почему же ты так долго, бесконечно долго отказывала мне? Мы могли бы уже целый год быть счастливы вместе...

— Кто знает, Джон. — В голосе Глории звучала знакомая рассудительность. — Может быть, тогда все было бы совсем по-другому...

— Знаешь, дорогая, а ведь я собирался уехать на Филиппины, хотел завербоваться матросом на судно.

— Я рада, что это не произошло, милый. Ведь ты теперь не уедешь?

— Нет, любимая. Я не смогу уехать от твоих чудесных волос — они так восхитительно пахнут. Не смогу уехать и от твоих нежных губ, от твоих чудесных глаз. Я хотел бы нырнуть в их омут, чтобы разглядеть всю твою душу до донышка.

— Джон, ты говоришь как поэт. — Глория улыбнулась в темноте.

— Я и есть поэт, дорогая, поэт твоего тела... Как бы я хотел описать его в самых чудесных стихах и подарить тебе.

— Спасибо, Джон, мне вполне достаточно твоей любви, — произнесла Глория спокойным, рассудочным тоном, в котором угадывалась улыбка.

Утром, разлепив сомкнутые дремой глаза, Джон почувствовал пустоту рядом с собой. Рывком сев на постели, он испугался, не приснилось ли ему все, что произошло прошлой ночью.

Вечером они встретились в баре, где работал Джон. В помещении было полно народу, табачный дым сизыми клубами сгущался под потолком, противно пахло пивом и потными мужскими телами.

Джон был взвинчен после скандала с хозяином — тот потребовал, чтобы помимо выполнения своих обязанностей он еще и вытирал столики после каждого посетителя, а у него и так была постоянная запарка.

— Нет, ты представляешь! — бушевал он, обращаясь к Глории. — Эта скотина заявила мне, что если не нравится, то я могу катиться ко всем чертям! Чертов индюк!

— Джон, нам нужно серьезно поговорить! — произнесла Глория спокойно. Уиллику даже показалось, что ее тон был на полградуса холоднее, чем обычно. — Ты можешь уйти на полчаса?

— Конечно! Хоть навсегда, — буркнул Джон.

— Тогда я жду тебя в кафе на набережной, хорошо?

Через несколько минут, сбросив замасленный фартук в кровавых потеках томатного соуса, Джон направился в кафе «Дубы». На улице было темно, и черная туша океана медленно ворочалась под боком агатового в сгустившихся сумерках берега.

Они сели за дальний столик друг против друга.

— Джон! Я хочу серьезно поговорить с тобой! — начала Глория. — У меня к тебе очень важное предложение... Я знаю, что ты...

Глубокий поцелуй на секунду перекрыл ей доступ воздуха и заставил замолчать.

— Джон, давай говорить серьезно, как деловые люди, — наконец произнесла она. — Выслушай меня. Тебе не нравится твоя работа. Ты свободолюбивый человек, и тебя угнетает, когда кто-то тобой командует. Переделать тебя невозможно, а делать карьеру — это не по тебе...

Джон нахмурился. Неужели Глория решилась опять по своей старой привычке наставлять его на путь истинный?

— ...Я подумала и решила: тебе нужно организовать собственное дело. Вот этим ты и должен заняться.

— Легко сказать! — Джон даже присвистнул от изумления. — Но на те двести косых, что я получаю в неделю, можно только не умереть с голоду.

— Вот и я говорю, — взволнованно перебила его Глория. — Поэтому ты должен бросить эту работу в баре. У меня есть несколько тысяч в банке. Мы могли бы на них открыть дело, какую-нибудь небольшую фирму по продаже чего-нибудь или магазин... Или кафе для семейных пар с детьми... Как ты на это смотришь?

— Ты хочешь открыть дело, а при чем тут я? — пожал плечами Джон.

— Ты не понял. — Глория нервно поправила пальцами прядь волос, выбившуюся из прически. — Мы откроем бизнес с тобой вдвоем. Я внесу в дело свой капитал, а ты — свою энергию и деловую сметку. На бумаге мы будем равноправными компаньонами, на деле ты будешь управлять всем сам, а я только буду тебе помогать. Если ты, конечно, захочешь.

Джон был потрясен. Такого он не мог представить даже в своих горячечных мечтах.

— Глория! Но ведь это чудесно! Это замечательная идея! — Джон вскочил со стула и в возбуждении схватил девушку в охапку, сжал ее так, что она слабо вскрикнула. На них стали изумленно оглядываться посетители, не понимая, что происходит.

— Мы будем компаньонами! У меня будет собственный бизнес! — бесконечно повторял Уиллик, как бы пробуя на вкус каждое слово. — Но, Глория... — Точно набежавшая с моря туча, внезапная мысль затуманила его лицо. — Банк не даст мне кредит — я человек с подмоченной репутацией!

— Не волнуйся. — Прохладная ладонь успокаивающе легла на его рукав. — Я уже говорила с менеджером. Он сказал, что если я буду выступать поручителем по кредиту, то проблем не будет.

— Но, дорогая... — Джон нахмурился. — Ведь ты рискуешь абсолютно всем: своим капиталом, своим именем, а я... А я ничем не рискую. Мне уже почти тридцать, а у меня ни кола, ни двора, ни положения в обществе... У меня нет ничего!

— У тебя есть я, — чуть слышно прошептала Глория.

— Нет, я не могу принять от тебя такой подарок, — решительно произнес Джон. — Я слишком хорошо к тебе отношусь и поэтому не могу позволить тебе рисковать. Ведь я обыкновенный парень. Таких сотни. Я не твой родственник, не брат, не муж...

— Ну, это еще не поздно исправить, — тихо улыбнулась девушка.

Джон остановился, захлебнувшись собственной пылкой речью. Только через несколько секунд до него дошел смысл ее робкой реплики.

— Ты хочешь сказать... мы могли бы пожениться? — задумчиво произнес он.

— Об этом я и пытаюсь тебе сказать весь вечер, — усмехнулась Глория.

— Глория, если бы ты знала, как я... — начал было Джон, но вдруг замолк.

Внезапно он вскочил из-за стола и громко произнес, заглушая и звуки музыки, и гул прибора, и негромкий говор посетителей, неторопливо потягивающих напитки через соломинку.

— Господа! Минуту внимания!

Музыка смолкла, люди удивленно повернули головы.

— Вы все будете свидетелями! Я люблю эту женщину, и я прошу ее стать моей женой. Я люблю тебя, Глория. Что ты ответишь мне на это, любимая?

Напряженная тишина воцарилась в зале. Все ждали ответа девушки, смущенно опустившей глаза, — и официанты в белых рубашках, застывшие с подносами в руках, и одобрительно улыбавшиеся посетители, и птицы, притаившиеся на ночь в кронах пальм. И даже океан на долю секунды словно замедлил свое размеренное движение, боясь упустить решительный момент.

Глория молчала. И в этот миг весь окружающий мир, вместе со столиками кафе, тарелками с недоеденной едой, с соломинками для коктейля, звездами Южного Креста, удивленно глядевшими сверху, с огнями кораблей у горизонта — весь мир стремительно летел в пропасть, погребая под собой все надежды и мечты Уиллика.

Помедлив, девушка подняла свое зардевшееся лицо и негромко произнесла:

— Да! — И мир сразу же воздвигся обратно, и все заняло свои положенные места — и столики кафе, и звезды, и огни кораблей, и даже соломинки для коктейля. И сердце Джона заняло положенное ему место в левой части груди.

— Милая, клянусь, я буду любить тебя всю жизнь и стану тебе лучшим мужем на свете, — нежно произнес он и поцеловал ее под дружные аплодисменты посетителей.

— И я тоже... — прошептала она смущенно.

Ни он, ни она не знали тогда, что до конца эту клятву выполнит только один из них. Точнее, одна.

Джон и Глория поженились через несколько недель после исторического вечера в кафе. Джон переехал в снимаемый женой дом и занялся организацией собственного бизнеса.

Уже через три месяца он протирал бокалы, стоя за деревянной стойкой собственного бара. Клиентов пока было мало. Несколько юнцов, нанятых официантами, слонялись без дела, бестолково бросаясь вытирать столы после грозных окриков хозяина.

Джон чувствовал себя замечательно. Он был хозяином, у него было свое дело, хороший дом, милая, нежная, хотя и несколько сдержанная жена и прочное положение в жизни. Несмотря на огромный долг в банке, он казался себе миллионером — ведь основное бремя по выплате процентов банку несла Глория. Но она не жаловалась. Она продолжала работать в Бюро, устраивала новую жизнь некогда вступившим на скользкую дорожку людям. Им казалось, что теперь они счастливы.

А через несколько недель Глория, смущенно улыбаясь, поведала мужу, что неважно себя чувствует, и врач назначил ей анализы, в том числе на беременность. Повода для волнения пока нет, ведь это еще неточно...

Джон с восторгом принял известие о будущем ребенке. Он прислал жене огромный букет огромных роз с посыльным и подарил бриллиантовое кольцо, приобретенное им на деньги, оставшиеся от кредита.

Джон с энтузиазмом занимался своим баром. Его дела поправились. Заведение располагалось на бойком месте, неподалеку от Сити. По вечерам в его кабачке под названием «Барракуда» (Джон не удержался и обессмертил свою несбывшуюся юношескую мечту на вывеске заведения) стали собираться яппи, «белые воротнички». Работники бесчисленных офисов и корпораций, расположенных поблизости, заходили в бар расслабиться за кружкой холодного пива после работы. После нескольких глотков мужчины расстегивали пиджаки, ослабляли узлы галстуков, откидывались на спинку стула. Рядом с ними сидели их эмансипированные подруги. Закованные целый день в доспехи деловых костюмов, здесь они, расставив обтянутые узкими юбками ноги и сбросив жмушие туфли, болтали ногами, сидя на высоких стульчиках за стойкой бара.

А зимой, когда холодные южные ветры снижали температуру воздуха до катастрофических для сиднейцев десяти градусов и жители с ужасом посматривали на небо, опасаясь, что, не дай бог, может пойти снег, случавшийся в этих местах гораздо реже, чем ураганы, у Джона и Глории родился их первенец, сын, названный в честь своего деда Патриком.

Молодая мать еще не оправилась после родов, и Джон нанял помощницу по хозяйству. Их семейный бюджет трещал по швам, ведь им приходилось с прибылей от «Барракуды» возвращать кредит банку и проценты. Да еще пришлось Джону купить новую машину, потому что ремонт старой развалюхи Глории обходился слишком дорого и не было смысла дальше снабжать работой автомастерскую. Расходов оказалось слишком много: на приданое малютке, на помощницу по хозяйству, на новое оборудование для бара...

Кроме того, страшная засуха 1974 года и случившийся вслед за этим небывало сильный ураган на севере

страны, почти начисто снесший город Дарвин с лица земли¹, взвинтили цены на продовольствие. В свою очередь, дороговизна продуктов повлекла за собой стагнацию в сфере обслуживания. Местные жители стали меньше заходить в бары, предпочитая побережь день-ги для более важных дел, да и туристов стало меньше — напуганные природными катаклизмами люди предпочитали сидеть дома.

Джон опять с трудом сводил концы с концами. Он несколько раз задерживал платежи, и банк то и дело слал угрозы, требуя денег и грозя передать дело в суд. Жене он ничего не говорил, оберегая ее от неприятностей, делал вид, что дела идут замечательно и что будущее их маленького сына Патрика, который уже пытался встать на свои кривые слабые ножки, материально незыблемо. Однако мысль о том, где раздобыть денег, не покидала его ни на минуту. Джону доступны были лишь несколько не очень законных способов получения денег: карты, скачки или пистолет. Но обретенная привычка к добропорядочной жизни мешала ему вновь вступить на путь порока.

Вспоминая годы бесшабашной юности, когда за день на скачках вылетало (когда было чему вылетать) столько денег, сколько он теперь зарабатывал в месяц, Джон только уныло покачивал головой. Вскоре он поставил в баре телевизор, который был настроен на коммерческий канал. Ящик ежедневно показывал трансляцию с ипподромов и собачьих бегов, вести от тотализаторов и букмекерских контор. В ожидании очередного клиента Уиллик следил за ставками на лошадей, вылавливал из речи комментатора крупницы сведений о родословных скакунов — вновь вникал в жизнь, из которой был выключен на целых пять лет. Он даже завел крошечный блокнот, в который заносил добытые сведения, надеясь, что когда-нибудь они ему пригодятся. Умный человек, считал он, может сколотить кучу денег на скачках, если

¹ В ночь на Рождество 1974 года циклон «Трейси» сровнял город Дарвин с землей, но он был восстановлен за три года.

у него есть уши, которые улавливают нужную информацию, и мозги. Без ложной скромности Джон считал себя умным человеком.

Однажды вечером в бар заглянул его старый приятель по гольбурнской тюрьме, Жорж Полински. Они провели несколько месяцев бок о бок в тюремной клетке, соревнуясь в умении шлепать картами об стол и обманывать охрану.

— Ба-а, кого я вижу! — обрадованно возопил Жорж Полински. — Джон, это ты, старый динго! Давненько не виделись!

Приятели были рады встрече.

— Кружку пива за счет заведения! — расщедрясь, крикнул Джон официанту.

На лице старого жулика Полински было написано изумление.

— Никак ты здесь за главного, а, Джон? — удивился он. — Как тебя это угораздило? Старый коняга сменил вольные хлеба на тесную узду?

— Да уж! — вздохнул Джон, повертев на пальце обручальное кольцо. — Охомутили скакуна.

— Неужто женился? — Старина Жорж вздернул вверх свои кустистые брови над блестящими воровским огоньком глазами. — Видать, выгодно женился? Ну и как тебе оседлая жизнь?

— Все отлично, старина! — Джон любил порисоваться перед старым другом. — Жена сидит дома с сынишкой — вот такой карапуз! Она у меня опять с «начинкой» — на этот раз мы ждем девчонку. Снимаю шикарную хату в хорошем районе, купил отличное авто. Деньги не считаю, как в былые времена. Что хочу — все мое! Ну а ты как?

— Это все не по мне, Джон, ты же знаешь, — лицемерно вздохнул старый бродяга. — Я если на одном месте задержусь хоть на неделю, мне худо становится, так и хочется слинять куда подальше.

— Ну и куда ты нынче направляешься?

— Как куда? Ты что, забыл, какое сейчас время года? Август, скоро Бердсвиллские скачки! Говорят, в этом

году там будет много америкашек и ставки будут, как никогда, высоки. Можно сорвать неплохой куш, особенно если иметь верного человечка на конюшнях. А я, ты знаешь, такого человечка имею, и даже не одного...

— Ну и какие новости? — заинтересовался Джон. — На кого ты будешь ставить? Конечно на Рыжуху Мэри.

— На Рыжуху Мэри! — презрительно присвистнул Жорж. — За кого ты меня принимаешь? На нее ставят только новички или те дурни, которые наслушались по ящику, будто бы она показала лучшее время год назад на скачках в брисбенском Аскоте. Только не я, Джон, только не я... Есть у меня на примете одна кобылка. Девочка, я тебе скажу, что надо! Трехлетка, весной в Уорвике взяла первое время на забеге для молодняка. Я ее еще тогда присмотрел. Зовут — Куриная Лапка.

— Неужели ты всерьез рассчитываешь, что твоя Куриная Лапка на финише обойдет саму Голубую Стрелу? Или Кенгуриху?

— А вот тут-то и вся прелесть, Джон. Никто, кроме меня, не знает, что Кенгуриха недавно болела сапом. Никто! Ни единая душа! Это скрывается почище военных секретов, чтобы не сбить ставки. А Голубая Стрела... Какая она теперь стрела! Я помню ее время на прошлогодних скачках, оно больше позапрошлогоднего. Возраст, дружок, возраст... Мы тоже не становимся моложе...

— А какой жокей будет скакать на твоей... Как ты сказал? Куриной Лапке?

— Старина Эрни.

— Ха, старина Эрни!.. Так он с лошади свалится еще на старте. Говорят, последние полгода не просыхает.

— А это тоже никто, кроме меня, не знает, Джон. Только тебе одному скажу... Старина Эрни больше не пьет! — Жорж Полински торжествующе взглянул на своего собеседника. — Старина Эрни, между прочим, влюбился. И эта девчонка его так охомутала, что он теперь в сторону бара и не смотрит. Я лично предлагал ему недавно в Госфорде дармовую выпивку, а он вместо этого заказал апельсиновый сок. А? Каково?

— Старина Эрни — и апельсиновый сок! — покачал головой Джон. — Небывалое сочетание! Да, старина Эрни, когда пил в меру, был лучшим наездником в мире, что и говорить...

— Ну, вот и я про то же...

Приятели посидели еще, выпили по кружечке пива, потом Полински выпросил у своего старого друга полсотни, посулив поставить за него в Бердсвилле на Куриную Лапку, и, пообещав заглянуть на днях, скрылся.

Сообщенные сведения жгли Уиллику внутренности. Насколько он понимал в скачках вообще и в Бердсвиллских в особенности, это был верняк! Это был такой сто-процентный потрясающий верняк, что у него даже руки тряслись от возбуждения. Внутри него все зудело. Ночью он лежал без сна, глядя в потолок, и думал, какой потрясающий, сногшибательный шанс проходит мимо него. Он чувствовал знакомое бурление в крови и желание рискнуть, более сильное у него, чем жажда, голод, любовь или любые другие человеческие чувства.

Наутро он купил бюллетень с расписанием предстоящих в этом сезоне бегов и скачек. Куриная Лапка шла последней в списке беговых лошадей. На нее ставили один к тридцати, и это означало, что шансов прийти первой у нее не было никаких. Но это значило также, что в случае, если она придет первой, то на каждую вложенную сотню можно будет получить тридцать сотен! Недурные деньги! Джон знал, что по-крупному на скачках можно выиграть только в трех случаях: если купить жокея, который придержит фаворита на финише, если незаметно для всех как-нибудь испортить фаворита перед забегом или поставить на систему — на комбинацию выигрышных лошадей. Однако все эти планы могла смешать какая-нибудь темная безвестная лошадка, которая спутает шансы всем участникам игры, выйдет на финиш первой и сделает дурачка, поставившего на нее последний доллар, миллионером. Дурачка — или умного человека...

Подходил срок платить проценты по кредиту в банк. Глория была опять беременна, а новая беременность оз-

начала расходы на бебиситтера для новорожденного малыша, на одежду и прочее. Ведь действительность значительно отличалась от радужной картины, нарисованной Джоном перед старым приятелем. Увы, он едва сводил концы с концами...

Но он никак не мог поехать на скачки в Бердсвилл. Туда надо было долго добираться, на вездеходе минимум три дня, да еще и там... Ему не на кого было оставить бар. Врать жене не хотелось, она мгновенно раскусила бы его. И потом, у него не было свободных денег. Джон чувствовал, что баснословное, огромное богатство проходит мимо него...

— Дорогая... — Вечером Джон нежно обнял жену. — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, милый, — отвечала Глория, смотря на него все понимающим взглядом. — Ты чем-то взволнован?

— Да, дорогая. — Джон решил начать издалека. — Сегодня встретил одного старинного приятеля из Фаерфилда... Мы с ним росли вместе. Он сказал мне, что мой дядюшка Поль... Ты представляешь, мой дядюшка Поль при смерти!

— Какой дядюшка Поль? — Брови Глории сосредоточенно сошлись на переносице.

— Ну что ты, дорогая! Мой дядюшка Поль! Я тебе сто раз про него рассказывал... Старикашка Поль, мой дядя по матушке... Ну, вспомни, такой вздорный старик... Ну, от него еще вечно воняло табаком и виски, когда он сажал меня маленького на колени...

— Прости, Джон, но ты никогда не рассказывал мне ни о каком дяде. У меня прекрасная память, но я слышу впервые о том, что у тебя есть какие-то родственники. — Глория недоуменно пожала плечами.

— Глория, дорогая, ты просто забыла... В твоём положении это простительно. — Джон нежно поцеловал жену.

— Ну, допустим, я забыла, — спокойно согласилась Глория. — Допустим, у тебя действительно есть дядюшка Поль, который пахнет табаком и виски. И что?

— Как что? Он же при смерти! — горячо воскликнул Джон. — Мой дорогой, мой обожаемый дядюшка Поль! — Его синие глаза затуманила искусная слеза. — Он лежит при смерти, один, и никто не прольет даже слезинки над его могилой...

— Так он умер? — удивилась Глория.

— Еще нет, — поправился Джон. — Но вот-вот умрет. Примерно к пятому сентября — так сказал врач. Я должен поехать к нему, дорогая. Это мой долг. К тому же старикан был довольно обеспечен при жизни и, я надеюсь, оставит мне в наследство немного денег.

— Конечно поезжай, дорогой, — сказала Глория. — В конце концов, это твой дядюшка, хотя я в первый раз о нем и слышу... Закрой бар на несколько дней и поезжай.

Она улыбнулась про себя — какой он смешной, ее муж! Устроил целое представление со слезами, только чтобы получить у нее разрешение уехать. Не захотел волновать ее смертью дяди. Как он все-таки ее любит!

Глория погладила ладонью выпуклый живот под платьем. Там уже шевелился их ребенок, она знала, что это будет девочка. Срок уже близок, только бы малышка не появилась на свет, пока ее отец в отъезде.

Спустя несколько дней Джон вылетел на маленьком двухмоторном самолете в Бердсвилл. У него было немного из тех денег, что он должен был внести в банк в конце месяца, и кроме того, в кармане куртки покоился перстень с бриллиантом — тот самый, который он подарил Глории на свадьбу. Перстень можно было заложить перед игрой, а потом, после выигрыша, выкупить его.

Глория даже не заметит пропажи, думал Джон. Ей тяжело ходить, у нее во время беременности распухают пальцы, и ей не до украшений. Потом он тихонько вернет безделушку на место, а жене скажет, что деньги, которые он привез, — дядюшкино наследство. А здорово он придумал насчет дядюшки Поля!

В Бердсвилле все оказалось как в старые добрые времена. Этот пыльный небольшой город, отвоевавший у

пустыни Стетс-Стоуни несколько акров рыжей земли, считается неофициальной столицей скотоводческого Аутбека. Он получил свое название благодаря стаям птиц, гнездящимся здесь в те редкие годы, когда выпадают дожди. В начале века, когда скотопромышленники гнали скот к портам на юг по Бердсвиллской тропе, это был оживленный животноводческий центр, но с тех пор он захирел, превратился в город-призрак, и из жителей в нем остались только одни ковбои да те сумасшедшие, которым нравится жить в пустыне, где лежат валуны цвета запекшейся крови, где в полдень солнце печет так сильно, что камни загораются, а ночью порой взрываются из-за разницы температур. Недаром здешние места раньше называли кладбищем путешественников. Пыльные бары, гостиницы, заполненные только раз в год, во время скачек, традиционные для Австралии домики («homestead») с просторной верандой для защиты от зноя, украшенной узорным кованым железом, с гофрированной крышей, обязательным ветряком у каждого дома и резервуаром для сбора дождевой воды — все это томилось и изнывало от зноя.

Сейчас, в преддверии скачек, Бердсвилл выглядел оживленным. Самолеты и автобусы везли со всей Австралии группы людей, горящих желанием сколотить себе состояние или просто спустить честно заработанные деньги в запале азартной игры.

Джон встретил здесь множество старинных знакомых из числа ипподромных завсегдатаев. Кое с кем из старых приятелей он встречался еще в заключении. Все они с восторгом приветствовали давнего друга.

— А ты слышал, Уиллик, про Джошуа? Про кривоглазого Джошуа из Маунт-Айзы? Да, того самого, с одним глазом. Они взяли с Майком одну контору, но погорели на сбыте товара. Их заложила девчонка Майка. Я всегда знал: нельзя доверять этим бабам. От них все зло для парней.

— А про рыжего Пита слышал? Говорят, он неплохо живет. Организовал свою букмекерскую контору. С каких денег, говоришь? С тех самых, приятель... Он не-

плохо заработал тогда, разводя скваттеров, приехавших в город продавать свою продукцию.

— Представь, Джон, твой дружок Оскар опять загремел в кутузку. Ранил полисмена, когда тот пришел его брать, но легавый подстрелил ему ногу. Помнишь Оскара, Джон? Отличный он все же парень...

— Джон, говорят, ты неплохо устроился. Тут есть одно дельце... Можно сколотить неплохие бабки, если подсуетиться...

— Джон, ты слышал про новый способ обувать супермаркеты? Говорят, можно без пыли иметь несколько косых в неделю, если работать в паре. Значит, так, приходишь в супер с пачкой кукурузных хлопьев...

— Рад тебя видеть, Джон, в нашей компании...

Уиллик чувствовал себя среди них как рыба в воде. Его окружали знакомые лица, разговор велся на привычном жаргоне. Это была отличная мужская компания, в которой Джона всегда встречали с распростертыми объятиями, особенно когда его карманы были полны «хрустов».

Однако за прелестями дружеского общения Джон не забывал и о деле. Он нашел бар, где собирались жокеи и работники конюшни, и занял там наблюдательный пост. Он ждал Эрни.

В бар заходили конюхи, шорники, именитые жокеи, начинающие парни, мечтавшие о карьере великих наездников прошлого. Старого Эрни не было.

Джон спросил о нем у одного из кучеров.

— И не жди его, приятель, — ответил тот. — Стари-на Эрни не вылезает теперь из объятий своей девчонки. Вряд ли он здесь появится. Его голова сейчас, как пить дать, между ног этой девки. — И он гнусно захохотал.

Такие сведения вполне удовлетворили Джона. Однако он продолжал торчать в баре, вынюхивая обстановку.

Перед историческим забегом он занял свою обычную позицию (если получаешь еду возле стойки бара, а не за столиком, то это гораздо дешевле, своеобразная ком-

пенсация за неудобства). У Джона сейчас был прямой резон экономить деньги — чем больше он вложит в дело, тем больше получит потом прибыли. Вдруг двери в помещение распахнулись и в зал ввалился хромым кривоногий Эрни.

Стоя на земле, Эрни еле доставал до плеча Джону, однако в седле ему не было равных. В седле это был бес, оседлавший молнию! Любая лошадь у него давала сто десять процентов своих возможностей. Это был жокей от Бога, и все знали, что, если бы он не пил, ему не было бы равных под этими небесами.

— Тебе, Эрни, двойное виски, как всегда? — с ухмылкой громыхнул бармен, огромный детина с загорелым лицом, характерным для жителя пустыни.

— Нет, приятель, — произнес Эрни. — Налей-ка мне апельсинового сока. Моя девчонка не любит, когда от меня пахнет спиртным.

Все присутствующие громко заржали. Послышались сальные шуточки насчет Эрни и его девчонки. Кто-то даже высказал предположение, что Эрни не увидит ушей своей лошади из-за дамской юбки.

Но жокей с холодным достоинством махнул стакан апельсинового сока, точно это было самое крепкое виски, и, не отвечая на насмешки, вышел из зала.

Джон был отныне спокоен. Действительно, Эрни, как и уверял его Жорж Полински, твердо вступил на путь трезвости.

Свою надежду, Куриную Лапку, Уиллик наблюдал еще утром во время выездки. Это была молодая кобылка с прекрасными данными, горячая, норовистая. На вид она не выглядела как стопроцентная чемпионка. Но как часто лошади, которые смотрятся как чемпионки, на самом деле никуда не годятся!

Утром Джон получил в скупке восемь сотен под залог кольца Глории и присоединил к ним две тысячи из тех, что должен был внести в банк.

Непосредственно перед заездом ставки на Куриную Лапку немного снизились — многие из завсегдатаев знали, что Эрни в завязке. Они надеялись, что он не

подведет. На пару Эрни—Куриная Лапка давали теперь один к пятнадцати, но и это были неплохие шансы.

Джона почти трясло от возбуждения. Он занял место на трибуне подальше от своих знакомых, чтобы никто не отвлекал его от забега. Знакомое чувство азарта вновь затопило его с небывалой силой. Сердце болезненными толчками колотилось в груди. Он ничего не слышал, видя лишь узкую полосу выгоревшей травы и группу лошадей, выходявшую на старт.

Первые несколько кругов после старта Эрни на Куриной Лапке держался в тени. Джон не волновался — это был обычный стиль Эрни. Наездник выжидал, когда первый запал у соперников пройдет и они слегка выдохнутся, чтобы тогда одним умелым движением шпор направить Лапку вперед, к победе.

— Давай, Эрни, давай, родной, — беззвучно шептал Джон, сжимая бинокль, и сердце его заходило от возбуждения. Сейчас от этой крошечной фигуры в синей одежде, распластавшейся по спине гнедой красавицы с развевающимся хвостом, зависела вся его жизнь...

Где-то в середине скачки Куриная Лапка шла уже четвертой от головы забега. Рыжуха Мэри опережала ее на корпус, на полкорпуса впереди была Кенгуриха, и какая-то безвестная Звезда Нилларбора шла третьей. Голубая Стрела, признанная фаворитка, трусила где-то в хвосте группы. Было видно, что у Куриной Лапки сил еще полно, а вот Рыжуха Мэри движется на одном энтузиазме.

Джон от возбуждения привстал со скамейки.

— Давай, Эрни, родной, — шептал он севшим от волнения голосом. — Давай!

На последних кругах Рыжуха Мэри, как и обещал Жорж Полински, окончательно выдохлась и выбыла из первой тройки. Кенгуриха бодренько скакала, упираясь в хвост безвестной выскочки Звезде Нилларбора. Та как идиотка рассекала грудью пространство и не давала вырваться вперед отстававшей от нее на полморды Куриной Лапке.

Еще оставалось несколько кругов, и у Эрни было полно времени, чтобы поставить выскочку Звезду на место.

— Ну же, Эрни, — трясся Джон. — Вперед!

Но Эрни почему-то не воспользовался предоставленным ему шансом. Более того, на последних кругах Лапка сбавила темп и даже пропустила вперед и престарелую Кенгуриху, и Рыжуху Мэри.

И вот настал долгожданный миг финиша... Звезда Нилларбора, новая звезда, впервые взошедшая на небосводе Бердсвилла, грудью раздирая горячий воздух пустыни, ворвалась на финиш подобно урагану. За ней, отстав на какую-то долю, финишировали Кенгуриха и Рыжуха Мэри. Куриная Лапка приплелась пятой.

Трибуны неистовствовали. Такого не ожидал никто. На Звезду ставили один к пятнадцати, и это означало, что у нее не слишком высокие шансы на победу. Звезда же оказалась той самой темной лошадкой, которая путает карты игрокам и делает большую игру и большие деньги.

Джон, потрясенный, смотрел на поле. По нему, полная сил и энергии, скакала в запале свершившейся гонки Куриная Лапка. Очевидно, сил у нее было полно — конюх еле успокоил лошадь, с трудом приняв ее у Эрни.

А Эрни... Джон не верил своим глазам! Эрни вывалился из седла как мешок с дерьмом. Еле волоча ноги, он плелся по земле, как будто его кривые ноги были не в состоянии шагать прямо. Наездник нелепо размахивал руками и чуть было не упал, запнувшись по пути о кустик травы-солянки. Сомнений не было: Эрни был потрясающе, по-свински, в дупель, до положения риз, до поросячьего визга — пьян!

Уходя с ипподрома, опустошенный, растоптанный неудачей Уиллик встретил возле касс своего старинного приятеля Жоржа Полински. Тот небрежно хрустел пачкой свежих купюр.

— Как дела, старина? — Он сиял, как бухта Ботани в самый солнечный, самый сияющий день самого жаркого лета. — Решил тряхнуть стариной, не иначе?

Джон не мог ему отвечать.

— А я, знаешь ли, сегодня в выигрыше, — сияя, продолжал Жорж. — Поставил на Звезду Нилларбора сотню, а она взяла да и подарила кругленьких полторы тысячи. Пошли в бар, угощаю.

Джон глухо молчал.

— Я хотел было поставить сначала на Куриную Лапку, — ослепленный счастьем выигрыша, щебетал Полински, — но, знаешь ли, утром перед самым заездом услышал, что Эрни сильно полаялся со своей девчонкой. Она собрала манатки и дала деру от него. А Эрни, естественно, пошел в бар и от радости, что избавился от нее, напился с утра пораньше. Ты же знаешь Эрни, это такой парень, что если уж ему капля спиртного в рот попала, то он должен допить бутылку до дна. Нет, подумал я тогда, не верю я больше Эрни, поставлю-ка лучше на Звезду, тем более мне говорили, что у нее папаша был благородных кровей, из арабских скакунов...

Джон слушал и не слышал его. Огромная оглушительная пропасть простиралась перед ним.

— Да, кстати, — вспомнил Жорж. — Я часть твоих денег, что ты мне в Сиднее дал, тоже на Звезду поставил. Так что получай свои сто пятьдесят. — И он небрежно сунул ему в руку три смятые купюры.

Эта пылинка в сиянии огромной многотысячной горы выглядела так унижительно! Джон взял деньги и решительно направился к кассам ипподрома. Он решил отыгаться...

Вечером того же дня его, униженного и раздавленного, без копейки в кармане уносил самолет в Сидней. Джон думал, что он скажет в свое оправдание жене и как выкрутится перед банком, который в конце месяца с тупой настойчивостью требовал выплаты процентов.

Его жизнь, казалось, катилась в тартарары.

Вернувшись домой, он узнал, что миссис Уиллик срочно увезли в больницу, где она и родила прелестного младенца женского пола.

— Как дядюшка Поль? — первым делом спросила Глория. Она лежала на больничной койке бледная, осунувшаяся. Ее узкие губы, казалось, превратились в две тонкие бесцветные ниточки.

— Какой дядюшка? — легкомысленно спросил Джон, целуя жену и новорожденную дочь. — Ах да... Ты спрашиваешь про моего дядю? Про дядю Поля, наверное?

— Конечно, Джон, про кого же еще.

— Он прекрасно себя чувствует.

— Но ведь он при смерти!

— Старый разбойник надул нас, дорогая. Он просто хотел еще раз расцеловать своего племянника. Старик проскрипит еще не одну сотню лет. Однако пришлось истратить на лекарство для него последние деньги.

— Из тех, что мы должны внести в банк? — ужаснулась Глория.

— Да, крошка... Но я сам поговорю с управляющим. Они должны понять нас, у нас столько проблем... У нас с тобой прелестная малютка, родная!

Однако банк не хотел понимать Джона и его проблемы. Бессовестный управляющий, уже год грозивший забрать бар за долги, сдержал наконец свои обещания.

Через несколько дней Джон превратился из полновластного хозяина преуспевающего заведения в обычного наемного работника. Бар и вся его прибыль теперь принадлежали банку.

Пришлось отказаться от самого необходимого. Глория сидела дома с детьми. Джон кормил ее неубедительными заверениями, что это лишь временные трудности, которые скоро закончатся, и они вновь будут богаты как Крезы.

Но Глория больше не верила своему супругу. Несмотря на протесты Джона, она наняла сиделку для новорожденной Кетлин и четырехлетнего Патрика и вышла на работу, чтобы хоть как-то сводить концы с концами.

Джон обиделся на нее. Ему не нравилось, что его жена целый день якшается с бывшими заключенными.

Его этот факт оскорблял, вызывая приливы давно забытой ревности. Неудачи сыпались одна за другой, банк вскоре продал бар другому владельцу, а тот пожелал нанять себе новый персонал. Так Джон оказался безработным.

Еще недавно он был уважаемым человеком, хозяином, которого как огня боялись трое молодых официантов. Он чувствовал уважение общества. А теперь у него нет даже машины, ее забрали за долги, и он вынужден пользоваться стареньким «фордом» жены, который давно на ладан дышит. И вот опять, в тридцать пять лет, он вынужден искать себе работу! В который раз...

Глория, как могла, поддерживала мужа.

— Ничего страшного, Джон, — говорила она. — Если у нас с тобой не получилось быть хозяевами, может быть, стоит удовлетвориться чем-нибудь меньшим. Ты обязательно найдешь работу!

Пробавляясь разовыми заработками, Джон опять стал появляться в районе Квинбена, где собирались всякие криминальные элементы и где пролегали торные тропы к легкому заработку. Он опять стал изредка захаживать на ипподром и понемногу ловить удачу. Ставить крупную сумму на кон он не мог, его до сих пор жгло воспоминание о том, как он бестолково пустил по ветру женино кольцо с бриллиантом. Впрочем, у него и не было крупных сумм.

Какой он все-таки тогда был болван, казнил себя Джон. Сволочь, что и говорить! Махнул все деньги на одну лошадь! И это вместо того, чтобы потихоньку делать маленькие ставки в разных заездах, что принесло бы верные деньги!

Его все чаще видели в сомнительной компании, где он напряженно вслушивался в птичий говор странных людей, обсуждавших самые невероятные вещи.

— ...Правильно он сделал, что убрал свидетеля, — тот ведь мог его опознать.

— ...Я слышал, за провоз килограмма «снежка» с островов дают две штуки. А дело-то — плевое!

— ...Я всегда держу в тайнике пушку — на всякий случай.

— ...А он машину взял на свое имя — это-то его и загубило, его быстро вычислили легавые. И повязали со всем товаром.

— ...Говорят, много «зелени» в кассах перед закрытием. Нужно прощупать этот вариант.

Как-то к Уиллику подошел один из его старых знакомых, Ван Клеменс. Мать его была китаянка, а отец австралиец, и Клеменс вымахал в высоченного типа с наглыми раскосыми глазами и желтоватым цветом лица. Даже в криминальной среде он славился азиатской хитростью и коварством.

— У тебя отличное авто, — кивнул Ван на старый «форд», принадлежащий жене Уиллика. — Не хочешь заработать полтысячи?

Джон замялся. Заработать на фук полтысячи ему ой как хотелось, но ведь никто такие деньги не даст за красивые глаза...

— Просто одолжи мне машину. Потом я оставляю ее в одном месте, а ты заберешь, — сказал Ван таким тоном, точно речь шла о легкой прогулке в парк. — Получишь свои деньги — и все! Никакого риска.

— А что за дело у вас? — недоверчиво спросил Джон.

Ван Клеменс только улыбнулся своей хищной жесткой улыбкой и не ответил. Он выглядел невозмутимо.

Этот тип был известен как самый удачный героинный контрабандист, и Уиллик решил, что машина требуется ему для доставки очередной партии товара. И еще он подумал, что на эти деньги можно неплохо сыграть на ипподроме. Сейчас, говорят, как никогда, высоки шансы Черной Пиявки...

— Дорогая, я завтра возьму машину, — легко соврал он жене накануне. — Мне нужно ехать на собеседование в Сити, в одной конторе есть место менеджера по туризму.

— Конечно, дорогой. — Глория чувствовала, что он лжет, но не показывала виду. — Езжай, я отправлюсь на работу на автобусе.

В назначенное время Джон припарковал свой «форд» возле высотного здания в Сити. Сити — сердце города, деловой район, битком набитый офисами самых известных мировых компаний, банков, туристических фирм, фешенебельными ресторанами и дорогими магазинами. У Уиллика зародилось подозрение, что с Клеменсом не все чисто. Если он имеет дело со «снежком», то какого черта ему нужно в этом районе — здесь полно копов!

Он автоматически подмигнул хорошенькой девушке, мывшей наружные окна в магазине. Мойщица бросила на него быстрый взгляд и, покраснев, отвернулась.

Оставив ключи в замке зажигания, Джон вышел из машины. В конце концов, это не его дело. Его дело держать язык за зубами и получить за это пятьсот долларов.

Он вернулся на автобусе на Дарлингхерст-роуд и, на свистывая, отправился в кафе, где собирались завсегда-тай бегов. Его грела мысль о том, что сегодня он дуриком загребет полтыщи и уже сейчас можно прикинуть шансы на выигрыш.

За столик к Джону подсел его давний знакомый, парень по кличке Лис. Это был худощавый тип с землистым цветом лица. Он бредил скачками, а деньги на игру зарабатывал подворовывая в супермаркетах и сбывая товар в мелкие лавки.

— Какие новости, Джон? — спросил Лис, отпивая пиво. — Что слышно о воскресных бегах? Ты уже решил, на кого ставить?

— Пока нет, — ответил Джон, в свою очередь прихлебывая из кружки. — Но по-крупному играть не буду, сдается мне, в воскресенье не будет большой игры — нет интересных вариантов.

— А что ты думаешь о Черной Леди? — поинтересовался Лис.

— Никому не посоветовал бы ставить на нее последние деньги, Лис. А если уж хочешь немного пополнить карман, Баркадеро — неплохой вариант. Я слышал, что у этой лошадки сейчас пик формы. Жокее у нее менялись один за другим, а теперь ее отдали Спинку. Зна-

вал я Спинка еще по Бердсвиллским скачкам семидесятого года. Сдается мне, что он и Баркадеро — самая та парочка...

— Ладно, Джон, рискну поставить пару долларов на Баркадеро, — произнес Лис, допивая пиво.

И они разошлись, довольные друг другом.

Глория находилась на работе, когда в офис вошли двое детективов.

— Миссис Уиллик, позвольте вам задать несколько вопросов. — Они были предельно вежливы. — Вам принадлежит серебристый «форд» шестьдесят первого года выпуска?

— Да, а в чем дело? — спокойно отозвалась она.

— Мы хотели бы поговорить с вашим мужем.

— Он, очевидно, сейчас дома.

— Дело в том, что его там нет, мы там были. Где его можно отыскать?

— А что случилось? — Глория побледнела. — Он нарушил правила движения? Попал в аварию? Что произошло?

— Ничего особенного. Нет никакой аварии. Так, маленькое недоразумение. Так где его можно найти?

— По вечерам он часто бывает в баре на Дарлингхерст-роуд, — еле шевеля губами, произнесла Глория...

На суде Ван Клеменс держался с холодным достоинством бывалого человека.

— ...Да, ваша честь, — вежливо отвечал он судье. — Мы вместе задумали это...

— ...Да, ваша честь, Уиллик первый предложил мне ограбить банк. Он сказал, что хорошо знает дорогу из города...

— ...Конечно, ваша честь, сначала мы планировали поделить выручку на троих. Даже хорошо, сказал мне Уиллик после погони, что нашего напарника убили, — не придется с ним делиться. Мы бросили машину и раз-

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

бежались в разные стороны, чтобы нас было труднее поймать. Я не успел отдать Уиллику его долю...

Джон трясся в холодном бешенстве, но ничего не мог поделаться — сам виноват, что связался с этим китайцем. Он всегда знал, что китайцам нельзя доверять!

Потом судья вызвал ту самую мойщицу окон, которая видела, как Джон припарковывал машину возле здания банка в Сити.

— Да, ваша честь, — сказала она, смущенно пряча глаза, чтобы не смотреть на Джона. — Именно этот человек оставил ту самую серебристую машину. Я его хорошо запомнила... Нет, я не видела, когда он вернулся к машине и уехал...

— Миссис Уиллик, — обратился судья к жене Джона. — Что вам было известно о планах вашего супруга в тот день?

— Он сказал, что поедет в Сити, у него там дела. — Внешне Глория выглядела невозмутимой, и только ее мужу было известно, как сильно она за него переживает.

— Когда он не вернулся вовремя, вы волновались?

— Нет, он часто задерживался по вечерам.

— Когда он пришел домой?

— Было около двенадцати. Я удивилась, почему он приехал на такси. Он объяснил мне, что одолжил машину приятелю, — запинаясь, проговорила Глория. — И еще я хочу сказать, ваша честь... Дело в том, что мой муж ни в чем не виноват, я уверена. Да, он отбывал заключение, но ведь он полностью искупил свою вину, и ему удалось стать полноправным членом нашего общества. Я работаю в Бюро с бывшими заключенными и знаю, как трудно им адаптироваться к новой жизни...

— Суд учтет ваше замечание, — важно наклонил голову судья.

Алиби Джона целиком основывалось лишь на его собственном утверждении, что он весь вечер провел в баре. Однако он не смог назвать ни одного человека из тех, с кем болтал в тот вечер. Бармен не помнил, приходил ли он в тот день, и никто из завсегдатаев не мог

сказать точно, был ли Уиллик тогда в баре. Его алиби висело в воздухе, в то время как Ван Клеменс, щуря свои и без того узкие глаза, нагло врал судье:

— Да, ваша честь, мы вместе придумали ограбление... Джон не выдержал.

— Ваша честь, — взмолился он, — дайте мне лишь один день провести на скачках, и я докажу вам, что я весь вечер протирал штаны в баре на Дарлингхерстроуд! Я найду свидетеля! — Он имел в виду Лиса и свой разговор с ним.

Однако судья был непреклонен. Он верил Ван Клеменсу, который не моргнув глазом лгал о причастности Уиллика к ограблению. Может быть, ему казалось, что срок разделят поровну, и таким образом его, Ван Клеменса, доля станет намного легче.

Джона осудили на пять лет за то, чего он не совершал. На свидании с женой он с болью спросил Глорию:

— Почему же ты не сказала, что я был в тот вечер вместе с тобой? Это решило бы все проблемы. Ведь ты знаешь, я не грабил банк.

— Но ведь тебя не было в тот вечер со мной, — с грустью произнесла Глория. — Тебя не было вместе со мной и с детьми...

— Но ведь ты могла сказать!

— Но ведь тебя не было!

Они помолчали.

— Значит, ты мне больше не веришь, Глория, — с трудом произнес Джон.

— Я верю, что ты не виновен, дорогой, — мягко произнесла Глория. — Но ведь тебя не было вместе со мной...

Часть четвертая

ПИКСИ

Глава 1

В заключении Джон повстречал своих старых знакомых. Слух о том, что его посадили по навету, изрядно развеселил криминальную общественность. Многие не верили клятвам Джона о невинности и частенько подшучивали над ним. Впрочем, Джона не тяготило пребывание в тюрьме. Правда, он немного скучал по дому, но не настолько, чтобы решиться на побег.

К тому же Глория почти каждый уик-энд сажала детей в тот самый старенький «форд» и везла их на свидание с отцом. Дела у нее шли хорошо, она получила повышение по службе. Дети сидели с няней.

— Не завела себе кого-нибудь без меня? — с деланой ухмылкой спрашивал Джон.

— Нет, дорогой, — неизменно отвечала Глория, очень серьезно отвечая на шутку.

В тюрьме Джон стал относиться к ней чуть по-другому, более сдержанно. Он не мог простить жене, не захотевшей соврать в суде, что в тот вечер они были вместе...

Уже закончились семидесятые годы, начались бурные восьмидесятые, когда Уиллик неожиданно оказался на свободе, не дотянув до конца срока двух лет: в тюрьме, где он сидел, неожиданно появился тот самый Лис, единственный, кто мог подтвердить его алиби.

— Где ты ошивался, старый пень? — воскликнул Уиллик, когда он нос к носу столкнулся с Лисом на обеде в столовой. — Мой адвокат вместе с полицией два

месяца искал тебя, чтобы ты подтвердил насчет того вечера, когда я советовал тебе ставить на Баркадеро!

— Я был в бегах, Джон, — оправдывался Лис. — Приятели дали мне знать, что легавые на хвосте, и я уехал в Мельбурн, от греха подальше. Я же не знал, что меня ищут по такому пустячному поводу! Я думал, на меня хотят повесить ограбление магазина в Мэнли. А в Мельбурне меня и взяли за то, что я на пляжах «чистил» машины отдыхающих.

Уиллик немедленно дал знать адвокату, что единственный свидетель его невиновности наконец найден.

Через неделю он и Лис уже стояли перед окружным судом. Женщина-судья с очень темной кожей, такой, какая бывает только у аборигенов, спросила Лиса:

— Почему вы уверены, что встретили Уиллика именно в день ограбления?

— Это очень просто, мэм, — ответил Лис. — Этот день невозможно спутать! Это было перед воскресными скачками! Я хотел ставить на Черную Леди, потому что однажды кобыла, которую тоже звали Леди, принесла мне пару сотен долларов. Но Джон тогда отсоветовал мне ставить на Черную Леди. Баркадеро — вот твой шанс, сказал он мне. Я послушался его и в воскресенье поставил половину суммы на Черную Леди, а половину решил махнуть на Баркадеро. И что вы думаете, мэм! Те деньги, что я поставил на Черную Леди, сгинули бесследно, а Баркадеро, как и обещал Джон, принесла мне один к восьми на те двадцать долларов, что я ставил...

— Я же тебе говорил, Лис, надо ставить на Баркадеро, — удовлетворенно заметил Джон. — У меня нюх на эти дела.

Подняли бюллетени скачек трехлетней давности. Оказалось, что действительно через день после ограбления банка на воскресных скачках участвовали Черная Леди и Баркадеро. Причем Баркадеро пришла второй, и ставки на нее действительно были один к восьми.

Невинно осужденного Уиллика выпустили на свободу...

Джон вернулся домой. Однако вольная жизнь быстро наскучила ему. В его отношениях с женой после освобождения продолжал ощущаться какой-то едва ощутимый холодок. Он никак не мог забыть ее холодный рассудочный голос, твердивший: «Но ведь тебя не было в тот вечер со мной...» А Глория, видно, не могла простить мужу, что он вместо того, чтобы найти работу и тихо жить, как все нормальные люди, оказался втянутым в криминальную историю.

Дети к тому времени уже подросли. Патрику было девять лет, а Кетлин пять. Они привыкли жить без отца и не испытывали тяги к нему, хотя Джон с удовольствием возился с детьми.

Ему отчего-то было тоскливо. Он с трудом нашел работу, семья переехала в другой район, чтобы отцу немного ближе было добираться до работы, — он нанялся в администрацию пляжа Наррабин на севере города. Пляж этот славился своими высокими волнами, самыми лучшими для серфинга на всем побережье. Там Джон занимался вывозом мусора, ремонтом снаряжения, строительством противоакульих заграждений, но эта работа скоро ему осточертела.

— Знаешь, Глория, дорогая, — произнес он однажды. — Я все не могу забыть то прекрасное время, десять лет назад. Как мы тогда были счастливы! У нас был бар, ты была беременна Патриком, и казалось, что впереди нас ждет успех... Может быть, нам стоит опять попробовать?

— Что ты имеешь в виду? — удивилась жена.

— Ну, я думаю, мы могли бы вновь обратиться в банк за кредитом. Можно было бы купить небольшую лавочку... Я бы торговал в ней кондитерскими изделиями, а дети прибежали бы ко мне после школы и набивали полные щеки конфет...

Но Глория лишь покачала головой:

— Нет, дорогой, я не думаю, что это хорошая идея. Мы уже пробовали однажды. Если бы я была уверена, что ты никогда больше не заглянешь ни в один бюллетень скачек и не встретишься ни с одним из своих

дружков... Но я не уверена! Кроме того, банк не даст нам денег, дорогой. У нас с тобой плохая кредитная история.

— Но, Глория, мы могли бы попробовать...

— Нет, Джон...

Джон затаил обиду — жена ему больше не верила. Какая же она тогда жена? Внешне их жизнь протекала как обычно. По воскресеньям он водил детей на пляж, где работал, или играл с ними в мяч на лужайке перед домом, иногда подстригал газон, болтал с соседями по дому о пустяках.

Соседом Уилликов из дома напротив оказался пятидесятилетний президент мормонской общины «Святые последнего дня» по фамилии Хайес, с которым Джон, освежая в памяти свои юные годы, проведенные в доме протестантского пастора, с удовольствием пикировался по богословским вопросам.

— А как по поводу Девы Марии, святой отче? Когда я жил в Фаерфилде, то одна девушка тоже забеременела от духа святого, а отчего-то все повесили на меня. Ведь это же несправедливо, отче, а? — шутил Джон.

Священник пускался в долгие объяснения, поминая и тридцать колен Израилевых, и семь казней египетских, и всех святых, что очень забавляло его оппонента. У соседа была некрасивая набожная жена и хорошенькая дочка по имени Жаклин, семнадцатилетняя тонконогая особа с осиной талией, высокой грудью и горстями веснушек, рассыпанных по младенчески свежему лицу. Веснушки в сочетании со светлыми волосами придавали девушке вид очаровательной невинности и свежести...

Отец Хайес грозил нечестивцу карами небесными и обещал стопроцентную гарантию, что его пожрет геенна огненная, а дьявол выжжет на лбу Каинову печать.

— Ведь сказано, что даже волосы на голове вашей сочтены, что из двух птиц, купленных за ассарий, ни одна не падет на землю без воли Отца нашего. Светильник для тела — око, — назидательно говорил отец Хай-

ес. — Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло¹.

Уиллик с заговорщическим видом подмигивал Жаклин, буравя ее «нечистым оком», а та, не в силах удержаться от смеха, прыскала в сложенные ладошки и убежала в дом, чтобы там отсмеяться вдоволь.

Вечером Джон усаживался к телевизору смотреть спортивные новости, а Глория укладывала детей спать. Она поднималась в детскую, чтобы почитать на сон грядущий сказку Кетлин. Патрик демонстративно делал вид, что выдуманные истории его совершенно не интересуют, но, лежа лицом к стене, тайно прислушивался к голосу матери и следил за приключениями сказочной феи в волшебной стране.

— И вот прекрасная Пикси² достала волшебный жезл и ударила им засохшее дерево... И сразу же по невидимым жилам сухой коряги побежал живительный сок. Дерево мгновенно ожило, зазеленело, покрылось чудесными розовыми цветами...

— А какая она, Пикси? — спрашивала полусонная Кетлин.

— Прекрасная юная девушка с длинными волосами, — отвечала мать. — Она может все на свете! Она может сделать счастливым самого несчастного человека.

— Я хочу увидеть Пикси, — шептала Кетлин, засыпая.

— Нет никакой Пикси! — говорил Патрик с презрением и цинизмом много повидавшего на свете человека. — И вообще фей никаких не бывает на свете! Все это сказки!

— Нет, бывает, — упрямо шептала Кетлин. — Пикси придет ко мне, мама?

— Обязательно придет, дорогая. — Глория целовала детей и выключала свет. — Обязательно придет!..

¹ Основное место в миссионерской пропаганде мормонов занимают вопросы физического здоровья и личной нравственности, трактуемой как добродетель трудолюбия и бережливости.

² Pixy — фея; Pixie — сбившаяся с пути (англ.).

...Тихий рассвет уже окрасил мягким золотисто-розоватым светом плюмерию во дворе, когда раздался сильный, точно задыхающийся стук. Стучали во входную дверь.

Было половина шестого утра. Дети еще мирно спали в кроватках, а Глория беспокойно ворочалась в постели, подсознательно ожидая звонка будильника.

— Что такое? — Джон испуганно вскочил с кровати и принялся суетливо натягивать на себя верхнюю одежду. — Кто это?

— Мы не узнаем этого, пока не выйдем и не посмотрим, — рассудила Глория.

Они спустились вниз и на пороге дома обнаружили испуганную дрожащую Жаклин, дочку священника. Она стояла босиком, в одной тонкой рубашке, открывавшей стройные ноги. Ночная осенняя прохлада покрывала их гусиной кожей. Ее большие медового цвета глаза были широко раскрыты, а руки умоляюще прижаты к груди.

— Что случилось, дитя мое? — удивилась Глория.

— Миссис Уиллик, мистер Уиллик... Пожалуйста! Помогите! — Узкие плечи девочки сотрясали бурные рыдания.

— Но что случилось, дорогая? — бестолково твердила Глория на пороге. Тогда Джон решительно отстранил ее и ввел девушку в дом.

— Ради бога, Глория, сначала нужно согреть бедного ребенка, а потом расспрашивать...

Они засуетились вокруг нее. Ощувив сочувствие, Жаклин, не стесняясь, зарыдала в голос.

— Они... они хотят меня выдать замуж за Уолтера... А я... я не-не... не-не м-могу... Не-не... не-не хочу за него замуж... Он противный.... Он вечно молится... И руки у него липкие...

— Все-таки что случилось, дорогая? — расспрашивала Глория. — Может быть, нужно вызвать полицию?

— Не нужно полиции, — решил Джон.

Оказалось, что отец Хайес, невзирая на протесты семнадцатилетней дочери, твердо вознамерился выдать ее замуж за парня, принадлежащего той же конфессии, что

и он. Что это значило, Жаклин знала, как никто, хорошо: молитвы, полночные радения в церкви, никаких танцев, никакой косметики, никакого образования...

— Но ведь она еще совсем крошка, — изумилась Глория, выслушав печальную тираду девушки. — Они не имеют права поступать против ее воли! Брак — дело добровольное.

— Но они имеют право выгнать ее из дома, — как никогда разумно заметил Джон. — И лишить пропитания.

— Я не дам им искалечить жизнь девочки, — твердо сказала Глория, с жалостью глядя на зареванную Жаклин и ее красный распухший нос. — Пусть пока остается у нас, а мы что-нибудь придумаем.

— Конечно, пусть остается у нас, — поддержал ее Джон, глядя на лицо девушки, которому слезы придавали нежный и трогательный вид. — А там видно будет.

Девушку отвели в комнату для гостей на втором этаже и, напоив успокоительным, положили спать.

По дороге Глория заглянула в спальню к детям.

— Кто там, мама? — пробормотала Кетлин спросонья. Из-под одеяла выглядывали ее темные, как шоколадные конфеты, глаза.

— Спи, крошка, еще совсем рано...

— Я знаю, кто там, — прошептала Кетлин. — Это Пикси!

— Да-да, милая, это Пикси... Спи...

Так в дом Уилликов явилась Пикси, нежная фея с таинственным взглядом медовых глаз, с лицом, усыпанным зазорными веснушками, и тонкими быстрыми ногами.

Она была настоящей волшебницей, эта Пикси. Как настоящая волшебница, она умела созидать и разрушать. Но вместо созидания одним движением она разрушила их спокойную семейную жизнь.

Беглянка еще спала, когда Джон, собираясь на работу, остановился возле двери ее комнаты.

— Эй, Жаклин, ты не спишь? Если ты хочешь поесть... — Он чуть приоткрыл дверь полутемной спальни.

Когда зрение привыкло к темноте, глаза Джона различили спутанные волосы, разметавшиеся по подушке, тонкую голую руку, свешивающуюся с кровати, обнаженную ногу, чуть прикрытую простыней, сбившейся комом. Девушка лежала лицом к двери, и у Джона екнуло что-то внутри, когда он увидел ее пухлые, чуть оттопыренные губы, прозрачные тонкие веки нежного голубоватого оттенка, чистый лоб. Его поразило выступившее на ее лице выражение невинности, соединенное с пороком, выражение блаженного неведения, которым маскировалось истинное знание...

— Джон, что ты здесь делаешь? — Голос Глории за его спиной звучал обыденно и неэмоционально.

— Посмотри на нее, это же херувим! — восхищенно прошептал жене Джон. — У нас дома поселился ангел.

— Думаю, нам стоит сообщить о ней родителям, — рассудила Глория. — И позвонить в полицию, чтобы ее не искали.

— Мне будет жалко, что ангела после этого вновь засунут в ад, — с горечью произнес Джон.

— А что ты предлагаешь?

...Когда Жаклин проснулась, ее уже ждал почти новый халатик Глории, повешенный на спинку стула, накрытый на столе завтрак и любопытный шепот за дверью.

— Это Пикси! Мама мне говорила, она теперь будет жить у нас.

— Какая ты дура, Кетлин, никаких фей вообще не бывает, — отвечал детскому шепотку более взрослый мальчишеский голос. — Это дочка того пастора, который дарил нам конфеты и приглашал на рождественский праздник в церковь. Неужели ты ее не узнаешь?

— Нет, это Пикси! — Тонкий голос обидчиво окреп и пронзительно зазвенел. — А ты сам дурак!

В это время Жаклин тихо слезла с постели, накинула халат на плечи и осторожно подкралась к двери.

— Да, это я, Пикси, — замогильным голосом произнесла она, заывая в полумраке. Голоса за дверью испуганно стихли. — И кто не верит в это, того я съем!!!

Дверь в спальню распахнулась рывком, и на пороге возникла закутанная в белое фигура.

— Ура! Это Пикси! — убегая, заорала в полный голос Кетлин. — Что я говорила!

Патрик расхохотался, довольный игрой, и кубарем скатился с лестницы.

— Я Пикси! Пикси! — завывая, вылетела из комнаты Жаклин, обмотанная простыней.

Глория, собиравшая детям завтрак на кухне, удивленно подняла голову. Сверху доносился топот босых ног, залиvistый смех детей и мелодичный колокольчик веселого голоса девушки.

Джон оторвался от изучения утренней газеты с результатами вчерашнего забега на ипподроме и с улыбкой поднял голову.

— Кажется, наша гостья прекрасно ладит с детьми, — задумчиво произнесла Глория.

Джон вздохнул и вновь уткнулся в газету. Но вместо того, чтобы изучать шансы Регбис Стар в новом сезоне, он прислушивался к веселым голосам наверху, мелодичному смеху юной гостьи, который звенел в доме свежо и радостно, точно крик горлянки на заре.

Кетлин влетела на кухню и с размаху уткнулась лицом в колени матери.

— Мам, Пикси останется у нас, да? — задыхаясь, проговорила она умоляющим голосом. — Пусть она останется, а? Она такая веселая!

— Но, дорогая, ведь у Пикси есть свой дом. У нее есть свои мама с папой, и она захочет вернуться к ним...

— Все в порядке, мам! Патрик ее уже спрашивал об этом. Она сказала, что ни за что не вернется туда! — И девочка пулей вылетела из кухни.

Глория пожала плечами, вопросительно взглянув на Джона.

— Может быть, ей действительно пока пожить у нас? — неуверенно произнесла она. — Пока все не обрывается. И ее родителям будет легче, зная, что она рядом с ними, в соседнем доме.

— Прекрасная идея, дорогая, — медоточивым голосом произнес Джон. — Я уже позвонил им и предупредил, что девочка у нас. Представляю, как они сходили с ума, когда обнаружили ее пропажу.

Почти одновременно с этими словами послышался стук в дверь.

На пороге, закованный в партикулярное платье с давящим горло белым воротничком, возвышался отец Хайес. Из-за плеча священника выглядывала голова его благообразной супруги с прилизанными волосами.

— Я очень благодарен вам, мистер и миссис Уиллик, за то, что вы приютили нашу бедную девочку, — замороженным голосом произнес священник. — У Жаклин очень, очень неуравновешенная натура... Будьте добры, передайте ей, чтобы она собиралась, мы идем домой.

— Да-да, пусть собирается! — пискнула из-за плеча миссис Хайес.

Растрепанная головка девушки мелькнула в глубине комнаты.

— Я не пойду с вами! — В звенящем голосе слышалась близость горьких слез. — Я лучше утоплюсь, но не вернусь домой! И передайте Уолтеру, что я его не-на-ви-жу!

— Дорогая, мы обсудим это позже, — безапелляционным тоном произнес мистер Хайес. — Будь добра, верни одежду миссис Уиллик и пойдем домой.

— Не пойду, не пойду, не пойду! — Жаклин даже топнула ногой в гневе.

— Вот что, мистер Хайес. — Джон вышел на улицу и прикрыл за своей спиной дверь. — Пусть девочка немного успокоится, она очень взвинчена. Неразумно учинять над ней насилие. Мы поговорим с ней и вечером дадим вам знать, если все образуется. Я очень хорошо понимаю ваши чувства, ведь у меня тоже есть дети. Она мне как дочь.

— Хорошо, до вечера, — все так же замороженно произнес мистер Хайес и деревянным шагом двинулся прочь.

Однако и вечером Жаклин наотрез отказалась возвращаться домой.

— Они заставят меня выйти замуж за Уолтера Кьюзека, за мерзкого противного Уолтера с прыщами на лбу. Я его ненавижу, ненавижу, ненавижу! — Она в смятении заметалась по комнате. — Если вы хотите, я уйду. Да-да, конечно, я вам мешаю... Я уйду... Пойду... куда-нибудь... Пусть...

Дети, рыдая, вцепились в Жаклин, а Глория и Джон в один голос заявили, что никуда не отпустят ее на ночь глядя...

Когда супруги остались наедине, Глория первая озвучила то, о чем думали оба:

— Послушай, дорогой, я знаю, что ты прѣтив... Но подумай, как было бы хорошо, если бы Жаклин осталась с нами! Дети от нее без ума, она могла бы помогать нам с детьми и по дому, а мы платили бы ей деньги, вместо той приходящей няни, что ворует у нас продукты из холодильника. Что ты об этом думаешь?

— Думаю, дорогая, что твое призвание в жизни — помогать обездоленным. Чудесная мысль, Глория! Действительно, чудесная. Я — за!

И вот то, чего больше всего на свете желал Джон, неожиданно свершилось само собой. Пикси, волшебная фея с медовыми глазами, неожиданно поселилась в их доме.

Глава 2

Ее высокий голос целый день звенел по всему дому. Она напевала, когда готовила еду и убиралась в доме, пела детям перед сном — ведь дома ей запрещалось издавать любые звуки, кроме церковных гимнов. Вслед за Кетлин ее все стали называть Пикси.

— Она действительно Пикси, — однажды заметила Глория. — Она одновременно и «фея», и «сбившаяся с пути». Я буду счастлива, если нам удастся направить ее на путь истины.

— Да, мы должны постараться, — соглашался Джон. Еще несколько раз приходил отец Хайес, но для него был готов один и тот же ответ:

— Жаклин не желает возвращаться домой. Не волнуйтесь за нее, она работает у нас и даже собирается поступить на учебу в колледж.

Однажды, когда Джон вернулся с работы (Глории и детей не было дома), Жаклин, рыдая, бросилась ему на шею.

— Ах, мистер Уиллик, — захлебываясь плачем, проговорила она. — Я так испугалась! Приходил полицейский, стучал в дверь... Я так боялась, что он заберет меня домой...

Она спрятала на его груди свое лицо. Успокаивая, он гладил ее по голове, по худенькой спине, стараясь не очень сильно прижимать к своему мощному торсу гибкое соблазнительное тело, пахнущее свежестью.

— Вы такой добрый, мистер Уиллик, — шептала Пикси, обнимая его, и ее слова звучали волшебной музыкой. — Вы и миссис Глория... и дети... Я вас всех так люблю. Я вам так благодарна!

Она жалась к нему, точно плющ к стене, вдоль которой вынужден виться, ища защиты. Уиллик обнимал ее, искренне считая, что любит, как родную дочь, — ведь он на двадцать три года старше ее! Что он может испытывать к ней, кроме тех чувств, что испытывают родители к детям.

Пикси забиралась к нему на колени и, легкомысленно смеясь, выбалтывала свои маленькие девичьи тайны. Джон с любопытством слушал ее рассказы об отношениях с нелюбимым женихом.

— Он прижимал меня в углу нашего дома, когда не видели родители. — Пикси вспоминала об этом со смехом, как кошмар, который никогда не повторится. — И вечно лез своим слюнявым ртом прямо мне в лицо. У него были потные ладони, а изо рта воняло мятной жвачкой...

— Он действительно тебе не нравится? — спрашивал Джон.

Пикси смотрела на него с хитрецей.

— А мне всегда нравились парни старше меня... Я не девчонка, чтобы обжиматься по углам, через два месяца мне стукнет восемнадцать! В моем возрасте уже пора подумать о будущем. Я не желаю всю жизнь проходить в чепчике, как моя мать, заниматься тем, что читать псалмы и рожать детей. Мне хочется, пока я еще не состарилась, повидать жизнь...

Что она подразумевала под словами «повидать жизнь», девушка не уточняла.

В один прекрасный день потенциальный жених сам навестил свою сбежавшую невесту. Уолтер оказался сутулым долговязым парнем с мучнистого цвета лицом и большими руками. Он выглядел слишком скромно, но не казался забитым. И прыщиков на лбу у него было совсем не так много, как то живописала Пикси.

— Мистер Уиллик, я очень благодарен вам за то, что вы приютили мою невесту, — произнес Уолтер. Он явно подготовил речь заранее. — Когда мы с Жаклин поженимся, я думаю, мы пригласим вас и миссис Уиллик на свадьбу.

— Мы с тобой никогда не поженимся, Уолтер! — звонко выкрикнула Пикси. — Никогда! Заруби это на своем носу! Я никогда не вернусь домой и никогда не выйду за тебя замуж!

— Я готов ждать, сколько ты захочешь, Жаклин, — спокойно произнес жених. — Ты сама знаешь, мы созданы друг для друга самим Богом, но ты почему-то не желаешь признавать очевидные вещи. Я думаю, ты скоро поймешь это, — добавил он, поднимаясь. — Хочу только, чтобы ты знала, что всегда можешь вернуться ко мне.

— Никогда! — запальчиво выкрикнула Пикси.

«Фея никогда не приходит к тем, кто не верит в нее», — улыбнулся про себя Джон.

Вечером они с женой обсуждали визит Уолтера. Глории жених пришелся по душе своим спокойствием и рассудительностью.

— Неплохой парень, — заметила она. — Знает, чего хочет.

— Отвратительный малый! — фыркнул Джон.

Утром, собираясь на работу, он услышал сдавленные рыдания, доносившиеся из комнаты Жаклин. Дверь легко поддалась, она была не заперта.

— Что такое, девочка моя? — Джон опустил на колени и ладонями поднял опущенное лицо Пикси. Ее розовато-голубые веки выглядели болезненно припухшими, а лицо казалось таким жалким и трогательным.

Жаклин закинула руки ему на плечи и прижалась к его груди, еще вздрагивая от рыданий.

— Мистер Уиллик, я так боюсь...

— Чего ты боишься, моя маленькая фея? Тебя никто не обидит.

— Я боюсь, что меня заберут от вас. Я боюсь, что опять останусь одна. Вы, и Глория, и дети — точно моя новая семья. Я всегда мечтала о такой семье...

— Я тебя никому не отдам, моя крошка, никому! — Джон слишком сильно прижал девушку к себе, и она тихо вскрикнула от боли, но не отстранилась, а еще крепче прильнула к нему.

— Не отдавайте меня, мистер Джон, — шептала она, задыхаясь, в то время как он покрывал быстрыми жадными поцелуями ее лицо. — Не отдавайте меня, я хочу остаться с вами...

За дверью послышался еле заметный шорох, потом шлепанье босых пяток вниз по лестнице.

— А Патрик видел, как папа утром целовал Пикси, — перед сном поведала Глории Кетлин.

— Она все врет, — надулся Патрик, боясь, что ему влетит за подглядывание. — Ничего я не видел!

— Видел, не ври! Ты сказал еще, что Пикси тоже целовала его!

Глория замерла, не зная, что ответить, но быстро взяла себя в руки.

— Тише, дети, тише! — произнесла она. — Я тоже иногда целую папу, и ты, Кетлин, и Патрик. Пикси тоже член нашей семьи, поэтому папа поцеловал ее. Спокойной ночи! — Щелкнул выключатель, и свет погас.

Ошеломленная Глория еще долго в неподвижности стояла в темноте. Потом она сочла за благо поверить в объяснение, придуманное ею самой.

Своему мужу она не сказала ни слова.

Вскоре Уиллик почувствовал, что в его чувствах к Жаклин нет и доли той родительской любви, которую по идее он должен был испытывать к девушке на двадцать три года младше его. А Пикси резко обострившимся женским инстинктом улавливала его влечение к себе и бессознательно делала все, чтобы подстегнуть это влечение.

Порой глаза Жаклин, как говорится, были на мокром месте, и Джон с удовольствием утешал ее. У них даже образовалось что-то вроде особого ритуала. Едва Джон слышал тихое поскуливание из-за двери ее спальни, он тут же с излишней пылкостью бросался утешать девушку, не замечая, что та плакала без слез, сухими глазами.

Он сажал ее на колени, гладил ее волосы, спину, бедра. Гораздо более продолжительно, чем принято приличиями, целовал ее припухшие губы, сдерживая себя, чтобы невольно не раздвинуть две алые полоски языком и не ощутить прохладу белоснежных зубов. Девушка по-детски садилась к нему на колени, и ее молодая упругая грудь, вздрагивающая от его случайно-преднамеренных прикосновений, возбуждала своей доступностью и юной нетронутостью.

Джон постепенно терял голову. Долгие годы он не знал иной женщины, кроме своей жены, ему давно наскучило ее привычное, еще привлекательное, но совсем не похожее на девичье тело, тело зрелой женщины, выносившей двоих детей. Он знал множество женщин до женитьбы, но давным-давно забыл их всех. И вот теперь, в сорок лет, он вновь ощущал прелесть юной нетронутой красоты, испытывая пряную упоительную жажду.

Он бредил ею. Он представлял ее днем и ночью. Теперь во время редких ночных соитий с женой он представлял себе Пикси. Он воображал, как она лежит в со-

седней комнате на кровати, разметавшись во сне, отбросив жаркое покрывало; как безмолвным призывом оголены ее ноги; как клюквенный сосок юной груди жаждет вырваться на свободу, поднимая тонкую ткань сорочки; а губы умоляюще приоткрыты, жаждая утешения и ласки.

Утром, стоя у двери ванной, он слушал, как шелестит вода в душе, и представлял, как теплые струи, стекая по ее стройному телу, ласкают его. И в этот миг больше всего на свете он мечтал превратиться в эти ласковые струйки. Он любовался ею за завтраком, когда она хлопотала возле плиты и тонкие джинсы красиво облегли сладостные выпуклости и впадины фигуры. Он чувствовал ее тело, когда во время вечернего просмотра телевизора Глория садилась с одной стороны от него на диване, а Жаклин — с другой. В эти минуты он совершенно не ощущал одной женщины, зато с ума сходил от желания крепко прижать к себе другую. Тихонько, чтобы не заметила жена, он гладил упругую кожу возле кромки короткой юбочки и благословлял неверный сумрак в комнате, чуть разжижаемый слабым светом телевизионного экрана.

Это томление, и эта нега, и бесконечные поцелуи, сводящие с ума и его самого, и девушку, — все это не могло продолжаться слишком долго. Однажды Джон опомнился, уже когда после предварительных «утешений» обнаружил себя лежащим рядом с ней на кровати. Его рука жадно ласкала ее лоно, а Пикси с блаженно закрытыми глазами точно парила в чудесном сне, отдаваясь ему без остатка, без рассуждения, без малейшего проблеска сознания... Он едва нашел в себе силы уйти от нее.

В другой раз он почувствовал, как ее цепкие пальчики с ярко накрашенными ногтями осторожно ищут ход к той набухшей желанием части его тела, которая рвалась на волю, натягивая ткань мгновенно ставших слишком узкими брюк...

Ему нужен был только знак, один лишь знак, чтобы переступить через оковы собственной робости и от-

правиться в захватывающее путешествие по неведомым тропам девственного Аутбека. Этот знак был дан, и тогда он закрыл глаза и не рассуждая вступил на эту тропу, готовясь мужественно преодолеть все опасности и неудачи, встречавшиеся на его пути. Он не заметил, как осторожно, без сопротивления, точно в отворенную дверь, он вошел в нирвану, которой для него было ее сладкое, блаженно-обморочное тело, и стал продвигаться все дальше и дальше на своем пути, шагая ритмично и размеренно, уверенно набирая ход, точно разогнавшийся поезд, и вскоре блаженное ощущение скорости разлилось в нем топкой волной, залив весь мир вокруг блаженным сладострастным сиянием. Он застонал от невыразимого наслаждения — и та не изведанная доселе земля, по которой он шел, ответила ему, точно эхом, таким же сладостным стоном...

Он опомнился, только когда все уже произошло. Он растерянно смотрел на отвернувшуюся от него Пикси. Ее плечи вздрагивали.

Что он наделал! Она плакала... Бедная невинная девочка!

Осторожно, точно боясь разбить хрустальную вазу, он повернул к себе ее лицо.

— Милая моя крошка, я...

Пикси смеялась! Ее глаза блестели задорным светом, а легкий румянец на скулах делал ее еще прелестней.

— Я думала, ты никогда не решишься! — прыснула она в ладонь.

У Джона точно свалился огромный камень с души.

— Я-то думал, что ты расстроилась.

— Я? С чего это вдруг?

— Ну, знаешь ли... Так, значит, у тебя уже кто-то был? — спросил он с радостным облегчением.

— Конечно был! — Пикси еле слышно смеялась, и чудесная белая полоска зубов между полуоткрытыми губами вновь звала его к поцелуям. — Не думаешь же ты, что я берегла свое сокровище для долговязого Уолтера!

— Такой подарок был бы для него слишком щедрым, — в ответ усмехнулся Джон.

Она давилась смехом, а он прижимал к ее губам ладонь, чтобы не услышала жена, собиравшая в это время детей (дело было рано утром).

— Джон, где ты? — слышалось снизу. — Пора везти детей в школу!

— Иду, дорогая! — сползая с кровати, крикнул Джон и принялся спешно приводить в порядок одежду.

Пикси застыла на смятой постели в блаженной истоме. Он наклонился и приник к ее губам, вновь почувствовав, как внутри поднимается волна желания, перед которой невозможно устоять.

— Это было так чудесно... Я приду к тебе, как только отвезу детей!

— Конечно, Джон! — произнесла Пикси, лениво потягиваясь на постели, точно сытая кошка. — Буду ждать тебя...

И она со смехом распахнула на груди халатик, дразня его. Она действительно одним движением делала чудеса, эта юная фея...

С этого дня для Джона наступило совершенно сумасшедшее время. Он скрывал, изворачивался, лгал, рисковал, делал хорошую мину при плохой игре, обводил жену вокруг пальца — то есть жил настоящей жизнью. Юное тело Жаклин вдохновляло его, выветривая страх разоблачения, — так дурные испарения болот прогоняет свежий ветер. Он чувствовал себя сильным, смелым, мужественным. Он был счастлив. А юная Жаклин, маленькая волшебная фея с веснушками на лице и хрупким телом, шептала ему, доверчиво прильнув к широкой груди, что она тоже никогда, никогда не была так счастлива, что она любит его, что она верит в него и готова для него абсолютно на все!

О, эта Пикси! Ее медового цвета глаза были полны сладости, губы ее имели вкус меда, речи ее были тоже полны меда, а сладкое благоуханное тело сводило с ума своей медовой сладостью...

Джон никогда еще не попадал в такую патовую ситуацию. Ему, конечно, не раз удавалось обманывать

жену по мелочам, но интрижка в собственном доме, порою на супружеском священном ложе... Никогда! Еще никогда...

Пикси и он, они точно с восторгом играли в запретную игру. Они бесстыдно запирались в комнате в самое неподходящее время. Джон тайком проникал в ванную девушки и там нежился вместе с ней под душем, покрывая ее тело бесчисленными влажными поцелуями. Пикси громко смеялась от щекотки, уверенная, что все подозрительные звуки заглушит звук льющейся воды. Отвезя детей в школу и повертевшись часок на работе, Джон придумывал самые невероятные истории для своего шефа, лишь бы улизнуть. И вместо ремонта снаряжения и погрузки мусора в фургоны, он мчался домой, чтобы, взлетев на второй этаж, сжать в объятиях пышнокудрую фею, которая с радостью ждала его в любое время, в любой час...

Порой поздно ночью, когда уставшая Глория начала дышать глубоко и размеренно, погружаясь в крепкий сон, Джон осторожно выбирался из постели и, чуть слышно поскрипывая рассохшимися половицами, пробирался в комнату Пикси. Девушка уже спала, сонно разметавшись во сне. Джон осторожно опускался на кровать возле нее и начинал свои медленные осторожные ласки...

— Но, Джон, я так хочу спать, — спросонья бормотала Пикси и тут же, противореча своим словам, с такой страстью прижималась к нему, что он сходил с ума от многократно усилившегося желания.

Воскресным утром он обычно врал жене, что ему нужно на работу. Глория одевала детей, Пикси натягивала шорты и кепку (в этой одежде она выглядела старшей сестрой Патрика), и все семейство, за исключением Глории, отправлялось на пляж. Джон поручал детей вниманию спасателей, оправдываясь тем, что ему нужно показать кое-что девушке, и уводил ее в сарай, где хранился пляжный инвентарь.

В щитовом домике в полдень было невыносимо жарко. Разморенные долгой сладостной борьбой, они лежа-

ли на жестком ложе, построенном из досок для серфинга и покрытом несколькими слоями парусины, весело болтали, наслаждаясь безопасностью и собственной блаженной усталостью.

— Эй, Уиллик! — в дверь то и дело стучали настырные просители. — Мне нужна нормальная доска для серфинга, а не эта рухлядь.

— Все на руках! — лениво отвечал Джон, не поднимаясь с ложа, в то время как Пикси беззвучно задыхалась от хохота. — Зайди позже, приятель, может быть, я что-нибудь найду...

Потом, не стесняясь все понимающих взглядов детей, они шли купаться. Джон нырял под воду, и там, под ненадежной завесой прозрачной воды, его руки находили извивающееся гибкое тело девушки и вновь начинали свои смелые ласки.

Теперь ему казалось, что он женился вновь и что настал его медовый месяц с молодой женой. Он только жалел, что не может никуда открыто повести свою подружку, не может похвастаться перед людьми ее молодостью, ее красотой, ее любовью... Порой у него совершенно вылетало из головы, что он уже женат.

Глория была умной женщиной и конечно же вскоре заподозрила неладное, хотя и не показывала виду. Невозможно было демонстративным равнодушием замаскировать это сумасшедшее, горячее стремление друг к другу, и эти руки, которые помимо воли сплетались в тайном пожатии, едва оказавшись в пределах досягаемости, и эти глаза, глаза любовников, выдававшие бесстыдную тайну, и эту тонкую эротическую атмосферу в доме, еще более усиленную жаркими ночами душного лета. От этого невозможно было скрыться! Это невозможно было не заметить!

Ощущая внезапно поднышающую в глубине души тоску, Глория придирчиво рассматривала себя, сняв одежду. Ее поджарое тело со временем стало совсем худым и некрасивым. Правда, кожа на животе еще казалась молодой и свежей, но лицо уже покрывали бесчисленные морщинки, усиленные безжалостным австралий-

ским солнцем, и грудь уже не была такой упругой и задорно торчащей, как в молодости, и кожа на бедрах, несмотря на ежедневные упражнения по утрам, стала неровной и бугристой.

Короче, Глория сама себе казалась безнадежно старой. Она с завистью наблюдала за живыми движениями Пикси, за изгибами ее гибкого, упругого тела, в бессознательном бесстыдстве подставлявшего себя любопытным взглядам, слушала ее беззаботный смех — и губы ее сжимались в тонкую нитку, чтобы не заплакать, глаза закрывались, гася зародившиеся под веками нечаянные слезы.

Ночью, как только Джон вставал с постели, чтобы ускользнуть в спальню девушки, она просыпалась и, пользуясь темнотой, тихо рыдала в подушку, ощущая как бездонную пропасть рядом с собой пустую кровать. Она надеялась, что все это временно, что это пройдет... что Джону надоест эта пустая девчонка, бесцеремонной подлостью ответившая на добро приютивших ее людей...

Несмотря ни на что, она оставалась все такой же, как всегда: сдержанной и спокойной, лишь чуть более холодноватой, чем обычно.

— Жаклин, милая... — говорила она. Или: — Джон, дорогой...

Дети, несмотря на свою невинность и неосведомленность, тоже следили за происходящим в доме. Они были верными союзниками матери, и потому Глории часто с душевной болью приходилось выслушивать их замечания:

— Мама, Пикси закрылась с папой в комнате и не дает мне взять книжку!

— Мам, когда мы были на пляже, папа с Пикси так долго сидели в домике, что мы даже проголодались.

— Знаешь, Пикси такая сильная, мама! Просто ужас! Я видела, как они боролись с папой в вашей комнате. Сначала папа был сильнее, но потом Пикси победила и села на него верхом.

— Простите, миссис Уиллик! — Это была женщина из соседнего коттеджа. — Не могли бы вы закрывать

окна днем? Дело в том, что мои дети в это время гуляют на улице, и их слишком сильно интересует происходящее в вашем доме. Я думаю, что это вредно для детей.

Глория несколько раз собиралась поговорить с мужем, но для решительного разговора ей не доставало повода. Она уже несколько раз спрашивала Жаклин, не собирается ли та уйти от них, но с беззаботным смехом Жаклин отвечала, что ей у них очень нравится. И что она так любит миссис Глорию, и мистера Джона, и детей!..

А потом случилось это... Стояла страшная жара. Горячее фиолетовое марево дрожало в небе, пыльные деревья изнывали от зноя, асфальт плавился, и раскаленный город, казалось, грозил расплавиться и стечь в океан растопленной лавой. В обеденное время Глория решила заскочить на минутку домой переодеться. Ее рубашка была мокра от пота и противно липла к телу. Она заметила машину Джона еще на подъездной дорожке и удивилась, почему он не на работе. Ведь у него такой строгий начальник, даже по воскресеньям вызывает его на службу...

Окна дома были раскрыты нараспашку. Проходя по лужайке, Глория замедлила шаг. И только теперь ей стали понятны странные претензии соседей: сладострастные звуки доносились из прохладной глубины дома. Такие звуки можно было бы смело включать в саундтрек для озвучивания порнографических картин...

Помертвевшая, бледная как смерть, Глория остановилась на пороге дома: забыв об осторожности, обнаженные фигуры извивались на полу (очевидно, там было прохладнее), за собственными сладострастными охами и вздохами не слыша, как хлопнула входная дверь. Теперь стало ясно, чем они занимались. Девушка лежала на полу, широко расставив ноги, а мужчина застыл у нее между разведенными коленями.

Глория почувствовала, что она не в силах пошевелиться. Какая-то противная сладостная истома охватила ее, она ощутила тяжесть внизу живота, захотелось

закрыть глаза — и отдаться этим неторопливым ласковым движениям.

Глория сглотнула слюну и пошевелилась. Затуманенный взгляд Пикси, до этого мгновения блуждавший по потолку комнаты, внезапно наткнулся на ее лицо с широко распахнутыми глазами.

— Джон! — испуганно взвизгнула она и оттолкнула любовника.

Джон обернулся. Глория увидела его потное красноватое лицо, на котором сияли замутненные блаженством синие глаза, окинула взглядом его обнаженную фигуру с едва наметившимся брюшком, но все еще плотную и красивую... Как она ненавидела его в этот миг! Так ненавидела, что ей даже показалось, что она любит его, любит свою ненависть, любит свою боль...

Они молчали, потрясенно глядя друг на друга.

— Глория, дорогая... — начал было Джон. — Понимаешь...

Не произнеся ни звука, Глория прошла мимо них, стукнула дверью кладовки. Потом вновь появилась — внешне спокойная, рассудительная, равнодушная. Ее руку оттягивал огромный, покрытый пылью чемодан.

Она поставила его на пол посреди комнаты.

— Собирайся, Джон, — негромко проговорила она. — Тебе нужно успеть, пока дети не вернулись из школы.

-- Но, Глория, дорогая... Ты должна понять...

— Собирайся, Джон.

И она вышла из комнаты.

Глава 3

Сначала влюбленные намеревались снять комнату в мотеле, но потом остановили свой выбор на дорогой гостинице, взяв номер со спа¹ — надо же, в конце концов, отпраздновать свое освобождение. После пережитого Пикси все еще дрожала от страха и стыда, но

¹ С п а — ванна с гидромассажем.

Джон был спокоен и в глубине души даже доволен тем, что все, наконец, разъяснилось. Он ушел из дома, собрав в чемодан кое-какую одежду и захватив все наличные деньги. Кроме того, у него в кармане лежала кредитка Глории, по которой он мог снять в банке четыре тысячи.

Джон чувствовал себя свободным, сильным, готовым к самым невероятным приключениям и наслаждениям. Он предпочитал не задумываться о грядущем. У него были деньги, хорошенькая подружка — он чувствовал, что наконец-то поймал за хвост синюю птицу. Теперь-то он может отдохнуть с Пикси на полную катушку.

— Дорогая, я покажу тебе весь мир! — шептал он, зарываясь лицом в ее пышные душистые волосы. — Ты ведь еще ничего не видела, глупышка! Мы поедем на острова Большого Барьерного рифа, мы поедем в Квинсленд, где отдыхают одни миллионеры из Штатов, мы поедем в Дарвин и Борролулу, на земли аборигенов, и будем охотиться там на крокодилов. В Кубер-Педи я куплю тебе дымчатые опалы, в Эмеральде — синие сапфиры, а в Аргайле единственные в мире розовые бриллианты, самые красивые на свете...

— О, Джон, мы правда поедем туда? — Пикси от восторга даже захлопала в ладоши. — Я ведь нигде не была, правда, совсем нигде... Мы только выезжали один раз в национальный парк Куринг-Гай-Чейз с нашей церковью для богослужений на природе — и все!

— Маленькая моя Пикси! — обнял ее Джон. — Ты даже представить не можешь, какая замечательная жизнь нас ждет! Я всегда мечтал поехать по стране!

Жаклин, съездившись, сидела на кровати. До этого она никогда не ночевала в гостиницах, и ей было неуютно и боязно.

Джон на несколько минут вышел из номера и вскоре вернулся, полный таинственного нетерпения.

— Это тебе, дорогая, — прошептал он, опускаясь на одно колено перед девушкой. И протянул ей руку с маленькой коробочкой.

— Что это?

На бархатном черном ложе, сияя радужными гранями в ярком электрическом свете, лежало изящное кольцо с пронзительно сверкающим камнем.

— Сегодня наша помолвка, дорогая, — радуясь произведенному эффекту, произнес Джон.

Он распрямился и несколько раз хлопнул в ладоши. Дверь номера распахнулась, и в комнату вплыл огромный шевелящийся букет из роз, орхидей и лилий. За ним официант катил тележку с закусками и бутылкой шампанского в серебряном ведерке.

Пикси восторженно взвизгнула.

— Ой, Джон! Как здорово!

Любовник легко поднял ее на руки.

— У нас с тобой так теперь будет всегда, дорогая.

Переночевав в отеле и заплатив двести долларов за номер на двоих, Джон и Жаклин улетели на самолете в Брисбен. Так начался их медовый месяц.

Сначала они отдыхали в Квинсленде, потом направились в Таунсвилл, небольшой колониальный город, обсаженный бугенвиллеями, усыпанными розоватыми и лиловыми цветами. Днем они купались и загорали на пляже, вечером шли обедать в ресторан, где заказывали «первое ребро быка», местные овощи — «бабушки в уксусе», мидий в белом вине. Там они танцевали, а ближе к полуночи отправлялись в казино, славящееся тем, что в нем были самые высокие в Австралии ставки. Джон вновь играл. Он давал Пикси немного мелочи, чтобы она не отвлекала его, а сам уходил к столам с американской рулеткой и проводил там долгие часы. Он играл в очко, баккара, в кости, в кено, в сик-бо и «two-up». Ставил понемногу, играл осмотрительно, выигрывал, не теряя голову от удачи, — к сорока годам он стал осторожным, точно старый матерый волк. Боялся одним неосторожным движением потерять внезапно обретенное счастье, которое зиждилось на деньгах. В первую очередь на деньгах — и потом уже на всем остальном. Ибо, если у него не будет денег, на что они будут

жить, на что он будет кормить, одевать, баловать свою маленькую фею, на что он будет покупать ей украшения, селить в самых дорогих гостиницах, катать в самых роскошных автомобилях.

В то время Джону везло. Он выигрывал гораздо больше, чем проигрывал. Однажды рискнул и поставил довольно крупную сумму на свое любимое число восемь и выиграл почти десять тысяч долларов. Ему казалось, что госпожа удача вновь полюбила его. Или маленькая Пикси — это и есть его удача?

— Вот здорово! — взвизгнула Пикси, узнав о выигрыше. — Джон, как здорово! Мы можем ездить всюду, где захотим, и делать все, что захотим!

Первым делом они сняли роскошную яхту с экипажем и отправились на острова. На Гастингс-Риф Джон занимался дайвингом¹ и бум-неттингом², а Пикси загорала. Потом ей надоело бесконечно нежиться на пляже, и они полетели в Дарвин. В Дарвине оказалось слишком жарко и скучно. Вентиляторы лениво разгоняли плотный влажный жар по комнате в гостинице, а кондиционеры, казалось, струили тепло, а не холод, как им было положено. Из Дарвина они улетели в Мельбурн, где было прохладно и сухо.

Они проводили дни в блаженном безделье, бесконечно занимались любовью, а потом, утомленные, лежали без движения. Джон рассказывал Пикси о своей жизни, а та затаив дыхание слушала. Правда перемежалась в его рассказах с вымыслом. Он рассказывал и о своей беззаботной жизни в двадцать лет, когда грабил магазины, и о своем картежном прошлом, и о многочисленных отсидках в тюрьме. Ему самому было неясно, где в его рассказах кончалась правда и начинался вымысел. Криминальный промысел в его речи, как правило, оборачивался романтической стороной. Жаклин красила ногти и вздыхала:

¹ Д а й в и н г — погружение под воду на глубину до тридцати метров с аквалангом.

² Б у м - н е т т и н г — катание на большой сетке, привязанной за четыре угла к корме корабля, который тащит ее за собой, как пойманную рыбу.

— Ах, Джон, как бы я хотела тогда быть с тобой! Наверное, это было так весело!

А он целовал тонкие пальчики на ее ногах и действительно чувствовал себя мужественным Робин Гудом, готовым на любые подвиги во имя своей возлюбленной.

Потом они отправились на скачки. Джон ставил по сто—двести долларов за заезд и получал в среднем две—триста долларов выигрыша. «Поработав» так несколько дней, он пополнял стремительно таявшие финансовые запасы. Теперь он играл осторожно, не зарываясь, с наслаждением, но расчетливо, так, чтобы в случае проигрыша остаться при своих. И удача баловала его. Даже самые никудышные лошади отчего-то приходили первыми, а «системы» срабатывали. Пикси визжала от восторга, получая в кассах деньги за выигрыши, а Джон сидел на трибунах, слонялся среди ипподромного люда — и ставил, ставил, ставил...

За неделю они заработали еще шесть тысяч. Такие деньги им раньше и не снились. Наверное, Пикси действительно приносила ему удачу.

— Ты — мое счастье, — шептал он, медленно раздевая ее в роскошном номере, намереваясь выпить всю ее медовую сладость до дна, до капельки... Но сколько бы он ни узнавал ее, она оставалась все такой же сладостной, манящей, неизведанной.

Вечером они отправлялись развлекаться. Джон купил себе красивый костюм, в котором он выглядел весьма презентабельно, а Пикси таскала за собой целый ворох платьев из лучших магазинов. И вдвоем, и на людях им не было скучно друг с другом. Впрочем, к этой красивой паре то и дело липли всякие личности, чувствуя у них наличие шальных денег.

В казино и в дорогих ресторанах они знакомились с богатыми людьми — торговцами говядиной, владельцами медных рудников и алюминиевых заводов, богатыми скваттерами, владевшими в Аутбеке фермами, превышающими по площади некоторые европейские государства. Джон выдавал себя за владельца контрольного пакета акций сталелитейного гиганта, а Пикси — за свою юную

жену. На многочисленных коктейль-пати он с удовольствием болтал о том о сем с надутыми сенаторами штатов и чувствовал себя на равной ноге с заносчивыми президентами компаний.

Жизнь казалась любовникам волшебной полосой, тянущейся прямо в рай, праздником, сулящим одни удовольствия и радость.

И это было действительно так, пока у них оставались деньги. Но когда они кончились, сверкающий праздник мгновенно померк, и в их душах постепенно воцарились уныние и печаль.

Настал день, когда Джон обнаружил, что от огромной суммы, казавшейся ему вечной, у него осталось всего сто пятьдесят долларов. Он озадаченно сидел в номере, держа смятые бумажки в руке, и морщил лоб.

— Пойдем сегодня по магазинам? — спросила Пикси, сладко изгибаясь в постели, точно ленивая кошка. — Я хотела купить кое-что из одежды.

— У нас нет денег, — растерянно проговорил Джон.

— Как нет? Ведь их недавно была целая куча! — удивилась девушка.

Но денег больше не было. Нечем стало платить за номер, и любовники тайком бежали из отеля через черный ход для служащих, попутно захватив с собой серебряное ведерко, в котором еще накануне официант приносил им шампанское в постель.

В дешевом мотеле на окраине города, где было трудно дышать от выхлопных газов трейлеров, отправлявшихся во внутренние районы страны за грузом скота или шерсти, где грубоватые драйверы с обожженными, обветренными лицами плотоядно косились на хорошенькое личико Пикси, они сняли номер.

Пока Пикси сидела в комнате, боязливо запершись на ключ, Джон отправлялся на бега. Но, поставив по двадцатке на трех лошадей, он получил всего восемьдесят долларов выигрыша, заработав на этом лишь сто-

имость весьма скромного ужина на двоих. На следующий день удача окончательно отвернулась от него. Он продал перекупщику серебряное ведро для шампанского — и тут же проиграл вырученные деньги.

Пикси выглядела спокойной. Она свято верила в Джона. Она верила, что он что-нибудь придумает, что скоро опять начнется беззаботная приятная жизнь, полная удовольствий.

— Пойдем в ресторан, дорогой, — прошептала она спросонья, пробудившись рано утром от пронзительных гудков: драйверы сигналили, выводя свои машины на трассы. — Я проголодалась.

— У нас нет денег, дорогая, — поникнув, произнес Джон. — Посмотрим, может быть, мне удастся раздобыть сегодня что-нибудь из еды...

Они купили консервов в супермаркете и пообедали, сидя рядышком на кровати.

На этом все внутренние и внешние финансы исчерпались.

— Может быть, у тебя есть какая-нибудь идея насчет денег? — с тоской спросил Джон у девушки.

Но та лишь пожала плечами в ответ.

— Я могу позвонить родителям, — неуверенно произнесла она.

Трубку подняла миссис Хайес.

— Мама, у меня трудности, — поведала девушка. — Мне нужны деньги. Совсем немного, чтобы заплатить за учебу в колледже.

— У нас нет денег, дорогая, — отвечала миссис Хайес. — Возвращайся-ка ты лучше домой. Уолтер все еще ждет тебя. Он говорит, что готов ждать, пока ты не одумаешься. Он тебя так любит.

— Я буду иметь это в виду, мама, — зло ответила Жаклин и бросила трубку.

На оставшуюся мелочь Джон позвонил Глории и попросил у нее пару сотен в долг — у него временные трудности. Больше ему не к кому было обратиться.

— Хорошо, Джон, я помогу тебе, — согласилась жена. — Как ты?

— Я отлично, — ответил Джон. — Ты прелесть, Глория. Ты необыкновенная женщина. Я тебя люблю.

Глория положила трубку.

Присланные ею двести долларов помогли им добраться до Сиднея и почистить перышки в одном из недорогих мотелей неподалеку от города. Вскоре деньги опять кончились.

Больше их взять было неоткуда.

Пикси валялась на тахте в номере мотеля и, болтая ногами в воздухе, уныло щелкала телевизор по всем каналам. Ее гладкий лобик был озабоченно нахмурен. У Джона противно урчало в животе. Он с раздражением думал о том, что человеческое счастье слишком сильно зависит от такой эфемерной субстанции, как деньги. А ведь деньги — это всего-то отпечатки на качественной бумаге!

— Я хочу есть. Ты же мужчина! Ну придумай хоть что-нибудь! — Пикси раздраженно села на постели и уставилась на Джона чуть ли не с ненавистью. — Я бросила все, отправилась за тобой, а ты...

Он закрыл ей рот поцелуем. Девушка слабо затрепыхалась в его руках, сопротивляясь, но вскоре безмолвно обмякла.

Впрочем, любовь на голодный желудок шла плохо.

Полуодетая Пикси осторожно сползла с кровати и принялась исследовать свою одежду на стуле.

— Ничего нет! — разочарованно застонала она и бесильно опустилась на пол, душа в груди рыдания. — Какой ужас! Ничего!

Джон обнял ее одной рукой — она зло оттолкнула его.

— У нас один выход, крошка, — проговорил он мягко, глядя ее по голове, как обиженного ребенка. — Пора возвращаться домой поджав хвост.

— Только не это! — Пикси гневно отбросила его мягкую руку.

— Или...

— Что «или»?

— Или попробовать заработать деньги...

Слезы на ее глазах мгновенно высохли. Она откинула назад прядь пшеничных волос и вопросительно уставилась на своего любовника.

— Что ты имеешь в виду? — Ее голос звучал спокойно и деловито.

— Доверься мне, детка, — пробормотал он, обнимая ее. — Тебе нужно будет только сделать то, что я попрошу тебя...

— А это не опасно, Джон?

— Никакого риска, моя маленькая прекрасная фея... Доверься мне. На Дарлингхерст-роуд мне рассказывали про один трюк, попробуем сегодня его проверить с тобой. В крайнем случае ты ничего не знаешь и вообще случайно здесь оказалась...

Джон сгреб со стола горстку мелочи и вышел из номера. Он вернулся через десять минут. У него в руках был огромный пакет кукурузных хлопьев и моток двустороннего скотча.

— Выпросил у портье, — пояснил он, кивая на скотч. — Соврал, что нужно заклеить багаж.

Он раскрыл пакет с хлопьями и высыпал их на постель.

— Подкрепись, дорогая. — Он нежно прижался к губам девушки. — Мне скоро нужна будет твоя помощь...

Через несколько минут в супермаркет, расположенный неподалеку от мотеля, вошел мужчина с пакетом кукурузных хлопьев в руке. Охрана проводила его равнодушным взглядом. Этот человек не был похож на асоциального типа вроде тех, что крадет мелочевку, причиняя владельцам универсальных магазинов головную боль.

Мужчина прошелся между полок, на несколько минут задержался у стенда с дорогими сигаретами.

В это время к охраннику обратилась хорошенькая девушка с высокой грудью и медовым взглядом.

— Простите, сэр, — прошептала она таким голосом, от которого даже глухой потерял бы сознание. — Я что-то не вижу у вас моих любимых хлопьев «Чиздейл»...

Охранник с удовольствием указал девушке на полки, где стояли пачки.

— Благодарю вас, — проворковала девушка.

Через минуту она уже выходила из магазина, неся под мышкой пакет кукурузных хлопьев за два доллара. Охранник с удовольствием проводил взглядом ее точечную фигурку с плавно покачивающимися бедрами...

— Отлично, детка!

Джон с восторгом обнял Пикси, когда они остались в номере одни. Он забрал из ее рук пакет и разорвал его. На покрывало посыпались пачки дорогих сигарет «Кэмел», «Мальборо», «Данхилл».

— Ты у меня умница! — засмеялся Джон. — Волновалась?

— Нисколько! — расхохоталась Пикси. — Это было даже забавно. Он так на меня пялился! Я думала, у него глаза вылезут из орбит.

Джон пересчитал пачки.

— Отлично, — резюмировал он. — Мы заработали сотню. Для первого раза недурно. Я уже договорился в соседнем бакалейном магазинчике, у нас примут товар за полцены. Что ты хочешь заказать на ужин, дорогая? И учти, это только начало...

Это было действительно только начало. Начало конца.

Вскоре парочка начала зарабатывать на кукурузных хлопьях до четырех тысяч долларов в неделю.

Трюк заключался в следующем. Джон обходил несколько универсальных магазинов, расположенных в бойких местах, и покупал в каждом пакет хлопьев за два доллара. Потом хлопья отправлялись в желудок или сразу в унитаз, минуя желудок, а пакет скреплялся скотчем так, что получалась застежка. После чего они отправлялись на промысел.

Джон входил в магазин с пакетом хлопьев. Ему требовалось лишь несколько секунд на то, чтобы наполнить непрозрачный пакет пачками дорогих сигарет —

охранник даже ничего не успевал заподозрить (иногда, если в магазине было пусто, его отвлекала Пикси дурацким вопросом насчет срока годности продукта). Потом он уходил из супермаркета, а Пикси, нагрузившись продуктами до отвала, не забывала прихватить с собой пакет с сигаретами, стоявший с самого краю на полке среди сотни таких же ничем не примечательных кульков. Потом Джон по дешевке сбывал сигареты владельцам торговых лавок.

Таким образом им удавалось получать легкие деньги.

Пикси визжала от восторга. Все оказалось так просто! И главное — не нужно было тратить уйму времени, чтобы заработать себе на жизнь. То, что их бизнес был с криминальным душком, девушку ничуть не смущало, ведь Джон объяснил ей, что в случае неудачи ей лично ничто не грозит. Если даже ее возьмут с сигаретами, то она всегда сможет выкрутиться, сказав, что она здесь ни при чем и взяла с полки первый попавшийся пакет с хлопьями.

У них началась безбедная и веселая жизнь. Джон купил себе новый автомобиль, и они перебрались в хорошенький домик на окраине города. Казалось, далеко позади остались мрачные дни безденежья и неуверенности в завтрашнем дне.

— Я без ума от тебя, крошка, — шептал Джон, обнимая ее после удачно проведенной операции. — Все мужчины теряют от тебя головы — и охрана супермаркетов, и кассиры.

— А ты? — смеялась Пикси, игриво уворачиваясь от его поцелуев.

— И я... — Он действительно был без ума от нее, от ее благоуханного медового тела, такого молодого, такого прекрасного...

У Жаклин опять появились дорогие вещи и дорогие побрякушки, которые ей так нравились. И главное — у нее были свобода и независимость, она так ценила их, свобода от ответственности за собственные поступки, от родительской власти, от опеки, от необходимости делать то, что не нравится.

В свои двадцать с небольшим лет Жаклин сияла спокойной, уверенной красотой балованной женщины, чья прихоть обязательна к исполнению. Джон выполнял любое ее желание, даже самое безумное. Они вновь принялись путешествовать, останавливались в самых дорогих отелях, обедали в самых роскошных ресторанах, одевались в самых шикарных магазинах.

Теперь им не нужно было возить с собой крупные суммы или кредитные карточки, ведь они знали, что, куда бы их ни занесла судьба, они всегда смогут достать столько денег, сколько нужно. И даже намного больше. Это казалось им истинной свободой. И жизнь опять показалась беззаботным раем, созданным специально для них... Их путь напоминал броуновское движение молекулы по городам и весям страны, они странствовали на машине, летали на самолетах, посещая и крупные города, и мелкие населенные пункты, где люди казались доверчивыми и простыми.

Однажды, побывав в Сиднее на Рождество, они зашли к Глории — Джон хотел повидать детей, ведь он не видел их почти два года. Машина остановилась возле дома, где они с Глорией прожили несколько лет, где выросли их дети... Все заднее сиденье автомобиля было завалено подарками. Пикси в это время смотрела через дорогу туда, где, утопая в зелени платанов, стоял домик ее родителей. Ее так тянуло зайти домой!

Повзрослевшие Патрик и Кетлин встретили их восторженным воем.

— Папа! — Они повисли на шее отца, дрыгая от восторга ногами.

— Пикси! Какая ты стала красивая! — не удержалась Кетлин.

Патрик лишь исподлобья смотрел на свою бывшую няню.

— Ты прекрасно выглядишь, Глория. — Уиллик обнял жену. — Ничуть не изменилась!

Но он соврал. Глория, как обычно, выглядела спокойной и сдержанной, но тем не менее она сильно постарела с тех пор, как они виделись в последний раз.

Она остригла свои волосы и сейчас в мешковатых шортах и свободной футболке походила на сильно постаревшего мальчика, чудом перепрыгнувшего через несколько десятков лет.

— Как ты, Джон? — Она с легкой улыбкой прижалась щекой к его щеке.

— Превосходно, дорогая. — Бывший муж излучал уверенность и счастье.

— Пикси! Какая ты стала красавица! — Женщины обнялись.

— Миссис Глория, как я рада вас видеть! — Пикси почти плакала от радости.

А потом был торжественный ужин при свечах. Дети чинно ковыряли вилками в тарелках, влюбленно поглядывая на отца, Глория расспрашивала мужа и его подругу об их житье-бытье, и было так тихо и мирно, словно за столом собрались лучшие друзья.

— Мы зимой обычно живем в Квинсленде, там теплее, а летом, когда там становится слишком жарко, переезжаем на юг, — рассказывал Джон. — Ты же знаешь, дорогая, я не переношу эту зимнюю тоскливую непогоду. Когда температура опускается ниже двадцати, меня бьет озноб.

— Да, я знаю, — кивнула Глория. Ее темные глаза внимательно всматривались в мужа, боясь пропустить хоть слово. — В этом году зима в Сиднее была необычайно холодной. Несколько дней держалась температура десять градусов. Я думала даже, что пойдет снег.

— Мы всего на денек в июне задержались в Мельбурне, когда стояли эти жуткие холода, — поведала Пикси, — и представляете, миссис Глория, у Джона начался кашель. Я лечила его мятными пастилками.

— А чем ты занимаешься, Джон? Работаешь? — Глория начала свой вопрос. — Ты мне звонил... У тебя были неприятности с законом?

— Что ты, дорогая! — Джон широко улыбнулся. — Конечно нет! Разве только с дорожной полицией за нарушение правил. В штате Виктория такие драконовские законы в отношении водителей.

— Чем ты зарабатываешь на жизнь?

— Я... — Джон на долю секунды замялся, но и этого хватило Глории для того, чтобы понять все. — Я коммивояжер. Распределяю туристические путевки по региональным отделениям. Поэтому приходится много ездить по стране. Начальство меня уважает.

— А Пикси?

— О, я всем довольна, миссис Глория, — улыбнулась девушка. — Мне так нравится жить с мистером Джоном. Он такой веселый. Он всегда придумает что-нибудь забавное.

— Пикси ведет домашнее хозяйство, — ответил Джон. — На севере она научилась превосходно готовить баррамунди¹ с плодами тамариндового дерева. Тебе стоит попробовать ее стряпню, дорогая.

— Непременно, — спокойно улыбнулась Глория, глядя на девушку теплым взглядом. — Я рада, что вам так хорошо вдвоем.

Потом детей уложили спать, и Глория сказала:

— Я приготовила вам постель в бывшей спальне Пикси. Спокойной ночи.

Джон стоял на пороге спальни, обнимая Жаклин. Девушка уже зевала, утомленная переездом и днем полным эмоций (им пришлось хорошо поработать в супермаркетах, чтобы раздобыть денег на подарки детям).

— Знаешь, Пикси, — мягко произнесла Глория, обращаясь к ней. — Уолтер несколько раз заходил ко мне. Он хотел узнать о тебе.

— Да? — равнодушно осведомилась девушка, с трудом подавляя зевок. — Он все такой же прыщавый зануда?

Глория улыбнулась.

— Он просил передать, что ждет тебя и любит по-прежнему. У него неплохая карьера — он уже в числе двенадцати апостолов мормонской общины. Твой отец, мистер Хайес, полностью ему доверяет.

¹ Б а р р а м у н д и — деликатесная рыба, обитающая в устье северных рек континента.

— Пошел он к черту, — сказала Жаклин, зевнув, и мило улыбнулась. — Простите, миссис Глория, мне так хочется спать.

Дверь комнаты осторожно затворилась за ними.

Глава 4

Через неделю в Перте они попались на сигаретах. Охранник в супермаркете заметил, что пакет с кукурузными хлопьями, лежащий в тележке у хорошенькой девушки в чрезмерно открытой маечке, имеет странную угловатую форму — кажется, Джон на сей раз немного пожадничал.

Бдительный секьюрити задержал покупательницу и вызвал менеджера. Он был немолод и к тому же, вероятно, гомосексуалист, поскольку не обратил ровным счетом никакого внимания на протесты хорошенькой покупательницы.

Пикси размазывала слезы по лицу и лепетала, что взяла с полки первый попавшийся пакет с хлопьями.

— Сюда до этого заходил один тип с таким же пакетом, — горячился охранник. — Он ушел, так ничего и не купив. Я видел, они приехали вместе в машине.

Пикси рыдала еще громче, а Джон метался на улице, ~~не в силах~~ ничего предпринять. Но он был уверен, что девчонку скоро отпустят, а вот его, если он полезет на рожон, могут упрятать за решетку.

Разбирательство продолжалось довольно долго. Пикси даже потащили в полицию, где ей пришлось давать объяснения. В конце концов ее отпустили, и Джон ждал ее в нанятой машине неподалеку от участка.

— Все, с сигаретами надо завязывать, — с грустью признал он, оставшись в номере отеля с вволю нарыдавшей Пикси. — В Перте мы меченые. К тому же ты попала в полицейские сводки. И если нас возьмут еще раз в любом другом городе, тюрьмы нам не избежать.

— Что же делать? — всхлипнула Пикси.

— Нам остаются скачки и рулетка, дорогая, — улыбнулся, обнимая ее, Джон. — Наши милые лошадки нас не подведут...

Отныне источником их доходов стал ипподром. У парочки еще оставались кое-какие деньги, и Джон играл на них.

Их материальное положение почти не изменилось. Джон вновь погрузился в специфический мир бегов и скачек, полный запаха конского пота, аромата кожаной упряжи, разговоров о ставках, заездах, сведений о промерах лошади, о профессиональных качествах жокеев и о ставках, которые делают букмекеры. Сидя на трибуне, Джон чувствовал знакомое опьянение, когда «его» лошадь стремительно неслась к финишу. Весь мир заволакивался багровой пеленой, скрывавшей все, кроме беговой дорожки с силуэтами лошади и всадника, скорчившегося на хребте. Кровь толчками билась в висках, и наслаждение, получаемое во время бегов, наслаждение более сильное, чем от алкоголя, наркотика или даже любви, заставляло его вновь и вновь стремиться сюда.

После того как заканчивались скачки на одном ипподроме, Джон и Пикси садились в машину или самолет и мчались на другой, где должны были состояться очередные заезды.

Почти год они прожили в таком сумасшедшем темпе, существуя довольно безбедно, хотя и хлопотно. Утомительно было поспевать за напряженным графиком конных соревнований; перелеты и переезды из города в город отнимали очень много сил, а для того, чтобы на скачках сколотить основательное состояние, нужно было иметь большой начальный капитал.

Уиллику хотелось заработать сразу много денег, чтобы остановиться и немного отдохнуть. Он опять стал играть по-крупному, хотя неоднократно давал себе зарок не ставить на кон большие суммы. Несколько раз ему везло, и он решил, что удача вновь у него в кармане. Однако потаскушка удача быстро сменила милость на гнев.

Вскоре Джон стал проигрывать больше, чем выигрывать, и для парочки опять наступили черные дни.

Деньги кончились. Им не на что было перебраться в Алис-Спрингс, где должны были состояться ежегодные верблужьи бега и родео.

— Мне нужны деньги. — Джон метался, точно запертый в клетке лев. — Черт побери, мне опять нужны деньги!

Пикси была весела и беззаботна, она не сомневалась, что они что-нибудь придумают.

Вечером они опять провернули трюк с сигаретами. Девушка на этот раз дрожала как осиновый лист, боясь провала, но делать было нечего, денег действительно неоткуда было взять. И хотя Пикси с бегающими глазами выглядела, как минимум, подозрительно, на этот раз им повезло, и они заработали на автобусные билеты.

Ночь они провели в скрюченном положении в дребезжащем неудобном автобусе, но успели на бега как раз к первому заезду.

Там Джон встретил своих приятелей и продал им свои шикарные часы, чтобы получить деньги на игру.

Он был почти без сознания, когда видел, как его лошадь летела к финишу размашистым галопом, побеждая всех остальных.

Он был почти без сознания, увидев на экране системы тотализатора, что она победила в заезде.

И тем более он почти потерял сознание, когда, придя в кассу за выигрышем, услышал, что результаты заезда отменили, поскольку стало известно, что лошади перед заездом вкололи изрядную дозу допинга...

Проблема безденежья опять встала перед ними точно грозный призрак, преследующий их с маниакальным упорством — из города в город, с ипподрома на ипподром, из мотеля в мотель...

Джон начал сдавать, он чувствовал себя опустошенным вечной борьбой, из которой, очевидно, ему не суждено выйти победителем.

— Надо возвращаться, Пикси, — произнес он. — Мы проиграли.

Пикси сидела на постели, зажав ладошки коленями и уныло опустив плечи. Она устала от жары, от безрезультатного дня, проведенного на ипподроме. Она устала от всего.

— Надо возвращаться в Сидней, Жаклин, — повторил Джон. Он очень редко, только в самых решительных случаях называл свою подругу ее настоящим именем.

— Я не вернусь туда, — мотнула головой девушка. — Я не хочу.

— Но мы не можем больше вести такую жизнь. .

— Почему?

— Потому что у нас нет денег.

Она помолчала и нерешительно заметила:

— Может быть, нам действительно стоит найти работу? Как всем обыкновенным людям.

— Мы не обыкновенные люди, — вздохнул Джон. — Мы не сможем жить обычной жизнью. Тебе будет не хватать дорогих тряпок, всего, к чему ты привыкла. А я не смогу без скачек и риска.

— Но ведь все как-то живут!

— Потому что они другие. Ты первая оставишь меня, если только мы задержимся на одном месте больше чем на неделю. Тебе просто быстро все наскучит. А мне так не везет в последнее время.

— Нет, Джон, я никогда не оставлю тебя! — проговорила она, обнимая его за шею. В ее объятии не было желаний — только очищенная от плотского влечения нежность. — Я не хочу возвращаться домой. Тебе действительно не везет сейчас, но ведь это не вечно, а? Может быть, нам все же удастся раздобыть денег...

Они лежали на не слишком чистой постели в номере заштатного мотеля, словно чужие, не привыкшие к объятиям друг друга люди. Слабо мерцал экран телевизора, на котором человек в маске грозил пистолетом каким-то людям с испуганно поднятыми руками.

— Это очень просто, — заметил Джон, кивая на экран.

— Что?

— Ограбить банк. Я знал в тюрьме парней, которые занимались этим. Это почти так же просто, как трюк с сигаретами. Но намного эффективней. Можно получить сразу много денег. Или пулю в лоб.

— Нас могут убить! — испуганно поежилась девушка. Она с любопытством взглянула на экран, где расплывались темные тени.

— Конечно, дорогая, — кивнул Уиллик. — Но могут и не убить. Это займет всего несколько минут. Кроме того, — криво усмехнулся он, — я же тебе говорил, что уже отсидел три года за то, что не совершал ограбления, меня подставили. Обычно в жизни преступление предшествует наказанию. А у меня все наоборот.

— Джон, я боюсь, — нерешительно проговорила девушка.

— Не бойся, дорогая. Все, что нужно тебе сделать, — это надеть парик и ждать меня в автомобиле. С остальным я справлюсь сам. Не бойся. — Он нежно прижался губами к ее лбу. — У нас получится...

— Хорошо, — прошептала Пикси, обнимая его. — Я тебе верю.

Утром после душной бессонной ночи в отеле, где не работал кондиционер и слышно было даже, как жилец в соседней комнате выпускал газы, сидя в ватерклозете, они стали собираться на дело. Уиллик, глядя, как полусонная Пикси натягивает на себя шорты, проговорил, задыхаясь от нежной жалости к этой женщине, которая верно следует за ним по жизненному пути, не требуя ничего взамен, кроме малой толики любви:

— Тебе все же лучше вернуться домой, Жаклин.

Она подняла на него свои медовые глаза:

— Я ничего не боюсь с тобой. Я все сделаю как надо...

Отделение Национального австралийского банка в тихом пригороде оказалось идеальным местом для ограбления. Рядом узкая тропинка вдоль забора вела на параллельную улицу, где в автомобиле сидела Пикси в огненно-рыжем парике и темных очках.

Зеркальная вращающаяся дверь банка отразила крепкого мужчину с каштановыми волосами, с бородой и в темных очках. Он вошел в офис и огляделся, сунув руку в карман.

Справа — четверо посетителей около стеклянного окна, один возле столика, заполняет бумаги. Слева — еще двое.

Уиллик быстрым шагом прошел через помещение и распылил краску из баллончика на фиолетовый глаз камеры наблюдения.

Посетители онемели от изумления.

Черный ствол пистолета, нервно подрагивая в руке, уставился прямо на кассира. Руки мужчины плавно поползли вверх.

— Мне нужны деньги. — Голос его прозвучал негромко и уверенно-профессионально. — Делайте все, как я скажу.

Застывшие от ужаса глаза людей следили за беспокойным стволом пистолета, дергавшимся из стороны в сторону.

Плотняный мешок лег на стойку, и кассир, молодой юноша обычного банковского вида, принялся наполнять его пачками денег.

— Быстрее!

Сзади раздался звук шаркающих шагов.

Дрожа от напряжения, Джон оглянулся. Невысокая старушка, неторопливо переступая отеками венозными ногами, направлялась к выходу.

— Всем стоять! — Ствол пистолета нервно дернулся в сторону.

Старуха поджала губы:

— Я никого не жду!

Зеркальная дверь с лязгом захлопнулась за ней.

Джон почувствовал, что не может выстрелить в нее.

«Все пропало, — думал он. — Сейчас она выскочит на улицу и закричит «Полиция!»».

Он переводил взгляд с одного лица на другое, а потом на дрожащие руки кассира. Бежать! Немедленно бежать! Надо уносить ноги, пока сюда не ворвались тяжело вооруженные офицеры из спецотряда полиции.

Джон рванул мешок из рук кассира и выбежал на улицу.

Там все было спокойно — пятна солнечного света на траве, яркая зелень, едва колеблемая ветром, тихие сонные дома.

Несколько секунд стремительного спринта — и вскоре машина уносила его прочь от места ограбления.

— Боже, Джон, я так волновалась! — закричала Пикси, давя на газ. — Тебя не было минуту и сорок секунд! Ужас! Я чуть с ума не сошла!

— Гони, гони, дорогая. — В открытое окно улетел парик, затем туда же последовали борода и очки.

Мимо со скоростью восемьдесят миль в час неслись аккуратные домики пригорода.

Джон заглянул в мешок. Неужели там действительно деньги? В мешке лежали пачки купюр.

— У нас все получилось! — ликуя, закричал он и сгреб рукой несколько пачек.

— Здорово! — Пикси прыгала от восторга за рулем. — Я так счастлива!

— И я тоже!

Она остановила машину на обочине и бросилась Джону на шею. Их губы соединились в поцелуе, чью сладость усиливала и недавняя опасность, и радость победы, и уверенность в том, что теперь-то уж удача на их стороне.

Потом они уехали в Брисбен, где было так много казино и вечерних клубов, в которых велась крупная игра, что в нем можно было бы жить вечно. У них опять были деньги и полная свобода. Деньги текли рекой. Джон и Жаклин буквально сходили с ума от вседозволенности. Их пьянило сознание удачи и ощущение свободы. Потом были Дарвин, Лонгрич, Уорвик, Бердсвилл, потом Аделаида. И в каждом городе их ждали скачки и бега. И в каждом городе они оставляли небольшую сумму из тех двадцати тысяч, что достались им после первого ограбления.

Джону везло на скачках, как никогда. Он выигрывал все больше и больше, пока азарт, от которого он на-

прочь терял голову, не заставил его все время укрупнять ставки.

А потом деньги опять почему-то кончились...

— Ничего страшного, Джон, — сказала Пикси, целуя его. — Мы опять добудем денег!

И во второй раз им все сошло с рук, но уже не так удачно.

Пикси битый час сидела в машине, грызя от волнения ногти, и вдруг услышала отдаленные хлопки, как будто невдалеке кто-то взрывал елочные хлопушки. Внезапно из-за угла вылетела долговязая фигура в развевающемся по ветру парике, в которой она сразу же узнала Джона. Фигура огромными прыжками неслась к машине, за ней виднелись мундиры бегущих вдогонку полицейских.

Чувство опасности подхлестнуло нервы. Пикси нажала на газ. Ей не нужно было объяснять, что все это значило.

— Быстрее! — Задыхаясь, Джон упал на переднее сиденье, прижимая к себе полотняный мешок со штампом банка.

Машина взвизгнула покрышками. Какая-то старуха, переходившая улицу по тротуару, оказалась на пути автомобиля. Пикси запомнила ее седые, чуть волнистые волосы, отливающие голубизной, открытый в крике рот с коронками, желтую сумочку в руках. Машина вильнула и, бешено сигналив на перекрестке, пронеслась на красный свет. Сзади слышались беспорядочные хлопки полицейских «чезетт».

Им удалось довольно быстро выбраться из Сити, они решили пробираться в портовый район, где легко затеряться среди бесконечных складов и доков.

— Все нормально, крошка, нам удалось уйти, — произнес Джон, снимая парик.

В это время сзади слышались звуки полицейской сирены... А потом путь им преградила другая машина с маячком, из которой, точно горох из разорванного пакета, посыпались копы...

Тогда Пикси рывком вывернула руль, съехала на газон и помчалась не разбирая дороги...

Они бросили машину в зарослях тамаринда.

— Если что, ты меня не знаешь, никогда не видела, — сказал Джон и сунул ей в руку горсть смятых купюр. — Если все будет нормально, встретимся в мотеле «Горячее сердце» вечером. Я люблю тебя, детка.

Некогда было выяснять отношения, и Пикси побежала прочь от дороги, пригибаясь в кустах. Потом, теряя силы, она споткнулась и упала. Деньги рассыпались, и девушка, растирая по лицу горячие слезы страха и отчаяния, повалилась на траву. Заросли надежно скрывали ее от любопытных взглядов.

— Что я буду делать без тебя, Джон? — шептала она, слизывая соленую влагу с губ.

Вечером они встретились в отеле для влюбленных «Горячее сердце». Джон сидел на постели и пересчитывал деньги. Пистолет лежал рядом с ним.

Пикси, рыдая, упала в его объятия.

— Я думала, тебя схватили, — прошептала она, обнимая его, как обнимают последнего дорогого человека на земле. — Я боялась, что никогда тебя не увижу...

— Ну что ты, глупышка! — Уиллик радостно расхохотался. — Все прошло отлично! Мы ускользнули у них из-под носа! Ты посмотри на это!

Ликуя, он поднял горсть бумажек и бросил их в воздух.

Но лицо девушки продолжало оставаться печальным. Она без сил опустилась на пол, умоляюще глядя на него.

— Я больше не могу так, Джон...

— Что такое, родная?

— Я не могу так жить. — Ее глаза, потемневшие от слез, смотрели на него с болью. — Я такое пережила сегодня! Когда ждала тебя в машине и потом, когда ты бросил меня в парке... Я думала, что умру...

— Но, девочка моя, уже все позади! Ты испугалась, но все кончилось хорошо! Мы опять вместе! Сейчас мы уедем подальше отсюда.

— Но я не хочу больше так жить, Джон, — устало повторила она. — В последние несколько месяцев мы

были как ненормальные. Швыряли деньги пачками, как миллионеры. А потом сидели без копейки. Я больше не хочу так. Давай остановимся. Снимем дом, найдем работу.

— Что ты говоришь! — Джон взвился. — У нас на хвосте полиция, нужно драпать в другой город, а ты говоришь, давай найдем работу. Одевайся, мы уезжаем.

— Я не поеду, Джон. — У девушки не было сил; даже чтобы отрицательно покачать головой. — Я не хочу больше грабить банки. Потому что меня могут убить. И тебя тоже.

Джон опустился перед ней на колени и, обняв ее, прижал ее мокрую от дождя голову к груди.

— Бедная моя маленькая фея... Ты, видно, здорово напугалась сегодня... Ну хорошо, я обещаю тебе, что это было в последний раз. Ты посмотри, какая у нас куча денег!

— Правда, Джон? — Ее лицо осветилось надеждой. — Мы уедем куда-нибудь в другой город, там снимем дом, найдем работу...

— Конечно, дорогая. — Уиллик с нетерпением взглянул на часы. — Только сначала нужно уехать.

— И мы будем, наконец, счастливы? — спросила она в последней надежде.

— Конечно!

Она обняла его и безмолвно прижалась к нему лицом...

Они уехали в Мельбурн на туристическом автобусе, упаковав деньги в обыкновенный чемодан. Там оказалось пять тысяч. Негусто, но при желании их могло хватить надолго.

Казалось, Джон действительно решил начать новую жизнь. Недавнее приключение, когда они находились на грани провала, слегка остудило его бесшабашность и заставило задуматься. Им чудом удалось уйти от полиции, в другой раз могло и не повезти.

Они сняли дом в пригороде и зажили в нем тихо и спокойно, точно старые супруги, для которых безумства молодости уже давно позади. Пока не кончились день-

ги, Джон решил организовать бизнес, который поддерживал бы их в трудные дни. Он покупал на фирме шоколад крупными партиями и распределял их по отелям, выплачивая портье небольшие комиссионные. Постояльцам было все равно, какая сумма стоит в счете — пятьдесят долларов или на два больше, и при этом им вместе с чашкой утреннего кофе подавали шоколад. Бизнес был небольшой, но очень выгодный.

Уиллик хорошо справлялся со своими обязанностями, а Пикси помогала ему. Частенько она сама разносила шоколад по отелям, когда Джону было некогда. Тихая и спокойная жизнь катилась размеренно и неторопливо, точно огромное колесо. Они уже даже начали подумывать о ребенке, когда внезапно случилось непоправимое...

Накануне Джон позвонил бывшей жене и с самоуверенностью гордого своими успехами человека поведал ей:

— Я наконец-то осел на новом месте, Глория. Препускаю. У меня свой бизнес. А ты как? Как дети?

— Дети любят тебя, дорогой, — ответила Глория, и в голосе ее слышалась какая-то щемящая нота. — Ты все еще с ней? — Она имела в виду Пикси.

— Да, — ответил Джон. — И сейчас мы думаем о наследнике престола. У нас все замечательно. Я даже хожу в библиотеку. Купил машину, она почти неподержанная. Конечно, мы не шикуют, но денег хватает.

— Я так рада за тебя, Джон, — ответила Глория. По голосу мужа ей стало ясно, что на сей раз он не врет.

А еще через день Пикси арестовали по подозрению в краже денег в отеле. И счастливая жизнь внезапно оборвалась.

Глава 5

Ей дали полгода отсидки — и это было еще по-божески. Чтобы упечь ее в тюрьму, для правосудия имелись большие основания: ведь она уже воровала сигареты и грабила банки.

— Пикси, любимая, зачем ты взяла эти чертовы деньги? — спросил ее Джон после суда.

— Не знаю. — Пикси растерянно пожала плечами. — Они лежали на стойке администратора. Я просто перегнулась и взяла их. Я не думала о том, что делаю. Мне казалось, что в этом нет ничего такого...

— Ты сошла с ума, детка! А теперь сойду с ума я, ведь я не могу без тебя. — Джон не находил себе места от тревоги, он чувствовал себя так, как будто от его тела отрезали самую главную и самую нужную часть организма. — Как я теперь вытащу тебя отсюда? Надо организовать побег. Поверь мне, это не слишком сложно. Я знаю наизусть всю эту систему. Слушай меня, во время перевозки ты должна...

— Ты действительно с ума сошел, ведь всего шесть месяцев! — сердито воскликнула Пикси. — Мы не успеем даже оглянуться, как они пролетят. Я не хочу ничего предпринимать!

Но эти шесть месяцев тянулись дольше, чем шесть лет. Дела Джона шли все хуже и хуже. Чтобы развеяться, он постоянно торчал на ипподроме. Он мечтал выиграть большую сумму, чтобы при встрече оглушить свою любимую роскошью, от которой она уже давно отвыкла.

Но ему хронически не везло. Удача, бывшая долгое время ему родной матерью, теперь обернулась мачехой. Суммы, которые он выигрывал, казались жалкими подачками и только дразнили его самолюбие. Он вспоминал, как в свои лучшие дни за сутки спускал тысяч десять долларов, ставя их на какую-нибудь вороную кобылу с сомнительной родословной.

Он представлял себе, как Пикси, усталая и измученная, вернется в его объятия. Чем же он встретит ее? Все, что он может предложить, — это дешевое кафе на набережной в качестве развлечения, поездка в национальный парк вместо фешенебельного ресторана и дорогих шмоток, которыми он некогда баловал ее. А ведь бедной девочке после полугода тюрьмы так нужен праздник!

Близился день освобождения Жаклин. Нужно было торопиться. Пикси должны были выпустить около двенадцати, и он обещал ждать ее в машине возле ворот.

Рано утром он сел в свой автомобиль и отправился в тихий, спокойный район, где самым большим происшествием считалась кража велосипеда с участка возле дома. Джон надеялся, что еще никому не приходило в голову ограбить банк в таком богатом и благополучном районе.

Машину с заведенным двигателем он оставил на парковке, чтобы быстрее удрать с награбленными деньгами. Ему следовало торопиться. До двенадцати еще два с половиной часа, а ему предстоит дорога через весь город с его нескончаемыми пробками.

Парик сидел на нем криво и ненатурально. В спешке он забыл залепить грязью номер машины, хотя собирался сделать это накануне...

Он не видел, как женщина в выезжающем со стоянки дорогом автомобиле удивленно покосилась в его сторону. Ее смутила его небрежная прическа, оттопыренный оружием карман и незаглушенный мотор...

Все прошло как обычно — чисто, без шума. Минута сорок секунд. Ровно столько, сколько требуется, чтобы доверху набить мешок пачками денег. Работники банка были согласны на все. Они даже не пытались нажать тревожную кнопку...

Через час с небольшим Джон уже обнимал свою возлюбленную. Он был счастлив, что они вновь вместе.

Девушка выглядела бледной и вялой. И какой-то подавленной. Или равнодушной?

— Как ты смотришь на ужин в «Шератоне»? — спросил Уиллик, чтобы ее обрадовать.

Она подозрительно уставилась на него:

— Откуда у тебя деньги?

В ее голосе послышались металлические нотки, напомнившие ему о Глории.

— У меня неплохо шли дела с торговлей шоколадом, удалось скопить кое-какой капиталец, — легко соврал он.

Они сняли шикарный номер для новобрачных, весь украшенный цветами и эротическими картинками. Они поужинали в ресторане, заказав омаров с авокадо и креветками и жареных морских гребешков, и вечером, когда Пикси мылась в душе, а ожидавший ее Джон нетерпеливо щелкал пультом телевизора, в вечерней тишине прозвучало точно гром среди ясного неба:

— Передаем приметы преступника, совершившего дерзкое ограбление банка в Боурале. Высокий мужчина со светлой кожей на автомашине... марка... номер... Полиции удалось установить, что автомобиль принадлежит некоему Джону Уиллику, который сейчас разыскивается для дачи свидетельских показаний. Возможно, преступник воспользовался автомобилем Уиллика для совершения налета... Однако следует добавить, что Джон Уиллик в прошлом уже был осужден за аналогичное преступление и был досрочно освобожден лишь благодаря усилиям адвоката...

Скрипнула дверь. Джон оглянулся и увидел Жаклин, застывшую в дверях ванной. Ее глаза пристально смотрели на экран телевизора.

— Ты обманул меня, Джон, — тихо прошептала она, бессильно прислонившись к косяку. — Ты обманул меня.

Она стала медленно, точно очень устала, одеваться. Джон бросился к ней.

— Пикси, дорогая! Но это ничего не значит... Мы с тобой уедем в другой город... Нас никто не найдет! У меня есть деньги, у меня есть ты — нам ничто не страшно. Клянусь тебе, это вышло случайно. Это в последний раз, обещаю тебе!

Он не понимал в чем дело, ведь такая ситуация, когда за ним следила полиция, когда на каждом шагу подстерегала опасность, ему была привычна и даже нравилась. Его возбуждала необходимость бежать и прятаться, она придавала жизни пряный чарующий привкус. А теперь, когда рядом с ним его маленькая фея, его не пугали даже сотни вооруженных полицейских!

— Ты обманул меня, Джон, — устало повторила Пикси, натягивая светлый плащ — на улице шел проливной дождь. Потёки ливня на оконном стекле расплывались туманными пятнами. — Ты обманул меня...

И она ушла. Ей не хотелось больше скрываться, лгать, изворачиваться, бояться полицейских. Ей все это надоело. Ей хотелось обычной жизни обыкновенных людей, тех, которые целый день трудятся в офисе или в мастерской и возвращаются домой, чтобы вкусить заслуженный отдых. Просто маленькая фея выросла и стала взрослой. Ей больше не нужны были сказка богатой жизни и фантастические приключения. И она перестала быть феей.

А через несколько дней в придорожном кафе полиция арестовала Джона, когда он, скрываясь от преследования, пробиравшись на арендованном автомобиле на север страны.

На каждой придорожной заправке, в каждом хостеле, в каждом баре висели его фотографии. Каждый полицейский мечтал о нем как о своей законной добыче — следовательно, он никак не мог ускользнуть. И удача здесь была ни при чем.

Просто его навсегда оставила маленькая волшебница Пикси...

Его вновь уперли за решетку. Но это казалось ерундой по сравнению с тем, что Пикси больше не было рядом с ним.

Еще во время следствия дежурный офицер вызвал его, сказав, что жена просит свидания с ним. Джон очутился на седьмом небе от счастья. «Она пришла, она меня все еще любит, — твердил он себе. — Еще бы! То, что было между нами, не забывается!»

Он быстро побрился, плеснул на себя туалетной воды и, мгновенно сбросив с плеч груз печалей, тревог и равнодушия к собственному будущему, стал прежним Джоном Уилликом: веселым, находчивым, острым на язык рубахой-парнем, который даже в сорок с лишком лет

порой казался моложе двадцатилетних. Даже Жаклин казалась старше и мудрее его...

Через несколько минут, подтянутый и веселый, он входил в комнату для свиданий. Через плексигласовую пуленепробиваемую перегородку он различил смутный женский силуэт. Сердце его прыгнуло и опустилось вниз — это была не Пикси.

Это была Глория.

Ее сдержанная улыбка подействовала на него точно холодный душ в разгар летнего жаркого дня.

— Здравствуй, дорогой, — произнесла она в переговорное устройство, а потом приложила два пальца к губам и прижала их к прозрачной перегородке между ними, передавая поцелуй.

— Зачем ты приехала, Глория? — спросил Джон, и в голосе его звучала тоска. Впрочем, он был рад ее видеть. Все-таки она его жена, и он любил ее по-своему.

— Дети волнуются, как ты, — туманно поведала Глория. — И я волнуюсь. Приехала сказать, что у нас все хорошо и мы будем тебя ждать.

— Мне светит десять лет, — мрачно заметил Джон.

— Это не важно. Все-таки ты мой муж, и я люблю тебя. И дети тоже любят тебя. А все остальное — не важно.

— Ты необыкновенная женщина, Глория!

Она кивнула и продолжала:

— Если ты будешь себя хорошо вести, тебя отпустят раньше. Не важно когда, ты знаешь. Тебе лишь нужно стараться ничего не нарушать.

Невольно на глаза Джона навернулись слезы. Бесплезно было их скрывать. Он открыто плакал, он сокрушался о том, что в долгой и бестолковой жизни ему однажды повезло, и он встретил женщину, которой дорог, несмотря на все свои недостатки, несмотря на тягу к приключениям и нелюбовь к оседлой, размеренной жизни. (А может быть, именно благодаря этому!) В иных условиях они стали бы отличной парой. Они были бы прекрасными супругами — если бы он не встретил Пикси. Если бы она не постучалась в их дом тем про-

хладным зимним утром в Сиднее. Если бы он не любил ее. Если бы он мог не любить ее...

Джон поднял руку и приставил ладонь к стеклу — Глория сделала то же самое. Их руки встретились, между ними была только прозрачная преграда — даже сквозь нее ладони чувствовали живое человеческое тепло.

— Я обещаю тебе, Глория, все будет так, как ты хочешь, — произнес Джон, сглатывая невольные слезы. — Я тебя люблю...

— Я тоже люблю тебя, Джон, — тихо произнесла Глория.

Они немного помолчали, борясь с волнением.

Потом Глория добавила спокойно, переходя к домашним делам:

— Ты знаешь, наш Патрик первый по словесности в классе. Учитель его очень хвалит.

— Он пошел в меня, — улыбнулся Джон. — Ты же знаешь мое пристрастие к словесности.

— Да, дорогой... А Кетлин так выросла! Ты ее, наверное, не узнаешь. Стала красавицей. Ведь ей скоро десять.

— Принеси мне их фотографии.

— Хорошо... И вот еще что... — Глория замялась, выдерживая выразительную паузу. — Я видела Пикси... Она заходила ко мне, когда вернулась в Сидней... Она такая прелесть! Совсем расцвела, стала прекрасной молодой женщиной... Ты знаешь, она вернулась к родителям, каждое воскресенье я вижу, как она направляется с ними в церковь. И представь, Джон, она сказала мне, что выходит замуж...

— За кого? — произнес Джон чужим равнодушным голосом. Все сгорело, все умерло у него в груди. Малышка фея улетела на небеса с прекрасным эльфом...

— За Уолтера Кьюзека, конечно. Свадьба назначена через четыре недели. Я тоже приглашена...

— Передай, что я искренне желаю ей счастья, — произнес он.

В молельном доме мормонской общины в тихом пригороде Сиднея было необыкновенно многолюдно — здесь готовились к венчанию.

Президент общины, пожилой мужчина, затянутый в строгий черный костюм с белой рубашкой, заметно волновался. Еще бы, такое стечение народа бывает нечасто. Президент Хайес даже не припомнит, когда в последний раз в его храме собиралось больше тридцати прихожан, а сегодня их было гораздо больше. Значительно больше!

Отец Хайес волновался особенно сильно, потому что сегодня была свадьба его единственной дочери Жаклин, его непутевого дитятка, его бедовой девчонки, которая три года скиталась по всей стране, пока не вернулась в родительское лоно. Вернулась, чтобы через несколько дней уйти из него теперь уже навсегда — в другую семью.

Отец Хайес выразительно всхлипнул и попытался интенсивным морганием изгнать нечаянную слезу. И это ему удалось.

Что ж, в истории человечества библейская история о блудном сыне повторялась бесчисленное количество раз в самых невероятных вариациях. И сегодня она вновь закончилась вполне благополучно. А сетования по поводу ухода дочери в другую семью — пустое. Ведь у «Святых последнего дня» лишь одна семья, семья верующих. А значит, дочь останется с ними навеки...

Президент Хайес с удовольствием подумал о том, что Уолтер Кьюзек — отличный жених для его Жаклин. Несмотря на юные годы, он уже состоит в числе двенадцати советников президента, то есть в числе двенадцати апостолов, — это огромная честь для такого молодого человека! Община верующих Уолтера уважает, а значит, вскоре у Хайеса, президента общины, появится отличный преемник на его посту.

— Славим Господа, славим любовью своей, — запел дружный хор прихожан, разминаясь перед торжественной церемонией.

Аллилуйя! Аллилуйя!
Любим Господа, целуя!
Любим Бога больше жизни,
Нам без Бога нет Отчизны!
Аллилу-й-я!
Только Бог и я!

Песня звучала торжественно, отдаваясь многократным эхом в огромной полупустой комнате под сводами.

Автором гимна был сам брачующийся, и это придавало церемонии особый смысл.

На скамьях возле самого прохода сидели родственники новобрачных — родители жениха, пожилая пара, одетая с безвкусной роскошью не привыкших к качественной одежде людей; многочисленные двоюродные тетки, кузины и внучатые племянники, которые воспринимали все происходящее как редкое шоу, которое не увидишь по телевидению.

Миссис Хайес, мать невесты, то и дело прижимала к глазам крошечный белый платок. Губы ее непрестанно шевелились — она благодарила Всевышнего за то, что Он наставил ее дитя на путь истинный...

Далее по проходу сидели многочисленные знакомые молодых, соседи и просто любопытные.

— Кетлин, не вертись на скамейке! Патрик, прекрати ковырять в носу, ты уже большой мальчик! — шептала Глория, одетая по поводу праздничной церемонии в изящный костюм с крошечной вуалеткой, бросавшей на глаза интригующую тень. Ее вспотевшие ладони сжимали аккуратный букетик цветов.

Наконец в проходе появились новобрачные.

Жених, долговязый рыжеватый парень со следами юношеских прыщей на лице и длинной печальной физиономией профессионального святоши, был закован в черные доспехи костюма. Он старался казаться старше и солиднее, чем на самом деле. Невеста выглядела обворожительно в своем кремовом платье, которое так шло к ее медовым глазам со сладкой поволокой, каскаду пышных волос, разбежавшихся по плечам. Ее округлившиеся формы, подчеркиваемые изящным платьем

ем, при движении сладко перекатывались под тканью и волновали глаза зрителей-мужчин, сидящих в партере.

— Как солнце всходит над землей, так благодать Господня пусть вечно всходит над тобой и присно, и сегодня... — зазвучали первые слова торжественного гимна.

Невеста и жених взялись за руки и покорно склонили головы, которые осеняла торжественно воздетая к небу длань отца Хайеса.

— И будьте вы едина плоть, идя по жизни вместе, пусть осеняет вас Господь и чад пошлет невесте...

Невеста чуть заметно улыбалась, пунцовые губы сладострастно приоткрыли белую полосу прохладных ровных зубов. Ее лицо выглядело мечтательно-отсутствующим, в то время как жених был так серьезен и торжествен, точно ему выпало быть участником собственных похорон, а не свадьбы.

— Когда творите вы любовь — то вы творите Бога, и в вас течет едина кровь, когда творите вы любовь, тогда вы предстаете вновь у горнего порога...

Праздничные звуки смолкли, и зрители обрадованно захлопали. Жених неторопливо повернулся к своей невесте и с торжественной холодностью прижал свои тонкие губы к ее горячим, чуть припухшим губам.

— Отныне вы муж и жена! — объявил отец Хайес, смагивая слезу.

И зал взорвался рукоплесканиями. Жаклин различила в полумраке сияющее лицо миссис Уиллик и улыбающиеся лица ее детей, Патрика и Кетлин. Детей мистера Уиллика. Детей Джона, ее любимого мужчины, который сейчас сидит в тюрьме и, наверное, думает в эту минуту о ней.

«Прощай, Джон», — еле заметно шевельнула губами Жаклин, прощаясь в эту минуту со своей прошлой жизнью, со своими бывшими привязанностями, со своей ушедшей любовью. Больше они никогда не встретятся, никогда! Больше они никогда не сольются в объятии после удачно провернутого дела, больше не будут скрываться от полиции, взвинченные чувством опасности,

больше никаких ипподромов, никаких скачек, никаких бегов, никаких казино, никаких автомобильных гонок, никакой шикарной одежды и никаких драгоценностей, купленных на ворованные деньги.

Прощай, легкомысленная Пикси, фея с медовыми глазами, сладкими душистыми волосами, разбросанными по плечам! Сегодня ты умрешь. Сегодня время умирать, эфирное существо из сказочного мира. Сегодня ты умрешь, и из твоего пепла появится благоразумная рассудительная миссис Кьюзек, прилежная прихожанка мормонской церкви, жена важного церковного функционера, мать троих длинных и печальных детей, которые произнесут имя Всевышнего раньше, чем другие слова.

И ты уже не будешь носиться на машине, чувствуя за своими плечами гул полицейских сирен. Не будешь сходить с ума от нечаянного выигрыша на скачках. Не будешь воровать сигареты в универмагах, шалея от чувства безнаказанности, смешанного с острым ощущением риска. И не сольешься в экстазе с мужчиной много старше себя на грязных простынях заштатного мотеля, в котором за стеной слышна пьяная ругань подвыпивших драйверов. Ты забудешь и рыжую пыль дорог Аутбека, и шикарные номера лучших отелей Сиднея и Золотого берега, ты вычеркнешь из своей памяти и минуты роскоши, сменяемые днями безысходного безденежья, и минуты отчаяния, когда враждебный мир дышит в затылок, обдавая ненавистью. Ты забудешь и свою преступную жизнь, и свою преступную любовь.

Прощай, Пикси! Фея умерла — да здравствует миссис Жаклин Кьюзек!

В последний день перед рождественским праздником 1990 года Надя Джамал, корреспондент самой крупной австралийской газеты «Сидней морнинг геральд», попала в гольбурнскую тюрьму. Она уже пятнадцать минут находилась в отдельной комнате для свиданий и терпеливо ждала свою жертву. Надя специализировалась

на коротких криминальных репортажах, написанных буквально по горячим следам. Теперь же она задумала большую проблемную статью для субботнего выпуска газеты, посвященную достоинствам и недостаткам пенитенциарной системы.

Основной идеей Нади было использовать систему контрастов для своей работы. Система контрастов позволит ей создать нерядовой материал, он отложится в памяти читателей своими остро поставленными вопросами и запомнится надолго. Для этого ей нужен был один положительный пример и один отрицательный. С отрицательным проблем не было, а вот с положительным... Тут пришлось побегать!

Человек, у которого она собиралась взять интервью, идеально подходил для иллюстрации пресловутого положительного аспекта, и его жизненная история призвана была внушить читателям оптимизм. (Надя Джамал не имела ни малейшего представления, что этот человек явился бы и отличной отрицательной иллюстрацией, знай она его жизненную историю чуть дальше вперед. Но Надя Джамал была обыкновенной журналисткой и абсолютно лишенной дара предвидения.)

Она слегка вздрогнула и машинально поправила волосы, когда дверь распахнулась и сержант впустил в комнату свиданий заключенного. Перед встречей журналистка слегка волновалась, опасаясь, что у нее с интервьюируемым не получится контакта, но, как только он вошел, у нее огромный камень свалился с души: у этого человека внутренняя сущность, казалось, полностью отражалась на его физиономии. Она боялась, что он окажется огромным громилой с выдающейся вперед челюстью и набыченным взглядом, а это был немолодой худощавый мужчина с яркими дружелюбными глазами и открытой улыбкой в тридцать два зуба.

— Обожаю прессу! — вместо приветствия, заметил он и тут же добавил: — Не правда ли, прекрасный день, коллега?

— Коллега? — слегка удивилась журналистка. Ему все-таки удалось застать ее врасплох.

— Да, в некотором роде... Ведь я пишу рассказы, и для журналов тоже.

— Приятная новость, мистер Уиллик, — улыбнулась женщина и уже смелее протянула ему руку. — Меня зовут Надя Джамал.

— Мисс или миссис? — Широкая улыбка и осторожное, почти нежное пожатие руки выдавали в осужденном заядлого сердцееда.

— Не имеет значения. — Надя запоздало вспомнила наставления инспектора, который советовал ей ничего не рассказывать заключенным о своей личной жизни. «Ничего личного, если не хотите потом неприятностей» — так и сказал он. — Может быть, приступим к делу? — смягчая улыбкой отказ, произнесла она. — Итак, мистер Уиллик, насколько мне удалось узнать, на вашем счету несколько ограблений и побег из тюрьмы. Меня интересует, готовы ли вы начать новую жизнь после освобождения. Собственно, об этом я и собиралась поговорить с вами...

— Сожалею, что не был предупрежден заранее о вашем приходе. Тогда бы я захватил из библиотеки несколько моих рассказов, в которых вы нашли бы ответы на свои вопросы.

— И о чем же ваши рассказы?

— О чем? — Задумавшись, он сцепил руки в замок и сжал их под подбородком. Его яркие глаза затуманились. — Разве можно сказать, о чем поет соловей, о чем шепчет океан в час отлива, о чем молчат рыбы, скользя в прохладной глубине моря... Вот об этом мои рассказы. О жизни, о любви, о свободе, о смерти и рождении нового, о вечности, которая задевает нас своим крылом, когда весна жизни сменяется осенним промозглым холодом, а старость подступает все ближе, застылая в горле мучительным комом.

— И давно вы занимаетесь литературой?

— Давно? — Чуть заметная улыбка тронула его губы. — Мне кажется, всю жизнь... Или чуть менее того. Вся моя жизнь — это ненаписанный роман неизвестного автора, который гниет на самой дальней полке нашей

тюремной библиотеки, так и не дождавшись своего читателя. Я начал писать еще в детстве. Но это были так, черновые наброски. Я не обращал внимания на свою тягу к слову, меня манила жизнь, мне хотелось все испытывать, все испытать, побывать в дальних странах, любить самых прекрасных женщин.

— И вы никогда не думали о литературной карьере?

— Моей карьерой были тюремные университеты. Еще в семнадцать лет я начал свою преступную деятельность тем, что украл перстень у своего приемного отца и подарил его своей беременной подружке. А потом ограбил магазин, чтобы заработать себе на еду, — никто не хотел брать на работу безусого мальчишку. А потом уже все пошло по накатанной линии: преступления, вольная жизнь, новые преступления. Мне было не до литературы.

— И когда вы осознали свое предназначение?

— Примерно год назад, когда меня взяли после ограбления банка. Все мои жизненные неудачи так неожиданно сошлись в одной точке. Возлюбленная предала меня, поняв, что спокойная жизнь рядом со мной ей не светит, потом мне попала одна книжка в библиотеке — я не помню, как она называется, что-то про то, как люди, которые занимаются литературой, переносят все свои заботы на бумагу. Если человек пишет про любовь, то это заменяет ему настоящее чувство. Если он убивает кого-то в своем романе, то это заменяет ему убийство в реальности. Я вспомнил, что в школе у меня всегда были отличные оценки по словесности, и решил попробовать. Может быть, думал я, мои криминальные наклонности найдут выход в словесном шедевре.

— И у вас все получилось?

— Конечно! Но не сразу. Я вспомнил мой первый опыт, еще в юношеские годы, тогда я только приехал в Сидней, и редактор «Мэн мэгэзин» пришел в восторг от моего рассказа. «Сынок, — сказал он мне, — у тебя талант, негоже зарывать его в землю. Если бы у меня была хоть шестнадцатая часть от твоих способностей, я бы стал национальной знаменитостью, похлеще Пат-

рика Уайта, Пола Венца или Невилла Шута!» Он с восторгом взял мой рассказ для своего журнала. Но насладиться своим первым успехом я не смог, потому что у меня кончились деньги, и мне пришлось, чтобы поесть, ограбить магазин. Сразу после этого меня взяли. Пришлось на долгие годы забыть о литературе.

— И вот год назад вы вновь вернулись к ней?

— Это произошло почти случайно. В нашей тюрьме издается газета для заключенных, и ее редактор предложил мне попробовать свои силы. И я решился. Я написал небольшой автобиографический рассказ, не думая о том, будет ли он иметь успех или нет. Я просто размышлял о своей жизни, о любви, о преданности. Просто излагал свои мысли на бумаге. Мой рассказ имел бешеный успех, потом его перепечатал один журнал, выплатив мне небольшой гонорар.

— И вы намерены и дальше двигаться по этому пути?

— Конечно! Ведь мне есть что рассказать людям. О, милая мисс, если бы вы знали, сколько всего я повидал на своем веку! Скольких я любил женщин, сколько денег я выиграл на скачках, сколько замечательных людей встретил в тюрьме! Я знал возвышения и падения, дни невзгод и дни ошеломляющих побед. Моя жизнь — точно пестрая длинная лента, украшенная черно-белыми фигурками людей. Я просто разматываю эту ленту дюйм за дюймом и, вспоминая всех этих людей, описываю их. Многим это кажется интересным.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Я начал писать повесть о своей жизни. Называется она «О маленькой фее и ее верном паже».

— Это сказка?

— Нет, скорее, это быль. Там будет все — любовь, ненависть, предательство, измена... И смерть. Смерть маленькой феи.

— Как интересно! Не могли бы вы, мистер Уиллик, рассказать о своей личной жизни? Это заинтересует наших читателей. Вы женаты?

— Да. Моя жена пронесла вместе со мной через долгие годы наше чувство и не позволила ему разбиться.

Это необыкновенная женщина, и я верю, что после освобождения мы вновь будем вместе. Она навещает меня в тюрьме, перепечатывает мои сочинения, общается с редакторами журналов. У нас двое детей. — Уиллик чуть заметно улыбнулся и произнес: — А хотите, мисс, я расскажу вам о своем детстве? Я родился в маленьком городке Фаерфилде, опаленном горячим дыханием Аутбека. Мой приемный отец был протестантским священником и предпочитал духовную пищу любой другой...

Надя Джамал заглянула в список вопросов, который лежал перед ней. Уже прошло больше часа, а еще ни один из них не был выяснен. Нет, разговор о детстве писателя, имевшего криминальную известность, пожалуй, был преждевременным...

— Простите, мистер Уиллик, еще несколько вопросов... Скажите, как отразилась на вашем становлении как личности пенитенциарная система Австралии? Конкретно, помогла ли вам администрация тюрьмы?

— Жизнь в тюрьме за последние тридцать лет очень изменилась, — вздохнул Уиллик. — В лучшую сторону. Здания переоборудованы по последнему слову техники, стали более комфортными. И персонал по-другому относится к заключенным. Я работал с психологом, и он помог мне избавиться от деструктивных аббераций в моем характере. Но вот что я вам скажу, мисс. — Он доверительно наклонился к ней, точно собираясь поведать нечто очень важное. — Все это не помогло бы мне ни на грош, все это бы не изменило меня ни на йоту, если бы перемены не шли вот отсюда. — Он положил руку на левую сторону груди. И добавил странную фразу: — Все было бы по-другому, если бы моя фея сейчас была жива. Совсем по-другому...

Небольшие аккуратные домики на окраине города утопали в пышной зелени акаций, платанов, эвкалиптов, кипарисов, морских сосен и пальм. Изумрудные лужайки с аккуратно подстриженной травой ровным ковром тянулись вдоль асфальтовой ленты, по которой медленно

двигалась открытая машина с загорелой моложавой женщиной за рулем. Темные очки закрывали большую часть лица, губы медленно шевелились, ведя счет:

— Сто двенадцать... Сто тринадцать «а», сто тринадцать «бис»... Сто четырнадцать! Стоп! Приехали!

Машина остановилась у края дороги и застыла на дорожке, ведущей к крыльцу, укрытому плетями пышно разросшихся бугенвиллей.

Возле дома в траве виднелись яркие детские игрушки, к ветвям высокого платана были привязаны качели. Возле них стояла молодая женщина с ребенком лет трех на руках.

— Простите, могу я видеть миссис Жаклин Кьюзек, урожденную Хайес? — сверяясь с записями на листке, осведомилась посетительница.

— А что вы хотите? — насторожилась женщина. Ее голос звучал не очень-то приветливо.

— Я Надя Джамал из «Сидней морнинг геральд», — проговорила гостя, протягивая удостоверение. — Я хотела бы поговорить с вами.

— Журналистка? — Женщина удивленно подняла брови, рассматривая фотографию на удостоверении. — Но мне нечего сказать журналистам.

— Вы были знакомы с мистером Джоном Уилликом? Я хотела бы поговорить о нем.

Миссис Кьюзек нахмурилась.

— Я не видела его несколько лет. Мне нечего сказать вам.

— А вы знаете, что он пишет книгу о вас?

— Книгу? Обо мне? — Женщина с ребенком заколебалась. — Нет, не знаю. Ума не приложу, что он там наплетет...

Она тревожно оглянулась по сторонам и неожиданно произнесла:

— Хорошо, проходите в дом... Я только положу дочку спать и скоро буду свободна.

Через несколько минут они сидели в уютном холле друг против друга, и журналистка видела, как миссис Кьюзек в волнении комкает край своего платья.

— Что с ним, как он? — Хозяйка дома первой нарушила молчание.

— Он еще в тюрьме, отбывает наказание.

— Слава богу! — неожиданно вырвалось у Жаклин. Она тут же смутилась и пояснила свое замечание: — То есть я хочу сказать, что я рада, что он жив и у него все в порядке. Я боялась, что он вновь примется за старое.

— Вы хорошо его знаете?

Жаклин замаялась. Пауза мучительно затянулась.

— Вообще-то да... Мы прожили вместе почти пять лет. С небольшими перерывами.

— Когда вы познакомились с ним, вам было семнадцать и он был на двадцать лет старше вас. Что вас сближало?

— Что? — Она пожала плечами. — Я не знаю... Я тогда была совсем юной девчонкой. Меня угнетала власть отца, и я искала любой предлог, чтобы обрести долгожданную свободу. А Джон... Он искал любой предлог, только чтобы бросить свою скучную жизнь. Он был для меня словно волшебник... Наваждение опьянило меня, вскружило голову обещаниями и позвало за собой.

— Что же он обещал вам?

— Что? Сказочную жизнь, веселую и беззаботную. Одним движением руки он мог подарить мне ночь в роскошном отеле или бриллиант цвета шампанского на день рождения. Один день мы с ним были на скачках в Бердсвилле, а другой — уже в Брисбене, спускали в казино сумасшедшие суммы, за которые моим родителям нужно было бы работать не один год. А на третий день мы сидели без гроша в какой-нибудь деревне и не знали, будет ли у нас ужин. О, это было совершенно безумное время!

Жаклин слабо улыбнулась. Ее глаза туманились воспоминаниями.

— Я читала его рассказ о вашей жизни с ним. Ведь он заставлял вас воровать? — осторожно прервала молчание журналистка.

— А что нам было делать? Мы сидели без денег и ждали, что вот-вот нас отыщут мои родители. Что нам было делать?

— Вы замечали в нем тягу к литературному творчеству? Ведь теперь он пишет книгу...

— Нет, не знаю, не думаю... И вообще, меня все это удивляет. Мне кажется, Джон не способен к долгому труду. Может быть, это временное помрачение, которое через пару дней пройдет, и он вновь станет прежним: бесшабашным, сумасшедшим парнем, пьянеющим не от виски, а от риска. Посмотрим, чем все это кончится. Я и мой муж — мы будем молиться, чтобы Господь даровал ему душевное утешение и любовь...

— Спасибо, что согласились побеседовать со мной, миссис Кьюзек, — произнесла журналистка, поднимаясь. — У вас прелестный ребенок.

Выходя из дома, Надя Джамал услышала сказанные приглушенным тоном торопливые слова:

— Только не говорите ему, где мы живем... Я не хочу, чтобы он вновь нашел меня после освобождения.

— Вы боитесь его? — Журналистка резко обернулась. Желтоватые глаза Жаклин выглядели ясными и какими-то пустыми. Она отрицательно качнула головой:

— Нет... Скорее я боюсь себя...

В газетной статье, посвященной проблеме исправительных учреждений, о Джоне Уиллике было сказано всего несколько слов.

«Заслуживают внимания мероприятия, проводимые администрацией гольбурнской тюрьмы, направленные на то, чтобы выявить в заключенных их способности к искусству и скрытые творческие возможности. При помощи квалифицированных психологов и развитой системы тестирования выявляются предпочтительные направления человеческой деятельности, к которым склонны заключенные. В тюрьме созданы все условия для развития этих способностей — библиотека, спортивный зал, мастерские.

Эта передовая система уже стала приносить свои первые ощутимые результаты. Так, например, извест-

ный грабитель банков Джон Уиллик, виновный в вооруженных ограблениях и побеге из мест заключения, при помощи администрации тюрьмы открыл в себе литературные способности. Сокамерники Уиллика были поражены, прочитав его автобиографический рассказ в тюремной газете, а несколько мужских журналов бились за право опубликовать это произведение на своих страницах.

Сейчас Джон Уиллик полностью посвятил себя литературному труду. Он пишет новую книгу, которую намеревается закончить после освобождения. Эксклюзивные права на издание этой книги уже проданы известному издательскому холдингу за круглую сумму и переведены на счет Уиллика в банк. В тот самый банк, который Джон не раз грабил во время своей криминальной деятельности...

Стоит ли говорить, что после обретения новой профессии и профессионального признания у заключенных отпадет необходимость с оружием в руках добывать себе средства на жизнь...»

Остальные сведения из жизни восходящей литературной звезды Джона Реджинальда Уиллика Надя Джамал приберегла до того времени, когда Джон станет по-настоящему знаменитым. Вот тогда за эксклюзивный материал ей заплатят настоящую цену!

Ей оставалось ждать немного, пока имя Джона Реджинальда Уиллика приобретет не только национальную, но и даже всемирную известность!

Часть пятая

«ВОЗДУШНАЯ ЛАПКО»

Глава 1

В тюрьме она часто вспоминала этот день. Он начался обычно, как и остальные дни из серой череды будней, последние пять лет тянувшихся в ненависти и одиночестве, без проблеска надежды, без намека на счастье. Сначала она не поняла, что в этот день ее судьба круто изменилась, повернувшись на сто восемьдесят градусов.

Была суббота, и они с Верой отправилась в парк Пенант-Хилл. Алексей с утра прочно засел возле компьютера и велел его не беспокоить. У Люси больше не доставало сил находиться в одной комнате с ним. Чем большее расстояние было между ними, тем легче ей становилось.

Вера бегала по берегу речки, кормила попугаев, бросала крошки хлеба белоснежным ибисам возле воды, а Люся сидела на скамейке с книжкой в руках и щурила глаза от солнечного света, проникавшего сквозь кружево деревьев. И все это: и крики играющих детей, и птичьи голоса в кроне, и слабое дыхание ветра, показывающего изнанку листьев, — все это было так прекрасно, что хотелось остановить мгновение и запомнить его, удержать, чтобы потом доставать из глубин памяти и любовно рассматривать, точно примету давно ушедшей счастливой жизни.

Люся опустила веки от внезапной усталости. Как было бы замечательно, если бы не нужно было возвращаться домой! Что ее ждет там — очередной скандал по поводу денег или холодное молчание, стеной отделяю-

щее ее от мужа? И то и другое было одинаково мучительно.

Скрипнул гравий дорожки поблизости — Люся скосила глаза. Седовласый, но еще крепкий и красивый мужчина в белом полотняном костюме и дорогих ботинках присел на другой конец скамейки, заложив ногу на ногу.

Наверное, богач, совершающий утренний моцион, вздохнула она. Такой уверенно-благородный вид бывает только у беззаботных миллионеров, имеющих огромную виллу на берегу океана, тучу прислуги и красавицу жену в платье с низким вырезом, в котором виднеется новая силиконовая грудь.

Она подняла глаза и неожиданно натолкнулась на восхищенный васильковый взгляд. И сразу же покраснела, смущенно опустив ресницы.

— Хау ду ю ду? — обратился к ней незнакомец. На загорелом лице синими пятнами выделялись глаза, окруженные лучиками морщинок, а белозубая улыбка сияла ярче полуденного солнца.

— Хау ду ю ду, — машинально ответила Люся, нечаянно улыбнувшись в ответ. И отвернулась.

Но было поздно. Между ними точно установился невидимый мостик взаимной симпатии. В конце аллеи появился конный всадник. Это был смотритель парка, объезжавший свои владения верхом.

Люся жадно взглянула на вороную кобылу, неторопливо переставлявшую ноги под седлом. Вот бы сейчас вскочить в седло и умчаться, обгоняя ветер, и чтобы воздух упруго обвевал лицо! Как давно она не ездила верхом! Это было еще в прошлой жизни, в Москве, когда она была молода, красива и верила в будущее. А теперь...

— Неплохая лошадка, — между тем заметил незнакомец. — Однажды вот такая вероломная вороная красавица похитила мою надежду на выигрыш. Но для бега она не годится — низковата.

— Да, у нее слишком широкая кость, — вынужденно согласилась Люся.

Она не очень хорошо понимала протяжную речь выходцев Средней Австралии.

— Вы тоже разбираетесь в лошадях! — радостно произнес незнакомец. Улыбка точно озарила внутренним светом его смуглое немолодое лицо и сделала его по-мальчишески юным и задорным. — Часто бываете на бегах?

Люся плохо поняла, что он имел в виду, и потому лишь беспомощно улыбнулась в ответ.

— Вы иностранка! — понял незнакомец и тут же спросил: — А из какой страны? Нет, позвольте я угадаю сам. — Он говорил медленно, чтобы ей было легче понять его. — У вас светлые волосы и восхитительные глаза цвета дымчатого топаза... Вы шведка?

Люся отрицательно помотала головой.

— Нет? Неужели немка? Но у вас нет жесткого немецкого акцента, свойственного настоящим дойчам.

— Русская. — Люся улыбнулась. Почему-то с этим человеком ей было легко.

— Русская? — На его лице отразилось изумление. — Неужели? О, и вы говорите по-русски?!

— Конечно!

— Вы счастливая!

— Почему?

— Потому что можете читать Толстого, Достоевского, Чехова на их родном языке, в подлиннике. Я об этом не могу и мечтать...

Люся грустно усмехнулась и медленно произнесла:

— Этого слишком мало для счастья...

Они замолчали. Люся отвернулась, чувствуя внимательный взгляд на своем лице.

Отделившись от толпы детей, окружавшей ленивого сонного коалу, вцепившегося в ветку дерева, Вера побежала к матери.

— Мама! Как ты считаешь, медведи питаются бананами?

— Не знаю, угости его!

Вера умчалась прочь, держа банан, точно саблю наголо.

— Это ваша дочь? — спросил незнакомец. — Какая прелестная девочка! А моя дочь выросла и забыла меня. — В его голосе звучала светлая грусть. — В моем последнем романе я попытаюсь выразить всю боль осеннего увядания...

— В вашем романе? Вы пишете книги? — удивилась Люся. Впервые в жизни на расстоянии вытянутой руки она лицезрела живого писателя, да еще и иностранного.

— Да. — С обезоруживающей улыбкой незнакомец склонил в полупоклоне свою голову. — Позвольте представиться, Джон Реджинальд Уиллик...

Его глаза внимательно следили за реакцией собеседницы. Но никакой реакции не последовало.

— Я плохо знаю австралийскую литературу, особенно современную, — смущенно промямлила Люся. Ей было стыдно. Ведь это же ее профессия! А она еще собиралась устроиться здесь на работу в библиотеку!

— Вы самая красивая женщина на свете, какую я только встречал. — Восхищенный взгляд подтверждал искренность сказанных слов.

— А меня зовут Людмила, Люся, — смущенно произнесла она.

— Люси... — точно эхо повторил он, не отводя от нее восхищенных глаз. — А я думал, всех русских женщин зовут Татьянами или Ольгами. Вы не обычная героиня.

— Не совсем, — грустно улыбнулась Люся. — Точнее, совсем не героиня...

Они болтали, точно были знакомы целую вечность. Люся понимала не все слова, часто переспрашивала и смеялась собственному непониманию — с новым знакомым было так легко! Время летело незаметно. Они болтали о книгах, о России, об Австралии, о национальных характерах, о детях, о мужчинах и женщинах, об их привычках в любви — обо всем на свете. Совсем не чувствовалось, что они люди разного воспитания, разного образования, разных культур. Им было так хорошо вместе. Люся подумала, что впервые за много дней она смеется. И это все он!

— Когда мы пойдем домой, ма? — подбежала к ней дочь. — Я хочу есть.

Бросив взгляд на часы, Люся со вздохом произнесла:

— Мне пора.

— Вы часто гуляете в этом парке? — спросил ее новый знакомый.

— Нет.

— Мы еще увидимся с вами?

— Вряд ли. Прощайте. — Она помахала ему рукой и заспешила по аллее к выходу. Ей совсем не хотелось возвращаться домой, но уже близится полдень, и, если обед вовремя не окажется на столе, будет скандал.

На автобусной остановке Люся открыла кошелек в поисках мелочи. Ей нужны были три доллара на проезд. Кошелек был пуст. Кредитной карточки Алексея в нем тоже не оказалось.

Люся побледнела. Она хорошо помнила: еще утром, перед выходом из дома, кредитка у нее точно была. Неужели она ее потеряла? О господи, что с ней теперь будет! Ах она растяпа... Муж съест ее вместо обеда!

Стоп, когда они с Верой собирались на прогулку, сумка лежала на столе возле компьютера... Люся мрачно усмехнулась. Скорее всего, это именно Алексей вытащил кредитку. Побоялся, что она потратит на десять долларов больше, чем положено...

Но что ей теперь делать? За проезд до парка она заплатила мелочью, обнаруженной в боковом кармашке сумки, а теперь... Как же она вернется домой, отсюда добрых пять километров пешком — по жаре, да еще с утомленным ребенком? Как это характерно для Алексея — сделать ей пакость, а затем с улыбкой наблюдать, как она выпутается из этого положения. Но что же делать?

Люся махнула рукой перед выезжавшим с парковки автомобилем. В нем сидела немолодая женщина с добрым отзывчивым лицом.

-- Простите, миссис. Дело в том, что я и ребенок... У нас нет денег. Вы могли бы нас подвезти?

— Нет проблем! — добросердечно улыбнулась пожилая дама — у Люси отлегло от сердца. И добавила: — Вот остановка автобуса, он доставит вас прямо туда, куда нужно.

И уехала. Следующая попытка была в автобусе.

— Простите, — обратилась Люся к водителю. — У меня нет денег, а мой ребенок устал. Вы не могли бы...

— Нет проблем, мисс! — просиял водитель. — Заплатите только два доллара, а за ребенка я с вас ничего не возьму.

«Нет проблем!» — этот национальный девиз вызвал у нее болезненный приступ отчаяния. Люся стояла на остановке и чуть не плакала.

Сверкающая лаком спортивная красная машина, нетерпеливо взрыкивая мотором, выехала с паркинга. В человеке, сидящем за рулем, Люся узнала своего нового знакомого и несмело махнула ему рукой.

Визг тормозов ударил по ушам. Плоская, приплюснутая, как блин, машина затормозила возле нее.

— Простите, мистер Уиллик, не могли бы вы подбросить нас домой? Я забыла кредитку и...

— Нет проблем! — Его лицо неожиданно просияло, как будто ему доставили огромное наслаждение. — С удовольствием!

Дверца машины распахнулась, и мягкое лоно роскошного автомобиля приняло их в свои объятия.

— Шикарно! — вздохнула Верочка. Несмотря на свои девять лет, она уже превосходно разбиралась в марках дорогих автомобилей.

Через несколько минут они подъехали к дому.

— Спасибо, мистер Уиллик, вы нас очень выручили!

Он только улыбнулся в ответ — к вискам разбежались веселые лучики.

— Услуга за услугу, Люси. Вы хотите мне помочь?

— Все, что в моих силах!

— Может быть, вы согласитесь, — он замялся, — дать мне несколько уроков. Всю жизнь я мечтал выучить русский язык. Конечно, уроки будут оплачиваться по самой высокой таксе. Деньги для меня не проблема.

Он был так приветлив, этот человек, он смотрел на нее таким восхищенным взглядом, был так внимателен, с ним было так интересно...

Люся задумалась. Ну как она может ему отказать? Кстати, немного личных денег ей совсем не помешают.

— Хорошо. — Она решительно кивнула. — Я вам позвоню...

Шикарный «паркер» с золотым пером мягко вывел номер телефона на тисненной золотом визитке.

Они почувствовали себя как два заговорщика, объединенные общей тайной. И от этого стали внезапно очень близки друг другу.

— До встречи, — одними губами шепнул знаменитый писатель Джон Уиллик.

— До встречи, — ответила одними губами бедная эмигрантка Люся Лапко.

Она вроде бы и не собиралась ему звонить.

Но их встреча, наверное, была предопределена свыше — они увиделись уже на следующий день.

— А, это ты!.. — вздрогнул Алексей, отводя смущенный взгляд от компьютера. У него был странно всклокоченный, взбудораженный вид, точно его застали за чем-то стыдным. — Ну, как погуляла?

Он быстро щелкнул мышкой, закрывая диалоговые панели, чтобы жена случайно не увидела, что написано на экране.

Но Люся лишь молча бросила сумку и прошла на кухню. Она была полна впечатлением от недавней встречи, и ей не хотелось говорить. И тем более не хотелось скандалить по поводу кредитки. Она стала возиться у плиты, поджаривая стейк.

В этот миг Алексей возник в дверях. Его рука картинно упиралась в бок, а лицо приобрело обычное насмешливое выражение, свидетельствующее о готовности к семейным дразгам.

-- Ну, как добралась домой? — Он предвкушал обвинения и жалобы за вытащенную утром кредитку.

— Нормально, — равнодушно ответила Люся. Где-то глубоко внутри нее все еще сохранялся ласковый васьковский взгляд, и от этого воспоминания становилось немного теплее на душе.

Обескураженный сдержанным ответом Алексей хмыкнул и ретировался. Зашумела вода в душе...

Люся поставила обед, брызнула в лицо холодной водой, чтобы не было так жарко, и отправилась в спальню переодеться. Мужа там не было. Таинственно мерцал экран компьютера.

Она натянула свежую футболку и шорты, сунула ноги в легкие шлепанцы. Ее задумчивый взгляд остановился на компьютере.

Джон Реджинальд Уиллик, знаменитый писатель. Она хорошо запомнила это имя. Как, интересно, оно пишется, с двумя «л» или с одним? Ах, да у нее же есть его визитка... А раз так, нужно найти в одной из поисковых систем Интернета ссылки на этого писателя. Хорошо бы узнать его биографию, может быть, удастся отыскать какие-нибудь произведения в свободном доступе — чтобы не выглядеть окончательным профаном, когда они встретятся в следующий раз...

Она под села к компьютеру, щелкнула мышкой. Раскрыла свернутые внизу десктопа панели и ошеломленно уставилась на русский текст, высветившийся на экране.

«<Alex>: Я обожаю тебя, дорогая! Твоя фотография всегда со мной, и на работе и дома. Жду не дождусь, когда ты приедешь ко мне.

<Lika>: Я тоже, милый, обожаю тебя. То, что было у нас с тобой прошлой ночью, просто необыкновенно! Кстати, я выслала тебе заполненные анкеты из посольства. Думаю, у меня будет больше шансов на быстрое рассмотрение, если ты подашь документы в самой Австралии. Переводы я не заказала, потому что здесь это очень дорого.

<Alex>: Я сам закажу переводы. Боюсь только, будут проблемы с твоей профессиональной аттестацией. :) Здесь не жалуют медсестер — своих хватает. У медсестер самый низкий проходной балл для эмиграции.

<Lika>: Но у меня есть плюс, знание компьютера. И возраст! И потом, разве это так важно, если мы в конце концов окажемся вместе. Я не могу дождаться этой минуты. Может быть, повторим наше вчерашнее упражнение? :)

<Alex>: Я — за. Ну, я начинаю. Когда я увидел твою фотографию, я был без ума от твоего красивого лица, от пушистых волос, от твоей фигуры. Ты знаешь, мне кажется, у тебя прелестная упругая грудь. Ее так приятно ласкать. Представь, как я беру ее в рот, сжимаю губами кончик, это заводит меня. Потом я глажу твои бедра, целую живот! Внутри меня все дрожит. Теперь напиши, что ты чувствуешь.

<Lika>: По телу растекается приятная истома, я чувствую щеку между ног, там становится горячо и влажно. Я хочу, чтобы ты сжал меня, обнял крепко. Я представляю, как твои губы скользят по моему телу, возбуждая меня все больше и больше.

<Alex>: Тогда я вхожу в тебя. Ты чувствуешь мою упругую плоть. Ты чувствуешь, как она проникает в тебя, как движется в тебе бурными толчками?

<Lika>: О да, да! Еще! Сильнее! Я не могу себя сдерживать!

<Alex>: Это здорово! Я тоже кончаю. О!!! :):):)

<Lika>: Это обалденно!!!! :) О!! :)

<Alex>: О!!! Давай, давай! :):):):):)

<Lika>: Ах!!! :):):):):)

<Alex>: Жалко, но прошлое сообщение от тебя запоздало, и я успел закончить первым. Плохо, что сигнал из Австралии в Россию идет с такими задержками.

<Lika>: Да, иногда это сбивает весь ритм. Когда мы, наконец, соединимся с тобой, нам будет что вспомнить. Хотя бы как мы занимались сексом в электронном виде.

<Alex>: В принципе мне это нравится. Когда передо мной лежит твоя фотография, я очень быстро завожусь. Правда, все равно приходится помогать себе руками. Но я представляю, что это твоя рука, и нет проблем.

<Lika>: Я тоже. Кстати, ты подумал о том, где я буду жить, когда приеду к тебе? Дело в том, что вряд ли у меня наберется столько денег, чтобы снять отдельное жилье. : J

<Alex>: Зачем тебе снимать? Будешь жить у нас. Дом большой.

<Lika>: А как же твоя жена? Вряд ли мое присутствие ей понравится. : J

<Alex>: За нее не волнуйся. Она меня слушается всегда и во всем, потому что висит у меня на шее как камень. Уйти ей некуда, она не работает, и денег у нее нет. Но когда мы будем жить с тобой, она нам не мешает. Она будет ухаживать за ребенком и за домом, готовить еду. Правда, одно но: все это получается у нее довольно паршиво. Кстати... Она только что пришла. Быстро-быстро заканчиваю. Целую тебя. Пока!

<Lika>: Пока! Целую тебя тоже. Кстати, не забудь мне выслать темы для экзамена «Access» в посольстве!»

На этом запись заканчивалась. Люсе не приходилось объяснить, что это такое. <Alex> — имя, используемое Алексеем для разговоров по Интернету, <Lika> — очевидно, имя его собеседницы. Знаки в виде рожиц — это «смайлики», их ставят, чтобы сделать текст более эмоциональным. А прочитанный диалог оказался записью их разговора по «ICQ». Записью их занятий сексом.

Теперь ей стало понятно то самое пыхтение, которое часто посреди ночи доносилось от бледного экрана компьютера, стоявшего в спальне, когда Люся делала вид, что спит, отвернувшись к стене... Теперь ей стало понятно, почему он больше не наваливается на нее по ночам, чтобы, чуть поерзав, вскоре удовлетворенно захрапеть с чувством выполненного супружеского долга... Теперь ей все стало ясно...

Послышались шаги в коридоре. Люся быстро свернула панели на экране и отпрянула от компьютера. Ее руки принялись бесцельно собирать разбросанные по комнате вещи.

Он вошел с волосами мокрыми от воды и влажным лицом — только что из душа. Бросил в ее сторону не-

любопытный взгляд, сел за компьютер. Нехотя щелкнул мышкой. Скосил глаза в ее сторону — Люся отвернулась, чтобы он не увидел ее потрясенное лицо.

Она не должна показать вид, что все знает. Она должна сначала все обдумать. Она должна сделать вид, что ничего не произошло. Она должна...

Но он-то каков! Нашел себе какую-то дурочку в Москве, которая на словах мечтает отдаться ему, а у самой наверняка лишь одна цель — свалить из совка. Любой ценой! Да это же невооруженным взглядом видно из их разговора. Он-то, дурачок, думает, что любая красотка падет в его объятия, стоит только такому неотразимому мужчине намекнуть, что он не прочь... Он думает, что заниматься сексом по Интернету с ним (читай — онанизмом в одиночку перед бездушной машиной) — это огромное удовольствие! Что ж, может быть... В натуральном-то виде он не сильно хорош, язвительно усмехнулась Люся.

Невольно ядовитая улыбка раздвинула ее губы. Она негромко прыснула в кулак, потом, не в силах сдерживаться, громко расхохоталась, судорожными толчками выталкивая из груди раскаты безумного смеха.

— Что с тобой? — Алексей удивленно обернулся к ней. — Смешинка в рот попала?

— Ни-че-го! — еле вымолвила Люся, давась от смеха. — Так, вспомнила кое-что...

...Он думает, что приведет свою любовницу в дом и организует гарем, где эта Лика будет любимой женой! А она, Люся, нелюбимая, надоевшая жена, станет выполнять роль бесплатной прислуги по дому и безмолвно сносить все тычки и попреки! Ну уж нет!..

Все еще давя в груди истерический смех, Люся убежала из комнаты. Ну уж нет! Не на ту попал!..

Она вбежала в ванную и закрыла дверь на защелку. Это было единственное место в доме, где она полностью принадлежала самой себе. Открыв кран с горячей водой, она распахнула шкафчик, где лежали бритвенные принадлежности Алексея. Упругие струи воды били в металлическое днище ванны, гремя, точно фанфары,

играющие скорбный плач по ее ненужной жизни. Густой пар быстро заволакивал комнату.

Встав перед зеркалом, она взяла в руку скальпель, которым муж обычно пользовался для чистки засорившейся бритвы. Скальпель был старый, ржавый, тупой — но это было не важно...

Ну хорошо, я покажу же тебе! Ты меня запомнишь на всю жизнь! Ладно, раз так! Получай же!..

Прямо в одежде Люся шагнула в душевую кабину и опустилась в воду. Струи воды залепляли ей рот, мешали дышать, с силой били в затылок. Она не плакала — вместо слез по ее лицу стекали потоки воды.

Вытянув руку, она взяла скальпель на изготовку, голубоватые вены запястья змеились под нежной белой кожей. Говорят, в теплой воде это совсем не больно...

Она замахнулась... Пусть прозрачные струи воды смешаются с ее алой кровью, ее никому не нужной кровью, лишней кровью... Она умрет, и поделом ему... Пусть отныне он всегда испытывает содрогание, когда входит в ванную комнату. Пусть в этот момент он видит ее тело, плавающее в красноватой жиже, которую подхватывают водовороты и смывают в водосток... Раз она ему не нужна... Раз она никому не нужна!

Внезапно ее обдало холодом — очевидно, в баке обогревателя закончилась горячая вода и пошла ледяная.

Все ясно, опять Алексей использовал всю горячую воду, а следующую порцию не удосужился согреть! Вечно он так! Заботится только о себе!

...Итак, о чем она думала!.. Ах да, скальпель... Она хотела... Она должна...

Но вместо того чтобы довести задуманное до конца, Люся аккуратно закрутила вентиль до упора и вышла из душа. Положила скальпель на место и закрыла шкафчик.

Потом вытерлась полотенцем, вышла из ванной и как ни в чем не бывало загремела посудой на кухне.

Потом крикнула спокойно, будничным голосом:

— Вера! Алексей! Все готово, идемте обедать, сколько вас можно звать!

Она знала, что ее жизнь еще не кончена.

А вечером в роскошной двухуровневой вилле, которую арендовал Джон Реджинальд Уиллик, раздался телефонный звонок.

Он сразу же узнал приглушенный мелодичный голос в трубке.

— Это Люся. Если вы хотите, мистер Уиллик, мы сможем приступить к занятиям хоть завтра... И еще, может быть, кто-нибудь из ваших друзей тоже хочет учить русский язык? Вы не знаете таких? Как жаль! Мне сейчас так нужна работа...

Джон Уиллик положил трубку. Его лицо выглядело радостно-растерянным. Он не надеялся на то, что эта женщина согласится встретиться с ним. Она очаровательна, эта русская...

Нет, что ни говори, в славянах есть своя прелесть! Он однажды сидел в тюрьме с одним русским. Отличный парень был, настоящий сибирский медведь! Он был знаменит на весь Гольбурн: мог перднуть так, что ветром задувало спичку.

Но эта женщина... Она чудо! Ее длинные медовые волосы, ее удивленные глаза необыкновенного желтоватого цвета — точно дымчатые топазы из Кубер-Педи. Ее милая застенчивая улыбка, тонкие руки...

Она так похожа на Пикси, на его маленькую малышку Пикси того времени, когда они скитались по стране от ипподрома к ипподрому...

Может быть, она принесет ему счастье, маленькая фея.

Да, она принесет ему счастье! Его Пикси, наконец, вернулась к нему!

Они договорились встретиться в понедельник утром. Как только машина мужа выехала со двора, Люся бросилась к платяному шкафу, чтобы подобрать приличную

одежду для такого важного дня. Ведь сегодня, как ни крути, первый день ее самостоятельной жизни, хотя об этом никто, кроме нее, не знает!

Ну что ж, она оденется подчеркнуто просто. В конце концов, у нее не любовное свидание, а урок. Ученику, правда, уже под шестьдесят, но так даже лучше.

Ей кажется, что он человек добрый и отзывчивый. И веселый. И конечно, очень образованный. А денег у него, наверное!..

Люся задумалась. Интересно, он очень богат? В Советском Союзе писательство считалось одной из самых престижных профессий, и буквально с первых шагов на этом поприще можно было безбедно прожить на одни гонорары. К услугам инженеров человеческих душ были все прелести жизни — дома отдыха, рестораны, кооперативное жилье в центре столицы плюс всеобщее почитание. Издав книжку средней тяжести, можно было приобрести автомобиль. Подборкой стихов — кормиться полгода. Однако, когда Люся с мужем уезжали из Союза, все так быстро менялось... Ей было неизвестно, что от бывшего писательского благополучия ныне оставался лишь фасад.

Итак, если уже в России писатели не бедствуют, то здесь уж тем более, думала она. Достаточно посмотреть на его роскошную спортивную машину. Да, о такой Алексей может только мечтать! Сиденья из натуральной кожи, а столько кнопочек на приборной панели, точно в кабине вертолета! (Она не знала, что писатели в Австралии, за исключением немногих звезд литературы, живут лишь за счет преподавания в университетах и колледжах, а на те деньги, что им платят, и умереть с голоду нельзя, и жить невозможно.)

Когда красное авто появилось возле ее дома, Люся была полностью готова. Она бросила в сумку тонкий томик Чехова — ей казалось, что изучение русского лучше начать с чеховских рассказов, там простой язык, несложные слова и легкое строение предложений — и выбежала на крыльцо.

— Доброе утро, моя учительница! — Ее приветствовали белозубая улыбка на загорелом лице и ласковый взгляд васильковых глаз. Ученик был искренне рад.

— Доброе утро, мистер Уиллик, — ответила она. — Прекрасная погода, не правда ли?

— На мой взгляд, жарковато. В такой день лучше лежать на берегу бассейна, а не корпеть за уроками...

Вскоре они уже мчались по скоростному шоссе по направлению к Северному пригороду.

Джон был отличным водителем — собранным, чуть рисковым. Его красный «альфа-ромео» плавно обходил машины, ползущие в попутном направлении, и на крутых поворотах у Люси тошнота подкатывала к горлу.

Вскоре автомобиль свернул с оживленной автострады на тихую дорогу, выющую по холмам, обогнул симпатичные белые домики, прилепившиеся на склонах песчаника, и притормозил у ворот роскошной виллы, чьи стены в яркой тропической зелени розовели, точно облитые закатным маревом.

Ворота автоматически разъехались в стороны, и, шурша шинами, автомобиль покатился по подъездной дороге к дому. словно кусочек лазурного неба, брошенный на землю, на лужайке перед домом голубела просторная чаша бассейна. Искусственный водопад, струясь по камням, рассеивал в воздухе водяную пыль, и радуга светилась на солнце нежными карамельными цветами. Шезлонг возле бортика бассейна приглашал понежиться в своих объятиях.

— Какая прелесть! — Люся была ошеломлена такой роскошью.

Они обогнули дом и вышли на противоположную от въезда сторону. Здесь склон горы резко обрывался, и зеленый ковер растительности устремлялся вниз, к океану, туда, где белоснежная кромка прибоя напозала на желтый, точно сливочное масло, песок. На серо-голубой ладони океана застыли силуэты судов, точно огромные белые чайки сели отдохнуть на воду.

— Конечно, здесь не очень удобно, — рассказывал Уиллик, — от Сити далековато. Но в целом...

Люся робко вступила в прохладный сумрак дома. Вот это да! Алексей не поверит, что она побывала в таком доме! Если, конечно, она ему расскажет. Но она ему не расскажет. Ни за что! Ибо рассказать ему об этом — это значит собственными ногами растоптать свою мечту, свое радостное воспоминание. И свою надежду на будущее.

— Ну что, начнем урок?

Люся вопросительно посмотрела на своего «ученика».

Мистер Уиллик в легких белых брюках и такой же рубашке возвышался возле бара.

— Может быть, хотите что-нибудь выпить? Не думаю, что стоит начинать урок прямо с зубрежки.

Они выпили по глотку белого австралийского вина из виноградников Южного Уэльса, болтая о самых невероятных пустяках. Им было так интересно и весело друг с другом.

Остаток дня они провели на берегу бассейна, спасаясь от жары под раскидистой тенью огромного баньяна.

Люся опомнилась, когда на часах было уже четыре.

— О боже, мне уже пора домой! — ошеломленно проговорила она. — А наш урок?

— Ничего страшного, Люси, — улыбнулся Джон. — Надеюсь, я способный ученик и быстро наверстаю пропущенный материал. Пожалуйста, давайте посидим еще немного, мне так хорошо с вами...

Ей тоже было хорошо с ним. Полулежа в шезлонге, она внезапно ощутила, что адское напряжение последних нескольких лет жизни внезапно отпускает ее, уходит в прошлое, точно сковывающие ее оковы внезапно распались.

Ей так не хотелось возвращаться домой!

Было уже шесть, когда красная спортивная машина остановилась неподалеку от дома на Милсонс-Пойнт и Люся как мышка незаметно юркнула в дверь.

Слава богу, Алексея и Веры еще нет! Значит, у нее есть шанс успеть с ужином до их приезда.

Но вместо того чтобы броситься к плите, Люся застыла у окна, прижав ладони к полыхающим щекам и глядя остановившимся взглядом внутрь себя. Перед ней, как в калейдоскопе, сверкая, пронесся весь сегодняшний день. Вновь и вновь в памяти вставали ласковые синие глаза, звучал умоляющий голос:

— Люси, останьтесь... Хотите, мы спустимся на пляж к океану?

— Не могу, Джон. Меня ждет дома муж...

Ее лицо заметно погрузтело. Он взял ее руку в свою и чуть сжал бескровные пальцы.

— Вас что-то гнетет?

— Нет, ничего, Джон. Все хорошо. У меня замечательный муж, прекрасная дочь. Все отлично!

Но ее глаза твердили обратное. И она знала, что он это видит...

Вздохнув, Люся отняла ладони от зардевшихся щек и поплелась на кухню. А вечером, раскрыв сумочку, чтобы достать таблетку от головной боли, она обнаружила в ней купюру с портретом одного из австралийских национальных героев. Это была его плата за урок.

Люсе стало стыдно. Как ни хорохорилась она, показывая Джону, что у нее все замечательно, но его все понимающий взгляд не нуждался в объяснениях. Он сразу понял, что к чему, сразу все разложил по полочкам. Еще бы! Ведь он писатель, инженер человеческих душ... Он все понимает, но не показывает виду, чтобы ненароком не обидеть ее.

У Люси мгновенно потеплело на душе. Она с нежностью подумала о своем новом знакомом. Впервые за несколько лет у нее появился друг...

И это давало ей силы жить.

— Джон, я нашла вот это! — Глядя с мягкой укоризной, она выложила перед ним купюру на стол. — Вы очень добры, но... не надо!

— Но, Люси, вы потратили целый день, чтобы развлечь старого скучного писателя, и я вам так благодарен...

— Мне все равно нечего делать дома. Пожалуйста, Джон. Я не хочу, чтобы нашу дружбу портил противный привкус денег.

— Хорошо. — Он задумчиво взял в руки смятую купюру и с надеждой спросил: — Но это не значит, что вы больше не хотите меня видеть?

— Нет, не значит.

И его лицо неожиданно расцвело.

Глава 2

Постепенно Алексей стал замечать, что с его женой творится что-то неладное. Нет, что-то с ней определенно не в порядке. Какая-то она странная в последнее время стала, на себя не похожая... Никаких скандалов, никаких упреков, во всем с ним соглашается. Какая-то покорная, делает все, что бы он ни потребовал. Дома безупречная чистота, ужин на столе — даже придраться не к чему! Очень странно...

И он принялся исподтишка наблюдать за женой. Интересно, где это она успела так загореть — кожу покрывает ровный золотистый загар, волосы слегка выгорели, некоторые пряди стали совсем белыми.

К тому же она стала как-то непозволительно хорошо выглядеть. Куда-то делись легкие морщинки у висков, глаза сияют тихим светом. Неужели она тайком от него купила тот дорогой крем за сто семьдесят долларов, о котором так долго мечтала! Кажется, она помолодела лет на десять, но ведь ей уже тридцать восемь, и никакими кремами здесь не поможешь!

Но внешний вид, в конце концов, дело десятое. Главное — покорность. Покорность — вот что подозрительно!

Ему показалось, что у него выпали из рук вожжи, которыми он столько лет умело управлял семьей. Нет, не-

спроста эта покорность, мрачнел он. Может быть, Люся что-то задумала?

Куда ей! Алексей снисходительно усмехнулся. Сидит целыми днями дома одна, у нее даже и знакомых-то здесь нет. И денег нет, чтобы куда-нибудь отправиться для поиска этих самых новых знакомых. С этой стороны он полностью подстраховался.

Алексей так увлекся слежкой за женой, что даже снизил интенсивность электронных встреч со своей новой подругой Ликой из Москвы, которая уже собирала вещи для переезда в Сидней.

Его нервировало спокойствие жены и внезапно появившаяся в ней уверенность в себе. Он стал специально раздражать ее своими придирками, мелочным контролем и претензиями. Теперь он спешил вернуться с работы пораньше — дабы иметь возможность поймать жену на чем-то противозаконном и узнать причину ее изменившегося поведения. Чтобы довести ее до белого каления и заставить раскрыть свои карты, он перекрыл ей и без того жидкие каналы денег. Теперь утром он выдавал ей лишь несколько долларов, куражась своим всесилием и властью над нею, ожидая, когда она не выдержит и расплачется. Он ждал терпеливо, как физик результатов сложного эксперимента. И дождался.

То был обычный день в череде других тоскливых дней, полных вражды и ненависти друг к другу.

— У нас мало продуктов, — сказала Люся утром, когда он собирался на работу. — Мне нужны деньги.

Он молча бросил на стол два доллара.

— Но этого едва хватит на хлеб!

— Перебьешься до моего прихода, — оборвал он, внимательно следя за выражением ее лица.

Оно чуть порозовело и стало твердым, точно внутри нее все сжалось в один упругий комок.

— Мне нужно хотя бы двадцатку... Ты забыл? Сегодня Верочка идет на день рождения к своей подруге Патрише.

В это время мрачная, только что пробудившаяся от сна Верочка лениво натягивала на ноги кроссовки.

— Да, па, у Патриши сегодня бёфдэй, — проговорила она, по своей недавно приобретенной привычке путая русские и английские слова. — Ее родители пригласили клоуна с обезьяной. И будет огромный пирог с сюрпризом. Мы уже купили Патрише подарок — игрушечного зайца. Ты отвезешь меня на машине, па?

— Нет, детка! Я не смогу сегодня, у меня много работы.

— А кто же меня тогда отвезет? — Вера капризно надула губки.

— Мама. На велосипеде.

Алексей бросил насмешливый взгляд в сторону жены. Люся вымолвила как можно спокойнее:

— Ты с ума сошел! Какой велосипед? Это же совершенно другой район! Если не можешь сам отвезти, то оставь хотя бы деньги на автобус.

— Ну, конечно! — Алексей умышленно расхохотался ей в лицо. — Может быть, тебе еще дать мою кредитку, чтобы ты поскорее спустила все деньги, которые я зарабатываю потом и кровью?

Люся из последних сил сжала зубы, чтобы не расплакаться. А муж наслаждался выражением ее лица, на котором точно в зеркале отражались обуревавшие ее чувства — ненависть, бешенство, бессилие и отчаяние.

— Па, ну кто меня отвезет, а? — заныла Вера. — Там же будет клоун с обезьяной! У меня и подарки готовы.

— Значит, ты не пойдешь на праздник, — с трудом сохраняя спокойствие, произнесла Люся. — Папа не хочет, чтобы ты шла.

Вера сначала обиженно захлопала ресницами, затем из углов глаз поползли отчаянные слезы, и она бурно разрыдалась.

— Видишь, что ты делаешь с дочерью, — произнесла Люся. — Тебе жалко несколько долларов на автобус?

— Ты манипулируешь ребенком! — взвился Алексей. — Настраиваешь ее против меня. Отвези ее, если ты такая сердобольная.

— Каким же образом? У меня нет ни машины, ни денег. И нет крыльев, чтобы я полетела.

— Отрасти их, — насмешливо произнес Алексей. — Дело за малым. А пока они не выросли, у тебя есть велосипед...

Он хлопнул дверью и спустился с крыльца. Лицо его сохраняло удовлетворенное выражение. Наконец-то в споре с женой последнее слово осталось за ним. Он почти довел ее до слез.

Пусть почувствует, кто здесь главный!

Сколько можно!.. Люсю трясла мелкая нервная дрожь.

Сколько можно терпеть! В их отношениях уже наступил предел, за которым ничего не осталось, кроме ненависти. Он надеется, что она будет терпеть его выходки и дальше. Он думает, что последнее слово останется за ним. Ну нет!

Ей скоро сорок, а она перед ним, как четырнадцать лет назад, словно девочка в первый день после свадьбы — робкая, смущенная, ожидающая нежного слова, точно собака ждет ласки хозяина. Нет, больше этого нельзя терпеть! Она, в конце концов, человек, а не бессловесная тварь.

Люся упала на диван и сжала виски руками. Что делать? Что делать?

Ее рука потянулась к телефону. Она сделает то, что в последнее время делала всегда, когда ей было очень плохо, — позвонит Джону. И он поймет ее. Выслушает, посочувствует, поможет...

— Я больше не могу так... — произнесла она в трубку, глотая слезы. — Я больше не могу... Мне лучше умереть! Уйти от него? Но куда? Что мне делать?

— Я приеду за тобой сейчас, — произнес он решительно. — Заберу тебя и твою дочь. Хватит! Я смогу тебе дать то, что ты заслуживаешь, — счастье. Я люблю тебя, Люси!

Безмолвные слезы потекли по ее лицу. Ее сердце из всех сил тянулось навстречу ему, его ласке, его доброте, его любви.

— Я люблю тебя, Джон, — эхом отозвалась она. — Приезжай...

Он улыбнулся, опустив трубку. Его Пикси возвращается к нему. Теперь навсегда!

«Я тебя люблю» — для «них» означает совсем не то, что эти же слова значат в буквальном переводе для «нас», русских. Для «них» — это признание в дружбе, а для «нас» — диагноз, означающий ту единственную сладостную болезнь, которая поглощает человека без остатка, не оставляя места никаким другим желаниям и чувствам.

Примерно через час красный спортивный автомобиль остановился возле дома на Милсонс-Пойнт. За ним ехал небольшой синий грузовичок с нарисованным кенгуру и надписью «Грузовые перевозки» на борту.

Миссис Симпсон, любопытная старая особа в сбитом наборе парике, прикинула к стеклу — ее всегда занимало, что происходит у соседей. С тех пор, как в соседнем доме поселились эти русские, ей стало гораздо интереснее жить. Хотя она не понимала ни слова в их спорах, однако и без слов было ясно, что в этой семье не все ладно.

Супруга этого представительного господина, мистера Лапко, обычно редко выходила из дома, пока у нее не появился приятель в спортивной машине. Теперь-то она пропадала целыми днями неизвестно где. Миссис Симпсон прилежно фиксировала в своей памяти часы, когда отсутствовала дома соседка. И если бы мистер Лапко поинтересовался, ей было бы что ему рассказать. Но по собственной воле — ни за что! Зачем? Ее это не касается!

Водитель грузовика распахнул двери фургона и принялся складывать вещи в кузов. Багажа было не много — несколько сумок с одеждой, связка книг, коробка с игрушками. Миссис Симпсон отметила, что лицо миссис Лапко сохраняло решительное и злое выражение.

Потом двери грузовика захлопнулись, миссис Лапко с дочерью погрузились в спортивную машину своего немолодого приятеля, и вскоре на улице стало опять пустынно и тихо.

Миссис Симпсон отошла от окна. Ей было жалко, что все так быстро кончилось. Ей так нравились соседи — ведь ее собственная жизнь давала гораздо меньше поводов для любопытства. Теперь ей опять совсем скучно.

Старенькая одышливая машина с трудом продвигалась в плотном потоке автомобилей по направлению к пригороду. День был жаркий, и у Алексея на спине взмокла рубашка от пота. Скорей бы вернуться домой и переодеться...

Дом встретил его непривычной тишиной. Застоявшийся душный воздух пахнул в лицо. Странно, куда это подевалась Люся. Неужели впрямь отправилась на велосипеде в другой район города?

Алексей принял душ, переоделся. Хлопнул дверцей холодильника, доставая пиво, — в это мгновение исписанный корявыми буквами листок бумаги слетел на пол. Алексей поднял его.

«Я ухожу от тебя. Позвоню через две недели. Вера со мной».

И все.

Алексей отупело уставился на листок. Буквы прыгали и двоились в глазах. Он не мог поверить написанному. Что значит «ухожу»? Что значит «через две недели»?

Неужели... неужели произошло то, о чем он так давно мечтал, на что надеялся? Неужели она действительно ушла от него?

Она оставила его, бросила. Нет, это невозможно! Это какая-то нелепая шутка! Она не могла так сделать. Не посмела бы! Она слишком зависит от него, чтобы решиться на такое. Это просто смешно, куда она от него денется? Как она без него? Без его денег? А? Невозможно!

Скорее всего, шутка. Конечно шутка! Дурацкий розыгрыш, который закончится, как только злая и усталая Люся с Верочкой под мышкой притащится домой с детского праздника. Она, как пить дать, надуется на него как мышь на крупу. А он с дружеской издевкой еще будет подтрунивать над неудачной попыткой разыграть его. Конечно, она вернется!

Но она не вернулась...

Вскоре на город опустилась густая чернильная ночь, а Люся не возвращалась и не звонила.

Алексей в бешенстве мерил шагами комнату. Что это за игрушки! Ему перестала нравиться эта ситуация. Ну, он ей задаст, когда она вернется! Он растерзает ее! Он вообще перестанет давать ей деньги! Ни копейки! Он ее...

Через минуту он уже звонил родителям Патриши, с трудом сдерживая срывающийся от волнения голос.

— Простите, это Алексей Лапко. Что, Веру уже увезла мама? Ах, уже часа два прошло... Большое спасибо! А вы не знаете, они были на велосипеде? На ма-ши-не? Нет, спасибо, все в порядке. Большое спасибо!

Они уехали на машине — значит, у нее оказались деньги на такси... Но откуда?! Неужели ей удавалось экономить даже те копейки, которые он ей выдавал?

Алексей открыл створку платяного шкафа. Все вещи жены исчезли. Полочка с книгами была пуста. Из детской пропали дочкины игрушки.

Только тогда он понял, что Люся действительно ушла от него.

Однако еще надеялся, что не навсегда.

— Вот твоя комната, Люси. — Уиллик опустил чемодан с вещами на пол. — А там, за дверью, будет комната Веры.

Опустив сумку на пол, Люся приблизилась к окну и залюбовалась видом на океан и корабли, стоящие на рейде. Солоноватый ветер, несший с собой запах водорослей и сладковатый аромат цветов, оглушил ее. Вот он каков, запах свободы!

— Спасибо, Джон. — От полноты чувств Люся чуть не заплакала. Она робко приблизилась к нему и закинула ему руки на шею. — Спасибо, если бы не ты...

— Ведь я тебя люблю, — серьезно ответил он, глядя в ее прозрачно-медовые глаза. Именно такие были у его волшебницы Пикси...

— Я... я тебя тоже люблю... И я так... Я так счастлива... У меня... точно выросли крылья! — запинаясь бормотала Люся, в то время как он покрывал ее лицо бесчисленными поцелуями. — Я... Это так необыкновенно! Это... свобода! Наконец-то я свободна!

И она, точно клюющая зерно птичка, отвечала ему быстрыми мелкими поцелуями.

— Ты такая красивая... Ты необыкновенная, — приговаривал он, прижавшись губами к ее горячей золотистой коже. — Ты прекрасна, любимая моя, ты прекрасна! Ты лучшая из всех женщин, рожденных под небом!

...Люся вспоминала искаженное злобной ухмылкой лицо мужа и его ядовитые слова: «Да что ты о себе возомнила? А? Посмотри-ка лучше на себя в зеркало, на кого ты похожа! Кто на тебя польстится такую?»

Он спустил с ее плеч легкое шелковое платье и осторожно коснулся руками груди.

— Любовь твоя несравненная, возлюбленная моя! Ты чиста словно запертый сад, словно скрытый колодец или тайный родник...

Ее охватила сладкая, давно неиспытываемая истома. Она уже и забыла, как приятно ощущать чужое тело рядом со своим...

А в ушах все еще набатом звучал надменный голос: «Господи! Да ты дура, ты полная дура!.. Ты даже не способна делать покупки в магазине, не говоря уж о работе посложнее! И не воображай о себе много!..»

...Он легко и бережно, точно пушинку, поднял ее на руки — он был такой большой и сильный. Он принц, а она — нищая, он знаменитый писатель, а она — маленькая эмигрантка, сбежавшая от мужа, без работы и средств к существованию.

— Ты точно чайка, севшая на воду, точно белый ибис посреди пруда... Твоя белая кожа похожа на оперение птицы, а золотые волосы точно колосья пшеницы, колеблемые ветром. Твои зубы белы, точно овцы, выходящие из купальни, губы твои — словно алая лента из шелка, прекрасен твой рот, виски под кудрями — как половинки граната... Груды твои — две серны, пасущиеся среди лилий. Возлюбленная, вся ты прекрасна, нет в тебе несовершенства!

Он бережно опустил ее на кровать, и она ощутила рядом с собой его тело с седоватой порослью волос на груди, все еще упругое и сильное... И это тело так отличалось от того, которое она знала наизусть, сгорбленное от сидячей работы, бледное, точно у земляного червя...

И снова шипящий голос донесся до нее, приглушенный расстоянием: «Ты вернешься ко мне, как приبلудная собачонка! Да ты для меня вообще не женщина. Скорее парень, с которым живешь в одной комнате. С тобой можно попить пива и поболтать, когда больше не с кем. И все!...»

...Пальцы коснулись ее тела так ласково и осторожно, точно она была сделана из стекла и он боялся разбить ее.

— Ты моя маленькая фея, — шептал он. — Принцесса, прекрасны ноги твои, линии бедер твоих как выточенные мастером драгоценности. Твой живот — круглая чаша, чрево твое как сноп пшеницы в обрамлении лилий. Ты прекрасней всех женщин, моя северная королева!..

А тот, другой голос все еще продолжал выплевывать ей в лицо злые обидные слова: «Я тебе всегда изменял. И буду изменять. Ты для меня в постели — пустышка. У меня такие бабы были — ты по сравнению с ними просто чернавка! И еще будут, стоит только захотеть!»

...А он накрыл ее своим прохладным сильным телом, точно защищая от злого голоса, зашептал ей на ухо нежные слова, чтобы заглушить язвительный шепот.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

— Любовь твоя слаще вина, невеста моя, запах твоих духов лучше всех благовоний. С губ твоих, невеста моя, капает мед, молоко и мед под твоим языком, пахнет сладко... Да будут груди твои виноградными гроздьями и запах твой — запахом яблок. Да будут уста твои лучшим вином, текущим к моей любви, нежно текущим к спящим губам...

И он победил — воспоминания отступили, злой голос затих, и на нее накатил золотистый вал наслаждения. Он закружил ее в своем чреве, увлекая в глубину, понес ее в открытое море, и она уплыла с ним в розовато-голубую даль, пока, наконец, беспросветный ужасный берег не отступил в туманной мгле вместе со всем черным и гадким, что было в ее жизни...

А потом они лежали, вытянувшись друг подле друга. До времени, когда нужно было ехать за Верочкой на детский праздник, оставался еще час. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, и им не хотелось говорить, чтобы не испачкать словами то светлое и чистое, что возникло между ними.

Он первый нарушил молчание:

— Я не все еще рассказал о себе, Люси...

Взметнулись золотистые ресницы, розоватые губы улыбнулись в ответ.

— Все остальное — не важно. Важно только то, что есть сейчас между нами...

Он приподнялся, опершись на локоть.

— Я не совсем тот, за кого ты меня принимаешь...

Она запечатала ему рот поцелуем.

— Мне все равно, кто ты и что ты... Мне все равно, богат ты или беден, мне все равно, есть у тебя жена или нет... Все это не важно. Важно только то, что мы вместе. То, что я хочу быть рядом с тобой — в горе и в радости, в бедности и богатстве... Пока смерть не разлучит нас!

Они и будут вместе, пока смерть не разлучит их.

Как ни странно, именно миссис Симпсон помогла отыскать беглянку. Когда все больницы, морги и полицейские участки были уже обзвонены и Алексей опустил руки, неожиданно выяснилось, что бдительная миссис Симпсон больше, чем кто-либо другой, может поведать ему о том, где его жена и дочь.

— Красная машина... И фургон для грузовых перевозок с кенгуру на борту. — Поколебавшись, она назвала номер. — Я запомнила это число, потому что оно похоже на дату рождения моего умершего мужа.

Оператор фирмы «Кенгуру», грузовые перевозки, чуть поколебавшись, определила номер заказа и назвала адрес, куда были перевезены вещи. Узнать на телефонной станции номер виллы оказалось несложно.

— Да! — произнесла она в трубку. Он даже не узнал ее голос — в нем билось, звенело, сияло счастье. — А, это ты... — Через секунду счастье погасло.

Он не выдержал и заорал на нее, выплескивая накопившуюся в нем усталость — сказалось напряжение последних суток, когда он не знал, что и думать, обнаружив пропажу семьи.

Запикали короткие гудки — она бросила трубку. Дрожащими руками он вновь набрал номер.

— Прекрати орать! — спокойно парировала она. — Я не вернусь. Можешь вызывать из Москвы свою Лику... (Алексей побледнел. Откуда она знает про Лику?!) Вера останется со мной.

— Где ты собираешься жить?

— У моего друга. Он знаменитый журналист и писатель. Его зовут Джон Уиллик. У него красивый дом на берегу океана и спортивная машина. Да, тебе привет от Веры. Кстати, я там забыла книгу на столе — как-нибудь заеду забрать. И еще мое старое платье, которое сейчас в химчистке... Квитанция на кухне. Как-нибудь позвоню...

В трубке тревожно запищали короткие гудки. Он почувствовал, как одним жирным росчерком его навсегда вычеркнули из ее жизни. А иной жизни, без нее и дочери, он не знал. И как выяснилось, не хотел.

Он был в бешенстве. Нет, он не позволит ей посмеяться над собой. Он не даст насладиться такой удачей — встретить богатого, знаменитого... да еще и писателя! Журналиста! О бог мой! Это слишком хорошо для нее, чтобы быть правдой! И слишком большой проигрыш для него, чтобы позволить ей стать счастливой. Нет, только через его труп!

Алексей бросился на улицу и вывел машину из гаража: Куда он собрался? Надо бы выяснить, что это за писатель, Джон Уиллик. Он никогда не слышал о таком. Телевизор явно не трубит о нем, значит, он не звезда первой величины — и это первая хорошая новость.

В ответ на запрос посетителя девушка из Национальной библиотеки распечатала справочные данные. На листке бумаги красовались жалкие две строчки.

— Хотите взять? — любезно спросила она.

— Да, пожалуй!

Через несколько минут ему выдали экземпляр тюремной газеты и журнал «Мэн мэгэзин» восьмилетней давности. Вскоре Алексей уже сидел за столом, углубившись в чтение.

Наконец он с облегчением откинулся на спинку стула и громко рассмеялся. Так он и знал! Он чувствовал, что здесь что-то не так. Он знал, что все это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой! Писатель! О господи! Два рассказа за всю жизнь — писатель! Знаменитый!

В горле его что-то забулькало, он с трудом сдерживал рвущийся наружу смех. Глупая, доверчивая Люся! Писатель!

И тут же его лицо омрачилось. Его дочь живет сейчас в одном доме с уголовником. А этого допустить нельзя. Маленькой девочке не место рядом с отпетым преступником.

А что, если все, описанное на страницах журнала, всего лишь художественный вымысел, для маскировки которого автор вел рассказ от первого лица?

С вежливой улыбкой Алексей вернул книги и вышел на улицу.

Завел машину и направился в юридическую библиотеку.

Ему выдали три пухлых тома. Это были дела, заведенные на Джона Реджинальда Уиллика. В них говорилось, что полный состав Верховного суда, включающий юриста Лайонела Мерфи, в 1984 году вынес решение, по которому Уиллик был осужден на шесть лет за вооруженное ограбление банка в Боурале.

Алексей просиял. Это в корне меняет дело! Теперь у него на руках собрались все козыри, которыми он будет отныне бороться с Люсей. Эта глупышка наверняка не имеет представления об истинном лице своего нового дружка. Что ж, он откроет ей глаза! Победа останется за ним!

За что он будет сражаться? Ему есть за что! За свою дочь, за Веру. Он не позволит Люсе самолично распоряжаться судьбой ребенка. Отныне Вера — заложница, попавшая в руки к врагу. И можно не сомневаться, что он вырвет ее из этих рук.

Победа достанется ему. Не важно, какой ценой!

Участок полиции выглядел безлюдным. Алексей знал, что расскажет о ней. У него найдется достаточно черной краски. Они должны ему помочь. Они обязаны ему помочь. Они вернут ему Веру, и тогда он посмеется над ней. Он ей еще покажет!

— Я не могу найти свою жену, — не вдаваясь в подробности, поведал он дежурному полицейскому. — Она уехала, забрав дочь.

Шериф нехотя мял в руках оставленную Люсей записку. Алексей как-то забыл, что в русском офицер ни бельмеса не смыслит...

— Тут сказано, что она уходит от меня и забирает дочь, — пояснил он.

— Это ее решение? — осведомился шериф. — Она хотела это сделать раньше?

— Я не знаю, может быть... Но это не важно. У нее нет денег, и она не может в одиночку воспитывать моего ребенка.

Полицейский посмотрел на него холодным невыразительным взглядом — это был взгляд удава, объевшегося кроликами.

— Мистер Лапко, — официально произнес он. — Ваша жена взрослый человек и имеет право делать что ей угодно. Она может обратиться в благотворительный приют, и ее с ребенком в течение тридцати минут обеспечить жильем и деньгами. Очевидно, она так и сделала. Она имеет на это право.

— Имеет право! — Алексей взвился от бешенства. — Как это так! Но она... она алкоголичка! Наркоманка! Она... она шлюха!

Шериф был невозмутим. Он подождал, пока клиент успокоится, и посоветовал:

— Обратитесь к адвокату. Он должен начать официальный процесс. Для начала стоит подать иск в Семейный суд.

— В этом нет нужды. — Алексей уже взял себя в руки. — В принципе я знаю, где она... Она связалась с каким-то уголовником. Живет у него с дочерью. Я боюсь, что он заставит ее совершать криминальные действия.

— Этот человек в розыске?

— Не знаю. Я знаю только, что он несколько раз сидел в тюрьме за ограбление банков.

— Если он полностью отбыл срок заключения, он чист перед законом. Он уже заплатил обществу дорогую цену за свои проступки. Он имеет право на новую жизнь. Он теперь такой же честный человек, как вы или я.

Алексей не знал, что еще сказать. Здесь все настроены против него!

— Но я хочу видеть свою дочь! — воскликнул он.

— Адвокат скорее поможет вам в этом, чем полиция, — заметил дежурный.

Пошатываясь, Алексей вышел из участка. Первый раунд борьбы он проиграл вчистую. Нельзя допустить, чтобы следующий тоже остался за этой стервой. Он сотрет ее с лица земли, но последнее слово должно быть за ним... И поможет ему в этом его дочь!

Возле школы, приземистого двухэтажного здания, обсаженного платанами, стояла вереница машин — это родители и няни заезжали за детьми после уроков. Старая серебристая «хонда» каждый день дежурила в тени раскидистого баньяна чуть поодаль. За рулем сидел мужчина лет сорока в солнцезащитных очках.

Он не выходил из машины, не входил на территорию школы — только сидел и наблюдал. Если бы он переместился к воротам поближе и его заметили бы охранники — не миновать бы объяснения с офицером. Но этот человек вел себя благоразумно. Парковался поодаль и быстро уезжал, после того как спортивная красная машина, на секунду притормозив у ворот школы, принимала в свое лоно десятилетнюю коротко стриженную девочку и мчалась дальше.

В голове Алексея зрел решительный план.

За рулем красной машины находился или моложавый мужчина с седыми волосами, или женщина. Порой девочке приходилось ждать по полчаса, околачиваясь с портфелем возле дверей школы.

Надо же, теперь она водит машину сама, неужели получила права? Этот тип даже доверяет ей свою шикарную тачку. Но Люся неисправима! — думал Алексей, наблюдая, как жена частенько опаздывает к концу занятий. Она ничуть не изменилась! Что ж, теперь ему это только на руку...

Именно на привычке жены опаздывать и зиждился его дьявольский план.

Им была проведена большая подготовительная работа. Он нашел другую школу, договорился, что девочку переведут туда. Встретился с нынешней учительницей Веры, мисс Бьерник, и объяснил, что их семья переезжает в другой район и он вынужден забрать девочку из школы. Учительница очень сожалела об этом. Вера, как и все русские и китайские дети, хорошо успевала по всем предметам и была первой ученицей. Мисс Бьерник обещала подготовить документы.

Когда все было готово, Алексей выбрал день.

Он приехал за несколько минут до конца занятий.

— Папа! — Вера, взвизгнув от восторга, повисла на его шее — они давно не виделись.

— Привет! — Алексей мимоходом обнял ее и обратился к мисс Бьерник: — Документы готовы?

— Конечно! — Она передала ему пачку бумаг и ласково прижала к себе Веру на прощанье. — До свидания, дорогая, учись хорошо.

— Что такое? — удивилась девочка. — Я пойду в другую школу?

— Не хотел тебя расстраивать, Вера, — с ласковой улыбкой произнес Алексей по-английски — учительница бдительно вслушивалась в их разговор. — Мы дома поговорим об этом.

— А где мама? — Вера капризно надула губки.

Вместо ответа, Алексей попрощался с учительницей и быстрым шагом повел дочь к выходу из школы.

Серебристая «хонда» резво отъехала от ворот школы.

— А где же мама? — капризно спросила Вера. — Почему она не приехала за мной?

— Потому что у нее новый муж, — иронически хмыкнул Алексей. — Ей не до тебя, сама должна понять. Теперь ты будешь жить со мной. Хочешь?

Вера заерзала на сиденье и нерешительно дернула плечиком:

— Не знаю, па... У мистера Уиллика такой дом... Там есть бассейн, и можно хоть целый день не вылезать из воды. У тебя же этого нет...

Алексей сжал зубы так, что под кожей заходили желваки.

— Но ты мешаешь маме, Вера. Ей сейчас не до тебя. И вообще, она, может быть, уже беременна другим ребенком... Ей нужно пожить одной...

Он нес полную околесицу.

Но Вера все приняла за чистую монету. Она расширила глаза и удивленно протянула:

— У меня будет братик или сестричка?

— Возможно. — Алексей решил перевести разговор на другую тему. — Но пока ты пойдешь в другую шко-

лу. Я снял новый дом в новом районе. — Он помолчал и добавил: — Можешь не сомневаться, я тебя никому не отдам. Никому!

Вера недовольно молчала.

Люся так спешила, что даже превысила скорость на автостраде. Господи, да когда же она научится вовремя успевать к концу уроков! Все дело в том, что опыта вождения у нее маловато. Она то слишком робка на дороге, то рискует не в меру.

Машина плавно подкатила к воротам школы и остановилась. Дочери не было видно. Слава богу, успела! Наверное, учительница задержала Веру. Скоро она появится, и они поедут домой. Их уже ждет Джон. Они собирались в выходные отправиться на экскурсию в Катумбу, в Голубые горы — это будет интересно, девочка будет в полном восторге!

Детей возле школы оставалось совсем мало — всех разобрали родители. Вера не появлялась. Люся вышла из машины и направилась к дверям школьного здания. Мисс Бьерник находилась в классе.

— А, миссис Лапко, — улыбнулась та. — Я знаю, зачем вы приехали... Ваш муж забыл забрать одежду. — И она протянула пакет с вещами.

— Мой муж! — Люсе показалось, что она ослышалась.

— Конечно! — Улыбка мисс Бьерник стала еще шире. — Я отдала ему все школьные документы Веры — характеристику, результаты контрольных тестов, все. Очень жаль, что ваша дочь теперь будет учиться в другой школе. Очень, очень жаль.

Точно озаренная вспышкой молнии, Люся поняла все: он украл Веру! Она смертельно побледнела.

— Вам нехорошо? — участливо осведомилась мисс Бьерник.

— Нет-нет. — Люся попыталась взять себя в руки. — Когда они уехали?

— Минут пятнадцать назад.

Люся бросилась к машине. Может быть, она еще догонит его... Может, еще не поздно вырвать ребенка из его рук...

Но было уже слишком поздно. Его машины не было ни на прилегающих улицах, ни при выезде на авто-страду. Люся направилась на Милсонс-Пойнт. Но дом, в котором они прожили два с половиной года, выглядел пустым и заброшенным. На двери висела табличка «Сдается внаем».

Люся обессиленно опустила руки — он переехал! На днях срок аренды дома подходил к концу, и Алексей воспользовался этим. Он переехал в другое место и выкрал дочь. Где теперь ей искать своего ребенка?

В полицию Люся пойти побоялась. Слабым утешением в этой ситуации служила мысль о том, что Вера в безопасности. Все же она у своего отца, и он не причинит ей вреда.

Ей казалось, что этот человек задался целью растоптать ее жизнь.

А на следующий день раздался телефонный звонок. Неизвестный женский голос попросил к телефону миссис Лапко.

— Это секретарь Семейного суда. — Вежливый голос сочился медом. — Предварительное заседание по делу о вашей дочери состоится через неделю. За это время вы должны найти адвоката. Если вы без работы и у вас нет адвоката, государство предоставит вам его бесплатно. Если вам нужен переводчик, вы должны заказать его через бюро и самостоятельно оплатить его услуги. Если у вас нет средств на оплату переводчика, вы должны подать прошение на имя судьи, и суд примет решение по поводу оплаты...

Люся тупо молчала. Она плохо понимала, что тараторила ей незнакомая женщина.

— Вы слышите меня, миссис Лапко? — не слыша реакции на другом конце провода, спросила секретарь. — Вы понимаете меня?

— Да, да, я понимаю... Спасибо. Благодарю вас, я приеду...

Она положила трубку на рычаг и без сил опустилась на стул.

Какую еще гадость он задумал?

Джон приблизился к ней и обнял за плечи. Он слышал весь разговор по громкой связи.

— Не расстраивайся, дорогая, — произнес он. — Мы найдем лучшего адвоката! Я заплачу любые деньги.

Она прижалась к нему и закрыла глаза.

— Я боюсь, Джон.

— Нет причин волноваться, Люси, — мягко произнес он. — Ведь мы вместе. И у нас лучшая в мире семья. Вера будет с нами.

Ребенок словно служил призом в затянувшемся сражении между враждующими сторонами. Но пока этот приз принадлежал врагу.

Уиллик прижался подбородком к ее медовым волосам. Он сделает все, чтобы она была счастлива. У них будет хорошая семья, хороший дом и даже ребенок. У них будет все то, чего не было у него с малышкой Пикси.

Эта штука и называется счастьем.

На предварительном слушании Семейного суда должен был решиться вопрос, с кем останется ребенок до начала процесса. Судья, пожилая женщина в строгом костюме, с длинным лицом, спросила Люсю (та стояла вытянувшись в струнку и затравленно смотрела на нее):

— Миссис Лапко, в какой момент вы приняли решение о раздельном проживании с мужем и покинули его дом?

Сбивчивым шепотом адвокат пояснил ей вопрос, и Люся ответила:

— Это было пятнадцатого сентября.

— Следовательно, по закону развод с вашим супругом возможен лишь ровно через год после принятия этого решения. До этого момента считается, что вы

лишь приняли решение о раздельном проживании, но еще не разведены. Если вы, паче чаяния, решите хотя бы и на короткое время вновь поселиться со своим мужем и он сможет предоставить свидетелей, что вы хотя бы в течение суток находились с ним, то новый срок необходимого для развода раздельного проживания будет отсчитываться уже с этого дня. Вам ясно?

Адвокат зашептал ей на ухо свои комментарии.

— Да. — Люся с трудом разомкнула губы.

— Итак, вы живете с мистером Уилликом в одном доме. Вы имеете с ним сексуальные отношения?

Адвокат сделал страшные глаза и чуть заметно покачал головой, призывая сказать «нет».

— Да! — ответила Люся.

Адвокат недовольно покачал головой.

— Тогда до окончательного слушания дела ребенок остается с отцом, — вынесла свой вердикт судья. — Чтобы не травмировать ребенка видом нового сексуального партнера матери. — Вам ясно решение суда, миссис Лапко?

— Да, но...

— Решение суда в отношении мистера Лапко... Мистер Лапко, до окончательных слушаний дочь остается с вами, но вам запрещено рассказывать ребенку, что происходит в суде. Вам запрещено обсуждать его мать и сообщать свое мнение относительно ее и ее новой жизни. Вам ясно?

— Да.

— Благодарю вас, спасибо... Следующее заседание состоится через сорок пять дней. Прошу адвокатов сторон подойти к секретарю и получить список необходимых для производства дела документов.

Алексей торжествовал. Стекла его очков радостно блестели, и он поглядывал на свою жену сверху вниз с омерзительной улыбкой.

— Бесполезно обсуждать решение суда, — прошептал на ухо Люсе адвокат. — Будет только хуже. Ничего, через месяц мы все наверстаем. В конечном итоге мы победим. На их стороне лишь временный перевес.

Люся приблизилась к Алексею.

— Я хочу видеть Веру, — произнесла она.

— Нет, — улыбнулся он, насмешливо глядя на нее. — Ты плохая мать, и Вера это знает. Она не хочет жить с тобой. Она знает, что твой любовник — бандит, и ни за что не согласится поселиться с ним в одном доме.

— Посмотрим! — угрожающе произнесла Люся. — Посмотрим!

Алексей повернулся к ней спиной.

Они лежали в темноте рядом друг с другом. Ночь была душная, грозовая, но здесь в комнате дышалось легко — кондиционер, равномерно жужжа, струил прохладу.

— Расскажи мне о своем прошлом, — попросила Люся. — Ты мне не рассказывал ничего... Как ты попал в тюрьму?

Джон чуть слышно провел пальцами по ее светящейся в темноте золотистой коже.

— Сначала мне было интересно, смогу ли я сделать то, что никогда не совершал, и я сделал это. А потом все так завертелось. Не мог остановиться.

— Почему?

— Нужны были деньги. Я был молод, беден, и мне казалось, что все в этой жизни должно доставаться легко — деньги, женщины, слава... Я не мог и не хотел останавливаться. Это было так легко, так здорово. Ад-реналин опьянял меня, как наркотик. Мне нужен был риск. Когда я долго не испытывал этого, мне становилось скучно жить.

— А теперь?

— Что теперь?

— А теперь ты можешь жить без риска?

Уиллик помолчал, уставившись в грозовую плотную мглу за окном, расцвеченную яркими вспышками молний.

— Да, — сказал он. — Могу... Я очень изменился, Люси... Возраст дает о себе знать. Теперь мне хочется покоя. Теперь мне хочется быть возле тебя и никуда не

спешить, не скрываться от полиции. Я хочу провести несколько спокойных лет рядом с чудесным человеком, которого люблю больше жизни. И это не красивые слова. Я больше не смогу перенести заключения в тюрьме, ведь я уже немолод. Боюсь, что если что-нибудь случится и меня посадят, то я не выдержу...

— А что может случиться? — спросила Люся. — Ведь ты полностью искупил свою вину и теперь ведешь честную жизнь.

Он замолчал. Стало слышно, как где-то вдалеке перекатывается гром, точно кто-то огромный на небесах катал во рту орехи.

— Ты не все знаешь, дорогая, — наконец нарушил он молчание. — Меня выпустили в девяносто втором году досрочно, под честное слово. Я должен был регулярно отмечаться в полиции Квинсленда, но мне хотелось жить на свободе, а не под надзором, и я удрал от них.

— Это плохо?

— Не слишком хорошо, дорогая. Я в розыске, если один из полицейских узнает меня, то снова попаду в тюрьму. Надолго. Но я не сяду в тюрьму. Чем хороша наша страна — здесь ни до кого никому нет дела. Здесь, если вести себя с умом, можно скрываться от полиции и десять, и пятнадцать лет. Главное — не лезть на рожон. Не высовываться.

У Люси сердце сжалось от тревоги и от желания уберечь своего любимого от грозящих ему неприятностей. Она обняла его одной рукой и прошептала:

— Я никому тебя не отдам. Ни полиции, ни твоей жене, ни любой другой женщине. Никому!

— Не бойся, дорогая. — В голосе его звучала ласковая улыбка. — Я буду осторожен. После встречи с тобой свобода стала мне слишком дорога. Я не хочу терять ее. Потерять ее — значит потерять тебя.

— Это хорошо, — заметила Люся, закрывая полусонные глаза. — Потому что если тебя не будет рядом со мной, я не смогу жить.

— Я всегда буду рядом с тобой, — улыбнулся он и прижался губами к ее виску.

— Обещаешь?

— Обещаю. Прошное больше никогда не вернется, Люси. Не бойся.

Стояла глубокая ночь. Вера мирно посапывала в своей комнате. В доме, снятом Алексеем, оказалось всего две спальни, и строение было такое хлипкое, что, лежа в своей постели, он слышал размеренное дыхание дочери. И эти звуки наполняли его торжеством, точно победный гимн в честь выигранного сражения.

Он докажет суду, что Люся не сможет воспитывать ребенка! Почему? Потому что она потаскушка! Потому что она связалась с бандитом, польстилась на его деньги! Потому что он заморочил ей голову, будто бы он известный писатель, — на такую утку могла клюнуть только глупенькая эмигрантка из России, ни бельмеса не смыслящая в реалиях местной жизни. Здесь писатели вкалывают по двадцать часов в сутки за письменным столом и остаются нищими как церковные крысы!

Алексей ночами просиживал перед компьютером, стараясь выудить что-либо о прошлых криминальных достижениях седовласого красавца с белозубой улыбкой и уверенным взглядом. Однако самым полным отчетом о биографии Уиллика служил единственный автобиографический рассказ, опубликованный в мужском журнале. Перед судом Алексей запасся копией журнала — он надеялся произвести впечатление на судью.

День решающего слушания дела неумолимо приближался. Адвокат предупредил Алексея, что суд потребует вызова ребенка на заседание, где девочку спросят, с кем из родителей она хочет остаться. На днях состоялось знакомство Веры с ее персональным адвокатом, которого ребенку назначил суд. К слушанию дела следовало основательно подготовиться.

И Алексей был уже готов.

Вера сидела за письменным столом и рисовала, когда отец вошел в ее комнату. В его руках белела толстая пачка листов.

— Вот возьми, почитай. — Он положил стопку бумаги перед дочерью. — Мы должны обсудить это.

Вера прилежно углубилась в текст. Но английский язык, да еще и изобиловавший местными выражениями, оказался слишком сложен для нее. Она зевнула и отложила листки.

— Это скучно, па...

— Но это очень важно! Давай я сам тебе перескажу все, чтобы ты лучше поняла, — сказал Алексей. — Это касается нового мужа твоей мамы, Уиллика. Ты должна узнать, кто он такой.

— Кто он такой? — с любопытством спросила Вера. — Мама говорила, он писатель. И у него куча денег.

— Нет, она ошибалась. Он бандит.

— Бандит? — Глаза девочки удивленно округлились.

— Да, и вот здесь об этом все сказано. — Алексей щелкнул пальцем по пачке листов. — В этом нет никакого секрета, я взял это в библиотеке. Сейчас я перескажу тебе вкратце, что здесь написано... Дядя Джон с юных лет грабил банки и магазины с пистолетом. Однажды он даже пытался убить офицера полиции. У него была жена и маленькие дети, но он их бросил. Потом он нашел одну женщину и заставил ее вместе с ним воровать и грабить банки. Ты хочешь, чтобы он заставил грабить банки и маму? И чтобы в конце концов ее тоже посадили в тюрьму? И чтобы тебя потом отдали в приют?

— Нет! — прошептала Вера. — Не хочу, папа!

— Это непременно случится, если ты скажешь на суде, что хочешь жить с ними. Это обязательно случится! В приюте у тебя отберут все игрушки и запрут в комнате, где будет еще полсотни детей, в основном мальчики. И мальчики будут с удовольствием издеваться над тобой и дергать за волосы. Ты хочешь этого?

— Нет, папа...

— Кроме того, Уиллик и тебя заставит воровать. И тогда полиция поймает тебя и посадит в тюрьму. Ты хочешь этого?

— Нет, папа...

— А мама начнет принимать наркотики и станет наркоманкой. Может, она уже начала это делать. Ты знаешь, кто такие наркоманы?

— Да, папа, нам рассказывали об этом в школе. Я боюсь их, папа.

— И если она забеременеет от него, ты тоже будешь ей не нужна. Ты станешь лишней, и тебя отдадут в приют. Ты хочешь этого?

— Нет, папа!

— Есть только одно средство избежать этого.

— Какое, папа?

— Ты должна своему адвокату, Барбаре Кемпбелл, той красивой даме, с которой мы недавно познакомились, сказать, что хочешь жить со мной. Она спросит тебя, с кем ты хочешь остаться, и ты должна сказать, что с папой. Ты должна сказать ей, что боишься нового мужа мамы.

— Хорошо, папа, я скажу...

Алексей ласково провел ладонью по голове девочки. Это было именно то, что ему требовалось.

— Ну все, милая, уже поздно, ложись спать.

Он поправил одеяло на кровати, выключил свет. И улыбнулся дьявольской улыбкой. Победа будет за ним!

На решающее заседание Семейного суда в качестве свидетелей были приглашены и учительница Веры, мисс Бьерник, и миссис Симпсон. Они должны были под присягой давать показания.

Алексей был настроен решительно. Внешне он казался спокойным — адвокат объяснил ему, что если ребенок выскажет пожелание жить с отцом, то никто не посмеет отдать его матери. А в решении дочери он был уверен. Главное, чтобы его бывшая жена не перехватила Веру по дороге и не успела настроить ребенка против него. Ну уж он об этом позаботится!

Люся и Джон приехали к зданию суда заранее. Люся не видела дочь целый месяц и с нетерпением ждала

момента встречи. И со страхом — потому что не знала, как поведет себя Вера. Она такая маленькая, такая доверчивая...

Они заняли место в зале — небольшой комнате с боковыми входами. Люся нервно оглядывалась на дверь — что-то Алексей с Верой запаздывают...

Судья уже заняла свое место за столом, а их все не было... Они тянули время, не желая встречаться с ней до начала заседания.

— Мама! — Вера вырвала руку из ладони отца и бросилась к матери на глазах у судьи. Люся порывисто прижала к себе дочь.

Судья поправила очки и с сочувствием уставилась на них.

Алексей помрачнел. Эта сентиментальная сцена совершенно некстати, она может оказать на судей сильное впечатление. Да и на саму Веру неизвестно как повлияет эта встреча!

Наконец адвокат девочки Барбара Кемпбелл оторвала ребенка от матери и отвела в специальную комнату, где Вера должна была дожидаться, пока ее пригласят.

Сначала была вызвана учительница мисс Бьерник. Она была приведена к присяге и предупреждена о даче ложных показаний. С добросовестным блеском в глазах учительница поведала суду, что ребенка обычно привозил и забирал из школы отец. И лишь после того, как родители Веры разъехались, за ней стала приезжать мать, одна или со своим новым спутником жизни. Не забыла упомянуть, что мать часто опаздывала к концу занятий. Все это продолжалось до тех пор, пока отец не перевел ребенка в другую школу.

Судья нахмурилась.

— Мистер Лапко, — обратилась она к истцу. — Перевод ребенка в другую школу был совершен с согласия жены?

— Нет. — Врать было бесполезно.

— Вы предупредили ее о своем решении?

— Нет.

— Ребенок знал о вашем решении?

— Нет.

— Девочка переживала, когда все это произошло?

— Нет.

Судья нахмурилась еще больше.

— Вы не должны были делать это. Суд непременно учтет этот факт.

Далее настала очередь соседки миссис Симпсон. По случаю торжественного выхода в люди ее тыквообразную голову украшал новый каштановый парик. Но миссис Симпсон не так много могла поведать о жизни своих соседей...

— Мистер и миссис Лапко часто ссорились? — спросила судья.

— О да, ваша честь!

— Они ссорились при ребенке?

— О да, ваша честь! И без ребенка тоже.

— В чем состояла сущность их споров?

— Я не знаю, ваша честь. Они ссорились не на английском языке.

— Ваши соседи производили впечатление нормальной семьи?

— Нет, ваша честь. Они никогда не убирали старую листву на своем участке. Это недопустимо.

— Спасибо, миссис Симпсон.

Далее настала очередь Люси.

— Расскажите о ваших отношениях в семье, миссис Лапко.

— Это были ужасные отношения. В последние два года моя жизнь превратилась в ад. Я даже не могла выйти из дома, поскольку не работала, а муж не давал мне денег. Он постоянно упрекал меня, кричал, обзывал. Он изменял мне с одной женщиной в России — я узнала об этом случайно. Он собирался жениться на ней и имел с ней сексуальные отношения по Интернету. Я давно хотела уйти от него, но не могла сделать это. По специальности мне практически невозможно найти работу, я не могла снять жилье, потому что у меня не было денег.

— Муж бил вас, миссис Лапко?

— Нет.

— Если у вас были такие плохие отношения в семье и если ваша жизнь превратилась в ад, как вы говорите, то почему вы не обратились за помощью в организацию «Против насилия в семье»? Там могли вас поместить в приют для женщин, найти работу и жилье, защитить.

— Я не знала, что такие организации существуют. Мне никто не говорил об этом.

Потом судья принялась за Алексея:

— Мистер Лапко, что вы можете рассказать суду о своей семейной жизни?

— Ничего хорошего, ваша честь, ничего хорошего. Я признаю, что наш брак был ошибкой с первого дня и до последнего. Моя супруга оказалась плохой женой. Но это еще не самое ужасное — она оказалась еще и плохой матерью. Сейчас она использует дочь лишь как средство в борьбе против меня, стремясь разрушить мою жизнь, чтобы отсудить большое денежное содержание...

— Мне не нужны твои деньги! — ненавидяще выкрикнула Люся со своего места. — Подавись ими! Мне не нужен ни ты сам, ни твои деньги!

— Миссис Лапко, не нарушайте порядок. Если вы сделаете еще одно замечание, вас удалят из комнаты. Продолжайте, мистер Лапко.

Джон сжал холодную как лед руку Люси — крепись!

— Моя жена не выполняла свои семейные обязанности, — с пафосом продолжал Алексей. — Она не ездила за дочерью в школу, не встречалась с учителями. Она не совершала покупки в магазинах. Она редко убиралась в доме и готовила плохую еду. Она не выполняла свои сексуальные обязанности. Все это служило ей предлогом для постоянных ссор и скандалов. Наконец, она длительное время нарушала супружескую верность и святость брака с мистером Уилликом. Ее пример, несомненно, окажет негативное влияние на ребенка, и я хотел бы оградить дочь от дурного влияния ее матери и от влияния мистера Уиллика, учитывая его не вполне благополучный облик как гражданина и отца.

— Спасибо, мистер Лапко. Суд понимает вашу точку зрения.

Затем настало время услышать решение ребенка.

Сердце Алексея сильными толчками билось в груди. Сейчас решится его судьба. И судьба этой сучки, его жены... Он не может допустить, чтобы она выиграла!

Веру усадили на отдельное место в зале, чтобы ее было хорошо видно присутствующим. Девочка нашла взглядом лицо матери и улыбнулась ей. Затем увидела рядом с ней седовласую голову Уиллика и сердито насупилась.

Адвокат Веры, красивая молодая женщина по имени Барбара Кемпбелл, с ласковым голосом и стальным взглядом, спросила:

— С кем ты хочешь остаться, Вера? Ты уже большая девочка и можешь принять решение, как взрослая. Решай!

Присутствующие в зале затаили дыхание. Девочка тяжело вздохнула. Внутри нее происходила сложная работа. Ей хотелось, чтобы все было по-прежнему, чтобы они жили с мамой и папой в их старом доме и чтобы она ходила в старую школу. Ей не хотелось жить рядом с мистером Уилликом, ведь он бандит. Но в его доме был такой роскошный бассейн, и он обещал ей на день рождения подарить щенка...

— Я хочу жить с мамой и с папой, — ответила девочка.

— Это невозможно, дорогая, — мягко заметила Барбара Кемпбелл. — Ты можешь жить только с мамой и с ее новым супругом или только с папой. И в том и в другом случае ты обязательно будешь видеться с другим родителем не менее одного раза в неделю и проводить с ним месяц во время каникул каждый год. Итак, или — или... Выбирай!

Вера тяжело, совсем не по-детски вздохнула. Посмотрела на напряженное лицо отца. Затем на грустное лицо матери. Она сейчас живет с папой. Может быть, настало время пожить немного с мамой? Они так давно не виделись. Ей так много нужно рассказать ей — о новой школе, новых подругах, новых учителях.

— С мамой, — сказала она. — Но видеться с папой.

Это было ее решение. Воля ребенка признавалась обязательной для решения суда. По залу пронесся вздох. Это был вздох облегчения для Люси, Уиллика и их адвоката и вздох поражения для противной стороны.

— Но я хочу еще сказать! — решительно продолжала Вера.

— Мы тебя слушаем, дорогая, — мягко произнесла Барбара Кемпбелл. — Говори все, что считаешь нужным сказать.

— Я не хочу, чтобы со мной и мамой жил мистер Уиллик.

— Почему, милая?

— Потому что я все знаю про него. Он бандит. Он грабил банки и магазины, а это очень плохо. Он заставлял других грабить и воровать. Я боюсь, что он заставит меня и маму делать это.

По залу пронесся шум. Люся тихонько ойкнула. Уиллик обескураженно опустил глаза. Очки Алексея торжествующе сверкнули. Судья, стукнув для порядка молотком по столу, строго спросила ребенка:

— Откуда тебе известно об этом, Вера?

— Мне все рассказал папа. Он прочитал мне газету, где говорилось об этом. И вообще я не хочу, чтобы с моей мамой жил вместо папы другой мужчина.

— Спасибо, Вера. Пожалуйста, выведите ребенка из зала, — обратилась судья к адвокату девочки.

Едва только за ними закрылась дверь, она обрушила на Алексея весь свой гнев.

— Вы нарушили запрет суда и рассказали ребенку, что происходит на заседании! — бушевала она. — Вы оговорили честного человека, который искупил свою вину. Мистер Уиллик не обязан носить пожизненное клеймо каторжника, ведь мы живем не в восемнадцатом веке, и Австралия — свободная страна. У нас человек, сидевший в тюрьме, такой же равноправный член общества, как и все остальные двадцать миллионов людей. Мистер Уиллик живет честно, а вы совершили уголовно наказуемое деяние, оговорив его перед ребен-

ком. Вы не хотите, чтобы у вашей дочери была нормальная семья и нормальный отец!

Алексей сидел как оплеванный. Адвокат шипел ему на ухо гневные слова.

Через пять минут было оглашено окончательное решение. Оно гласило, что ребенок остается с матерью. Отцу давалось право на один звонок в неделю и одно свидание в уик-энд. Кроме того, он имел право провести с ребенком один месяц во время летних каникул.

— Решение суда окончательное и обязательно к исполнению для обеих сторон! — произнесла судья, строго взглянув в зал.

Алексей встал, не чуя под собой земли.

Она все же переиграла его! Эх, надо было предупредить дочку, чтобы ничего не рассказывала об их разговоре. Это его ошибка. Но сейчас поздно рвать на себе волосы, слишком поздно.

Получив чек на пять тысяч долларов в качестве гонорара, адвокат дружески похлопал Алексея по плечу.

— Это совсем не плохое решение суда, — сказал он. — Ведь вы будете часто видеть дочь. В нашей стране редко удастся так удачно завершить процесс. Обычно суд выносит решение в пользу матери и дает отцу куда меньшее количество свиданий. Так что, считайте, мы выиграли!

Алексей смотрел, как Вера, помахав ему рукой, садится в красную спортивную машину и как автомобиль отъезжает от стоянки. О, как он ненавидел эту лучащуюся счастьем парочку! Он был готов сделать все, чтобы разрушить их счастье, но только не знал, что для этого нужно.

Он не знал, что скоро, совсем скоро их счастье кончится.

Глава 3

Ранним утром Джон отправился по делам и обещал вернуться только к вечеру. Люся никогда не спрашивала, какие у него дела, да он и не ответил бы ей, ограничившись поцелуем. Вера находилась в школе.

Люся весело напевала, расхаживая по дому. Денек обещал быть жарким. Летняя засуха была в полном разгаре, цветы на газонах перед домом печально поникли, моля о влаге.

Достав шланг из гаража, она принялась поливать цветы. Струя брызгала дождем, в рассеянных каплях воды загоралась яркая радуга.

Послышался отдаленный гул мотора — к воротам виллы подъехала незнакомая машина. Из нее вышел представительный господин в темном костюме и решительно надавил кнопку звонка.

— Что вам угодно? — Бросив шланг, Люся нерешительно приблизилась к воротам. Ее сердце испуганно билось. Она чувствовала, этот господин принес ей дурные известия.

— Могу я видеть мистера Уиллика? — спросил посетитель. — Мистера Джона Уиллика?

— Его нет, — ответила Люся. — А что случилось?

— Вы миссис Уиллик? — осведомился темный господин.

— Да, — легко соврала Люся.

— В таком случае поставьте свою подпись вот здесь. — Он вручил ей листок бумаги.

— Что это?

— Аренда виллы вот уже три месяца как просрочена. Мы посылали по почте предупреждения об оплате, но ваш муж не соизволил даже позвонить нам.

У Люси отлегло от сердца. Всего-то насчет аренды виллы... А она-то ожидала худшего. Она даже улыбнулась собственным страхам.

— Вы обязаны в течение суток внести деньги и освободить дом, иначе наша компания будет вынуждена обратиться в полицию.

— В полицию? Нет! — испуганно воскликнула Люся. — Нет! Только не это! Мы заплатим сегодня же!

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул посетитель. — Тогда распишитесь вот здесь и здесь.

Едва только машина отъехала от ворот, Люся с бьющимся сердцем бросилась паковать вещи. Только не по-

лиция! Только бы они не обратились в полицию! Пока Джон не вернулся, ее била нервная дрожь.

Когда красный автомобиль показался на подъездной дороге, Люся стремглав бросилась ему навстречу, точно они не виделись целую вечность.

— Быстрее, Джон! Мы должны уехать отсюда, скорее!

Она задыхалась, точно за ними гнались по пятам. Ей казалось, что им грозила страшная опасность.

Они стали грузить вещи в машину, благо их было не так много. Люся дрожала, ей было страшно. Ей казалось, что вот-вот из-за поворота покажется полицейская машина и арестует Джона...

— Куда мы едем? — спросила она, когда они выехали на автостраду.

Уиллик был хмур и сосредоточен.

— К моей жене, — ответил он. — Ее зовут Глория.

Люся ошеломленно молчала.

Он обернулся к ней и увидел ее обескураженное лицо.

— Она очень хорошая женщина, мой близкий друг, — пояснил он. — Она нам поможет. Она мне всегда помогала в трудные времена.

— А как же я? — спросила Люся.

— Она всегда помогала и тем, кто со мной, — заверил Джон.

Глория встретила неожиданных гостей радушной улыбкой. Годы и невзгоды изменили цвет ее волос — теперь они напоминали соль с перцем, безжалостное австралийское солнце украсило ее обильными морщинами, но фигура осталась такой же подтянутой, взгляд таким же спокойным, а речь такой же рассудительной. Ей было почти шестьдесят, и Люсе на миг показалось, что она приехала в гости к старинной маминой подруге, не чужой в ней души.

Обняв за талию, Глория повела гостью в дом. Джон выгружал вещи из машины.

— У меня проблемы... — объяснил он бывшей жене свое появление.

— Ты в бегах? — понимающе кивнула Глория.

— Что-то вроде того... Но это не главная проблема. Проблема в том, что я на мели, и у меня нет денег снять жилье.

— Я не могу помочь тебе деньгами, Джон, — просто ответила Глория. — Однако живи у меня сколько хочешь. А кто эта женщина? Она немного странная.

— Она русская.

— Она без ума от тебя, это видно.

Джон согласно кивнул.

— Она мне тоже очень дорога. Но у нее проблемы с бывшим мужем. Он собирается отнять у нее ребенка. Я ей помогаю. — И, немного помолчав, он добавил: — Как Патрик и Кетлин, дорогая?

Глория снисходительно похлопала его по руке. Она и теперь была такой же, что и тридцать лет назад: твердой, несгибаемой. Джон был рад, что у него есть такой преданный друг, единственный друг за всю его долгую жизнь.

Дружески обнявшись, они отправились к дому.

— Дети недавно звонили, спрашивали, что слышно о тебе. За те три года, что мы не виделись, ты уже второй раз стал дедушкой.

— Кетлин? — просиял Джон.

— Нет, дорогой, на этот раз Патрик. У нас с тобой появилась внучка. Надеюсь навестить Патрика и его семью на Юлфест¹. — Лицо ее приняло озабоченное выражение. — А девочку твоей подруги мы поместим в спальне Пикси наверху, там немного прохладнее. О'кей?

— Ты у меня просто чудо, Глория. — Джон благодарно прижался губами к ее щеке.

— Просто я люблю людей, — простодушно ответила Глория и, чуть подумав, добавила: — И люблю тебя.

¹ Ю л ф е с т — Белое Рождество. Празднуется в июне, когда в Австралии зима и в Голубых горах и в Снежных горах лежит снег. Эту традицию завезли на континент шведские эмигранты.

— Финансовые трудности? — понимающе кивнул продавец подержанных машин, кивая на шикарный автомобиль Джона, стоявший на площадке с авторухлядью. И тут же философски заметил: — А у кого их нет...

Джону удалось удачно сбыть с рук машину. Настолько удачно, что у него получилось сверх намеченной суммы еще пятьсот долларов. Он подумал, что у него сегодня счастливый день, раз ему дуриком достались пятьсот долларов. Такой знак благосклонности судьбы внушал ему определенные надежды на будущее. И Джон решил проверить эти надежды на практике. Кстати вспомнилось, что сегодня суббота, день заезда на ипподроме, стечение народа, ставки будут высоки. Пятьсот долларов жгли ему карман. На эту сумму он и решил рискнуть.

Остальные деньги покоились в целости и неприкосновенности в кармане рубашки, Джон рассчитывал на них продержаться пару месяцев, пока найдется что-нибудь стоящее в смысле работы. Но если ему сегодня повезет на бегах, можно будет вновь отправиться куда-нибудь путешествовать по стране. Он обещал свозить Люсю на настоящую овцеводческую ферму в буше, ведь она так любит лошадей...

На ипподроме он сразу окунулся в привычную, знакомую с юности любимую атмосферу. Его ноздри с удовольствием вдыхали запах толпы и конского навоза, резкий запах лошадиного пота, доносившийся из конюшен.

Он так давно не играл... почти шесть месяцев! Баснословный выигрыш полгода назад позволил им безбедно существовать все это время. Тогда, после выигрыша, он зарекся играть на тотализаторе. Купил машину, снял виллу. Но теперь ему позарез нужны деньги, и, кроме того, у него сегодня удачный день. Значит, должно повезти. По неписаным правилам, новичкам и тем, кто давненько не появлялся на скачках, обычно везет.

В баре он повстречал старинного приятеля, который сообщил ему некоторые свежие сведения о лошадях и наездниках. Фаворитом нынешнего забега был Черный

Кит. На различные комбинации с номером, принадлежащим фавориту, и делались основные ставки.

Удачно начавшийся день должен удачно закончиться — верная примета... Джон был уверен, что ему повезет. На самом деле его точно подхватило бурным течением, не хватило сил противостоять внезапно охватившему его азарту. Да у него и не было желания противостоять ему.

В кассе он сделал несколько ставок и отправился на трибуны.

Сердце, усталое, порядком изношенное сердце, билось в его груди неистовыми толчками. Вот-вот сейчас, через несколько минут, он станет богаче на несколько тысяч. И тогда он и Люси...

Он дрожал от нетерпения, когда лошади, точно безумные фурии, рвались к финишу, кричал от радости, когда его ставка сыграла. Небольшой выигрыш лишь раззадорил его.

Он отправился в кассу и вновь поставил деньги. Нет, сегодня у него определенно удачный день...

Джон выполз с ипподрома лишь под вечер, когда его карманы окончательно опустели. Ему казалось, что он всю свою жизнь профукал в тотализатор. Он не знал, что сказать Люси. И не знал, что делать дальше.

Через пару дней на деньги, заимствованные у Глории, они сняли маленький и скромный домик в Квинбене. В этом районе было много эмигрантов и безработных, мало полиции, и здесь на них никто не обращал внимания. И еще — отсюда было недалеко до школы, где училась Вера.

— А разве мы не можем купить себе дом? — робко спросила Люся, когда улеглась суматоха переезда и тревожения, связанные с поиском нового обиталища, остались позади.

Джон только развел руками.

— Прости, дорогая, — произнес он. — Я думал, что у меня еще много денег на счете в банке. Но они внезапно

кончились. Я отдал адвокату последние три тысячи. Прости, что заранее не предупредил тебя об этом... Наверное, мне надо найти работу, чтобы продержаться какое-то время. Не волнуйся, деньги у нас будут.

— Ерунда! — ответила Люся и прижалась к нему. — Главное, что мы с тобой вместе. И что Вера с нами.

Но Вера уже на следующий день оказалась у Алексея, и тот не собирался возвращать ребенка матери.

Он просто делал привычную работу. Волна адреналина поднималась откуда-то изнутри и обволакивала мозг веселящим розовым флером. Нет, годы совсем не сказались на нем. Он еще даст фору любому мальчишке, который, одурев от наркотиков и собственной смелости, наставит пистолет на служащего банка.

— Пожалуйста, сложите деньги вот сюда. — Он улыбнулся дрожащей от страха служащей. Эта была милая светловолосая девушка с короткой стрижкой, в тонкой блузке, которая потемнела под мышками от пота, — девушке было очень, очень страшно.

«Хорошенькая», — про себя констатировал Джон и обвел пистолетом банковский зал. Народу там было не много — несколько посетителей с бледными от страха лицами, служащие с трясущимися руками. Эти не опасны.

— Мисс, пожалуйста, побыстрее, — попросил Джон и с улыбкой добавил: — Не то я опоздаю к ужину.

Девушка от испуга уронила пачку денег на пол. Затравленным зверьком глядя в глаза грабителю, она медленно опустилась на корточки и протянула руку к деньгам. Подняла их и незаметно нажала кнопку тревоги под столом. И выпрямилась, все еще глядя на него прелестным умоляющим взглядом.

— Большое спасибо, — поблагодарил ее Уиллик и обратился к посетителям банка: — И вам спасибо, господа. До встречи.

— На суде увидимся, — проворчал один из посетителей, плечистый мужчина в шортах и с пивным, свищающим над ремнем пузом.

Посвистывая, Джон вышел из банка. Стеклопанные двери за ним захлопнулись.

Нет, он не потерял своей квалификации. Несмотря на возраст, он до сих пор лучший грабитель банков на этом континенте... Поправив сбившийся на сторону парик, липкий от пота, Уиллик направился к стоянке машин, где стоял арендованный автомобиль. Он не хотел спешить, чтобы не привлекать внимания прохожих.

Мешок с деньгами приятно оттягивал руку. Теперь он сможет оплатить услуги адвоката Люси. И поехать с ней по стране в свое удовольствие. Теперь он сможет купить ей лучшие драгоценности, лучшие платья, лучшую машину — она так мечтает о личном автомобиле!

— Стой! Стрелять буду! — раздался сзади голос, в котором грозно звучали полицейские нотки.

Не оборачиваясь, Джон побежал, на ходу доставая пистолет.

— Стой! — раздался хлопок, и первая пуля вгрызлась в черный асфальт далеко впереди.

Беглец обернулся — полицейский, встав на одно колено, целился в него. «Он один, — решил Уиллик. — Надо его припугнуть».

Не глядя он прицелился, нажал на спусковой крючок и молнией бросился между припаркованных к тротуару машин. Порывом ветра у него сорвало парик, он упал на асфальт и покатился, точно комок грязной пакли.

Уиллик изо всех сил мчался к стоянке. Он всегда показывал незаурядные способности к бегу и сейчас, несмотря на возраст, находился в прекрасной спортивной форме.

Случайный прохожий, точно сросшийся со стеной во время перестрелки, поднял парик и, когда все стихло, отнес его в полицию.

А вечером диктор в телевизионных новостях поведал миру:

— Сегодня днем, около четырех часов, в Северном пригороде было совершено ограбление банка. Вооруженный пистолетом преступник действовал по традиционной схеме. Офицер полиции, пытавшийся поме-

шать ограблению, был ранен убежавшим преступником. Сейчас его состояние остается стабильно тяжелым. По оценкам работников банка, похищено более двадцати тысяч. Все силы полиции брошены на розыск злоумышленника.

Люся скосила взгляд на Джона. Он перестал лениво потягивать пиво в кресле и, услышав об ограблении, весь подобрался.

Это плохо, очень плохо... Полиция обычно не прощает ранения офицера преступнику. Хорошо еще, что полисмен остался жив...

Люся прижалась щекой к плечу Уиллика и решила: «Это не он, Джон не стал бы стрелять, он не такой...» Она еще крепче прижалась к нему и даже зажмурилась от счастья.

Диктор исчез с экрана телевизора, и началось какое-то шоу.

Резкий стук во входную дверь прозвучал громче, чем выстрел.

— Кто это? — одними губами спросил Джон.

Люся настороженно пожала плечами. Стук повторился.

Уиллик бросился к окну и стал бесшумно поднимать раму. Входная дверь жалобно загремела под напором.

— Кто там? — робко спросила Люся, выходя в холл.

— Откройте, полиция! — донесся снаружи приглушенный голос.

В окне виднелась полицейская машина, припаркованная возле дома.

Люся дрожащими руками открыла замок.

На пороге высились двое статных мужчин в форме. Из-за их спин зло блеснул глазами Алексей.

— Что случилось? — теряя сознание от страха, прошептала Люся. — Что произошло?

— Доброй ночи, миссис, — рослый, под два метра полицейский был вежлив и предупредителен. — Простите за беспокойство, мы патрулировали вашу улицу и

заметили возле дома этого человека. — Он вытолкнул на середину комнаты Алексея. — Вы знаете его?

Очки Алексея обескураженно блестели, лицо выглядело рассерженным и пристыженным одновременно.

— Да, знаю. — У Люси отлегло от сердца. — Это мой бывший муж.

Послышались шлепающие шаги на втором этаже. На лестнице показалась Вера, разбуженная ночной суматохой и стуком в дверь.

— Мама, что случилось? — И вдруг заспанные глаза девочки удивленно расширились. — Папа? Папочка!

Она повисла на шее отца, болтая ногами.

— Мы обнаружили у него видеокамеру и диктофон, — объяснил шериф. — Вы хотите, миссис, чтобы мы составили протокол по этому поводу?

— Протокол? — Люся задумалась. Чем быстрее уберется полиция из их дома, тем будет лучше. — Пожалуй, нет. Спасибо, шериф, это семейное дело, мы сами разберемся.

Откозыряв, полицейские направились к выходу.

В воцарившейся тишине стало слышно, как взревел мотор отъезжающего автомобиля. Вера застыла возле отца, любовно поглядывая на него.

— Что это значит, Алексей? — скрестив руки на груди, спокойно и чуть насмешливо спросила Люся. — Выходит, ты следишь за мной?

Прижав к себе дочь, Алексей молчал, на его скулах играли желваки.

— Ты собираешь компромат на меня? Думаешь, тебе удастся застукать меня на чем-нибудь противозаконном?

— Отдай дочь, — прохрипел он, — а не то дорого заплатишь за это. Лучше добром отдай!

— Ты, кажется, совсем спятил, — саркастически усмехнулась Люся. — Ты ведь слышал решение суда. Суд сказал, что Вера останется со мной. В этой стране все делается по закону, неужели ты этого еще не понял? Вера, иди спать, утром в школу.

— А папа останется здесь? — спросила девочка, не в силах отнять свою руку от отца.

— Иди спать, Вера, мы поговорим с папой...

Дочка послушно отправилась наверх.

— Ну и где же твой грабитель банков? — насмешливо оглянулся Алексей. — Испугался полиции и сбежал?

Он попал в точку. Люся взбешенно сжала кулаки.

— Могу поклясться, — произнесла она, в гневе ноздри ее затрепетали, — с этой минуты ты не сможешь приблизиться ни ко мне, ни к дочери без моего согласия. А сейчас — вон отсюда!

— Посмотрим! — заявил Алексей, выходя из дома. — Мы еще посмотрим, кто кого...

А утром постель Веры на втором этаже оказалась пуста — девочка исчезла.

Выйдя из дома жены, Алексей задумался. Если о происшедшем Люся сообщит в суд, ему не сойдет с рук шпионская слежка с видеокамерой под окнами. Но только это не дойдет до суда!

Выйдя на улицу, он увидел в освещенном окне второго этажа силуэт дочери в ночной рубашке.

Алексей слабо махнул рукой. Девочка тихо отворила окно.

— Папа, ты зачем так поздно? — прошептала она, навалившись животом на подоконник. — И почему пришли полицейские?

— Хочешь, я заберу тебя к себе? — спросил он вместо ответа. Внутри все бурлило от пережитого только что унижения, когда два дюжих полицейских схватили его в то время, как он снимал на камеру происходящее в комнате.

— Да, — ответила девочка. — Хочу!

— Слушай! — громким шепотом произнес он. — Когда погаснет свет, выходи из дома. Я буду ждать за углом в машине.

— Хорошо, папа. Я все поняла. Я приду.

Вскоре свет в комнатах нижнего этажа погас.

А еще через несколько минут белая крадущаяся фигурка выскользнула из дома и побежала босиком вдоль

ночной улицы. Это была Вера в ночной рубашке и носках — она не смогла в темноте найти свою обувь.

Вскоре они уже входили в дом.

— Ну теперь мы ей покажем! — обронил Алексей, возбужденно потирая руки. Теперь, он не сомневался, перевес на его стороне!

— Мистер Лапко, несмотря на постановление суда, вы похитили ребенка из дома вашей бывшей жены. Как вы объясните это? — Голос судьи звучал угрожающе.

— Ваша честь, я не похищал ребенка. Вера сама вернулась ко мне, потому что она больше не желает жить с матерью. Посреди ночи я открыл дверь и увидел свою дочь, она стояла в одних носках на холодной земле и дрожала от холода и страха. Она бежала по ночным улицам совершенно одна, раздетая, без обуви, в носочках. Вот эти носочки! — Он достал из кармана пакет и продемонстрировал его судье. — Поймите, жизнь рядом с любовником матери наносит невосполнимый урон психике ребенка!

— Решение суда обжалованию не подлежит, — заметила судья. — Ваша дочь сама сказала, что хочет жить с матерью. Постановление суда подлежит исполнению, как бы вы этому ни препятствовали. Кроме того, в суд поступило свидетельство из полиции, в котором сказано, что вас задержали возле дома вашей бывшей супруги во время слежки за ней. В связи с этим, следуя поданному прошению, суд вынужден выдать миссис Лапко ордер для предупреждения насилия «Apprehensive Violence Order». Отныне вам запрещено приближаться к месту проживания вашей жены менее чем на пятьсот метров, звонить ей по телефону или беспокоить любым другим способом. Если вы нарушите это постановление, то вы будете осуждены за уголовное преступление. Вам ясно, мистер Лапко?

— Да! — подтвердил Алексей обескураженно.

Дурацкая страна! Дурацкие законы! Вера вновь вернулась к матери.

— Да, это постановление стоило нам кругленькую сумму, — гордо заметил Уиллик. — Знаешь, в этой стране чертовски дорогое правосудие.

— Где ты взял деньги? — спросила Люся напрямик.

Уиллик быстро нашелся:

— Издатель выплатил мне аванс за новую книгу.

— Но ведь ты ничего не пишешь. Я ни разу не видела, чтобы ты сидел за письменным столом.

— Я буду писать, — заверил ее Джон. — Вот только закончится эта кутерьма с судами, и я сразу сяду за новый роман. Мне нужно время и покой. Главное — покой.

И Люся ему поверила. Какая разница, откуда у него деньги. Главное, что они есть. Главное, что они вместе, что они любят друг друга и Вера с ними.

Но Вера не хотела больше оставаться с ними. Ее отношения с матерью портились день ото дня.

— Я хочу к папе! — надув губы, однажды заявила она. — Я не хочу жить с тобой!

— Что это за разговоры! — вспылила Люся. — Я знаю, это отец настраивает тебя!

— Нет, я сама не хочу! Не хочу жить в одном доме с бандитом! Он убьет и тебя и меня! У него есть пистолет, я видела. Он бандит!

— Прекрати! — Люся едва сдерживала нахлынувшее на нее бешенство. За словами дочери проглядывала очередная виртуозная комбинация бывшего супруга. — Джон не сделал тебе ничего плохого. Он хороший человек и хорошо к тебе относится.

— Когда ты дома! А когда тебя нет, он не разрешает мне смотреть телевизор и приглашать друзей! Он сказал мне, что отшлепает, если я не буду его слушаться! Пусть он уходит!

— Он не уйдет, Вера, глупо об этом даже говорить!

— Тогда я уйду к папе! Я буду жить с ним! Он мне все разрешает!

— Тебя опять вернут ко мне, потому что таково решение суда.

— А я опять сбегу от вас. Потому что ты наркоманка! Алкоголичка, я знаю! И ты тоже стала бандиткой, выучилась у него!

Дверь открылась, и в комнату вошел Джон.

— О чем спор? — спросил он, непонимающе оглядывая лица ссорящихся матери и дочери.

— Ничего страшного, — через силу улыбнулась Люся. — Вера, иди в свою комнату, почитай книжку.

Едва дверь затворилась, она порывисто обняла его и произнесла со слезами в голосе:

— Как я устала! Если бы ты знал, как я устала!

— Я понимаю, — кивнул Джон. — С праздничными детьми¹ всегда трудно. Это большое испытание и для психики ребенка, и для психики родителей. Понимаешь, Вера приходит к отцу на выходные, и он делает для нее все, что она пожелает, — и для нее это праздник, и для него это праздник. Он старается вовсю, а она это воспринимает как должное и хочет, чтобы и ты вела себя так же: чтобы каждый день превращала для нее в праздник, чтобы позволяла ей все, что позволяет отец.

— Но это невозможно! — воскликнула Люся.

— Увы, мы должны стараться. Помнишь, Вера недавно рассказывала, как она с отцом ездила к океанским скалам на пикник, как во время отлива они отрывали от скал устрицы и тут же ели их, сбрызнув лимонным соком. Девочка была в восторге. Может быть, и нам придумать что-нибудь подобное? Это нас всех сблизит.

— Чудесно! — воскликнула Люся. — Давай отправимся в следующие выходные на барбекю!

— Хорошо. — Он ласково провел ладонью по ее волосам. — Мы все устали, эта судебная тягомотина измотала нас. Если действительно твоя дочь хочет жить с отцом, может, согласиться с ней? В этом случае она будет больше любить тебя, а не его. Тогда Алексей окажется на месте нелюбимого родителя.

¹ Праздничные дети — дети, которые встречаются с одним из родителей лишь по выходным и праздникам.

— Ни за что! — Глаза Люси грозно блеснули. — Только через мой труп! Это он настраивает ребенка, ему нужен не ребенок, а победа надо мной, мое унижение!

— Ну, как хочешь, — согласился Джон. — Тебе видней...

— Но я не хочу на барбекю! — капризно надула губы Вера. — Папа обещал, что в субботу мы пойдем с ним в океанариум.

— Но ты ведь уже была в океанариуме! — воскликнула Люся. — Думаю, можно потерпеть одно воскресенье и без папы. Будет замечательно, вот увидишь. Мы поедем в Катумбу в вагончике самой крутой в мире железной дороги. Эта дорога под углом сорок пять градусов забирается в горы, а потом спускается в долину. Потом посетим поселок золотоискателей Хилл-Энд, где можно будет арендовать инструменты и заняться промывкой золотоносного песка, потом остановимся возле высочайшего водопада континента Говетс-Лип и полюбуемся скалами Три Сестры. Я уже присмотрела на карте место для барбекю. Будет так здорово!

— Не хочу! — буркнула Вера. — Не хочу никуда ехать с тобой и с этим... — Она не договорила.

Люся побледнела от гнева.

— Ты поедешь, — безапелляционно заявила она. — Я сказала!

Вера буркнула что-то злое в ответ и отправилась звонить отцу.

...Утро субботнего дня выдалось пасмурным, но, несмотря на погоду, поездку решили не откладывать. Небольшой паровозик, деловито пыхтя, пробирался по холмам в глубь страны, в горы Блю-Маунтинс.

Невысокие горы выглядели очень величественно, плавающая в голубовато-сиреневой дымке.

«Похоже на Крым», — в приступе внезапной ностальгии решила Люся.

Вскоре низкие тучи рассеялись, робкое солнце проглянуло сквозь облака, и сразу же стало очень жарко.

Покрытые эвкалиптами и древовидными папоротниками горы, казалось, плавали в тумане, сияя голубоватым свечением, туманная дымка курилась над вершинами, выползала из ущелий и каньонов — это были испарения эвкалиптовых деревьев, состоящие из эфирных масел. Именно они придавали горному воздуху чудесный голубоватый оттенок.

На экскурсии Вера вела себя отвратительно. Она держалась в стороне от матери, будто путешествовала сама по себе, и лишь изредка бросала в сторону взрослых злой взгляд исподлобья — демонстрировала характер. Люся делала вид, что ничего не произошло, и вслух восторгалась красивыми пейзажами. На самом деле она нервничала. Ей было плохо. Изо всех сил она старалась наладить мир в семье, и это у нее не получалось. Уже к середине дня она была издергана до предела.

Место, заранее выбранное для барбекю, оказалось занятым компанией непрерывно сияющих улыбками японских туристов. Пришлось искать другую стоянку по туристической карте, где были отмечены все места для пикников, специально оборудованные шашлычницей и столиками. До нового места пришлось тащиться еще полчаса по влажной от недавнего дождя тропинке. Джон нес сумку с продуктами, сухое топливо и масло-спрей для полива жаркого.

— Как красиво! — фальшиво воскликнула Люся, когда они выбрались из леса на берег ручья, и рухнула на землю. Душный влажный воздух забивал легкие, мешая дышать.

Пока Джон разводил огонь и готовил жаркое, а Люся накрывала на стол, Вера, не сказав никому ни слова, незаметно удалилась в лес. Когда над поляной разнесся запах поджаренного мяса, ее принялись искать.

Девочка не отзывалась. Подождали еще немного — тихо. Только шумел ветер в кронах деревьев да ревел ручей где-то внизу, в глубоком распадке.

Джон отправился искать Веру, а Люся металась по поляне, от тревоги не находя себе места.

Через полтора часа Джон вернулся один.

Люся находилась на грани обморока и лишь бестолково охала. Она не знала, бежать ли ей за спасателями или оставаться и ждать, когда дочка отыщется.

В это время Вера, перебравшись по камням через реку, сидела возле скалы из обветренного песчаника под огромным папоротником и злорадно любовалась паникой на поляне. Сцена трагедии отлично просматривалась из засады.

— Так тебе и надо, — сердито шептала она, адресуясь к матери. — Вот и сиди со своим Джоном! Поняла, да? Теперь тебе ясно, мне ни ты не нужна, ни он!

Когда девочке показалось, что она уже достигла своих воспитательных целей, Вера как ни в чем не бывало выбралась из своей засады и молча возникла на поляне. Не сказав матери ни слова, она молча села к столу и принялась за обе щеки уплетать еду, точно сильно проголодалась. В сторону взрослых девочка старалась не смотреть, углом глаза любуясь их застывшими ошеломленными лицами.

— Ты где была? — наконец справившись с волнением, спросила мать дрожащим от слез голосом.

— Гуляла, — хладнокровно ответила Вера. — Что, соскучилась?

— Как... как ты могла! — От пережитого волнения слезы брызнули из глаз Люси, она вскочила и бросилась прочь, чтобы выплакаться втайне.

Вера хладнокровно уписывала за обе щеки салат «авокадо сифуд»¹. Происходящая сцена доставила ей наслаждение.

Джон не мог больше наблюдать, как девочка хладнокровно изводит свою мать. Он в бешенстве подскочил к ней.

— Ты! — разгневанно крикнул он, схватив за руку. — Ты нехорошая, злая девчонка!

Вера от злости дернула кисть — и вдруг предплечье хрустнуло, и резкая боль пронзила руку до самого плеча.

¹ Плод авокадо, фаршированный хвостами креветок в соусе.

— Ты сломал мне руку! — завопила девочка. — Ты бандит, ты хочешь меня убить! Я заявлю в полицию!

Джон отпустил ее, тяжело дыша. Потом бессильно махнул рукой и отправился искать Люсю.

Пикник, задуманный с самыми благими намерениями, закончился катастрофой.

Вернувшись домой, Вера бросилась к телефону и стала названивать отцу.

— Папа! — звенящим от обиды голосом закричала она в трубку. — Они меня бьют! Мистер Уиллик сломал мне руку! Я хочу к тебе, па...

Девочка рыдала. Ей так хотелось, чтобы кто-нибудь ее пожалел...

— Выходи на улицу, — приказал ей Алексей. — Ты только сбеги от них, и я тебя увезу. Я уже выезжаю...

После беседы с отцом Вера обиженно заперлась в комнате и не отвечала на уговоры матери открыть дверь. Когда пришел врач, чтобы осмотреть поврежденную руку, и взрослым удалось вскрыть комнату, за дверью никого не оказалось.

Окно было распахнуто, и легкий ветерок, врывавшийся в комнату, слабо шевелил занавеску.

— Вот свидетельство врача о том, что девочке были нанесены телесные повреждения. — Алексей выложил справку на стол. — У нее были растяжение и множественные гематомы. Она не может вернуться к матери!

— Но вы обязаны вернуть ребенка! — воскликнула Барбара Кемпбелл, адвокат Веры. — Таково решение суда. Ничего нельзя сделать!

— Но этот человек избивает мою дочь! Он ее покалечит!

— Мистер Уиллик сейчас посещает курсы отчимов у психолога, — ответила адвокат. — Это поможет ему контролировать свои эмоции и найти общий язык с вашей дочерью. Все будет хорошо. Позже вы сможете подать в суд, чтобы опеку над ребенком передали вам, но в данный момент вы обязаны вернуть Веру матери.

— Она опять сбежит от них!

— Если она убежит от них, ее опять вернут в семью, которую ей определил суд. Изменить решение суда может лишь другой суд.

— Но ребенку там плохо!

— Мистер Лапко, если вы не передадите ребенка матери сегодня же днем в специальном центре по проблемам детей, вечером за вами придет полиция. Вы хотите, чтобы девочку под конвоем доставили к матери? Это тоже станет большой психологической травмой для нее.

— Полиция? — задумчиво протянул Алексей. — Ах да, полиция... Хорошо, я привезу Веру сегодня в центр.

Полиция — это идея! Ему поможет именно полиция! Он раскопает все про этого Уиллика и засадит его за решетку. И тогда, без денег, без работы, без жилья, она приползет к нему на коленях, умоляя о прощении.

Именно так все и будет!

— Сколько-сколько? — Джон удивленно округлил глаза, услышав требуемую сумму. — Но у нас нет таких денег! Конечно, я попытаюсь что-нибудь сделать, но, может быть, действительно лучше нанять бесплатного адвоката.

В глазах Люси показались крупные, как роса, слезы. Она закрыла лицо руками.

— Тогда... я не знаю, что делать... Я так надеялась, что ты мне поможешь! Все так ужасно! Я не могу отказаться от тебя, потому что люблю тебя, и не могу отказаться от своей дочери, потому что это моя дочь. И я не могу разорваться на две половины.

— Ну, не плачь. — Он ласково провел рукой по ее волосам, любясь тяжелым золотом, рассыпавшимся по спине. — Я что-нибудь придумаю. Но ты должна помочь мне.

— Я согласна на все! — Люся вскинула на него полные слез глаза. — Что я должна делать?

Уиллик задумался. Наконец после долгого размышления сказал:

— Ничего особенного... Просто подождешь меня на улице в машине. Я зайду в одно место, там мне должны кругленькую сумму. Если дело выгорит, то нам хватит и на адвоката, и, может, удастся купить новую машину. Только ты должна в точности выполнять мои указания.

— Хорошо, — кивнула Люся. Глаза ее мгновенно просохли. — Я сделаю все, что ты скажешь...

Она действительно была готова для него на все.

Охота за неизвестным преступником, ранившим офицера полиции, не затихала ни на минуту. Она просто перешла в новую стадию, уйдя с поверхности под воду, но не исчезнув совсем. Руководил поисками инспектор Альдо Лорензутто, итальянец по происхождению. У него было смуглое лицо, хищный птичий профиль и кошачьи повадки. Он обижался, когда за глаза его звали макаронником, всю свою жизнь он стремился доказать, что следователь на самом деле не имеет национальности.

По его инициативе во все банки Сиднея были отправлены мешки с деньгами, помеченными специальной краской, и сотрудники были предупреждены на случай новых нападений. В случае грабежа они должны были вместе с обычными купюрами подсунуть грабителю меченые, чтобы легче было изобличить преступника. В том, что грабитель вскоре решится на новое дело, инспектор Альдо Лорензутто не сомневался. Он хорошо знал этих ребят, когда они раскочегарятся, их ничто не может остановить. Они входят во вкус и теряют контроль над собой. И вот в этот-то момент они и попадаются!

Инспектор Лорензутто с нетерпением ждал, когда же неизвестный грабитель даст о себе знать. По его подсчетам, это случится уже очень скоро. Ведь ему не много удалось взять в прошлый раз, деньги должны были уже кончиться...

Инспектор Лорензутто ждал. Он умел ждать.

Целые ночи, забыв о сне и отдыхе, Алексей проводил за компьютером. Его бледное лицо светилось во мраке призрачным голубоватым светом. Сегодня он отправился на сайт криминальной полиции Сиднея в Интернете. Может быть, ему все же удастся раскопать что-нибудь интересное про Уиллика.

Стрелка мышки переползла на кнопочку «Архив криминальной полиции». Может быть, здесь что-нибудь отыщется? Убийство женщины-проститутки в порту, преследование несовершеннолетней, торговавшей героином среди сверстников... Какая лабуда!

Ага, вот это: «Ограбление банка... По описаниям свидетелей, преступнику на вид около пятидесяти, стройный, высокого роста, сухощавый, светлые волосы, на голове каштановый парик... Один из свидетелей утверждал, что видел, как преступник с мешком, похожим на те, что используются в банках для хранения наличности, сел в автомобиль. Автомобиль позже был найден на бесплатной стоянке в порту, он оказался арендован на имя мистера Перкинса».

Гм-м... Мужчина лет пятидесяти, с белыми волосами и красным от бега лицом... Кого-то это ему напоминает. Интересно, кого?

Алексей хмыкнул и потянулся к телефонной трубке.

— Алло, полиция? — произнес он. — Я хочу кое-что сообщить...

— Ты должна сразу же тронуться, как только увидишь, что я направляюсь к тебе, — инструктировал Джон. — Волосы убри под шляпу, надень контактные линзы и темные очки.

Люся задумалась.

— Это что-то незаконное? — спросила она напрямик.

— Главное — не бойся. Будь спокойна. — Он не ответил на ее вопрос, точно не расслышав его. — А потом мы сразу уедем далеко отсюда, забрав Веру.

— Хорошо, — прошептала Люся. — Я сделаю все, что надо...

...Она сидела в автомобиле, стоявшем в небольшом переулке между домами. Внутри у нее все дрожало, как натянутая струна. Она должна это сделать... Для счастья ее дочери... Для своего собственного счастья... Для того, чтобы он больше не мог отравлять ее существование... Для того, чтобы они всегда были вместе.

Джон спокойно направился к банку. Что ни говори, как ни ищи себе оправдания, ему нравится эта работа. Это такая же работа, как и все остальные, только много интересней. Сначала — напряжение и страх, потом — ошеломляющий восторг и чувство свободы. Да, ради этого стоит рисковать!

Крутанулись стеклянные двери. Громкий уверенный голос (люди всегда подчиняются, слыша такой голос) произнес:

— Это ограбление, господа! Руки за голову! — И навел пистолет в сторону задрожавших от страха посетителей. Улыбка адресована девушке за пуленепробиваемой перегородкой. — Мисс, будьте любезны, соберите мне пакет с деньгами. И учтите, я очень тороплюсь и очень метко стреляю.

Наконец девушка дрожащими руками начинает складывать в пакет пачки денег. Ее глаза затравленно смотрят на него, а рука тянется к кнопке тревоги.

— И ради бога, забудьте о той крошечной штучке, что у вас под столом, — предупреждает он ее движение. — Вы ведь не хотите, чтобы я прострелил вон тому господину с портфелем ногу. Правда, не хотите?

— Нет! — лепечет девушка, засовывая пачки в мешок. Она вспоминает о меченых купюрах, приготовленных на случай ограбления. Меченая пачка тоже отправляется в общую кучу.

— Благодарю вас, мисс. — Грабитель необыкновенно галантен. Видно, что он спокоен и даже весел. Он не похож на тех одурманенных наркотиками мальчишек, которые наставляют оружие на кого попало. Ясно, профессионал...

Выйдя на улицу, Уиллик включает третью скорость — ему не хочется, чтобы все повторилось, как в прошлый

раз, когда пришлось стрелять в офицера полиции. Эти служащие банка, конечно, очень хорошенькие девицы, но сочувствия у них ни на грош.

— Трогай. — Он буквально падает на переднее сиденье. Машина, точно застоявшаяся в стойле лошадь, рвется с места. — Молодец, дорогая, ты не подвела меня. — Он наклоняется и целует сосредоточенное лицо Люси. — Да не гони ты так, все уже позади...

— Я знаю человека, который ранил офицера полиции во время ограбления два месяца назад. — Голос Алексея звучал твердо.

— Назовите, пожалуйста, себя. Кто это говорит?

— Я не могу вам сказать, опасаясь мести. Этот человек живет в Квинбене. Я видел у него мешок со штампом Национального банка. И у него есть пистолет. И еще — у него слишком много денег.

— Кто говорит?

— Этого человека зовут Джон Уиллик... Он уже осуждался за аналогичные преступления. Его адрес...

Отбой...

Опустив трубку, Алексей откинулся в кресле и удовлетворенно улыбнулся. Когда ее молодчика заметут в тюрьму, эта сука запоеет совсем по-другому. Она приползет к нему на коленях! Она будет умолять его о пощаде, и он еще подумает, прежде чем простить ее! Вот это будет миг настоящего торжества!

Они не заметили, как к дому подъехала полицейская машина. Как из нее бесшумно вышли полисмены с оружием в руках. Как они окружили дом. Как на крыльцо взошел невысокий чернявый человек в гражданском костюме и сторожко вслушался в звуки ночи...

Стук во входную дверь застал их врасплох.

— Не открывай! — прошептал Уиллик, приподняв голову.

— погоди, — ответила Люся. — Может быть, это как тогда, с Алексеём...

Она накинула халатик и босиком прошлепала в холл.

— Кто там?

— Полиция, — слышался вежливый, но твердый голос. — Откройте!

— Но я не вызывала полицию!

— Я инспектор Альдо Лорензутто. У меня ордер на обыск. Открывайте, мэм.

Люся обернулась. Сзади нее Джон торопливо натягивал рубашку.

— Беги, — беззвучно шепнула она. — Беги!

Но он лишь безнадежно качнул головой.

— Бесполезно! — произнес он и добавил севшим голосом: — Бесполезно...

Люся собственными руками открыла дверь, впуская несчастье в свой дом. Ей показалось, что это была дверь в преисподнюю.

Дверь хлопнула так, что все хлипкое здание содрогнулось с основания до крыши — Алексей вернулся с работы. Вспыхнул дымчато-голубой экран телевизора.

На экране показалась приятная немолодая женщина с микрофоном в руках на фоне приземистого бетонного здания.

«Говорит корреспондент седьмого канала Надя Джамал... Мы передаем наш репортаж из полицейского участка в Квинбене, где в эти минуты происходит допрос человека, обвиняемого в вооруженном ограблении банка и покушении на офицера полиции. Этого человека зовут Джон Уиллик, и он уже не раз обвинялся в аналогичных злодеяниях...»

На экране мелькнула тюремная фотография — снимок анфас, в профиль, вполоборота, идентификационный номер внизу. Алексей сразу же узнал своего врага, который отнял у него все — дом, жену и даже ребенка. И который теперь повержен.

«...По отзывам соседей, Уиллик производил впечатление примерного семьянина. В последние несколько лет он нигде не работал, но денежных затруднений не

испытывал. Нам стало известно, что полиция арестовала его на основании анонимного звонка. Возможно, это был сообщник Уиллика, с которым они не поделили добычу...»

Алексей довольно усмехнулся и вскинул руку торжествующим жестом: «Есть!» Итак, враг повержен. Смешно — полиция думает, что он сообщник Уиллика, ну да ладно! Только он один знает всю правду.

Банка с пивом была забыта, а телевизор теперь работал как звуковой фон. Лицо Алексея сияло.

Что ж, теперь решительный удар, еще один шаг — и Вера вернется к нему. Или лучше дождаться, когда Люся сама придет к нему с низко склоненной головой и униженной просьбой на устах. Так он и сделает! Пусть пока она побарахтается в одиночестве, пусть поймет, какого замечательного человека променяла на престарелого уголовника. Не прошло и одного года их совместной жизни, как этот тип загремел в каталажку. Теперь-то она поймет, какой великий человек ее муж. И вернется к нему.

Сначала он помучает ее, но потом, возможно, простит. Сначала он будет высокомерно-холодным и гордым, но потом сжалится над ней. И разрешит ей вернуться. И все у них будет как прежде. Она станет наконец покорной и будет молиться на него, точно на домашнее божество, нуждающееся в жертвоприношениях.

И тогда, наконец, он станет полностью счастлив.

Долгожданный телефонный звонок раздался рано утром.

Это она! Его сердце забилося от радостных предчувствий. Точно тонко настроенный аппарат, он чуял ее горе за много миль.

— Ты можешь забрать Веру? — спросила она. Ее голос не выражал ни страха, ни мольбы, в нем звучала лишь одна бесконечная усталость.

— А что случилось?

Самое разумное, чтобы она не догадалась, что ему все известно.

— У меня трудности, — произнесла Люся как-то невыразительно.

— Ты знаешь, я сейчас не могу, у меня гостит одна женщина... — Он ждал от нее слез и мольбы. Но не дождался.

— Все ясно, — произнесла она и положила трубку.

Он застыл возле телефона в раздумье. Кажется, он своими руками чуть было не испортил свой триумф.

Ее телефон долго не отвечал.

— Я сейчас приеду за Верой, — безапелляционно произнес Алексей, стараясь, чтобы его голос не звучал так торжествующе. — Собери ее вещи.

— Хорошо. — Но в тоне, каким это было сказано, не слышалось ни капли благодарности. А то горе и та боль, что чувствовались в нем, не имели к Алексею ни малейшего отношения. — А как же твоя женщина?

— Я порвал с ней, — произнес он. И его слова прозвучали многозначительным намеком, который она не расслышала. Не захотела расслышать.

На Уиллика надели наручники, и охрана повезла его в следственный центр тюрьмы с поэтическим названием Сильверуотер, то есть «Серебряная вода». Эта тюрьма была оборудована по последнему слову техники, обладала максимальной степенью защиты и усиленной охраной. Даже на свободе не все из узников имели такие условия, которые им предоставлял Сильверуотер.

Инспектор Альдо Лорензутто праздновал победу. Во время допроса Уиллик чистосердечно признавался во всем. Он покорно признавался в ограблении банка в Миттагонге и еще одного, в Северном пригороде. Он признавался во всем, но только не в своей попытке убить полицейского — ведь в случае признания попытки даже стая самых отборных адвокатов не смогла бы помочь ему.

— Я стрелял в воздух! — улыбаясь своей голливудской улыбкой, вещал он корреспондентам, прорвавшимся через заградительный кордон к зданию полицейского участка. — Я не хотел никого убивать. Очевидно, пуля рикошетом отскочила от асфальта и попала в офицера, но я целился в воздух. Я сожалею, что все так произошло. Это не покушение на убийство, это несчастный случай. Сожалею, но я стрелял в воздух.

Очень скоро дотошные журналюги откопали адрес его бывшей жены и надели на нее. На экранах телевизоров все с той же неизменной рассудочной улыбкой и добрыми словами на устах появилась Глория. Через два месяца она вновь появится на экране, но уже по другому поводу.

«Мой бывший муж Джон прекрасный человек, — скажет она корреспондентам те же слова, что говорила и сейчас. — За всю свою жизнь он и мухи не обидел. Он добрый, эрудированный человек с большим чувством юмора. Я молюсь за него, как молилась за него всю свою жизнь. И я люблю его по-прежнему...»

Замутненный отчаянием взгляд Люси скользнул по экрану... Да, это Глория, это она... Это ее дом... Она держится уверенно. Ни одного дурного слова о муже, ни одного! От Алексея на ее месте трудно было бы ожидать такой корректности, такого всепрощения...

Люся вновь зарылась в подушку... У нее совершенно нет сил вставать, куда-то идти, что-то говорить. Как только она подымается с кровати, противно кружится голова. Ах да, ведь она с позавчерашнего дня ничего не ела. Надо же, уже прошло два дня! Два дня с того момента, как Джона арестовали. Уже два дня прошли без него. Странно, что она еще не умерла.

Люся сжала зубы, чтобы не расплакаться... Только не эти предательские слезы! Он, Алексей, только и ждет от нее этих слез, раскаяния, покорно склоненной головы. Она не доставит ему такого удовольствия! Ни за что!

И тогда она зарыдала без слез, без искривленного плачем рта, зарыдала невидимыми сухими слезами. Ей казалось, что ее сердце распадается на куски.

Сквозь мутную пелену горя до нее донесся громкий стук в дверь. Через несколько секунд испуганного ожидания он повторился.

Это журналисты, решила она. Или Алексей, пришел насладиться своим триумфом. Что ж, она не откроет дверь ни им, ни ему, чтобы ни им, ни ему не доставить удовольствия. Она лучше умрет в этой комнате, но не выйдет наружу, пока Джон не вернется к ней.

Стук повторился вновь, еще громче и требовательнее. Люся приподнялась на локте, прислушалась. Какие наглые, назойливые люди! Почему они не хотят ее оставить наедине с ее горем?

Она отогнула жалюзи — возле дома стоял старенький аккуратный автомобиль. Кто это мог быть? На крыльце дома напротив появилась любопытная физиономия соседа. Если стук будет продолжаться, он наверняка вызовет полицию. Только полиции ей сейчас не хватало!

— Кто это? — спросила она негромко. — Уходите, я не хочу никого видеть!

— Это я, Глория, — послышался из-за двери негромкий ласковый голос. — Я приехала за тобой, дорогая.

Не колеблясь Люся распахнула дверь...

Она стала жить у жены Джона. Почему это случилось, ей самой было неясно. Наверное, Глория поняла, что сидящая перед ней женщина с осунувшимся, постаревшим лет на десять лицом, в смятой одежде, со спутанными волосами находится в неменяемом состоянии. И что, если ее оставить одну, она погибнет...

— Одевайся! — строго и в то же время ласково произнесла Глория. — Поедешь со мной.

— Куда? — чужим голосом спросила Люся. — И зачем?

И тут же задохнулась от подступивших к горлу рыданий.

— Нет, я останусь... Вдруг его выпустят... Вдруг он вернется... Он же не виноват... — Она бессвязно бормотала, глотая слова и слезы.

— Ясно. Ну и как ты собираешься жить? Сколько у тебя наличных?

В кошельке болталось несколько мелких купюр.

— И все? — Глория вопросительно подняла брови. — Тогда собирай вещи. Где твой ребенок?

— Вера у отца, он забрал ее.

— Хорошо.

Подвижная фигурка Глории заметалась по дому, собирая вещи. Ее седая голова появлялась то на кухне, то в детской, то в кладовой.

Вскоре женщины погрузили вещи в багажник машины и тронулись в путь.

Люся попрощалась с домом. Это было место, где она была счастлива. Пусть недолго, пусть лишь несколько месяцев, омраченных треволнениями, но была счастлива единственный раз в жизни! Однако ее счастье оказалось замком, построенным на песке.

Почти месяц она жила в уютном доме Глории. Ходила в магазин за продуктами, помогала на кухне, убирала по дому. У Люси все валилось из рук, но едва только она останавливалась в задумчивости, как Глория тут же находила ей новое занятие. Они не говорили ни о Джоне, ни о прошлом, ни о будущем. И это было правильно — Глория старалась, чтобы Люся перестала пережевывать свое горе и наконец очнулась для жизни.

И это ей удалось.

Из разговоров с адвокатом Джона стало ясно: Уиллику грозит десять лет заключения, да и то только если присяжные поверят, что он действительно не хотел убивать офицера.

В ушах Люси звучала фраза, сказанная когда-то давно, еще во время их медового месяца на Восточном побережье: «Я не выдержу нового срока. Я немолод, и

тюрьма для меня будет означать одно — смерть». Днем, обуреваемая жаждой действия, Люся металась по дому, не зная, за что схватиться и что сделать, чтобы помочь Джону, а ночью в своей постели сжимала руки в безотчетной тоске. Что она может сделать, маленькая русская эмигрантка, оторванная от родной среды и заброшенная на край света, где все такое чужое и враждебное? Что она может?

Целыми днями она размышляла, читала, думала. Ее интересовало, какая обстановка окружает Уиллика в тюрьме, как он живет. Она прочитала несколько книг из Национальной библиотеки: об условиях содержания заключенных, воспоминания узников, газетные репортажи из тюрьмы — и вскоре знала внутренний распорядок тюрьмы не хуже, чем если бы сама провела несколько лет в заключении. Она знала планировку в особенности пяти наиболее охраняемых тюрем страны — Сильверуотер, Паркли, Литгоу, Гольбурн и Лонг-Бич. Она знала, как заключенные питаются, что им позволено и что им запрещено, как часто они могут встречаться с родными и близкими и насколько возможно их досрочное освобождение.

Но прочитанные статьи и книги не принесли ей желаемого удовлетворения. Ей хотелось узнать побольше о тюремном быте, ей хотелось увидеть все собственными глазами. Или хотя бы глазами режиссера.

Она направилась в магазин на Нейтрал-Бей и взяла напрокат там несколько кассет, в том числе «Спасение из Шоушенка», «Побег» 1975 года с Броснапом, «Если наступит завтра» по роману Сидни Шелдона и «Беглецы». Это были фильмы, изображавшие быт узников, их будни и праздники, побеги, их гибель во время побегов или их спасение.

По несколько раз она просмотрела кассеты и остановилась на одной из них, той, где Броснан бросается к застывшему на плоской крыше вертолету, чтобы умчаться из тюрьмы навсегда. Кинематографическая реальность была куда утешительнее жизненной. Она давала надежду, а жизнь лишь отбирала ее.

Добросердечная Глория относилась к ней точно к дочери и старалась внушить своей питомице уверенность в будущем:

— Послушай, Люси, ведь суд может посчитать, что Джон стрелял в полицейского без дурных намерений. И тогда срок ему уменьшат на треть. А потом еще и выпустят из тюрьмы за примерное поведение...

Но Люся лишь отрицательно качала головой в ответ на эти утешения. Если она еле-еле вытерпела месяц без него, то как ей выдержать несколько бесконечных лет.

— Я помогу тебе устроиться на работу, — пообещала Глория. — Один мой клиент, тоже бывший заключенный, открыл магазин. Ему требуются помощники продавцов. Ты, дорогая, могла бы попробовать...

Глория настолько привыкла помогать людям, что и сейчас, выйдя на пенсию, с удовольствием пыталась устраивать чужие судьбы. Она искренне хотела поддержать новую подругу своего бывшего мужа. Ей нравилась эта русская, похожая на девочку, — она искренне любила Джона и была готова для него на все.

Люся только смаргивала нечаянные слезы и качала головой. Нет, она не может ждать столько лет, работая помощницей продавца. Нет, она должна что-то предпринять...

И она знала даже, что именно.

Не сказав Глории ни слова, Люся отыскала в «Желтых страницах» адрес авиакурсов и направилась на аэродром.

— Пожалуйста, — ответили ей. — Шесть тысяч пятисот сорок долларов за полгода обучения, включая оплату медкомиссии. Потом вы покупаете летную лицензию и можете отправляться хоть на Южный полюс.

— Полгода? — изумилась Люся. — Так долго? А нет ли чего-нибудь покороче? Недели на две?

— Нет, мэм, у нас большие строгости с обучением. За две недели вы можете лишь освоить прыжки с парашютом. Хотите, я вас запишу?

— Нет, спасибо, — поблагодарила Люся и вышла из прохладного здания аэроклуба.

Она оглядела летное поле, огороженное серебристым забором. Там в расплавленном мареве горячего полдня виделись силуэты самолетов, готовых взмыть в небо, белые вертушки с прозрачными колпаками и печально просевшими лопастями винтов. Ей вспомнилось детство, жизнь в гарнизоне, поездки с отцом на вертолете. Как не похожи были те зеленые армейские монстры на изящные белокожие бабочки из стеклопластика, рассыпанные по полю, точно гигантские хлопья снега, принесенные ветром из близкой Антарктиды...

Вот бы взмыть в небо, улететь подальше отсюда, туда, где не бывает печалей и бед, где молочные реки текут в кисельных берегах, где люди счастливы и живут без оглядки на прошлое. Вот бы улететь туда вместе с Джоном...

Кучка глянцевого радужного проспекта высилась перед ней. «Полеты в красное сердце Австралии на надежных самолетах внутренних авиалиний предлагает вам авиакомпания «Истуэст». Нет, не то... «Полеты к островам Барьерного рифа на гидроплане, вылет из Кэрнса два раза в день, обзорная экскурсия по островам Лизард, Фицрой и Бедарра». И это ей не подходит... «Трансконтинентальный перелет из Сиднея в Перт и обратно всего за шестьсот долларов, детям до двенадцати лет скидка». «Полет над пустыней — настоящее приключение! С высоты птичьего полета вы увидите прекрасные, полные неброской и мужественной красоты ландшафты пустыни Симпсон, стада мигрирующих кенгуру и страусов эму». И это не то... Ага, вот это: «Полеты над Сиднеем. Обзорная экскурсия над городом. Путешествие на вертолете в Голубые горы. Поднимающиеся в голубой дымке, вызванной испарениями эвкалиптового масла, горы совершенно великолепны...»

— Дорогая, ты собралась в путешествие? — удивилась Глория, застав Люсю с ворохом глянцевого проспекта на коленях.

— Нет, Глория, я... — Люся неожиданно смутилась. Ей было стыдно врать доброй женщине, приютившей ее. — Это просто чтобы отвлечься. Здесь так красиво. Я вспоминаю места, где мы когда-то бывали с Джоном, и как будто вновь переживаю эти дни.

— Конечно, дорогая, я тебя понимаю, — улыбнулась Глория и ласково опустила руку на плечо Люси. — Но если ты не слишком занята, может, сможешь разобрать мне ящики со старьем на чердаке. Нужно отобрать вещи, сдать их в чистку и отправить в Армию спасения для раздачи нуждающимся. Кроме того, боюсь, что в один прекрасный момент чердак не выдержит и обрушится мне на голову.

— Конечно, Глория, буду рада тебе помочь, — улыбнулась Люся и смахнула проспекты с колен.

«Нечего затягивать... — размышляла она в то время, как они с Глорией ползали по чердаку в клубах многолетней пыли. — Нужно наконец на что-то решиться...» При переезде она нашла спрятанный Джоном в саду пистолет... Люся чихнула.

И на одном из этих самолетов, так красиво нарисованных в проспектах, они улетят в страну, где будут счастливы. Счастливы вдвоем. До конца жизни. Пока смерть не разлучит их.

Он позвонил ей из тюрьмы.

— Джон! — воскликнула она. — Джон... — И добавила осторожно: — Как ты?

— Лучше всех! — ответил он бодрым голосом. Она знала его слишком хорошо, чтобы поверить сказанному. В его словах ощущалась безысходная грусть и какая-то душевная тяжесть. — Мы еще встретимся, детка. — Он натужно улыбнулся в трубку.

— Конечно! — подтвердила она и добавила очень серьезно: — И очень скоро, скорее, чем ты думаешь.

— Ах да... На суде, — кивнул он.

— Нет. — В голосе Люсе послышалась улыбка. — Быстрее.

— Но свидания заключенных перед судом...

— Это не важно! — перебила она его. — Это совершенно не важно! Мы встретимся. И обещай мне вот что... Обещаешь?

— Все, что угодно.

— Нет, обещай мне только одно. Обещай, что как только ты увидишь меня, то побежишь мне навстречу. Из всех сил. Несмотря ни на что!

— Хорошо, детка! Побегу. — Он рассмеялся в трубку. — И обниму тебя так крепко, как будто в последний раз.

— Не надо! — Ее напряженный голос звучал строго — она знала, что их разговор обязательно прослушивается службой охраны тюрьмы. — Запомнил? Как только ты увидишь меня — беги.

Молчание в трубке говорило о том, что он наконец-то понял, что она настроена очень серьезно.

— Что ты задумала? — спросил он глухо.

— Не важно. Важно то, что мы скоро встретимся... Не много осталось ждать. А теперь расскажи, как ты живешь. Рассказывай все, до малейших подробностей. С самого утра, с самой первой минуты.

— Ну, в общем, так... — неуверенно начал он. — Подъем в шесть. Завтрак, туалет и все такое — до девяти. Потом свободное время. В одиннадцать — занятия на площадке для тенниса, прогулка.

— Где?

— Прогулка во внутреннем дворе, а площадка для тенниса...

— Я знаю, где находится площадка для тенниса, — оборвала она его. Времени было мало, и надо было договориться о самом главном.

— Откуда? — изумился он.

— Читала в газетах. Это не закрытая информация. Надеюсь, ты поддерживаешь форму именно занятиями теннисом?

Это звучало почти как приказ. По дыханию на другом конце провода стало ясно, что Уиллик задумался — он ни разу в жизни не играл в теннис.

— Ну, в общем... — нерешительно промямлил он.

— Занимайся каждый день! Слышишь, каждый! Это необходимо! — Ее голос звучал настойчиво. Слишком настойчиво, чтобы оставаться естественным.

— Ладно! — удивился он. — Договорились.

В это мгновение их разъединили.

Уиллик стоял с трубкой в руке, удивленно размышляя: что это она задумала?

Глава 4

Утро 25 марта 1999 года выдалось на славу — солнечное, ясное, прозрачное, как раз для вертолетных прогулок над городом. Пилот небольшого двухместного «Белл 47G» Тим Джойс находился в приподнятом настроении — когда светило солнце, его жизненный тонус был в норме.

Тиму Джойсу было сорок три года. Его лицо, подернутое легким загаром, выглядело не слишком мужественно, во всяком случае, не так, как у киногероя преклонных лет. Тем не менее его жизнь могла бы стать готовым сценарием для кино. Во всяком случае, из нее можно было бы состряпать пару десятков киношных биографий.

Пилот «Белл 47G» провел в воздухе чуть ли не большую часть своей жизни. По крайней мере, за последние двадцать с лишним лет он спускался на землю только затем, чтобы передохнуть в ожидании следующего взлета. В Бугенвилле Тим спасал из-под пуль раненых солдат, в Индии подбирал смытых морем во время тайфуна людей, последние несколько лет служил в службе охраны порта, разыскивая вышедших в море и потерпевших крушение яхтсменов. А теперь работал «воздушным извозчиком» — катал над городом на своей хвостатой стрекозе туристов, знакомя их с достопримечательностями, как обещала реклама, «с высоты птичьего полета».

Маршрут его был обычен: строящийся олимпийский комплекс, гавань, мост Харбор-Бридж, здание Оперы, исторический центр, виллы на берегу океана, потом не-

большой кружок над водной гладью — и назад, домой. Можно было вносить небольшие коррективы в маршрут по прихоти клиента. Обычно клиенты желали покружить над собственным домом или последовать вдогонку за яхтой своего приятеля, чтобы тот взревел от восторга, поняв, что в зависшей над морем стрекозе находится его лучший друг, старина Билл.

Однако та блондинка, которая наняла его вертолет нынешним утром, выглядела не слишком типично для туристки. Она нервничала, то и дело кидала быстрый взгляд на крошечные наручные часы. И что странно, она была абсолютно одна. Противоестественное желание для дамы — полетать в одиночестве над городом. Перед кем она тогда будет повизгивать от страха, кому будет кричать: «Смотри, смотри, а вон дом тети Мейбл!», кто ее будет фотографировать на фоне воздушной бездны?

Но блондинка, казалось, не собиралась фотографировать достопримечательности или восхищаться красотой Сиднея. Казалось, она слегка нервничала — ее рука немного дрожала, когда, на долю секунды опершись на руку летчика, она забралась в маленький стеклянный пузырь кабины.

— Вертолет надежный? — спросила она.

Пилот лишь улыбнулся ей в ответ. «Малютка Белл», как он любовно называл свою воздушную лошадку, еще ни разу его не подводила. А относительно странной туристки он решил: боится. Нервничает перед полетом, как и все женщины, даже самые храбрые.

Он окинул взглядом пассажирку, прежде чем захлопнуть стеклянный колпак: длинные волосы убраны под шляпу, майка, джинсы, солнцезащитные очки на поллица. Почему-то ее лицо кажется ему знакомым. Не эта ли особа вертелась на летном поле все предыдущие дни?

Вертолет легко взмыл в воздух и, обтекаемый прохладным осенним воздухом, плавно набрал высоту.

— Сначала к мосту Харбор-Бридж, — произнес Тим Джойс. — Там очень красивый вид, получают прекрасные снимки.

Блондинка пожала плечами. Весь полет она молчала, точно все происходящее ее мало интересовало. Она оживилась, только когда «малютка Белл» приблизилась к строящейся олимпийской деревне.

— Что там впереди? — неожиданно спросила пассажирка.

— Тюрьма, — ответил Тим.

— Можно подлететь поближе?

— Конечно!

Тим не удивился этой просьбе. Многие из туристов желали совершить круг почета над самым известным узилищем страны — из любопытства, чувства собственной безопасности или движимые желанием ощутить торжество закона.

— А пониже можно? — напряженно спросила блондинка.

— Нет.

— Тогда сделайте еще круг.

— Ладно.

Вертолет чуть накренился, заходя на второй круг.

— Ниже! Еще ниже! — слышалось из-за спины, и в затылок летчика ткнулось что-то твердое.

— Но...

— Ниже!

Тим повернул голову — на него в упор глядел вороненый ствол пистолета. Глаза пассажирки смотрели жестко и спокойно — так, точно она была готова стрелять. Но ведь это безумие — стрелять в пилота в воздухе...

— Это угон. Снижайтесь!

Рука Тима потянулась к тумблеру аварийного передатчика, специально предназначенного для таких случаев, но женщина нагнулась вперед и, не отводя от него пистолета, вырвала микрофон вместе с проводами. Индикация радиостанции потухла.

— Без глупостей. Снижайтесь. Надо забрать одного человека.

А внизу, на площадке для тенниса, несколько заключенных, задрав головы, наблюдали за маневрами бабочки в небе.

Летчик лихорадочно размышлял. Высота еще достаточно большая, можно бросить управление и попытаться вырвать пистолет из рук сумасшедшей. Но кто знает, чем закончится эта борьба... У него перед глазами всплыло родное лицо жены, в ушах прозвучал колокольный смех детей...

И он послушно начал снижение.

Воздушные вихри разогнали пыль по площадке, стрекоза застыла, коснувшись земли. Стекло колпак откинулся. Светловолосая женщина выглянула наружу. Волосы ее взметнулись от ветра, поднимаемого лопастями геликоптера.

Растерявшаяся охрана удивленно наблюдала за происходящим.

Вдруг один из заключенных несколькими прыжками преодолел асфальтовое поле, рванул к вертолету и запрыгнул в кабину.

И только когда стеклянный колпак захлопнулся за ним, один из охранников опомнился и, выхватив пистолет, выстрелил три раза подряд.

Из-за рева двигателей звука выстрелов не было слышно, лишь на стекле возле головы пилота морозной снежинкой расплылись трещины.

И в ту же секунду «малютка Белл» взмыла в бездонное кобальтовое небо над тюрьмой.

Вечерние выпуски новостей передавали лишь одну горячую новость:

«Первый в истории Австралии побег при помощи вертолета из тюрьмы! Из центра Сильверуотер бежал заключенный Джон Уиллик. Известно, что вертолет для прогулки был нанят на имя некой Шарлотты Бронте. Кто воспользовался именем знаменитой писательницы, неизвестно, но очевидно, что это была женщина...»

«Джон Уиллик, пятидесяти семи лет, находился в центре Сильверуотер по обвинению в вооруженном ог-

раблении банка и покушении на убийство офицера полиции. Он пребывал в тюрьме в ожидании суда. Его адвокат заявил, что ему ничего не было известно о готовящемся побеге».

«Вертолет, на котором спаслись беглецы, до сих пор не найден! Есть опасения, что пилота уже нет в живых. Преступники могли избавиться от свидетеля, поскольку он может указать полиции, в каком направлении они бежали. У полиции есть основания полагать, что похищение задумала и осуществила подруга Уиллика, русская иммигрантка Люси Лапко...»

Вцепившись пальцами в поручни кресла, Алексей прилип телевизору. Его расширенные глаза впились в изображение на экране.

Неужели Люся... Не может быть! Безумная, безумная дура! Идиотка!

Верочка спустилась в холл.

— Что они говорят, папа? — спросила она удивленно. — Опять про мистера Уиллика? Но ведь он в тюрьме?

— Уже нет! — вымолвил Алексей. — Уже нет...

Дикторша, немолодая женщина в очках и в строгом костюме, с микрофоном в руках увлеченно говорила:

«Люси Лапко иммигрировала в Австралию шесть лет назад вместе со своим супругом, русским ученым Алексеем Лапко. В течение последнего года она была подругой мистера Уиллика и, по версии полиции, помогала ему в ограблениях... Это была Надя Джамал, седьмой канал...»

— Что они говорят, папа? — воскликнула Вера. — Они говорят про маму?

— Да! — Бессмысленно скрывать от дочери происшедшее, когда все каналы телевизора говорят и показывают одно и то же. — Она похитила его на вертолете. Их ищут.

Эта новость означала для него только одно — она никогда не придет к нему с покорно склоненной головой. Никогда!

Глория тихо дремала перед экраном. Когда диктор назвал знакомую фамилию, она встрепенулась и удивленно раскрыла глаза.

Потом грустно покачала головой и вздохнула, услышав новости о побеге своего уже немолодого мужа:

— Бедная Люси, бедный Джон...

Она их простила сразу же и навсегда, как прощала всегда в течение всей своей жизни... У них свой путь, у нее — свой. И она не может осуждать их.

Почти сразу же после экстренного выпуска вечерних новостей раздался стук в дверь.

Глаза Глории ослепили яркие огни софитов. На пороге стояли люди с камерами и диктофонами. Бойкая женщина, та, которую только что показывали по телевизору, ткнула ей в рот микрофон:

— Миссис Уиллик, что вы думаете по поводу побега вашего мужа со своей русской подругой?

— Я буду молиться за него, — произнесла Глория и тут же поправилась: — За них обоих.

И она захлопнула дверь. Больше ей нечего было сказать прессе.

Вертолет, похожий на стеклянный пузырь с пропеллером, осторожно опустился на траву позади бара в парке Дейвидсона на окраине Сиднея.

Тим Джойс лихорадочно размышлял над тем, что ему делать. Выбить пистолет из рук мужчины? Но ведь остается еще женщина... А вдруг они его убьют? Он не хотел умирать так глупо и бездарно. Эта парочка, казалось, решила на крайности.

— Держи! — послышался за его спиной женский голос, в нем звучали восторг и ликование.

Тим осторожно скосил глаза: на колени мужчины упал кусок веревки. И с облегчением выдохнул: по-видимому, его не собираются убивать.

Стеклянный колпак открылся.

— Тебе лучше не шевелиться, приятель. — Мужчина первым выпрыгнул на траву. Его подруга последовала за ним.

— Руки выше! — крикнула она и ткнула Тиму пистолетом под ребра. Пилот послушно задрал локти: глупо сопротивляться, когда оружие опасно дергается в женских руках.

— Заткни ему глотку!

Скомканный платок забил рот до отказа. Затем мужчина обмотал его вокруг кресла веревками и завязал прочный узел.

— Простите за причиненное беспокойство, мистер, как вас там... Надеюсь, мы вас не очень обременили?

Джойс только бестолково замычал в ответ. Эта часть парка выглядит такой пустынной. Неизвестно, когда его найдут.

— Спасибо за помощь. Удачи! — В ту же секунду парочка скрылась в густых зеленых кустах. Лишь вспорхнула с ветки серая птичка, потревоженная шагами беглецов.

Пилота нашли только поздно вечером по наводке охранника, который, прослышав в известиях о похищенном вертолете, сообщил полиции, что видел приземляющийся на своей подведомственной территории геликоптер.

Физиономия Тима Джойса еще носила следы пережитого волнения. Целый день 26 марта она мелькала в новостях ТВ.

— Мистер Джойс! — наперебой просили его журналисты. — Расскажите подробнее о том, что вы пережили.

Да, теперь его будут узнавать на улице, теперь он станет знаменитостью в своем квартале. Однако как бы это не повредило его работе. Ведь пилоту еще предстоит разбор происшествия с членами комиссии, которые должны признать, правильно ли он вел себя во время инцидента.

Вопросы комментаторов сыпались как из рога изобилия.

— Мистер Джойс, что вы чувствовали, когда вас похитили?

— Мистер Джойс, вы считаете, они настроены решительно?

— Очень решительно! — заявил Тим. — Они не останутся ни перед чем. Они очень опасны.

— Безумная, ненормальная баба! — со злостью проговорил Алексей, глядя на экран. — Она собирается и дальше портить мне жизнь!

Сегодня на работе его вызвали к директору.

— Мы слышали о том, что случилось с вашей женой, — произнес патрон с наружным сочувствием.

— С бывшей женой, — уточнил Алексей.

А Нэнси Риган стояла возле него, и по лицу ее бродила высокомерная улыбка. И тогда Алексею впервые стало страшно.

— Нам будет неприятно, если вокруг вас поднимется шумиха и будет фигурировать название нашей фирмы, — произнес директор. — Постарайтесь этого избежать.

— Хорошо, — обещал Алексей.

Но у него не было уверенности, что ему удастся выполнить обещание...

— Безумная баба! Психованная истеричка! — с бесильной злостью повторил он и выключил телевизор.

И сразу услышал телефонный звонок.

— Мистер Лапко, вы согласны дать интервью по поводу вашей жены?

— Нет! — Он швырнул трубку так, что она печально звякнула о рычаг, и сжал руками виски.

Началось!

Глория укоризненно покачала головой, от начала до конца прослушав интервью с пилотом.

— Бедный, бедный Джон, — со вздохом произнесла она и погладила собачку Чили, свериувшуюся клубочком у ее ног. — Бедная, бедная девочка Люси! Господи, спаси их и благослови.

Она с трудом опустилась на колени и застыла в молитве. Она не слышала, как звонил телефон и как газетки рвались в двери.

Она молилась за беглецов.

Они сняли номер в мотеле на окраине города. Внизу, в холле, работал телевизор, в нем то и дело мелькали их физиономии.

Люся надвинула шляпу на глаза и старательно отвела взгляд в сторону, боясь, как бы ее не узнали. Но портье, даже не взглянув на постояльцев, подвинул регистрационную книгу и выдал ключ.

Лишь когда дверь номера закрылась за ними, отгородив от враждебного мира, беснующегося за стенами мотеля, Люся бросилась на шею Уиллику.

— Наконец-то! Наконец-то мы снова вместе! — прошептала она, с жадностью целуя его.

Он устало обнял ее, и они застыли посреди комнаты, точно неведомое существо о двух головах, о двух спинах.

— Зачем ты это сделала? — спросил он, и в его голосе сквозило удивление.

— Я не могу без тебя, — оправдываясь, произнесла она и заплакала беззвучно, чтобы не привлекать внимания соседа за фанерной перегородкой номера.

Уиллик достал из-за пояса пистолет и бросил его на кровать.

— Надо избавиться от этого, — деловито произнес он. — Не хочу тебя пугать, но с оружием обычно трудно удержаться, чтобы не отправить кого-нибудь на тот свет. Утром мы найдем машину и двинемся в сторону Квинсленда. Главное сейчас — убраться из Нового Южного Уэльса.

— А потом? — спросила она. — А что потом?

— Не знаю. — Джон пожал плечами. — Нужно залечь на дно и переждать, пока все утихнет. А потом попытаться на корабле выбраться в Индонезию или Новую

Зеландию, а затем отправиться дальше. Какую страну ты предпочитаешь?

— Мне все равно, — ответила Люся. — Главное, что мы вместе. Остальное — не важно...

Утром Уиллик раздобыл деньги, спрятанные после ограбления в надежном месте, арендовал неприметную старую машину, и в три часа пополудни парочка выехала на шоссе номер один.

Светило нежное осеннее солнце. Джон скупил всю пачку газет у уличного торговца, и Люся со смехом читала их вслух, за окном автомобиля мелькали придорожные виды. У них было много еды, машина была заправлена под завязку, чтобы не останавливаться на заправках.

Джон читал вслух.

— Послушай, как называют тебя эти писаки! — смеялся он. — «Летающая любовница»! «Воздушная Лапко»!

— Да, они зовут нас Бонни и Клайдом, — не без гордости произнесла Люся. — Кажется, наши имена отныне вписаны в анналы криминальной истории континента.

— Это точно! — улыбнулся Джон.

За полтора дня они легко преодолели тысячу километров до Брисбена и к вечеру прибыли в столицу штата Квинсленд.

Газетная шумиха постепенно пошла на убыль, полиция не устраивала тотальных облав — это давало надежду на то, что им удастся переждать шум в тихом месте.

Они сняли небольшую квартиру с видом на океан и проводили дни в праздности и лени. Ходили на пляж, загорали, занимались любовью в тихих бухтах, укрытых от нескромных взглядов скалами и буйной тропической растительностью.

Однажды, возвращаясь из магазина с пакетом, полным фруктов, Люся заметила на столе у консержки газету с мутными серо-черными портретами и яркой надписью поперек листа. Она не обратила бы внима-

ния на нее, если б консьержка, заметив направление ее взгляда, не прикрыла газету другим листом.

Со скоростью пули Люся взлетела наверх.

— Она нас узнала! — закричала она читавшему книгу Джону. — Нам надо удирать, она сообщит в полицию!

Джон вскочил с дивана.

— Ты точно знаешь? Откуда?

Они на скорую руку покидали вещи в сумку и выбросили ее через окно в сад, прямо на кусты цветущей гортензии. Потом под ручку спустились вниз и с беззаботным видом направились мимо консьержки будто бы на прогулку.

Консьержка проводила их внимательным взглядом, который буравчиками прожигал спину насквозь. Люся еле сдерживала себя, чтобы не побежать прочь.

Они завели машину, забрали вещи из кустов и тронулись из города.

— Куда мы едем? — спросила Люся, когда одноэтажные виллы пригорода сменились бурной растительностью и над дорогой запорхали испуганные автомобильным ревом попугаи. На ее коленях лежала разложенная автомобильная карта.

— Куда? — переспросил Джон. И не глядя ткнул куда-то в середину карты. — Вот сюда. Что это за местность?

— Это Барроу-Крик, где-то возле Алис-Спрингс.

— О, Алис-Спрингс, красное сердце Австралии! Обожаю эти места, — весело воскликнул Джон. — Говорят, там живут одни сумасшедшие, маньяки и миссионеры. Там-то мы и поселимся с тобой. Там нас никто не будет искать.

— Но это три тысячи километров!

— Дорогая, у нас полно времени! У нас впереди целая вечность. Когда ты увидишь на закате, как светящаяся кровью гора Эрз-Рок погружается в лиловые сумерки, обещаю, ты поймешь, зачем родилась на свет. Кроме того, скоро там начнутся верблюжьи бега, родео и ежегодный праздник пива. И еще: мы поедем кругом,

чтобы обогнуть пустыню. Кроме того, вспомни Гарри Редфорда, как он шел по пустыне две тысячи четыреста километров со стадом! Мы же поедем по дороге, ночевать будем в мотелях. По пути ферма моих приятелей, мы остановимся у них на отдых.

— Отлично! Значит, едем!

Пробираясь в глубь страны, дорога становилась все уже и все труднее. Еще в окрестностях Брисбена асфальтовый четырехполосный хайвей стал двухполосным, а через пару сотен километров и вовсе превратился в однополосную гравийную дорогу с широкими съездами по обочинам.

После того как горы Большого Водораздельного хребта стали пологими и превратились в равнину, ехать стало совсем трудно. Навстречу попадались только груженные мясом и шерстью пятидесятиметровые автопоезда с изогнутыми трубами на капоте — защитой от кенгуру и страусов эму, которые, перебегая дорогу, десятками гибли под колесами большегрузных автомобилей. Сбив животное, водители даже не останавливались, экономя драгоценное время: «кенгурятник» надежно защитит машину от повреждений, а кровь, забрызгавшую капот, можно легко смыть. По обочинам дороги виднелись окровавленные трупы кенгуру и эму, от которых осталась только куча перьев.

Это начался Аутбек.

Аутбек для австралийцев — суть страны. Это обширные пустынные равнины, покрытые редкими лесами и пожелтевшей от засухи травой. Расстояния между населенными пунктами здесь таковы, что врачи посещают больных на легких самолетах, дети учатся в школе по радио, а сбор скота осуществляется с вертолетов. Это страна погонщиков скота и стригалей, это деревня, где Джеки Хау установил рекорд по стрижке овец, это кафе, где Банджо Петерсон сочинил «Танцующую матильду», это места, где бродил герой Нед Келли, австралийский Робин Гуд. Города в Аутбеке — это несколько до-

мов под навесами на пыльной улице и сердце поселка — традиционный отель-бар. В этих местах можно снимать вестерн, не строя декораций.

В Аутбеке только два времени года: сухое и дождливое. Здесь резкие перепады температур, здесь закат сочится кровью, звезды висят низко над землей, а Млечный Путь задевает плечи своей опаловой полосой. Колючий кустарник скрывает камеденосные деревья, истекающие кровавым соком, а по бескрайним просторам скачут кенгуру, страусы эму, динго, змеи, валлаби, игуаны. Назойливая мошкара облепляет лицо, как маска.

Они ехали так долго, что время, казалось, перестало иметь смысл, потеряв и начало и конец. За машиной клубами подымалась красноватая пыль. Эта пыль проникла сквозь плотно закрытые стекла, мешала дышать, забивала ноздри, скрипела на зубах. Со встречными на узкой дороге разминуться было невозможно, и потому, чтобы разъехаться, приходилось съезжать на специально оборудованную широкую обочину. Ландшафт за окном стал скудным и печальным, до самого горизонта расстилалась холмистая степь, укрытая прозрачными рощами акаций, бурой травой и редкими кустиками солянок. Тяжелое синее небо, казавшееся непрозрачным, низко нависало над дорогой. Вдалеке поднимались иссушенные жарой казуарины, напоминающие ели; изредка развесистый эвкалипт с обгоревшим стволом высился, точно одинокий великан на распутье.

Несмотря на осеннее время, днем палящее солнце накаляло воздух до сорока градусов, а сразу же после заката температура падала до четырех, и зуб на зуб не попадал от холода. Города и заправки попадались все реже и имели заброшенный вид. Когда утром в мотеле Люся чистила зубы, то чувствовала привкус нефти от артезианской воды. В пабе в Уитоне на потолке виднелись следы от пуль — это овцеводы от скуки стреляли в комаров.

Щуря глаза на дорогу, Джон насвистывал знакомую мелодию: «Отправляюсь бродить, а куда — неизвестно, и только матильда со мной...»

У них уже давно не было воды, а несколько заправок, попавшихся на пути, оказались заколоченными.

— Вальс матильды, — неожиданно пробормотала Люся.

— Что? — удивился Джон, щуря глаза на дорогу, залитую солнцем.

— Бродяги-свагамены¹ называли свое скитание по пустыне «вальсом матильды». Вот так и мы с тобой... Так же вальсируем по стране, ожидая пули полицейского. Наша жизнь — вечное кружение по дорогам в ожидании смерти. Тебе не страшно, Джон? — прошептала она пересохшим ртом.

— Нет, дорогая, — улыбнулся он. — Это всего лишь жизнь. Главное, что «матильда со мной». Сдается, смерть не так страшна, как кажется. Тут неподалеку, в двухстах километрах, ферма моих друзей. Здесь никто не будет нас искать, — заверил Джон.

Ферма мистера и миссис Джейк представляла собой одноэтажное унылое здание с верандой, традиционной кружевной решеткой из железа, с баками для дождевой воды на сваях возле ветряка, лениво машущего широкими лопастями.

Их поселили в крошечной комнатке с видом на бескрайние красные просторы. Дни на ферме протекали спокойно и однообразно. Люся ездила на хозяйских лошадях, с восторгом коренной горожанки помогала хозяйке ухаживать за скотиной, романтически восхищаясь сельской жизнью. Джон читал или щелкал по каналам телевизора, стараясь узнать что-нибудь новое о том, как полиция ведет их поиски.

Вскоре, поблагодарив хозяев за гостеприимство и сославшись на срочные дела, беглецы вновь погрузились в машину.

— Я сыта по горло прелестями сельской жизни, — вздохнула Люся. — Я хочу куда-нибудь в город. Все равно в какой, только чтобы там был нормальный душ и

¹ С в а г а м е н ы (от слова swag) — бродяги, увязывающие свои пожитки в покрывало, или матильду.

меньше сорока градусов тепла. И чтобы там не было мошкары.

— Давай вернемся на юг, — предложил Джон. — Выбери: Сидней, Мельбурн, Аделаида?

— Аделаида, — решила Люся. — Там мы еще не были. Там нас не будут искать.

— Нет проблем! Оставим машину в Клонкарри и сядем на самолет.

И они опять тронулись в путь. И опять за ними рыжим облаком взвилась красноватая пыль.

Глава 5

Это случилось в Аделаиде.

— Полиция? Шериф Моуди? Это Джек Клифтон. — Портье мотеля, немолодой мужчина с лысиной до воротника рубашки, таинственно понизил голос, прикрыв рот ладонью. — Вы просили сообщать вам о подозрительных постояльцах. У нас остановилась парочка, я видел их по телевизору недели три назад. Я их узнал!

Из-за его спины сильная рука с размаху опустилась на рычаг телефона.

— Вот что, парень, ты много болтаешь! — Уиллик выглядел сурово. Его рука потянулась к карману таким жестом, точно он хотел достать пистолет.

— Не надо, мистер, — залепетал портье. Его лицо исказилось от страха. — У меня жена, пятеро детей... Миссис Браун, у меня пятеро детей! — обратился он к подруге постояльца, ее бледное осунувшееся лицо виднелось в дверном проеме, точно призрак.

— Оставь его, Джон, — устало произнесла она.

— Он разболтает о нас полиции. Мы и ста метров не проедем!

— Тогда возьмем его с собой.

— Ладно! Тебе повезло, парень, — усмехнулся тот, кто числился в регистрационной книге как мистер Браун. — Бесплатно прокатишься в Мельбурн.

— Но я не могу, мистер! — залепетал Джек Клифтон. — Мне нужно вернуться домой. Жена терпеть не может, когда я опаздываю...

— Где твоя машина? — перебил его «мистер Браун». — Мы арендуем ее у тебя на время. Люси, дорогая, будь добра, свяжи ему руки как можно туже. Я не хочу неожиданностей от нашего нового друга.

Пленнику связали руки за спиной и бросили на заднее сиденье старой дребезжащей развалины, некогда носившей гордое имя «мерседес».

— Я вас узнал, — промолвил портье в бессильной злобе. — Вы та самая парочка, которая удрала из тюрьмы на вертолете!

— Она самая, — подтвердил Джон.

— Я только хотел узнать в полиции, не вы ли это?

— Я так и понял, приятель! Поехали!

До Мельбурна еще оставалось чуть меньше тысячи километров, когда опустилась густая ночь, точно кто-то пролил чернила на землю.

— Надо остановиться на ночлег, — сказала Люся.

— Сворачивай к мотелю, там передохнем, — ответил ей Уиллик.

— А как же этот? — Люся кивнула подбородком на спящего на заднем сиденье Джека Клифтона.

— Возьмем его с собой.

— А может быть, выбросим здесь? Пока он развяжется, пока доплетется до полиции...

— Нет, опасно! — покачал головой Уиллик. — Здесь слишком мало дорог и слишком много полиции. Они легко нас найдут. В большом городе затеряться легче. Там мы сможем изменить внешность. Нас не должны узнать.

Они провели ночь втроем в одной комнате. Пленник спал на полу, а у Джона возле подушки лежал пистолет. Люсе всю ночь мерещилось, что над мотелем тарахтит вертолет, битком набитый полицией, — это гремели о железную крышу упругие струи ливня. Она спала

вполглаза и утром проснулась еще более уставшая и разбитая, чем легла.

До Мельбурна беглецы добрались к ночи.

Машина свернула в парк в пригороде и остановилась среди деревьев. Джон открыл дверцу и вытащил портье на землю. Шел проливной дождь, обувь скользила по грязи. Люся опустила горячий лоб на руль, у нее ломило виски, кружилась голова.

— Мой автомобиль! — воскликнул портье. — Как я доберусь домой?

— Обратишься в полицию. Тебя доставят за счет государства.

Машину нашли брошенной неподалеку от парка, а беглецы растворились в большом городе, точно кусок сахара в чае.

Инспектор Лорензутто, возглавлявший розыск беглецов, был олимпийски спокоен. Ему не давали покоя журналисты с вопросами, когда же, наконец, будут найдены новые Бонни и Клайд. — за время одиссеи этот журналистский штамп намертво прикрепился к беглой парочке.

Инспектор Лорензутто был спокоен как удав. Он понимал, что бессмысленно организовывать поиски беглецов по всей огромной стране. Гораздо разумнее ждать их в засаде. Они обязательно вернутся в Сидней, решил он. Обязательно вернутся! Почему? Да потому что любая мать всегда возвращается к своему ребенку. Инспектор делал ставку именно на это.

И поэтому телефоны Алексея Лапко, Глории Уиллик, Патрика Уиллика и Кетлин Робинсон прослушивались круглосуточно.

«Рано или поздно беглецы будут схвачены!» — уверенно заявил прессе Альдо Лорензутто.

Комната плыла вокруг нее, точно все предметы были сделаны изо льда и теперь плавилась от жары. Люсю трясло, ежедневный тлеющий внутри огонь окрасил

ее щеки болезненным румянцем. Таблетки приносили лишь временное облегчение, и через полчаса после приема ее начинало трясти с новой силой. Болезнь оказалась серьезнее, чем они думали поначалу.

— Я вызову врача, — сказал Джон. Ему больно было смотреть на сотрясаемую ознобом Люсю.

— Не надо, — прошептала она. — Он сообщит в полицию.

Но врач все же пришел. Он выписал рецепт на лекарство и рекомендовал больной покой и строгую диету. А выйдя из отеля, сразу же позвонил в полицию.

Когда полиция прибыла по названному им адресу, то не застала в комнате никого. О том, что беглецы там действительно были, свидетельствовали лишь упаковки с лекарствами. Уже под утро весть о болезни «воздушной Лапко» немедленно просочилась в газеты.

Утренние выпуски вышли с аршинными заголовками. Сенсация уже была на излете, интерес к беглецам медленно угасал, и пора было взбудоражить притихнувшее было общественное мнение. «Беглянка нуждается в лекарствах», «Кто спасет «воздушную Лапко»?» — спрашивали газеты. Болезнь Люси обсуждала вся страна, от Дарвина до Аделаиды, от Перта до Брисбена.

Частнопрактикующие врачи и работники госпиталей были предупреждены, что в случае появления пациентки с подобными приметами и с аналогичным заболеванием они должны немедленно сообщить в полицию.

Теперь Алексей со страхом разворачивал утренние газеты. Со страхом — потому что боялся увидеть там новую порцию рассказов о приключениях своей жены и ее приятеля. То их видели в Брисбене, то в Клонкарри, то они похитили портье в Аделаиде и, продержав сутки, выпустили в Мельбурне. И теперь вот эта болезнь...

— Чтоб ты сдохла! — промолвил Алексей, в бессильной ярости сжав кулаки. — Чтоб ты сдохла!

— Господи, прости и помилуй бедную девочку, — молилась Глория, покачивая седой головой, и неизменно добавляла: — И Джона тоже спаси, пожалуйста.

Инспектор Лорензутто с интересом прослушивал пленку.

Уставший женский голос, прорвавшись через потрескивания эфира, произнес:

— Здравствуй, это я...

— Мама, ты? Ты где? — удивился детский голосок.

— Я совсем недалеко от тебя. Мы скоро увидимся.

— Ты с ним?

Она не хотела обсуждать этот вопрос с ребенком. И потому перевела разговор на другое:

— Как твои дела?

— Нормально. Зачем ты это сделала, мама?

— Я не хочу говорить об этом. Расскажи про свои успехи в школе.

— Ты не должна была угонять этот вертолет! Это он тебя заставил?

— Нет, я сама решила... У тебя есть подруги в новой школе?

— Да, есть... Папа был прав, когда сказал, что он бандит.

— Он не бандит, он хороший человек. Мы скоро увидимся.

— Когда?

— Я тебе позвоню...

Альдо Лорензутто удовлетворенно потирал ладони. Значит, беглецы уже в Сиднее. Что ж, здесь, на своей территории, их будет легче поймать.

В тот же вечер были разосланы предупреждения всем хозяевам сиднейских мотелей и хостелов, и всем полицейским, дежурившим на улицах, и всем аптекам, и всем частнопрактикующим врачам, и всем больницам и госпиталям.

А потом инспектор Альдо Лорензутто принялся ждать результатов своей деятельности. Когда он пой-

мает эту парочку, его повысят в звании, и он сразу же продвинется вверх по служебной лестнице.

Что ж, ему оставалось ждать считанные часы.

Караван-парк на Басс-Хилл представлял собой окруженную деревьями асфальтированную площадку, заставленную множеством автофургонов на колесах. Домики-прицепы, каждый из которых имел небольшую кухню и душ, образовывали улицы и кварталы. В них жили люди, иные по целому году, иные лишь по нескольку дней, прежде чем отправиться в своем жилище в дальнюю дорогу. Подобный трейлер со всеми удобствами назывался «ван» или «моторхоум».

Менеджер Караван-парка Фил Тейлор изучал разосланное полицией предупреждение, в котором предписывалось всякому, кто узнает мужчину и женщину, изображенных на фотографиях, сообщить их местонахождение полиции, не предпринимая никаких мер для задержания. В послании особо отмечалось, что беглецы очень опасны.

Немного погодя стукнула дверь офиса, слышались неуверенные шаги. Менеджер поднял глаза. И обомлел — он сразу же узнал в посетителях людей из полицейской листовки, но не подал виду.

— Что угодно? — профессионально вежливо осведомился он.

— Мы хотели бы арендовать «ван». На месяц или два...

— Двухместный, четырехместный? Пожалуйста, сто двадцать восемь долларов. У вас наличные или кредитка? Вы уедете сейчас или останетесь на стоянке?

— Мы еще не решили, — отозвалась женщина, доставая из сумочки деньги.

— Тогда вот вам список филиалов нашей фирмы по всей стране. Вы можете оставить «ван» по любому из указанных здесь адресов. Пожалуйста, ваше имя.

— Браун, миссис Браун.

Кивнув, Фил Тейлор стал быстро заполнять регистрационную карточку. А потом выложил на стол ключи и любезно промолвил:

— Стоянка 43С.

Едва за посетителями закрылась дверь, он снял трубку телефона.

Инспектор Альдо Лорензутто как ошпаренный вылетел из кабинета. Полицейский автомобиль, сверкая проблесковыми маячками, нетерпеливо рычал мотором возле участка.

— Басс-Хилл, Караван-парк, — бросил инспектор полицейскому за рулем и тут же проговорил в переговорное устройство: — И еще три машины в Басс-Хилл. Чтобы ни одна муха не смогла ускользнуть!

На подъезде к Караван-парку они приглушили сирену, чтобы не вспугнуть беглецов.

Менеджер мотеля встретил их бледный, с перекошенным лицом.

— Они только что уехали! — испуганно пролепетал он.

— Марка автомобиля? Номер? Куда они направились?

— «Мицубиси-Сигма», вагон, голубой металлик, зарегистрирован в Новом Южном Уэльсе, номер VRP-299. Отправились в сторону Хьюм-шоссе. — Рука простиралась в расцвеченную фонарями темноту.

— Они не могли далеко уйти, — произнес инспектор. — Скорость у машины с прицепом невелика. Вперед!

Его глаза светились охотничьим азартом, а нос подрагивал, точно у гончего пса. Удача была так близка, так желанна!

Хьюм-шоссе кишело вооруженными автоматчиками в пуленепробиваемых жилетах из «Группы государственной защиты». Над лентой дороги неподвижно завис вертолет, один из прожекторов у него под брюхом освещал мчащиеся по шоссе автомобили.

— Понемногу снижайся, — бросил пилоту инспектор Лорензутто. — Я их вижу, вот они!

Внизу в крайнем левом ряду тащился небольшой фургон с тускло светящимися окнами.

— Перегородить дорогу на шестьдесят восьмой миле. Поджимайте их сзади. Они от нас не уйдут!

Арендованный автомобиль неторопливо наматывал на колеса первые километры дороги. Люся услышала знакомое пыхтение вертолета над головой.

— Это копы патрулируют дорогу, — высказал свою версию Джон.

Люся невольно нажала на газ, стремясь поскорей уйти от назойливого тревожного звука. Машина не слишком прибавила в скорости — мешал огромный прицеп-«ван» позади автомобиля.

— Не волнуйся! — В свете встречных машин Джон разглядел ее встревоженное лицо.

— Мне показалось, что менеджер парка слишком пристально смотрел на меня.

— Ерунда! Обжегшись на молоке, дуешь на воду. Может, ты ему просто понравилась?

Они проехали еще несколько миль в тягостном молчании. Тревожащий звук сверху затих — вертолет умчался вперед, его огни виднелись теперь далеко впереди. У Люси немного отлегло от сердца.

— Где мы заночуем? — спросила она. — Нам нужно перекрасить волосы. Надо это сделать сегодня же.

— Еще несколько миль — и будет стоянка. — Джон сверился с картой. — И там...

Внезапно из темноты впереди машины навстречу вынырнул вертолет. Он словно прыгнул на лобовое стекло, огромный, грохочущий. Позади завизжали сирены полицейских машин.

— Спокойно. — Джон достал пистолет и выложил его на колени. — Снизь скорость, может быть, они проедут мимо.

Машины с сине-красными огнями неумолимо приближались сзади. Вертолет завис прямо над головой, обдавая их светом и тревожными рокочущими звуками.

— Черт! — воскликнула Люся и нажала на тормоз.

Шоссе впереди оказалось перегороженным полицейскими автомобилями. В свете фар виднелись черные, точно вырезанные из картона силуэты людей. Сине-красные огни создавали впечатление адского карнавала.

— Что это?

Прокатившись несколько метров, машина остановилась.

— Это конец, дорогая. — Джон открыл окно и выбросил пистолет на проезжую часть. — Мы в капкане.

Они сидели в машине, одиноко застывшей посреди широкого шоссе. Впереди находились полицейские, и сзади полицейские. Над головой, тревожно грохоча, висел вертолет, его прожектор слепил глаза. В салоне стало светло, как днем.

— Ну вот и все. — Люся обреченно вздохнула и повернула к Джону смутно белевшее лицо. — Прощай, дорогой.

— Прощай, любимая, — произнес он, осторожно проводя ладонью по ее волосам.

— Вряд ли мы еще увидимся...

— Ну почему, на суде...

— Ах да, на суде...

Вертолет стал снижаться прямо на шоссе перед машиной. Вскоре из него выскочил человек с мегафоном в руках.

— Вы окружены! — разнесся по окрестностям громовой голос инспектора Альдо Лорензутто. — Выходите по одному с поднятыми руками.

Ветер от лопастей вертолета вздымал его волосы.

Джон открыл дверцу машины.

— Ну, я пошел, Люси, дорогая. — Он нагнулся и поцеловал ее на прощанье. — Пойду первым, не то они начнут нервничать.

Он вышел подняв руки. Его сразу же окружили кольцом полицейские.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Люся обессиленно уронила голову на руль.

Ей хотелось умереть. В голове было пусто, в сердце было пусто. Точно черная бездонная пропасть разверзлась перед нею, и надо было сделать только шаг...

Но, взяв себя в руки, она открыла дверцу и вышла на шоссе. Ветер, срывавшийся с лопастей вертолета, рвал платье. Волосы залепили лицо.

— Миссис Лапко, вы арестованы! — произнес человек с хищным профилем, его живые черные глаза сверкали адским отсветом полицейских огней.

Наручники с металлическим лязгом защелкнулись за спиной.

«Лучше бы нас застрелили при попытке к бегству», — мелькнула запоздалая мысль.

Пригибая голову, ее посадили в полицейскую машину. Она сидела на заднем сиденье и смотрела сквозь стекло на осенявший землю Южный Крест.

И улыбнулась сквозь слезы. Все-таки она была счастлива с ним. Совсем немного, но все же...

Контуры окружающего мира постепенно расплывались в темное пятно, точно опущенные под воду. Пятно двоилось, троилось, пока не исчезло из виду, оставив после себя светящуюся черную дыру в густом влажном воздухе.

Автомобиль сорвался с места и с ревом устремился к городу.

Так завершилась эпопея австралийских Бонни и Клайда.

Часть шестая

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Глава 1

— Ну как ты, ма?

— Все хорошо, Вера. Все хорошо.

— Мы с папочкой видели в кино, что там есть бассейн.

— Нет, бассейна нет... Но я не скучаю. У меня много книг, я могу писать письма, разговаривать с тобой. Со мной нормально обращаются.

— А телевизор у тебя есть?

— Нет, но он мне и не нужен.

— Как же без телевизора?

— У меня есть книги, я читаю. Занимаюсь в столярной мастерской, выпиливаю по дереву.

— Зачем?

— Просто так, чтобы отвлечься. Мне нравится запах дерева.

— Ну и там как в кино?

— А как в кино?

— Все грязное, мрачное?

— Нет, наоборот. Чисто, светло.

— Но все равно, в тюрьме плохо, нельзя никуда уйти, нельзя делать что захочешь, нельзя дружить с кем хочешь... Зачем ты это сделала, мама? Зачем?

— Давай поговорим о другом. Я не хочу об этом говорить.

— Ты не должна была угонять этот вертолет, ма!..

В самолете я просматривал выборку из австралийской прессы за последние полгода. Мне повезло — наша делегация летела в Новую Зеландию с посадкой в Сиднее. Там я надеялся отделиться от группы и слинять по своим делам. Меня не волновали глобальные политические новости — в конце концов, статью я могу написать и не присутствуя на саммите, так сказать по материалам.

Я знаю наизусть ту извилистую тропу успеха, которую предстоит пройти. Первый этап — статьи. Это будут серьезные исследования, где беспристрастным скальпелем опытного хирурга я вскрою тайники женской души. Потом смонтирую кадры, снятые в Москве и Сиднее, дополню все это архивными снимками и сделаю фильм. Телевидение оторвет его с обеими руками!

А потом мне предложат делать постоянную телепередачу. Она будет идти в выходные, в вечернее время, в прайм-тайм. Что такое постоянная телепередача, это и ежу понятно: спонсоры, деньги, дорогие костюмы, бесплатно предоставляемые бутиками для рекламы. И слава, наконец... Слава, я знаю точно, — это когда тебя узнают гаишники на улице и отпускают без уплаты штрафа.

И ключиком ко всему этому будет Люся Лапко, эта невысокая сорокалетняя женщина с лицом фарфоровой куклы и фигурой пионервожатой. Именно она станет первой ступенькой подъема к вершине...

Оторвавшись от сладких мыслей, я вновь погрузился в чтение. Все, что касалось побега, я представлял себе более-менее отчетливо. Оставалось еще несколько темных пятен, но их я надеялся разрешить с помощью самой Люси. Если, конечно, мне удастся с ней встретиться... Еще дома я позвонил адвокату Лапко в Сидней, и он заверил меня, что в этом нет ничего невозможного. Он подаст прошение о свидании, и решение по прибытии будет ждать меня на месте. И что он будет рад встретиться со мной в его конторе и поговорить по поводу оплаты гонорара. На гонорары я, надо сказать, не рассчитывал, денег у меня было не так уж много.

Но я чувствовал себя готовым к борьбе.

До Сильверуотера я доехал на такси. Сев в машину, я попросил отвезти меня в тюрьму. Таксист с интересом уставился на меня. Его заинтересовал мой ломаный английский язык и камера на плече.

— Франция? — с любопытством спросил он.

— Россия, — ответил я.

— О да, Париж, Россия... — расплылся он в белозубой улыбке. Для него это было примерно одно и то же. Что Франция, что Россия, все это — на краю света.

Из газет я знал, что Лапко после суда содержится в Сильверуотере, дожидаясь отправки в один из исправительных центров страны.

— Да, разрешение на свидание получено, — заявила мне женщина-полицейский в форме, подчеркивающей контуры тела. — Приходите в субботу.

Я с трудом осознал, что мне предложено явиться через два дня. Это меня не устраивало.

— Но я проездом в вашей стране, и мне необходимо свидание сегодня! — Я просительно уставился на полицейскую.

Но она ответила мне таким железобетонным взглядом, что я понял: сопротивление бесполезно. Ради какого-то журналиста из России никто не станет менять раз и навсегда заведенных порядков.

Пришлось все же отправиться на поклон к адвокату Люси.

— Вы ее русский родственник? — улыбнулся он.

— Ну-у... почти... У меня к ней письмо от родителей. И небольшая посылочка. — Я кивнул на пакет в оберточной бумаге. Что там, я не знал сам. Наверное, домашние плюшки от Лилии Андреевны. И конечно слезливое материнское письмо с упреками и причитаниями. Что ж, им есть в чем ее упрекнуть...

— Все, что я могу сделать для вас, — это один телефонный звонок в тюрьму. И свидание через два дня.

— Хорошо, — согласился я, — валяйте.

— Что? — удивленно переспросил он.

— О'кей, я согласен.

Этот тип ни черта не смыслил по-русски. Да и вообще здесь никто не смыслил ни в русском, ни в русских.

— Что вы хотите? — Ее голос в трубке звучал отчужденно. — Что вам нужно?

— Я только шесть часов как прилетел из Москвы.

— Ну и что?

— Хотел бы встретиться с вами.

— Зачем?

Я замялся.

— Ну-у, я журналист, пишу книгу. О вас.

— Обо мне? — Легкое удивление прозвучало на другом конце провода.

— Да, о вас. И я хотел бы поговорить по этому поводу.

— Но... мне это не нужно, — проговорила она мрачно. Потом задумалась, в трубке было слышно ее дыхание. А потом решительно добавила: -- Нет, я не хочу. Не нужно.

— У меня посылка от ваших родителей.

— Оставьте ее охране.

— Но я еще хотел передать вам кое-что на словах.

— Передавайте, я слушаю.

Запас аргументов был исчерпан.

— Почему вы не хотите со мной встретиться? — наконец спросил я после раздумий. Это был риторический вопрос.

— Зачем? — Мне показалось, что она даже пожала плечами.

— Я мог бы вам помочь.

— Каким образом? — заинтересовалась она.

Я замолчал.

— Каким хотите, — таков был мой ответ. — Я сделаю все, что вы попросите.

— Ладно, — сказала она, на секунду запоздав с ответом. — Я подумаю, что у вас попросить.

Она с каждым днем точно погружалась в толщу воды, на самое дно глубокого океана, жажда лишь одного — забвения. Она хотела забыть все, что было с ней, — и не могла, старалась освободиться от всего, что угнетало ее, — и не сумела. Ей хотелось стать глухой, немой, перестать осязать. Ей хотелось, чтобы ей сделали лоботомию, чтобы скальпелем вырезали тот кусок мозга, который отвечает за чувства, за мучительное чувство понимания того, что впереди — пустота. Но где тот хирург, который возьмется за операцию? Только один врач был в ее распоряжении — Время.

Только этот врач отделит ее от прошлого непроницаемой стальной пеленой, только он защитит ее от воспоминаний, от себя самой. Но сейчас, когда из окна своей клетки она смотрела на сияющее лазурное небо, по которому скользили редкие облака, ее мысли помимо воли возвращались к прошлому. И прошлое жгло ее так, точно в душу ей насыпали перца.

А тут еще этот журналист... У нее не так-то много посетителей в последнее время. Она не избалована вниманием оставшихся на свободе людей. Иногда к ней забегают Глория, приносит свой дежурный пирог. От этого пирога так веет чувством выполненного долга, что его невозможно взять в рот. Пару раз заходил адвокат. Не тот, которому они платили с Джоном, чтобы он представлял их в Семейном суде, а другой, бесплатный. И еще один раз навещали Алексей с Верой. Алексей сейчас весь в поисках работы, и у него нет времени возить Веру к ней на свидания. Но это и хорошо. Их появление точно кол в сердце. Лучше не надо.

После суда все о ней забыли. Все: и пресса, и телевидение. Это хорошо. Меньше шансов, что к ней станут приставать с дурацкими расспросами. А бывших соотечественников-репортеров у нее еще не было ни одного. И вот явился первый. С опозданием на полгода. Что ему нужно от нее? Наверное, то же, что и всем: «Что вы можете сказать, миссис Лапко, о вашей личной жизни? Вы собирались убивать пилота во время

захвата вертолета? Вы могли бы взять управление на себя, ведь ваш отец, как известно, был пилотом геликоптера? Это мистер Уиллик вас заставил сделать, не так ли?»

О Джоне же вообще лучше не вспоминать. Он — это большая открытая рана. Рана, которой не скоро суждено зарубцеваться.

Что бы попросить ей у него? Съездить на свидание в Лонг-Бич, поговорить с Джоном? А толку? Глория бывает там регулярно. И известия, которые она приносит ей, не внушают оптимизма. «У Джона не все в порядке со здоровьем, его железный организм начал сдавать... Джона беспокоят боли за грудиной. Врач его смотрел, но ничего не нашел». Господи, да какие в Лонг-Бич врачи, это ведь не курорт...

Неужели они больше никогда не увидятся? Ни после освобождения, никогда? Ведь ему почти шестьдесят. По австралийским меркам это не так много, но, учитывая его бурную жизнь, полную тревог и стрессов...

Господи! Неужели она никогда больше его не увидит? Люся порывисто сжала руки. Невозможно в это поверить. Нет, слишком мучительно думать об этом. Слишком...

Она опустила на корточки и выдвинула ящик из-под койки. Там лежало то, на что она потратила последние два месяца — игрушечный пистолет из дерева в натуральную величину. Сначала она записалась на занятия по столярному делу, не имея никакой определенной цели. В тюрьме было полно курсов, и заключенные неуклонно повышали свой образовательный уровень, благо свободного времени у них было навалом. Ей хотелось заняться чем-нибудь, что бы не напоминало ей ни о доме, ни о прошлой жизни, ни о Джоне. Вот она и выбрала столярное дело. Это было настолько дурацкое занятие, что лишь одна мысль о том, что ей предстоит сегодня идти в мастерскую, вызывала у нее столь редкую сейчас улыбку. Кроме того, где-то она читала, что кропотливый труд и запах дерева успокаивают и помогают забыться.

Модель пистолета она выбрала по одному из журналов с детективами. На иллюстрации был изображен «люгер». Именно он и послужил прототипом того неуклюжего чудовища, на которое она потратила столько часов кропотливого труда.

Она готовила его по частям, чтобы не натолкнуть охранников на определенные подозрения. Потом склеила отдельные части клеем и засунула «оружие» в дальний угол. Выстрелить из него было невозможно, но вот испугать... Деревянный монстр выглядел устрашающе.

Мозги Люси заработали в определенном направлении. Когда ее везли в больницу, вокруг нее охраны было не много, в основном врачи. Сквозь сгущавшуюся вокруг пелену она различала лишь мелькание белых халатов да короткие приказания, отдаваемые врачом: «Катетер в вену... Давление... Пульс...»

Потом она увидела из больничного окна кусочек свободы — улицу, залитую дождем, спешащие по ней машины, хмурых от своих забот людей. Она видела кусочек свободы, и этот кусок был так близок, что казалось, протяни руку — и дотянешься до него. Надо было только протянуть руку. Но у нее тогда не достало сил.

Она взяла со стола пачку листов — статью Джона. Его первую и единственную статью. Перечитала, хотя знала ее всю наизусть. Улыбнулась. Кажется, точно она вновь слышит его голос, видит сияющую улыбку, ощущает ласковый блеск его васильковых глаз.

Нет, она не ревновала его к Жаклин Хайес. Она однажды видела Жаклин по телевизору, у нее брали интервью, спрашивали об отношениях Джона с женщинами. Миссис Кьюзек к сорока годам из воздушной феи превратилась в обрюзгшую матрону, мать четверых детей. Через слово у нее «Господи помилуй», то и дело закатывает глаза к небесам — святоша! А вот она, Люся, и в сорок лет останется для Джона феей, его Пикси. И, точно настоящая волшебница, она еще раз освободит его из заточения.

И поможет ей в этом тот журналист, который так жаждет свидания с ней.

Глава 2

Тюрьма Лонг-Бич жила своей обычной упорядоченной жизнью.

Небольшой микроавтобус, дважды мигнув фарами у ворот, въехал в обнесенный сеткой просторный двор. Боковая дверь автомобиля отъехала в сторону, и на землю, задержав руку на кобуре пистолета, уверенно прыгнул высокий темноволосый мужчина. За ним последовали еще двое полицейских: такие же высокие, под два метра, такие же плечистые и так же решительно держались за кобуру. Затем из прохладного салона в расплавленное марево горячей брисбенской весны шагнул высокий мужчина с пронзительными глазами на светлом лице.

Новичок прыгнул на землю и довольно осклабился.

— А здесь я еще не сидел! — поведаль он с широкой улыбкой конвоирам, застывшим подле него каменными изваяниями, и нетерпеливо сделал шаг вперед.

Заключенные Лонг-Бич, лениво слонявшиеся по огороженному сеткой двору, с интересом прилипли к ограждению, обсуждая прибытие новичка. Полицейские двинулись к административному корпусу вместе со своим подопечным. В этот момент один из зевак внезапно заорал:

— Э, ребята, да я же узнал этого парня! Это же тот самый тип, которого показывали по телику! — восхищенно заголосил он. — Тот тип, который со своей бабой...

— Да не ори ты, — оборвал его массивный бритый мужчина с мясистым затылком и пудовыми кулаками, напоминавшими арбузы средней величины. — И без тебя знаем... Ба-а, кого я вижу, — расплылся в добросердечной улыбке бритоголовый. — Эге, Джон, добро пожаловать в Лонг-Бич! А мы тебя уж заждались!

Новичок обернулся на знакомый голос, и его физиономия расплылась в ответной ухмылке.

— А, это ты, Стив! Какими судьбами? Вот уж не ожидал! А ты-то здесь за что?

— За то же самое, что и раньше, Джон! — громко расхохотался Стив, радостно потрясая кулаками в воздухе.

Полицейский подтолкнул узника в спину, приказывая двигаться дальше.

— Извини, Стив! — махнул в воздухе руками, сцепленными наручниками, тот, кого звали Джоном. — Тороплюсь по делам! Начальник тюрьмы, наверное, уже соскучился, не терпится обнять меня!

Заключенные дружно расхохотались незатейливой шутке.

— Зашел бы вечером, Джон, — заорал вдогонку Стив. — Поболтаем!

— Обязательно, Стиви! Старым друзьям есть о чем вспомнить! — донеслось издалека, из-за сомкнувшихся спина к спине полицейских.

Начальник тюрьмы Лонг-Бич Хейфер принял новенького в своем кабинете. Это был сухощавый мужчина с требовательным взглядом острых глаз и узкими губами. Форменная одежда сидела на нем как влитая.

Начальник тюрьмы отлично знал повадки заключенных. Про него говорили, что он видит каждого буквально насквозь. Семья у него была, но тем не менее подчиненные уверяли, что он женат на тюрьме. Новый узник сулил начальнику в будущем очень много проблем. Ни его беззаботный улыбчивый вид, ни его расслабленная походка не могли обмануть опытного тюремщика. «Стоит только натянуть посильнее вожжи, и этот парень сразу же сорвется, наделав шума, — думал Хейфер. Его не смущало, что по документам этому «парню» уже давно перевалило за полтинник. — Знаю этих типов, они ярко горят, но быстро сгорают. И когда они горят, то дыма и грома от них бывает слишком много... В этом-то и проблема».

Не каждый вновь прибывший обитатель тюремного замка удостоивается чести быть принятым самим начальником тюрьмы. Однако новичка вызвали на аудиенцию с боссом сразу же по прибытии.

— Привет! — Плотная фигура, обтянутая потрепанными джинсами и выдавшей виды клетчатой рубашкой, возникла в дверном проеме.

Узкие губы Хейфера растянулись в улыбке, однако глаза оставались ледяными.

— А, мистер Уиллик! — произнес он, чуть заметно кивнув. — Проходите, мистер Уиллик. — Начальник тюрьмы широким жестом указал на стул. — Как вам нравится ваше жилье?

— Спасибо, вообще-то я неприхотлив в жилье и в еде, — усмехнулся Уиллик. — Но прихотлив в женщинах. Как тут у вас с этим делом?

Хейфер сделал вид, что не расслышал в словах новенького откровенной дерзости.

Составив свое мнение об узнике, он удовлетворенно откинулся на стуле. Этот человек — именно то, чего он ожидал. Что ж, значит, с ним будут проблемы. Хорошо, если не слишком много.

— К вашим услугам библиотека, гимнастический зал, магазин. Прейскурант с товарами, которые можно купить за наличные или по карточке, вы можете получить у охраны.

— А бассейн? — с преувеличенным вниманием осведомился Уиллик.

— Бассейна, к сожалению, нет. Но вам будет предложена работа в саду по выращиванию овощей или обслуживание на кухне. Деньги за нее будут перечисляться на карточку, по которой вы сможете купить в нашем магазине все, что вам угодно.

— К сожалению, возраст и состояние здоровья не позволяют мне трудиться, — тяжело вздохнул Уиллик, пряча улыбку. — Собственно говоря, я и прибыл-то к вам только потому, что врачи рекомендовали мне сменить климат. Сиднейские холода меня окончательно доконали...

— Не из-за желания ли сменить климат вы сбежали из тюрьмы Сильверуотер? — иронически осведомился Хейфер.

— Именно. — Полные губы Уиллика расплылись в широкой улыбке. Ему, очевидно, были приятны воспо-

минания о своем недавнем приключении. Кроме того, зыбкий отсвет славы тешил его самолюбие.

По открытому лицу, ясному взгляду и широкой, от души, улыбке любой решил бы, что Джон Уиллик типичный рубаха-парень, простак, балагур и вообще личность, не слишком обремененная интеллектом.

— Вот что, Уиллик, у нас здесь не Золотой берег¹. — Хейфер властно повысил голос. — Мы либеральничать не станем. У нас здесь карцеров больше, чем обычных камер, так что всегда отыщется уютная комнатка без света, воды и кондиционера.

С силой он вдавил кнопку на столе, давая понять, что разговор окончен. В дверях бесшумно появился охранник.

— Итак, мистер Уиллик. — Язвительная улыбка вновь раздвинула узкие губы Хейфера. — Будем надеяться, что мы с вами подружимся и ближайшие двадцать лет проведем вместе как добрые друзья.

— Блажен, кто верует, — с ехидной набожностью произнес узник уже в дверях. Тяжелая дверь с силой захлопнулась за ним.

«Черта с два ты удерешь отсюда, — с мрачным удовлетворением подумал Хейфер, подытоживая разговор. — Ты, дружок, останешься здесь навечно, уж я-то об этом позабочусь. Тебе не удастся выйти отсюда даже вперед ногами — ведь и тогда ты останешься лежать в тюремной земле!»

«Выйду отсюда хотя бы и вперед ногами, — в это время со злостью думал Уиллик, по узкому коридору направляясь к своей камере. Перед ним вышагивал длинный, как журавль, сержант. — Черта с два я останусь здесь!»

Его желание сбылось гораздо скорее, чем он думал.

В камере-клетке (одна из ее стен представляла собой решетку с мелким переплетением прутьев) тюрьмы Лонг-Бич сидели тесным кружком четверо узников.

¹ З о л о т о й б е р е г — знаменитый курорт в Квинсленде, неподалеку от Брисбена.

Трое из них были с белой кожей, европейскими чертами лица, а четвертый — с черной физиономией, обожженной горячим солнцем, с лоснящимися, как вороново крыло, волосами, чуть приплюснутым носом и небольшими темными глазами. Это был Джеффри Ньюманурра. Его отцом был сезонный рабочий, имевший английских предков из числа тех, что первыми прибыли на континент, а матью — аборигенка из племени питжан-тжат-джара, жившего в центральном районе страны и ныне почти вымершего. Он был осужден за незаконную продажу спиртных напитков жалкой кучке соотечественников, до сих пор обитавших среди обветренных багровых скал пустыни Симпсон на территории национального парка Улуру.

Засаленные карты, сделанные из подручных средств, со свистом разрезали воздух и, звучно шлепая, ложились на стол. Одобрительные или разочарованные возгласы, смотря по тому, кому в данный момент благоволило хрупкое карточное счастье, вспухали в вечернем жарком воздухе.

— Хожу с десятки!

— А мы ее валетиком, валетиком!..

В игре не принимал участия один только Джеффри. Он лениво возвышался на своей койке и развлекался тем, что бросал в угол остро заточенную спичку, одновременно ловя ее пальцами ноги. Он не любил карты, потому что у него не было денег на это развлечение.

— Ну ты даешь, Джон! Как это у тебя вышло! — слышался восхищенный возглас Исо Миуры, филиппинца, отбывающего срок за контрабанду.

— Могу показать еще раз! — раздался благодушный смехок Уиллика. В камере его считали за старшего, благодаря возрасту, криминальному стажу и известности.

Джон небрежно сдал карты, они веером легли на стол. Уиллик открыл свою сдачу — у него было четыре туза.

— С тобой играть — только карману вредить, — вздохнул Исо, восхищенно покачав головой. — Научишь?

— Конечно! — Уиллик дружелюбно усмехнулся, обнажив в улыбке крепкие белоснежные зубы. — В дни моей молодости этот фокус еще не был так известен, как сейчас. Меня научил этому один приятель, мы с ним вместе сидели в Гольбурне, его обвиняли в убийстве, а потом выпустили за недоказанностью. Этот приемчик помог мне однажды выудить четыре с половиной тысячи у одного скваттера, который желал прикупить лошадок для своей фермы. После нашей встречи ему пришлось добираться до дому пешком, так я его обчистил.

Джефффри Ньюманурра лениво выплюнул палочку, зажатую между зубов. Точно стрела, она полетела в угол, где ловкие черные пальцы ноги остановили ее полет в самой верхней точке траектории.

— За тот срок, что тебе припаяли, ты можешь неплохо заработать, играя на деньги, — вздохнул молодой парень лет двадцати, промышлявший выхватыванием сумочек у зазевавшихся дамочек-туристок в центре города.

— Кто тебе сказал, парень, что я собираюсь здесь задерживаться? — хмыкнул Уиллик. — Нет, ребята, жизнь в четырех стенах — это не по мне!

Гладко отполированная палочка настороженно застыла в желтых зубах Джефффри Ньюманурры.

— Неужели, Джон, надеешься, что твоя подружка снова вытащит тебя отсюда?

— Сам выберусь. — Уиллик выбрался из-за стола и прилег на свою кровать, закинув руки за голову. — Сколько я из тюрем бегал... Дай-ка сосчитать... Четыре раза, не меньше! Или пять... Это дело плевое, ребята, нужно только захотеть.

— А дальше что делать будешь, когда выберешься? — полюбопытствовал хронический похититель дамских сумочек.

— Эх, что делать, что делать... Жить буду! Мне в этой тюрьме до конца своих дней неохота гнить, — ухмыльнулся Уиллик. — Мне, может, пару лет осталось небо коптить, ведь шесть десятков скоро стукнет, так что, пока силенка есть, надо потряхнуть стариной.

Вечернюю настороженную тишину прорезал вой сирены — это был сигнал к отбою.

Джеффри Ньюманурра пожевал палочку губами и окончательно выплюнул ее: пора ложиться спать, через десять минут по коридору вдоль камер пройдет дежурный офицер и свет погаснет.

Заключенные зашевелились, готовясь ко сну. Как и было заведено, вскоре послышались шаги дежурного офицера, проверявшего порядок в камерах, и почти сразу же вслед за этим на веки навалилась непроглядная темень.

— Слышь, Уиллик! — слышался во мраке горячий шепот Исо Миуры. — Меня возьми с собой, когда отсюда рванешь. Я тоже хочу.

— Отвали! — Энергичный зевек был ему ответом. — Это, парень, игра для одного человека.

Когда заключенных выводили для ежедневной прогулки в прямоугольный, без малейшего признака тени двор тюрьмы, Джеффри Ньюманурра чуть замешкался возле дежурного офицера. Он шел последним.

Его темный взгляд блуждал по спинам заключенных, но лицо так выразительно скорчилось, что офицер осведомился:

— Что тебе, Ньюманурра?

— Мне нужно к начальнику, — проговорил Джеффри сдавленным голосом, не размыкая губ.

— Ну что, Ньюманурра? — спросил начальник тюрьмы Лонг-Бич, возвышаясь за столом, как грозное извятие. — Удалось что-нибудь узнать?

— Он не хотел говорить, мистер, но я раскрутил его. — Ньюманурра неторопливо растягивал слова. — Этот человек очень, очень опасен... Я сразу это понял, еще когда вы мне приказали наблюдать за ним...

— Ну что он, не тяни! — Хейфер повысил голос от нетерпения.

— Я все разузнал, начальник! Если только вы выполните свое обещание насчет досрочного освобождения, то...

— Я же сказал, мое слово — закон. — В голосе Хейфера слышалось крепнущее раздражение. Он терпеть не мог, когда у него что-либо клянчили. — Ну, говори, что тебе удалось разнюхать!

Джеффри покорно склонил свою черную курчавую голову и опустил веки, тщательно выдерживая паузу, — он хотел, чтобы его известие выглядело значительнее.

— Он готовит побег.

— Когда? С кем? Один?

— С Миурой.

— Когда?

— Пока не знаю.

— Как он собирается бежать? — Хейфер нетерпеливо приподнялся над столом.

— Мне пока не удалось узнать это. — Джеффри чуть заметно улыбнулся, давая понять, что дело обстоит не совсем так, как он говорит, что ему известно гораздо больше, чем он намерен сказать. — Ведь я еще не получил никаких гарантий...

— Каких гарантий? — взвился начальник тюрьмы. — Достаточно одного моего слова, чтобы ты уже завтра очутился на воле!

— Тогда я буду ждать вашего слова. — Джеффри покорно опустил ресницы. — И как только это слово прозвучит, вы сразу все узнаете.

Хейфер отвел взбешенный взгляд от глянцево-черной физиономии. Чем пронять этого наглеца? Карцер? Лишение прогулок? Все это мало подействует на него. Особенно если он действительно пронюхал что-то о готовящемся побеге. Волнение Хейфера разбивалось о железобетонное спокойствие аборигена.

— Ладно, иди... Я дам приказ оформить бумаги на твое досрочное освобождение. А ты держи меня в курсе.

— О'кей, — кивнул Джеффри и вышел из кабинета.

Через минуту черная курчавая голова уже смешалась с разношерстной толпой заключенных.

Джеффри был доволен состоявшимся разговором. Приманка уже брошена в воду, и рыбка доверчиво тычется носом, пробуя лакомый кусочек на вкус. Осталось

лишь нанести быстрый и ловкий удар остро заточенным копьем и...

Теперь перед Джеффри стояла одна задача — подбить Уиллика на побег.

Это произошло на прогулке. Был жаркий денек, слишком жаркий даже для Квинсленда. Где-то сорок градусов в тени, да еще влажность... Раскаленный воздух Аутбека, воздух пустыни, жаркий и сухой, оттеснил прохладное дыхание Тихого океана и завладел побережьем, прорвавшись через Большой Водораздельный хребет.

Заключенные играли в мяч, а Уиллик, как один из самых старших, был судьей.

Он носился по площадке, и крупная испарина выступила на его покрасневшем от жары лице.

Внезапно он остановился и, схватившись рукой за грудь, тихо отошел в сторону и осторожно опустился на траву.

— Что с тобой, Джон? — крикнули ему игроки. — Решил отдохнуть?

— Играйте без меня, ребята, — через силу вымолвил Уиллик и улыбнулся: — По-моему, у меня в груди завелась мышь...

Он привалился спиной к ограде и закрыл глаза, отдыхая.

Он не видел, что из окна тюремного корпуса, из своего кабинета, за ним пристально наблюдал начальник тюрьмы.

Хейфер раздумывал, скоро ли Уиллик решится бежать. В том, что это рано или поздно случится, он даже не сомневался.

Он слишком хорошо понимал этого человека. Почти так же хорошо, как и самого себя. А раз так — за ним нужно глядеть в оба.

Уиллика вызвали в кабинет, как вызывали сотни других заключенных: выслушать жалобы, пожелания, просьбы. Но к этому человеку начальник тюрьмы относился

совсем не так, как к другим заключенным. В каждом его слове, в каждом взгляде ему виделся подвох, направленный лично против себя, в каждом движении угадывалась попытка побега.

— Выкинь это из головы, Уиллик, — напрямую начал Хейфер. — Со мной у тебя это не пройдет!

— О чем это вы? — Небесно-ясные глаза заключенного удивленно округлились.

— Ты знаешь, о чем я... Твои замыслы обречены на провал. Твоя подружка теперь тоже под замком, и никто тебе не поможет.

— Моя подружка — матильда, — улыбнулся Уиллик, намекая на известную песню.

Хейфер невольно пожевал губами и ответил принужденной улыбкой.

— Давай заключим соглашение, Джон, — произнес он дружеским тоном. — Ты ведешь себя смирно, а за это я...

— Нам не о чем договариваться, — оборвал его узник. — Разве можно договориться с птицей, чтобы она искренне полюбила свою клетку? Как сказал Уолт Уитмен, даже та птица, что берет корм с руки, все равно помнит, что такое небо.

Он помолчал и добавил:

— А может быть, это не Уитмен сказал, а я сам...

Вскоре после решительного разговора Джеффри Ньюманурра вновь повстречался с Хейфером. Встрече этой предшествовал еще один подслушанный разговор.

— Как же ты собираешься улизнуть, Джон? — слышался приглушенный шепот на нижней полке.

Джеффри напряг слух. Это было именно то, что его интересовало. Именно то, что принесет свободу ему.

— Да как угодно, Исо! — Голос слева звучал чуть громче, перекрывая носовой свист четвертого сокамерника. — Лучше всего, конечно, драпать из больницы, там сплошные дыры.

— Возьмешь меня с собой, Джон?

— На черта ты мне сдался, Исо?

— Я помогу тебе бежать, помогу с деньгами. И ты мне поможешь.

— Ладно, я подумаю.

— Так как, Джон, а?

Собеседник помолчал, а потом нехотя разжал губы:

— Ладно, договоримся. В мои годы, знаешь ли, без помощника нелегко. Только учти, мое слово — закон.

— Идет!

Через минуту неугомонный шепот снизу возобновился:

— А когда рванем, Джон, а?

Звуки, доносящиеся слева, свидетельствовали, что человек усмехнулся.

— Через недельку, я думаю. Слыхал я, что Хейфер собирается по делам в столицу — самое время. Детали обговорим потом. И не здесь, ясно?

Голоса затихли. Джеффри удовлетворенно улыбнулся в темноту. Он повернулся на бок, закрыл глаза и через минуту уже спал. Ему снились родные скалы, небесная лазурь и красный песок. Он снова молод. Он богат, все его уважают. Ему снилась свобода.

Хейфер разложил перед Джеффри бумаги.

— Хоть завтра на волю, — произнес он, внимательно глядя в темное лицо заключенного. — Осталось только поставить мою подпись вот здесь, и можешь собирать манатки. Ты же знаешь, Джеффри, что нужно, чтобы я поставил свою подпись...

Джеффри Ньюманурра согласно кивнул и словно нехотя разжал губы цвета мореного дуба.

— Побегут двое, — неторопливо произнес он. — Уиллик и Миура. — И Джеффри театрально замолчал.

Хейфер нетерпеливо заерзал на стуле.

— И это все, что тебе удалось узнать? — не выдержал он.

Джеффри отрицательно качнул головой.

— Они побегут через неделю, когда вы уедете, — наконец выдал он очередную порцию информации.

Хейфер занес руку над листом бумаги и произнес:

— Ну, Ньюманурра, давай, говори, что еще удалось узнать... Ты видишь, я уже почти подписал твои бумаги.

Джефффри как замороженный следил за кончиком пера, который завис над листом.

— Они побегут через больницу, — выдал он наконец самое главное.

Хейфер поставил размашистую с завитушкой подпись и приподнял лист, чтобы Джефффри смог на него полюбоваться.

Затем аккуратно сложил бумагу и засунул ее в ящик стола.

— Сначала я должен убедиться, что ты меня не обманываешь, — сказал он. — Возобновим наш разговор после побега.

После ухода сексота Хейфер вызвал к себе начальника охраны.

— О всех жалобах на здоровье немедленно докладывать мне. Без меня ничего не решать. Усилить охрану. У меня есть достоверные сведения, что готовится побег.

Он был уверен в том, что побега не будет.

Вся тюрьма знала — начальник Хейфер вместе с женой и сыном уезжает в Канберру на какое-то важное совещание, посвященное модернизации охраны тюрем. Хейфер, старый служака, мог многое поведать по этому поводу, к его мнению прислушивались в правительстве.

Всю последнюю неделю он исподтишка наблюдал за подозрительной парой — Уилликом и Миурой. Те вели себя как обычно. Работали, занимались в спортзале, выглядели спокойными. Даже слишком.

Точно им нечего было скрывать.

Утром ясного солнечного дня заключенные и охрана могли наблюдать, как новенькая «тойота» Хейфера стартовала со стоянки перед зданием тюрьмы и выехала за

ворота. На заднем сиденье машины виднелись пышные локоны жены Хейфера и стриженная головка его сына.

Но ни в тот день, ни на следующий ничего не произошло. Хейфер торчал в мотеле неподалеку от тюрьмы и через каждые полчаса связывался по радиации со своим заместителем.

Все было тихо.

Лишь только ночью третьего дня тревожный ночной звонок разбудил начальника тюрьмы.

— У заключенного из четвертой камеры сердечный приступ, — поведал знакомый голос. — Врач сказал, есть угроза для жизни.

И Хейфер с замиранием сердца решил: вот оно, началось! Наконец-то настал волшебный миг, когда он сможет прижать к ногтю этого симпатягу Уиллика. Он на всю жизнь отобьет у него охоту бегать! Такого стреляного воробья, как он, Хейфер, на мякине не проведешь!

— Вызывать санитарный вертолет? — спросил начальник охраны.

— Нет, я буду через пятнадцать минут. Постарайся организовать все без шума. Больного в лазарет, Миуру отделить от других, поместить в отдельную камеру.

Через пятнадцать минут Хейфер уже въезжал в ворота тюрьмы.

Уиллика поместили в небольшом больничном боксе, где обычно содержались заключенные с легкими заболеваниями, не требующими стационарного лечения. Он выглядел плохо. Был бледен, грудь его вздымалась, слипшиеся от пота волосы прилипли к вискам. Голубые, все еще яркие глаза выглядели темными, почти черными.

— Ну что, Уиллик? — осведомился начальник тюрьмы. — Опять в Бонни и Клайда поиграть захотелось?

Заключенный молчал, страдальческим жестом прижимая руку к левой стороне груди. Возле него находился доктор.

— Давление повышенное, — поведал он начальнику. — Тоны сердца приглушенные. По всей видимости,

дело обстоит очень серьезно. Больной нуждается в госпитализации.

Хейфер лишь усмехнулся.

— Опять твоя коронная штучка с больницей? — спросил он, осклабясь. — А, Уиллик? Погулять захотелось?

— Мы уже вызвали по радиации санитарный вертолет, — произнес доктор.

Но Хейфер небрежно бросил в его сторону:

— Отменить вызов!

— Но как же... — Врач был удивлен.

— Вколите ему чего-нибудь успокоительного, чтобы у него все мысли о побеге вышибло, и отправьте в камеру. — Начальник выглядел веселым, почти счастливым. — Ему не удастся удрать.

Все же этому подлецу Уиллику не удалось его провести!

— Но дело обстоит очень серьезно, господин Хейфер. — Врач повысил голос. — Я не могу допустить, чтобы больной оставался без квалифицированной помощи!

— Ничего. — Начальник тюрьмы усмехнулся. — Здоровее будет. Чего ты наглотался, Уиллик, чтобы симулировать приступ, а? Худо тебе, да? Ничего, оклемаешься. В другой раз умнее будешь!

— Я напишу жалобу! — неожиданно взвился врач. — Существует непосредственная угроза жизни больного, и я вынужден...

— Пиши, — коротко ответил Хейфер. — А мы проверим, не заплатил ли тебе этот тип за твое решение...

И он вышел из камеры.

Утром этого же дня, когда рассвело, Джеффри Ньюманурра был уже на свободе.

Вечером того же дня заключенный Джон Реджинальд Уиллик, пятидесяти семи лет, умер в тюремном лазарете.

Два дня я времени не терял. Осматривать местные достопримечательности не хотелось. Простите, но я не понимаю, как можно испытывать благоговение, рас-

смаатривая памятники бунтовщикам и каторжникам, бежавшим от правосудия. Просто не понимаю, с чего это вдруг они попали в разряд национальных героев и почему этим головорезам ставят монументы и изображают их на деньгах. А насчет моста Харбор-Бридж и здания Оперы, так я все это видел, когда проезжал мимо на такси. Нет, тому, кто бывал в Питере и в Москве, Сидней кажется скорее исторической провинцией, а не культурно-историческим центром.

Поэтому я направился на встречу с Алексеем. Мы слегка общались по Интернету, и я считал себя вправе навестить своего старого, но пока заочного знакомого.

Бывший муж «воздушной Лапко» жил в какой-то дыре на самой окраине. По сравнению с его хоромами наши московские хрущевки сильно выигрывали. Мне трудно было скрыть разочарование.

— Что ты хочешь, — буркнул тот, заметив мой взгляд, в котором невольно читалось удивление. — Я столько времени был без работы... Еле удалось пристроиться. Оклад не ахти, да и работаю я пока меньше месяца. Не с чего еще снимать приличное жилье.

— Какие проблемы могут быть с твоей специальностью? — удивился я.

— Такие... — Ему неприятно было об этом говорить. — Все деньги грохнул на адвокатов. А потом все это и произошло. А у меня как раз второй контракт закончился. Ну ты сам понимаешь, фирме лишняя шумиха ни к чему, вот они и поопасались продлить контракт. Я несколько месяцев сидел без работы. И кроме того, у меня дочь на шее.

Он задумался, глядя куда-то сквозь стену.

— А все эта с-сука... Это она испортила мне все! Всю жизнь!

Он встал и прошелся к холодильнику, стоявшему тут же, в комнате. Достал из него две банки пива, протянул одну из них мне.

— Но ничего, — добавил он со злостью. — Я-то быстро выберусь из ямы, в которую попал. Скоро все забудут об этой истории. Уже забыли. Я-то выберусь на-

верх, у меня будет все: хороший дом, машина, красавица жена. А вот у нее не будет больше ничего! Ее дом — тюрьма. — И он разразился неприятным булькающим смехом. — Слава богу, она надежно заперта в этом бетонном ящике и не сможет удрать оттуда, чтобы напасть на меня. Теперь хотя бы спокойных десять лет жизни мне обеспечены. А там посмотрим...

Я собрался уходить.

— Посиди, — засуетился он. — Я так давно не говорил по-русски. Приятно, черт побери, встретить соотечественника. Говорю только с Верой и со священником в церкви. Ну и один раз с ней, когда ездил на свидание. Я не прочь там побывать. Приятно, знаешь ли, чувствовать себя в безопасности от нее. Это как в зоопарке. Когда ходишь возле клетки с тигром и знаешь, что тигр ничего тебе сделать не может. Очень возбуждает. Я бы у нее чаще бывал, но она не хочет. Ты куда? Посиди еще! Какие дела? Ну ладно, заходи, когда будешь в Сиднее. Пока!

Я увидел ее сразу. Первое впечатление — ничего особенного. Она сидела в кабинке, отгороженной тонкими перегородками, где заключенные общались с посетителями через пуленепробиваемое стекло. Внешне она не произвела на меня особого впечатления. Обыкновенная. Невысокого роста, с длинными волосами. Точно кутается в эти волосы, будто ей холодно. Большие глаза неопределенного желтоватого цвета. Нездоровый цвет лица, как у человека, который много времени проводит взаперти. Оно и понятно, тюрьма...

— Александр, — представился я. — А о вас я знаю так много, что скоро могу стать личным биографом.

Она чуть заметно улыбнулась.

— Что вы хотели мне передать?

— Посылку я сдал для досмотра, а на словах... Большой привет от ваших родителей. У них все нормально. Как у всех стариков — болезни, разговоры о маленькой пенсии и, конечно, воспоминания о вас.

— Да? — Мне показалось, что она слушала меня невнимательно.

— Да... Еще видел ваших подруг, Марину и Татьяну. Ее это тоже не слишком заинтересовало.

— Зачем вы приехали сюда? — спросила она напрямик.

— Собственно говоря, я направлялся в Новую Зеландию. Вот и заскочил по дороге... Думал, что удастся снять вас на камеру, но камеру отобрала охрана. Зато они оставили мне ручку и записную книжку. Так что я не остался без орудий труда.

— Что вы хотите узнать? — Она улыбнулась чуть заметной, кокетливой улыбкой. На мгновение показалось, что она играет со мной, точно с котенком. — Вы хотите услышать исповедь?

— Именно за этим я и ехал сюда...

Через часа два к нам приблизился охранник.

— Что? — непонимающе уставился я на него.

— Свидание заканчивается, — объяснила Люся. Она хорошо изучила тюремные порядки.

Я стал собираться.

— У вас есть номер телефона в отеле, где вы остановились? — быстро спросила она.

— Да, конечно...

— Я вам позвоню.

— Хорошо.

— А теперь настал психологический момент для последней просьбы осужденного. — Она вопросительно хихикнула.

— Все, что угодно, как и обещал.

— Нам нужно еще раз встретиться.

— Хорошо, но...

— Когда вы уезжаете?

Я пожал плечами:

— Еще не знаю. В общем, в любой день... Мне нужно только перерегистрировать билет на обратный рейс. Но я не тороплюсь.

— Вот и прекрасно. — Она заговорщически оглянулась. — Вы можете арендовать автомобиль? Как это сделать, вам подскажут в отеле. Я позвоню вам сама и назначу время. Купите карту города.

— Мы встретимся не здесь? — удивился я.

Она замялась.

— Вы должны будете захватить одного человека. Адрес я вам продиктую. Это недалеко отсюда, вы легко найдете этот район. Будете ждать в условленном месте. Этот человек к вам сам подойдет. Хорошо?

— Да, но... — Я был несколько удивлен.

— Вы обещали!

— Да.

Едва только я вошел в свой номер, раздался телефонный звонок.

— Парк-Лейн, двадцать пять. Завтра в четыре. Увидите большую эстакаду для автомобилей, но на нее не въезжайте. Сверните в боковой проезд перед корпусом и остановитесь возле больших мусорных баков.

— Хорошо, — сказал я озадаченно.

Она повесила трубку.

Узнав о смерти Уиллика, Хейфер был вне себя. Он чувствовал себя так, точно его надули. Его, старого служаку, повидавшего на своем веку множество самых отъявленных преступников, обвел вокруг пальца какой-то ломщик банков! Хейфер выглядел обескураженным.

Он вошел в холодильник, где в случае смерти заключенного обычно содержалось тело до прибытия санитарного вертолета.

Тело Уиллика, массивное и плотное, не изменилось и после смерти. Хейфер заглянул ему в лицо — чуть заметная улыбка кривила узкие холодные губы. Начальнику тюрьмы показалось, что труп смеется над ним.

Внезапная догадка молнией поразила его. Он не умер!

— Он не умер! — повторил свою мысль вслух Хейфер. — Он жив!

Тюремный врач с удивлением посмотрел на него. Он ничего не понимал.

— Да вы посмотрите на него, он смеется над нами! — неистовствовал Хейфер. — Ему кажется, что ему удалось надуть нас!

— Мистер Хейфер, несомненные признаки свидетельствуют о том, что...

— Нет, я читал о таких случаях... Нет! Он жив, я его знаю, он не может так просто умереть!

Между тем лишь начальник охраны был уверен, что Хейфер не спятил. Пару лет назад они обсуждали какой-то фильм, в котором показывался побег заключенных из тюрьмы под видом трупа. По прихоти сценариста беглецы наглотались какой-то дряни, чтобы имитировать смерть, а когда их вывезли за пределы тюрьмы, внезапно ожили и дали деру.

Нет, с Хейфером такие штучки не пройдут! Один раз Уиллик с подружкой уже провернули побег по голливудскому сценарию! Второй раз не выйдет.

— Температура тела — двадцать восемь градусов, развивается трупное окоченение, — объяснял врач. — Это несомненные признаки биологической смерти!

— Нет, он жив! — упрямо твердил Хейфер. — Отменить санитарный вертолет. Меня не проведешь!

— Ну хорошо, вот смотрите... — Врач склонился над телом. — Я покажу вам признак, по которому врачи определяют, жив ли человек. Нужно пальцами с двух сторон сжать глазное яблоко... Если конфигурация зрачка при этом не изменится, то человек жив...

— Она не изменилась! — довольно захохотал Хейфер, пока врач возился около тела. — Я же говорил вам!

— Но зрачок принял овальную форму, видите?

— Нет, он не изменился!

Только прибывшей медицинской комиссии удалось уговорить Хейфера отдать тело Уиллика для анатомической экспертизы.

— Только не вертолет, — наконец сдался он. — Любое средство передвижения, только не вертолет! Он уже однажды бежал на вертолете!

К вечеру среди заключенных пронесся слух, что начальник тюрьмы Хейфер спятил. Заключенные с мрачным удовлетворением обсуждали эту новость и сожалели о смерти Уиллика.

— Отличный был парень, — резюмировал рыжий Стив. — Любому сосунку сто очков вперед мог дать.

— И в карты здорово играл, — подтвердил Миура.

— Однажды он мне дал сотню, после того как грабнул банк, — вспомнил еще один безвестный сиделец. — Или это было еще до того, как он банками занялся? Не помню...

Такова была отходная Джону Реджинальду Уиллику.

— Это что же, если мы заболеем, нас тоже оставят подыхать без врача, как Уиллика? — слышался приглушенный ропот.

— Не, парни, так не пойдет! — сказал рыжий Стив и возмущенно стукнул железной миской о прутья клетки.

А начальник тюрьмы Хейфер, сцепив зубы, смотрел, как в вертолет грузят мешок с телом умершего. Все-таки Уиллику удалось провести его, улизнуть из-под самого носа...

Из мрачного здания тюрьмы донеслись шум и крики. Хейфер знал, что означают эти странные звуки. Заключенные били металлическими предметами по стальным прутьям клеток и при этом орали.

Он обернулся и увидел, что к нему с перекошенным лицом спешит начальник охраны.

— Мистер Хейфер, — на бегу прокричал он. — Они как будто взбесились! Требуют расследования смерти Уиллика!

— Бунт? — спросил Хейфер, предчувствуя ответ.

— Бунт!

Это слово означало стремительный конец его карьеры. За всю историю тюрьмы Лонг-Бич в двадцатом веке бунтов здесь не было ни разу.

— Вызывайте отряд специальной полиции!

А вертолет уже вспорхнул в пронзительно-лазурное небо, унося в своем брюхе тело его заклятого врага. Это был последний удар, нанесенный Уилликом своему недругу. Удар после смерти.

Другой человек, для которого бывший грабитель банков был так же дорог, как и для Хейфера, в это время изо всех сил спешил к нему...

Ночью Люся почти не спала. Еще вечером она достала свой пистолет. Он был уже выкрашен черной краской.

Она все рассчитала до мелочей. Загодя было заготовлено острое как бритва лезвие и намечено место на руке. Ей нужно много крови, ровно столько, чтобы охранники испугались, но ровно столько, чтобы не потерять сознание.

Она легла на кровать. Хорошо, что она одна в камере. Или плохо?..

Взяла в правую руку лезвие. Сжав зубы, полоснула себя по запястью. Только бы не закричать... Только бы вытерпеть боль...

Перед глазами все поплыло — и стены камеры, и полка с книгами, и стол, и загородка душевой в углу. Черные точки замелькали под веками, постепенно превращаясь в странные пятна. Было не больно. Красная жидкость беззвучно закапала на пол.

Так, хорошо... Она подставила ладонь и размазала несколько капель по лицу, чтобы было страшнее. И сразу же ее лицо превратилось в кровавую маску.

Только бы не закричать! Она переложила лезвие в левую, слабую руку и вновь деловито и спокойно нанесла удар. Черные дырочки перерезанных вен уставились на нее вопросительно, точно чьи-то глаза.

И тогда-то ей наконец стало страшно. И она закричала.

Я сделал все, как она просила, хотя не понимал, зачем это делаю. Машину нанял еще с вечера, это стоило немало, пятьдесят долларов. Сказал, что турист и хочу осмотреть пригороды Сиднея.

В машине уже лежала карта. Я развернул ее. Парк-Лейн, 25. На карте под этим номером значились какие-

то кубики, поверх которых красовалась надпись: «Госпиталь Святого Патрика».

Удивления я не испытал. Патрика так Патрика. Только как туда добраться?

Чертыхаясь оттого, что коробка передач находилась не справа, как в наших автомобилях, а слева, я кое-как тронулся с места. Немного покатался по улицам, чтобы привыкнуть к управлению. Машина все время норовила выскочить на правую сторону дороги, по которой неслись автомобили, — черт бы побрал это левостороннее движение! Невозможно ездить!

Потом потихоньку выехал на магистральную улицу и, не обращая внимания на гневные сигналы попутных автомобилей, двинулся по направлению к госпиталю Святого Патрика.

Интересно, кто должен подсесть ко мне в машину в четыре часа дня? Может быть... Нет, ума не приложу. Кто-то из знакомых Люси? Зачем? И при чем тут я?

Эстакада оказалась на месте. По ней, сверкая огнями, неслась желтая машина с крестом на борту, «скорая» по-нашему. Она подкатила к входу и лихо затормозила, на землю посыпались люди в спецодежде, а я осторожно съехал в боковой проезд. Неизвестной породы деревья внезапно разошлись в стороны, и я оказался на площадке, уставленной мусорными баками. Дальше дороги не было.

Я развернулся носом к выезду и заглушил мотор. Все же интересно, что за человек должен ко мне подсесть в этом странном месте...

Ее наскоро перевязали и погрузили в тюремную машину медслужбы с решетками на окнах. Двое охранников прыгнули в кузов, а медсестра села в изголовье. Несколько раз за дорогу она поднимала веки, проверяя реакцию зрачков, а ее холодные пальцы изредка касались кожи на шее возле сонной артерии.

Люся лежала с закрытыми глазами, ей не хотелось выдать себя слишком ясным и трезвым взором.

Только бы он сделал так, как она просила! Только бы не ошибся! Он сделает все как нужно, она уверена. Нечего волноваться. О дальнейшей судьбе этого человека она совсем не думала. Он был игрушкой в ее руках, соломинкой, за которую хватается утопающий, ее спасательным кругом.

«Скорую» чуть занесло на повороте, и все находящиеся в кузове люди накренились.

Если он ошибется, то ее сегодняшняя жертва окажется напрасной. Только бы он не ошибся!

«Скорая» взобралась на эстакаду и свернула к приемному отделению госпиталя.

Дверцы распахнулись, сильные руки подхватили носилки и в сопровождении охраны внесли их в здание.

Пришел врач, осмотрел ее. Сказал, что ничего страшного. Потом она почувствовала укол, запахло чем-то химическим.

Сквозь опущенные ресницы Люся наблюдала, как медсестра зашивает порезы. Пусть она делает свою работу, еще слишком рано...

Потом сестра закончила манипуляции, спросила, может ли больная двигаться.

— Могу, — ответила Люся и добавила: — Я хочу в туалет.

Ей предложили судно. Она отказалась.

Тогда ей помогли встать. Она направилась по коридору, не слишком уверенно ставя ноги. Охранники следовали за ней как приклеенные.

Она вошла в кабинку, освободила тугой узел волос на затылке. Достала из-под мышки макет пистолета, спрятала его в рукав. Она была холодна и спокойна. Громко спустила воду и вышла в холл.

Охранники лениво переговаривались за дверью.

Она знала выход на волю. Налево по коридору, потом вниз по лестнице на один пролет.

Свернув налево, Люся пошла, спотыкаясь, к выходу. — Мэм, вы идете не туда!

В ребро охранника ткнулось что-то черное и блестящее. Он испуганно выпрямился.

— Это побег, — предупредила Люся.

Она знала: главное — предупредить их, чтобы они были в курсе происходящего и не нервничали. Чтобы не было незапланированной стрельбы.

Второй охранник потянулся к кобуре, но его остановил грозный окрик:

— Буду стрелять!

Руки его неохотно поползли вверх.

— Вперед!

Слабость уже прошла, и Люся чувствовала себя взвинченной, как всегда в решительные минуты — и тогда, когда угоняла вертолет, и тогда, когда они грабили банк, и тогда, когда Джона пришли арестовывать.

Больные и врачи удивленно оглядывались на двух здоровенных парней с поднятыми руками и странную женщину с бинтами на запястьях.

В висках напряженно стучала кровь. А вот и дверь запасного хода, дверь на свободу.

— Направо!

Повинуясь, как малые дети, полицейские свернули вправо и очутились в подсобке. За их спинами беззвучно повернулся ключ в замке.

Все! Она свободна! Люся рванула вперед и, скатившись по лестнице, выбежала из здания.

Машина оказалась на месте. Она сразу поняла, что это он. В следующую секунду она уже сидела на переднем сиденье.

— Трогай! — Ее высокий голос почти срывался в визг. На нее смотрели удивленные глаза журналиста.

— Но я...

— Трогай!

Мотор взревел, и машина, неумело дергаясь, двинулась вперед.

Сзади слышались крики — это охранники, выломав дверь, начали преследование.

— Быстрее! — Но машина набирала скорость слишком медленно.

Первые выстрелы легли далеко впереди автомобиля, а следующие два откололи щепки от ствола раскидис-

того дерева справа. А потом прозвучал еще один выстрел, после которого водитель странно дернулся и ткнулся лбом в руль.

— Быстрее! — закричала Люся, с ужасом глядя, как изо рта человека, сидящего рядом с ней, показалась струйка крови.

Тогда ей все стало ясно. Перегнувшись через сиденье, она распахнула дверцу и вытолкнула тело из машины.

А потом перебралась на место водителя и нажала на газ. Автомобиль послушно рванулся вперед.

«Ничего, это ничего, — думала она. — Это не страшно, милый! Мы с тобой скоро встретимся. Мы обязательно встретимся!»

Выстрелы за спиной стихли, и здание больницы осталось далеко позади.

«Я еду к тебе, милый, — шептала она на ходу. — Я тебя спасу. Еще раз... последний!»

Она не понимала, что это безумие. Им не суждено встретиться еще раз.

В бардачке она нашла документы журналиста и немного денег в бумажнике. Она выгребла все подчистую, бросила машину возле обочины и медленно пошла прочь. Прохожие косились на ее забинтованные на запястьях руки, перекошенное лицо, фигуру в нелепой больничной одежде.

Ей нужно переодеться...

— Последние известия! — кричал продавец газет на улице.

Она вошла в какой-то магазин, купила шорты и футболку — продавец удивленно скосил глаза в ее сторону, но не сказал ни слова. Переоделась тут же в кабинке.

— Последние известия! Конец знаменитого грабителя банков! — не унимался торговец, рекламируя свой товар.

Потом она зашла в соседний магазин. Еще раз купила комплект одежды, переоделась — чтобы преследова-

тели скорее потеряли ее след. Она действовала спокойно и четко, точно в голове работал автомат.

Старые вещи выбросила в мусорный бак. Потом зашла в парикмахерскую и состригла свои роскошные волосы — особые приметы ей не нужны.

— Конец современного Клайда! — Торговец изощрялся в выражениях. — Бунт в тюрьме Лонг-Бич!

Менеджер заштатного мотеля в плохом районе не поинтересовался ни ее документами, ни именем.

— Я запишу вас под именем миссис Смит, — предложил он.

Она молча кивнула.

«Я скоро приеду к тебе, дорогой, уже очень скоро...»

Назойливый крик торговца газетами лез в уши, мешал сосредоточиться.

— С вас пятьдесят долларов задатка, вы без багажа.

Она бросила на стойку смятую бумажку.

— Спешите прочесть свежий выпуск! Конец самого известного грабителя в истории страны! Начальник тюрьмы Лонг-Бич обвиняется в превышении полномочий!

Люся поморщилась.

— Мне свежую газету, — попросила она.

— Вам принесут ее в номер.

Она поднялась на второй этаж, с трудом сгибая ноги.

Первым делом она отправилась в душ. Вымыла бесплатным шампунем голову — непривычно короткие волосы противно щекотали кожу шеи. Ей что-то это все напоминало. Точно все это происходило с ней когда-то давным-давно...

Когда она вышла из душа, газета уже лежала на кровати.

Она развернула лист. Ей бросилась в глаза фотография смеющегося Джона на первой странице. Надпись под снимком гласила: «Смерть Джона Уиллика, самого известного грабителя банков в современной истории Австралии. Уиллик погиб не от пули, а от сердечного приступа. В его гибели обвиняют начальника тюрьмы, который не принял мер для оказания медицинской помощи. Заключенные Лонг-Бич подняли мятеж».

Ее слабые пальцы обессиленно разжались, и газета белым листком упала на пол.

Так, значит, все это было напрасно... Значит, ее жертва была принесена слишком поздно...

Она сидела на постели, раскачиваясь, как от сильного горя. В висках пульсировали слова: поздно, слишком поздно!

Непослушные негнущиеся пальцы принялись размазывать бинты на руках.

Горничная будет недовольна, увидев испачканную простыню. Сегодня ей предстоит много уборки...

Бинт ровными петлями ложился на постель.

«Я иду к тебе, дорогой, я иду, — промолвила она. — Я спешу к тебе...»

«В богатстве и бедности, в славе и бесславье... Пока смерть не разлучит нас».

И из темноты, нахлынувшей на нее спасительным мраком, ей навстречу шел улыбающийся Джон. Она хотела сделать шаг ему навстречу...

Заходящее солнце плавало возле горизонта, точно косточка от вишни в стакане компота. Алексей шагал по улице. Он был одет в потрепанный костюм, его костистые кулаки сжимались, стекла очков блестели.

А все эта дрянь, эта сука! Все она! Сбежала из больницы, подставила под пули этого недотепу Карташова, журналиста. Кой черт его занесло на край света... И опять ее имя, то есть его имя в заголовках газет. И он опять лишился работы!

Он шел, покачиваясь от душевного напряжения, все его силы, душевные и телесные, были уже на исходе. Нет, если бы он мог, он убил бы ее собственными руками! Сдавил бы ее шею так, чтобы у нее пошла горлом пена! С-сука!

Теперь дорога в приличную фирму ему заказана. Пока не уляжется шумиха, ему нечего искать работу! Опять его донимают насчет интервью телевизионщики, опять от его визитной карточки шарахаются работодатели!

В глаза бросилась сияющая поддельным золотом вывеска бара «Золотая устрица». И рядом на стекле — крупное объявление, выведенное корявыми буквами: «Требуется на работу помощник».

Может, попробовать? Хоть на время устроиться в бар. По крайней мере, бесплатная выпивка ему будет обеспечена.

Хозяин бара натирал до блеска стаканы за стойкой.

— Да, мне нужен работник. — Он окинул посетителя оценивающим взглядом. — Видно, у тебя проблемы, приятель?

Алексей, вместо ответа, протянул ему визитную карточку.

— Мне нужна эта работа. — Он смотрел на него умоляющим взглядом.

Хозяин, хмурясь, вглядывался в резные буквы визитки.

— Ну, знаешь. — Он заколебался. Но вдруг встрепенулся и спросил: — Послушай, а ты не тот самый парень, который...

Алексей молча кивнул:

— Он самый.

Хозяин нахмурился, что-то прикинул в уме, а потом просиял.

— Можешь приступать к работе прямо сейчас. Об оплате договоримся.

Через десять минут Алексей уже обслуживал первых посетителей. Что ж, удача небольшая, зато теперь им с Верой есть на что жить. А все это она, эта с-сука... Ей-то что, сидит сейчас в своей камере на всем готовом, а он...

А хозяин в это время выводил новую рекламную надпись для привлечения посетителей: «Здесь работает муж знаменитой «воздушной Лапко»! Заходите!»

И потом, подумав, приписал маленькими буквами внизу: «Очень низкие цены».

Литературно-художественное издание

Светлана Успенская

ЛИНИЯ ЖИЗНИ — ЛИНИЯ СМЕРТИ

Роман

Редактор *М.С. Сергеева*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.09.2004.
Формат 84×108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 21,74.

Тираж 5 000 экз. Заказ № 1678.

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109

Фирменные магазины издательства «Центрполиграф» в Москве и Ростове-на-Дону

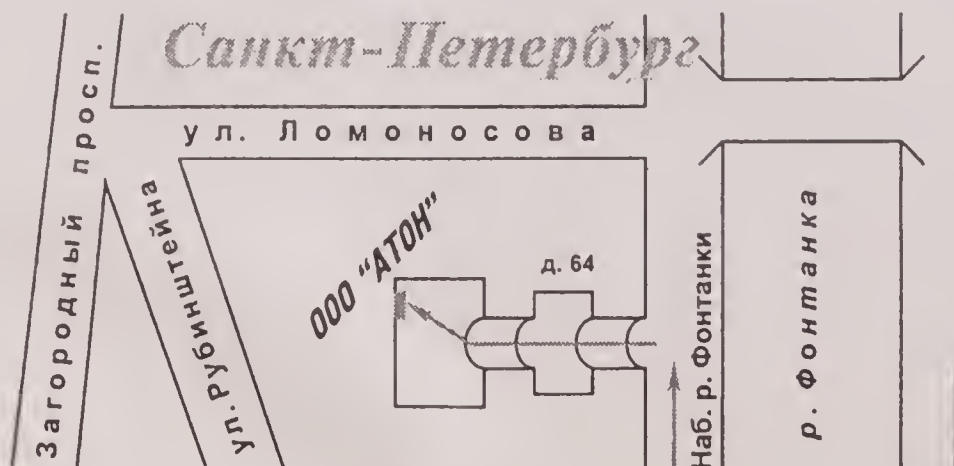

Москва — ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: 684-49-89, мелкооптовый отдел — тел. 684-49-68; пн—пт — 10.00—19.00, сб — 10.00—17.00, курьерская доставка книг по Москве.

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2 (мелкооптовый отдел), тел.: (8632) 38-38-02; пн—пт — 9.00—18.00.

Официальный дистрибьютор издательства ООО "АТОН". Санкт-Петербург, набережная р. Фонтанки, д. 64, пом. 7-н, тел. для справок: (812) 162-52-80, (812) 162-52-81. Пн—пт — 9.00—18.30; сб, вскр — выходной. E-mail: aton@ppp.delfa.net

WITHDRAWN

No longer the property of the
Boston Public Library.

Sale of this material benefited the Library

Boston Public Library

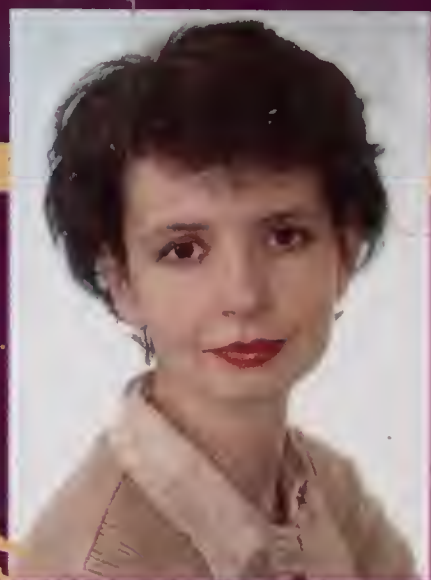
3 9999 05391 0236

СВЕТЛАНА

КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

УСПЕНСКАЯ

ЛИНИЯ ЖИЗНИ – ЛИНИЯ СМЕРТИ

Светлана Успенская окончила МАИ и Литературный институт им. А.М. Горького. Изысканные детективы этой талантливой писательницы стали настоящим подарком ценителям жанра. Уверенное перо Успенской творит новую реальность. Ее героям приходится нелегко: судьба то опускает их низко, то возносит к вершинам. Игры жестокого мира испытывают на прочность их чувства, характер и веру в себя.

Они должны были встретиться. Русская женщина Люся, брошенная мужем на произвол судьбы в чужой Австралии, и профессиональный грабитель Джон Уиллик, проматывающий деньги на бегах. Он предложил ей ограбить банк. Она согласилась. Теперь ее жизнь состоит из грабежей, бесконечного бегства и даже убийств. Но скоро Джон окажется в тюрьме, и Люся пойдет на все, чтобы вытащить его оттуда...

ISBN 5-9524-1268-8

9 785952 412682

ЦЕНТРОЛИГРАФ